

Управление культуры Брянской области

Брянская областная научная универсальная библиотека

им. Ф. И. Тютчева

III ТИХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы краеведческой
научно-практической конференции**

26 ноября 2008 г.

**Брянск
2012**

ББК 63.3(2Рос-4Бря)
Т46

Редакционная коллегия:

Г.И. Кукатова – ответственный за выпуск

В.П. Алексеев

В.Г. Деханов

О.П. Ковалева

В.Е. Щедрова – компьютерная верстка

Тихановские чтения (3; 2008; Брянск).

Т46 III-ьи Тихановские чтения : Матер. науч.-практ. конф. : 26
ноября 2008 г. / Брянск. обл. науч. универс. б-ка им. Ф.И.
Тютчева. – Брянск, 2012. - 463 с.: ил.

ББК 63.3(2Рос-4Бря)

Доклады воспроизводятся с полным сохранением содержания,
предоставленного авторами текста.

ISBN

© Брянская областная научная универсальная библиотека им. Ф.И.
Тютчева, 2012

III ТИХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Брянск
2012**

Пленарное заседание

В.В. Крашенинников,
*кандидат исторических наук, доцент,
Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского*

Н.В. Гоголь и Брянский край

В марте 2009 года исполнится 200 лет со дня рождения Николая Васильевича Гоголя, украинца по национальности, ставшего великим русским писателем. Казалось бы, предстоящий юбилей дает благоприятные возможности лишний раз напомнить о многих политических, экономических и культурных связях между Россией и Украиной, между двумя братскими славянскими народами. Но господину Ющенко и другим националистически и антирусски настроенным политикам на Украине нужно совершенно другое. Поэтому произведения Н.В. Гоголя (а все они написаны только на русском языке) срочно переводятся на «украинскую мову», а слова «Россия», «русский» заменяются в них на «Украина», «украинский», т.е. совершается явное надругательство над авторским текстом великого писателя.

Тем самым споры о Н.В. Гоголе, которые были и при его жизни, и после смерти и касались преимущественно личности писателя, его творческого наследия и особенно его духовно-религиозных исканий в последние годы жизни, кое-кто пытается перенести в сферу грязного политиканства, и участие в таких спорах бессмысленно.

Попробуем же спокойно и по возможности объективно рассмотреть такую малоизученную тему, как «Н.В. Гоголь и Брянский край». В ней есть, по крайней мере, два

основных аспекта: пребывание Н.В. Гоголя на Брянщине и его отношения с людьми, напрямую связанными с Брянским краем.

Поскольку Н.В. Гоголь родился в с. Васильевке Полтавской губернии, где проживали родители, а после окончания Нежинского лицея («гимназии высших наук») длительное время был связан с Петербургом и Москвой, то в своих поездках на родину и обратно он не мог миновать Брянщины.

Первая из таких поездок состоялась в декабре 1828 г., когда закончивший учебу Н.В. Гоголь, получив рекомендательное письмо от своего родственника, влиятельного вельможи Д.П. Трощинского, выехал для устройства на службу в Петербург вместе со своим товарищем по Полтавскому уездному училищу и Нежинской гимназии Александром Данилевским. Вероятнее всего, молодые путники ехали кратчайшей дорогой через Стародуб – Мглин – Рославль – Смоленск, но никакие подробности об этой поездке не известны, равно как и о большинстве других, перечисленных далее.

Больше по этой дороге Н.В. Гоголь уже не ездил, так как все его подобные поездки на родину проходили через Москву. Теперь пути Н.В. Гоголя могли лежать либо через Тулу – Орел – Севск – Глухов, либо через Тулу – Орел – Курск – Сумы. Вторым путем (минуя Брянщину) писатель пользовался реже – достоверно известно, что так он возвращался с Украины в Москву в конце сентября – начале октября 1832 г. По какому маршруту проходили его поездки из Москвы на родину в июле 1832 г. и в мае 1835 г., остается неизвестным.

Все последующие поездки Н.В. Гоголя на родину и обратно проходили через территорию Севского уезда: в августе 1835 г. из Киева в Москву, в начале сентября 1848 г. – из Глуховского уезда в Москву, в июне 1850 г. – из

Москвы через Калугу и Севск в Глуховский уезд и, наконец, последняя – в конце мая – начале июня 1851 г. – из Полтавской губернии через Севск в Оптину пустынь, а затем через Калугу в Москву. Не исключено, что во время двух последних поездок путь Н.В. Гоголя от Севска до Козельска мог проходить через Карачев и Карачевский уезд, но достоверных сведений на этот счет нет.

Особого внимания заслуживает поездка летом 1850 г., совершенная писателем вместе со своим приятелем, известным ботаником, этнографом и историком, профессором Киевского университета Михаилом Александровичем Максимовичем. Тот возвращался из Москвы в Киев в собственном экипаже и пригласил Н.В. Гоголя с собой. Из нескольких интересных встреч, которые были у путников во время этой поездки, коснемся лишь тех, которые хотя бы косвенно имеют отношение к нашей теме. Днем 16 июня Н.В. Гоголь и М.А. Максимович были на обеде у жены калужского губернатора А.О. Смирновой (Россет), где встречались и беседовали с графом Алексеем Константиновичем Толстым. Подробности беседы остались неизвестными, есть лишь сведения, что знаменитый писатель в разговоре со своим более молодым коллегой по перу вновь обращался к волновавшей его теме, что нужно «поездить по России».

По прибытии из Калуги в Оптину пустынь Н.В. Гоголь был представлен настоятелю преподобному Моисею (Путилову), с именем которого связано возрождение и расцвет обители в 1820-1860-е гг. Для нашей темы примечательно то обстоятельство, что преподобный Моисей дважды жил на Брянщине: в 1809-1810 гг., когда еще с мирским именем Тимофея проходил послушание в Свенском монастыре, и в 1812-1814 гг., когда проживал в Белобережской пустыни.

В Севске, где Н.В. Гоголь и М.А. Максимович остановились на постоялом дворе, они оказались 24 июня, накануне дня Ивана Купалы. Проснувшись на рассвете, они услышали неподалеку какой-то необычный, похожий на старинный, напев, звонко разносившийся в свежем утреннем воздухе. «Поди послушай, что это такое, – попросил Н.В. Гоголь своего друга, – не купальные ли песни. Я бы сам пошел, но ты знаешь, что я немного из-под Глухова». М.А. Максимович подошел к соседнему дому и узнал, что там умерла старушка, которую оплакивают поочередно три ее дочери. «Девушки причитывали импровизированные жалобы с редким искусством и вдохновлялись собственным пением. Всё служило им темой для горестного речитатива: добродетельная жизнь покойницы, их неопытность в обхождении с людьми, их беззащитное сиротское состояние... Проплакав всю ночь, девушки до такой степени наэлектризовались поэтически-горестным выражением своих чувств, что начали думать вслух... стихами. Раза два появлялись они, то та, то другая, на галерейке второго этажа и, опершись на перила, продолжали свои вопли и жалобы, а иногда обращались к утреннему солнцу, говоря: «Солнышко ты мое красное». По словам М.А. Максимовича, все это живо представилось ему подобным плачу Ярославны на рассвете в Путивле на городской стене. Когда он рассказал обо всем увиденном и услышанном Н.В. Гоголю, «тот был поражен поэтичностью этого явления и выразил намерение воспользоваться им при случае в «Мертвых душах»». К сожалению, такого случая писателю не представилось.

Нам неизвестно местоположение севского постоялого двора, где ночевали Н.В. Гоголь и М.А. Максимович. Неизвестны фамилия и социальное положение скончавшейся пожилой женщины, но, вероятнее всего, это была вдова какого-то из севских чиновников-разночинцев (ме-

нее вероятно – вдова дворянина или купца). Но примечательно, что бытовавшие в простом народе плачи-причитания по умершим были, как видно, частью народной обрядовой культуры и среди имущих горожан.

Однако связи Н.В. Гоголя с нашими местами не ограничивались только дорожными впечатлениями или тем случаем, о котором шла речь. Среди лиц, общавшихся с писателем, некоторые имели прямое отношение к Севскому уезду.

В период с сентября 1834 г. до конца 1835 г., когда Н.В. Гоголь в звании адъюнкт-профессора читал курс лекций по истории средних веков в Петербургском университете, он мог общаться с двумя бывшими воспитанниками Севской духовной семинарии: Евдокимом Филипповичем Зябловским, уроженцем д. Зябловки (Барановки) Севского уезда, который в 1821-1825 гг. был ректором Петербургского университета, а затем – профессором географии и статистики, и с Александром Ивановичем Галичем (Говоровым), родом из г. Трубчевска, который в первой половине 1820-х гг. был профессором философии Петербургского университета, но затем в его работах усмотрели «вредное направление», лишили звания профессора и права читать лекции, но в штатах университетских сотрудников он был оставлен. Впрочем, мемуары, письма и другие материалы о жизни Н.В. Гоголя не содержат каких-либо сведений о знакомстве и взаимоотношениях писателя с Е.Ф. Зябловским и А.И. Галичем.

Одним из людей, «самых близких моей душе», по словам Н.В. Гоголя, был граф Александр Петрович Толстой (1801-1873). Генерал-лейтенант, бывший в 1834-1840 гг. губернатором в Твери и Одессе, он, по мнению Н.В. Гоголя, являлся своего рода эталоном государственного чиновника: умен, строг, честен, не любитель лести, истинно православный человек; обладал свойством «уметь заста-

вить всех работать», но в годы общения с писателем находился в отставке, проживая либо за границей, либо в своем доме в Москве. Именно в этом доме при благожелательном внимании и заботе со стороны графа прошли последние годы Н.В. Гоголя вплоть до смерти в 1852 г.

Совершенно не случайно, что в последней значительной работе Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» помещено 6 отредактированных писем автора к графу А.П. Толстому – значительно больше, чем кому-то другому. В некоторых из этих писем Н.В. Гоголь высказывал свои самые сокровенные и горькие мысли о России, почему два из них («Нужно любить Россию», «Нужно проехаться по России») при жизни автора не были пропущены цензурой. В последнем письме Н.В. Гоголь обращался к графу с настоятельным призывом вернуться на службу, так как «вы теперь слишком нужны России». Несколько позже А.П. Толстой действительно вернулся к государственной деятельности и являлся в 1856-1862 гг. обер-прокурором Святейшего Синода.

Родной сестрой графа А.П. Толстого была Софья Петровна, в замужестве – Апраксина (1800-1886). Ее муж, генерал-майор Владимир Степанович Апраксин, бывший с 1827 г. владельцем весьма обширного брасовского имения в Севском уезде, умер довольно молодым, оставив вдову с тремя несовершеннолетними детьми. Ко времени личного знакомства Н.В. Гоголя с С.П. Апраксиной и ее семейством (это произошло в конце 1845 г. в Риме) ее дети (сын Виктор, дочери Наталья и Мария) были молодыми людьми в возрасте 20-25 лет. Судя по всему, семейство Апраксиных проявило большую благожелательность и внимание к писателю. С конца 1846 г. до лета 1847 г. он жил в доме С.П. Апраксиной в Неаполе, в ноябре-декабре 1847 г. вновь неоднократно встречался в этом городе с семейством Апраксиных, к которому в это время присоединился

и граф А.П. Толстой. В своих позднейших письмах к графу Н.В. Гоголь не забывал выразить свои теплые чувства к его сестре и племянницам: «Обнимите за меня всех: вашу наидобрейшую сестрицу Софью Петровну и ваших милых племянниц... Они, верно, знают и сами, что всех очень, очень люблю и буду молиться, как сумею» (1848); «Передайте душевный мой поклон Софье Петровне и Наталии Владимировне. Скажите, что много ценю благосклонное, дружеское их расположение ко мне» (1849); «Передайте мои душевные поклоны Софье Петровне и обоим вашим искренно мною любимым племянницам... Дай бог, чтобы все они были здоровы и преуспевали во всем, что возвышает душу человека» (1850).

Отдельно стоит сказать об отношениях Н.В. Гоголя и Виктора Владимировича Апраксина (1822-1898), который после смерти отца остался на попечении матери, Софьи Петровны, и ее свекрови, Екатерины Владимировны. По достижении совершеннолетия В.В. Апраксин был введен в права наследника обширного отцовского имения в Севском и частично в Трубчевском уездах и намеревался всерьез заняться хозяйственной деятельностью, в частности, улучшением положения крестьян. Имя В.В. Апраксина не раз упоминается в относящейся к 1846-1847 гг. переписке Н.В. Гоголя с графом А.П. Толстым, молодой графиней А.М. Виельгорской, видным деятелем русской культуры XIX в., П.А. Плетневым, замечательным русским художником А.А. Ивановым (последний, кстати, высоко отзывался в письмах Н.В. Гоголю об В.В. Апраксине: «Доброта Виктора Владимировича меня изумляет», «Виктор Владимирович ознаменовал приезд сюда водворением мира – между правительственными людьми и художниками».).

Главное внимание Н.В. Гоголя привлекали хозяйственные планы молодого богатого землевладельца. В ян-

варе 1847 г. в своем письме П.А. Плетневу, обобщая свои впечатления от бесед с В.В. Апраксиным, писатель отметил, что В.В. Апраксин – «весьма дельный молодой человек, вовсе не похожий на юношей-щелкоперов. Он глядит на вещи с дельной стороны и, будучи владельцем огромного имения, намерен заняться благосостоянием его серьезно». Примерно ту же оценку Н.В. Гоголь дает и в письме к графу А.П. Толстому: «У Виктора Владимировича желание сильное сделаться помещиком и заняться не шутя благоустройством крестьян».

Весьма вероятно, что именно беседы Н.В. Гоголя с В.В. Апраксиным об устройстве помещичьего и крестьянского быта, о взаимоотношениях помещиков и крепостных натолкнули писателя на мысль включить в свою книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» сюжет «Русский помещик» (его содержание с особым негодованием было встречено В.Г. Белинским). Что же касается самого В.В. Апраксина, то его взгляды и деятельность наиболее отчетливо проявились во время подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 г., когда он в качестве орловского губернского предводителя дворянства активно защищал интересы помещиков.

Среди духовных лиц, с которыми общался Н.В. Гоголь в последние десятилетия своей жизни, когда духовные поиски писателя носили особенно интенсивный характер, должны быть, в первую очередь, названы святитель Иннокентий (Борисов) и преподобный Макарий Оптинский (Иванов). Первый из них был воспитанником Севской духовной семинарии, второй – более 20 лет являлся иноком Площанской пустыни в Севском уезде и некоторое время исполнял обязанности духовника в Севском Троицком женском монастыре.

С владыкой Иннокентием, когда тот в сане епископа Харьковского находился в Москве, Н.В. Гоголь позна-

комился в 1842 г. и тогда же получил от него благословение на поездку к святым местам вместе с образом Спасителя. Близкий друг Н.В. Гоголя писатель С.Т. Аксаков так описал реакцию на этот факт: «Вдруг входит Гоголь с образом Спасителя в руках и сияющим, просветленным лицом. Такого выражения в глазах у него я никогда не видел». Позже Н.В. Гоголь внимательно читал духовные произведения владыки Иннокентия; находясь за границей, просил друзей прислать новые его сочинения. Сам писатель послал владыке поэму «Мертвые души» и книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», встретившую у того нелестный отклик.

В своем письме, адресованном архиепископу Иннокентию, Н.В. Гоголь благодарит владыку «за то, что вы не скрыли от меня мнения вашего», и признает, что видит «свои грехи, выступившие в этой книге». Но одновременно с этим писатель с большой искренностью передает свое состояние души, когда писалась книга, и подтверждает, что «цель книги была добрая». Само письмо – своего рода исповедь-покаяние, свидетельствующая о высоком уважении автора к адресату. Сохранялось оно и позже, о чем свидетельствует письмо Н.В. Гоголя дипломату и духовному писателю А.С. Стурдзе (сентябрь 1850 г.), в котором он просил «передать преосвященному Иннокентию мою чувствительную благодарность за его пастырское благословение».

Еще более близким для Н.В. Гоголя человеком оказался оптинский старец Макарий (писатель в своем письме прямо назвал его «душе и сердцу близкий отец Макарий»). Н.В. Гоголь трижды посещал Оптину пустынь: 17-19 июня 1850 г. – вместе с М.А. Максимовичем, 2-3 июня 1851 г. и 24-26 сентября того же года. Общался ли Н.В. Гоголь с отцом Макарием в первый приезд – точно неизвестно, но сама Оптина пустынь произвела на писателя неизгладимое

впечатление. Даже месяц спустя он с восторгом писал о ней графу А.П. Толстому: «Благодать видимо там присутствует... Нигде я не видал таких монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует всё небесное», и далее – в таком же роде.

Возвращаясь с Украины в Москву, Н.В. Гоголь считал своим долгом вновь посетить Оптиную пустынь. Его пребывание там не было долгим, но, по словам летописца монастыря иеромонаха Евфимия (Трунова), «Гоголь оставил в памяти нашей обители примерный образ благочестия». Во время этого посещения писатель был принят настоятелем Оптиной пустыни игуменом Моисеем (Путиловым), которому позже в письме выразил признательность «за дружеское гостеприимство», а также близко познакомился с «достойным отцом Макарием» (так он назван в письме Н.В. Гоголя настоятелю).

Написал Н.В. Гоголь письмо и самому отцу Макарию, но оно не сохранилось. Вероятно, было уничтожено из-за сугубо личного, исповедального содержания. Но об одной из имевшихся в нем просьб можно судить по ответному письму преподобного Макария – дать благословение на реализацию давно вынашиваемого Н.В. Гоголем замысла написать книгу по географии России для юношества. Об этом замысле великий писатель поведал в сохранившемся наброске письма, которое собирался отправить в правительственные сферы еще летом 1850 г.: «Нам нужно живое, а не мертвое изображение России, та существенная, говорящая ее география, начертанная сильным, живым слогом, которая поставила бы русского лицом к России еще в то первоначальное время его жизни, когда он отдается во власть гувернеров-иностранцев... Книга эта составляла давно предмет моих размышлений... В успехе ее я надеюсь не столько на свои силы, сколько на любовь к России, слава Богу, беспрестанно во мне увеличивающую-

ся, на споспешество всех истинно знающих ее людей, которым дорога ее будущая участь и воспитанье собственных детей, а пуще всего на милость и помощь Божью».

Отец Макарий, известный своей прозорливостью, вероятно, не очень верил в успех намеченного Н.В. Гоголем дела, но все же дал искомое благословение, правда, с некоторыми оговорками: «По желанию вашему не смею отказать и ...простираю мою грешную руку на сию хартию... В благом вашем намерении об издании полезной книги Бог силен даровать вам свою помощь, когда будет на сие его святая воля. Но, как пишут святые отцы, что всякому святому делу или предыдет, или последует искушение, то и вам предложится в сем деле искус, требующий понуждения». Как известно, этот замысел писателя не был реализован.

Но наиболее тесное общение между старцем Макарием и Н.В. Гоголем было во время последнего приезда писателя в Оптину пустынь. На сей раз Н.В. Гоголь жил в скиту близ монастыря – месте постоянного пребывания скитоначальника Макария. Жизнь в скиту явно пришлась по душе Н.В. Гоголю и, хотя он собирался продолжить поездку на родину на свадьбу своей сестры и получил на это благословение от отца Макария, вдруг начал сомневаться, не заболит ли в дороге. Он вновь обратился к отцу Макарию за советом. Согласно преданию, Н.В. Гоголь просил оставить его на жительство в качестве послушника, но не получил на это согласия и решил вернуться в Москву. Незадолго до смерти он говорил одному из своих друзей: «Ах, как много я потерял, как ужасно много потерял, что не поступил в монахи! Ах, отчего батюшка Макарий не взял меня к себе в скит!»

Стоит упомянуть, что одним из ценимых Н.В. Гоголем духовных писателей был преосвященный Иаков (Иосиф Иванович Вечерков), который в 1820-х гг. был

префектом Севской духовной семинарии. Книга «Слова и речи преосвященного Иакова, архиепископа Нижегородского и Арзамасского», видимо, настолько оказалась созвучна душе писателя, что он в марте 1851 г. читал ее вслух в княжеском семействе Репниных-Волконских.

Наконец, нужно упомянуть еще одну примечательную личность, связанную с Брянским краем и в то же время духовно близкую Н.В. Гоголю в 1840-е гг., – Надежду Николаевну Шереметеву, урожденную Тютчеву. Младшая из тетюшек Ф.И. Тютчева, она в молодые годы потеряла мужа, оставшись с тремя малыми детьми на руках, но сумела дать им хорошее образование и воспитание, выдать замуж дочерей за достойных людей – М.Н. Муравьева и И.Д. Якушкина, активно занималась благотворительностью. Будучи женщиной независимого характера, Надежда Николаевна порой отступала от традиций дворянского общества: ездила на дрожках, одевалась просто, укоротила свои волосы, что вызвало пересуды среди светских дам. В то же время была глубоко верующим человеком и, лично познакомившись с Н.В. Гоголем в возрасте, приближавшемся к 70 годам, Н.Н. Шереметева сумела понять и поддержать мятущуюся душу великого писателя. О душевной близости двух людей разного возраста и положения свидетельствует активная переписка Н.В. Гоголя и Н.Н. Шереметевой. В своих письмах Николай Васильевич постоянно называет Н.Н. Шереметеву своим «добрым другом», многократно благодарит ее за сердечные слова, советы и молитвы.

В день своей смерти, 11 мая 1850 года, Н.Н. Шереметева приезжала к Н.В. Гоголю проститься, но не застала его дома. Об этом писала в своих воспоминаниях А.О. Смирнова-Россет: «Гоголь пришел ко мне утром и был очень встревожен. «Что с вами, Николай Васильевич?» – «Надежда Николаевна Шереметева умерла, вы знаете, как

мы с ней... жили душа в душу? Последние два года... она боялась смерти. Сегодня она приехала, как всегда, на своих дрожках и спросила, дома ли я. Поехала куда-то, опять заехала..., не нашла меня и сказала людям: «Скажите Николаю Васильевичу, что я приехала с ним проститься», – поехала домой и душу отдала Богу, который отвратил предсмертные страдания. Ее смерть оставляет большой пробел в моей жизни».

Прошло более полутора веков, как смолк голос великого писателя, но и сегодня произведения Н.В. Гоголя остаются близкими для многих тысяч читателей. Уже не только живые картины народного быта и верований, изображенные в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», не только яркие сатирические образы российских чиновников и помещиков в «Ревизоре» и «Мертвых душах», но все больше привлекают внимание думающих читателей его размышления о судьбе России, его раздумья о роли писателей, их ответственности перед обществом.

«Каждый писатель, – по словам Н.В. Гоголя, – должен оставить после себя какую-нибудь благую мысль в наследство читателям. Долг писателя – не одно доставление приятного уму и вкусу; строго взыщется с него, если от сочинений его не распространится какая-нибудь польза душе и не останется ничего в поучение людям. Пока не станешь сам сколько-нибудь походить на добродетельного человека, пока постоянством и силою не завоюешь в душу несколько добрых качеств, мертво будет все то, что ни напишет перо, и, как земля от неба, будет далеко от правды. Нельзя излагать святыни, не освятивши сколько-нибудь свою собственную душу, и не будет сильно и свято наше слово, если не освятим самые уста, произносящие слово!»

Не к нам ли, пишущим и говорящим, писателям, журналистам, ученым, преподавателям, работникам куль-

туры, священнослужителям относятся эти слова сегодня? Не к нашему ли времени, когда и в жизни, и в литературе, и в средствах массовой информации оказались смешанными понятия добра и зла, правды и лжи, нравственного и аморального?

В 1909 г., согласно распоряжения Святейшего Синода, чествование столетия со дня рождения Н.В. Гоголя – «великого русского писателя, истинного патриота и глубоко верующего христианина» (цитирую слова официального распоряжения) – было отмечено 20 марта в духовных учебных заведениях служением литургии и панихидой, а также устройством накануне «особых чтений, посвященных памяти великого писателя».

Не будем предугадывать, какие распоряжения на этот счет примут светские и духовные руководители страны в связи с 200-летием со дня рождения Н.В. Гоголя, но, если в этот день во всех учебных заведениях Брянщины, в ее библиотеках и храмах прозвучат прочувствованные слова, посвященные памяти великого писателя-патриота, слова добра и веры, сближающие людей и народы, – это было бы правильно и хорошо.

Позвольте завершить словами священномученика Серафима (Чичагова), бывшего в 1906-1908 гг. епископом Орловским и Севским и расстрелянного в 1937 г.: «Вечная ему память, дорогому Николаю Васильевичу Гоголю, богатырю русского слова, славному сыну православной церкви!»

Литература

1. Аксаков, С.Т. История моего знакомства с Гоголем / С.Т. Аксаков. – М., 1960.
2. Гоголь, Н.В. Собрание сочинений : в 9 т. / Н.В. Гоголь. – М., 1992 – 1994. – Т.6,9.

3. Владимир Воропаев. Благодатная обитель. Гоголь в Оптиной пустыни // Оптинский альманах. Вып.2. Введенский ставропигиальный мужской монастырь. – Оптина Пустынь, 2008.

4. Гоголь в воспоминаниях современников. – М., 1952.

5. Золотусский, И.П. Гоголь / И.П. Золотусский. – М., 2004.

6. Кулиш, П.А. Записки о жизни Гоголя / П.А. Кулиш. – СПб., 1856. – Т. II.

7. Н.В. Гоголь и Православие. – М., 2004.

8. Русские писатели : биографический словарь. – М., 1989. – Т.I.

К.П. Гришин,

студент,

*Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского*

П.Н. Тиханов и деятели Брянского края (по материалам переписки*)

Как известно, Брянск на рубеже XIX-XX вв. был рядовым уездным городом, каких в российской провинции насчитывались десятки. Местная интеллигенция того времени представляла собой небольшие горстки разных по уровню образованности, материальному достатку людей, объединенных общими интересами, радеющих за настоящее и будущее общества, в частности, брянского. Павел Никитич Тиханов был для города, да и региона в целом, знаковой фигурой, первой скрипкой в исторической провинциальной науке. Хорошо образованный человек, за плечами которого несколько лет университетской жизни, редактор и корректор многих печатных столичных изданий, собиратель древних рукописей, основатель первой

брянской газеты – в глазах многих представителей культурной и политической элиты он казался находкой краеведческого движения на Брянщине. Но его деятельность не была бы полностью освещена без взаимоотношений с людьми, его окружавшими.

В этой статье мы попытаемся, основываясь на архивных источниках, вводимых в научный оборот впервые, показать характер отношений П.Н. Тиханова и его корреспондентов – архитектора Н.А. Лебедева, издателя М.И. Юдина, купцов братьев Комаревых, игуменьи Петропавловского монастыря Ангелины (Ульяновой). Каким предстает в них исследователь брянской старины, как соотносятся их взгляды на жизненные позиции, каковы условия историко-культурного развития Брянска рубежа XIX-XX вв. – на эти вопросы и призваны найти ответы документы личного характера. Письма деятелей Брянского края к Тиханову, представленные в статье, хранятся в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге, в фонде №777, составляющим его архив.

Шесть писем Николая Андреевича Лебедева (1858-1933 гг.) к Павлу Никитичу Тиханову относятся к 1899 г. и составляют лишь часть переписки. Все они касаются вопросов, связанных с частным заказом архитектору по перестройке дома Павла Никитича на ул. Лубянке, и носят только деловой характер. Знакомство корреспондентов состоялось не позднее сентября 1895 г., когда Тиханов привлекал Н.А. Лебедева в качестве эксперта, оценивавшего ремонтные работы в доме краеведа [1]. Но их пришлось временно отложить из-за ссоры хозяина дома с подрядчиком с претензией на медленное выполнение реконструкции. Спустя 4 года Павел Никитич заказал проект известному архитектору Брянского арсенала стоимостью в 1000 рублей. В переписке двух деятелей Брянщины видна неко-

торая напряженность, связанная с финансовой стороной. Павел Никитич Тиханов не имел постоянного заработка и испытывал нужду в деньгах [2], будучи правителем дел Черниговской губернской ученой архивной комиссии (ГУАК), организации, финансируемой земством. В ГУАК работали энтузиасты своего дела, порой и вовсе не получавшие жалования. Председателем Черниговской губернской ученой архивной комиссии в 1896-1904 гг. был Г.А. Милорадович, который из своих сбережений доплачивал Тиханову 100 рублей сверх оклада в 800 рублей в год [3]. Скорее всего, у краеведа были и другие заработки, но их также не хватало для строительства дома. Первые полгода работы по перестройке здания шли в нормальном режиме, без финансовых затруднений заказчика, затем историк оттягивал все дальше выплаты архитектору. Естественно, как руководителя проекта Н.А. Лебедева это обстоятельство не устраивало. На это он указывает в письме от 10 октября 1899 г.: «Что же, Павел Никитич, не высылаете мне талоны (*банковские чеки – К.Г.*), дело может стать. <...> Во всяком случае, немедленно мне высылайте талон на остальные 400 рублей, чтобы не было задержки. Если Вы на этих днях не вышлите, то я отказываюсь от надзора и прекращаю работы» [4]. При катастрофической нехватке денежных средств Тиханов занялся скрупулезным подсчетом всех затрат, осуществляемых Лебедевым, который заявил следующее: «В остальном прошу приехать и проверить, швырять же Вашими деньгами не хотел и не буду» [5]. Неизвестно, чем закончились отношения автора и адресата писем, переписка на этом обрывается.

Примечательно, что в строках корреспондента постоянно фигурирует одна из сестер Тиханова, которая активно вмешивается в ход строительства дома. По свидетельству Н.А. Лебедева, она вместе с братом составляла

проект и следила за исполнением в то время, когда историк находился на постоянном месте жительства в Чернигове.

Письма Н.А. Лебедева являются уникальным источником, не только раскрывающим черты характера корреспондентов, но и содержащим уникальный план дома Тиханова, выполненный рукой архитектора [6].

Одиннадцать писем Михаила Ивановича Юдина относятся ко времени издания Тихановым газеты «Брянский Вестник» (1894-1898 гг.). Первый печатный листок города выходил до 5-го номера в типографии Арцишевского. Известно, что адресат был знаком с автором письма ранее 16 февраля 1894 г., даты первого письма, хранящегося в архиве историка. На это указывает информация о личной встрече краеведа и издателя. Вся переписка носит деловой характер и касается печати трудов П.Н. Тиханова. В частности, 6 писем говорят о публикации в издательстве Юдина сборника «Старина» (вопросы, связанные с корректурой, стоимостью расходных материалов для печати, реализацией издания в московский магазин журнала «Новое время»). Письма Юдина к Тиханову раскрывают непростой процесс издательского дела на Брянщине на рубеже XIX-XX вв. В письме от 31 марта 1898 г. Михаил Иванович Юдин дает подробную выкладку стоимости всех материалов для печати сборника. В том же письме он указывает на недостаточную организаторскую деятельность краеведа: «Из цензуры прислали «Старину» (*сборник краеведческих статей* – К.Г.) с замечанием типографии, что на основании такой-то ст. по пр. недостаточно поставить на брошюре «Дозволено цензурой», а нужно еще добавить год и когда разрешено цензурой к печати. В силу чего «Старина» в исправленном виде опять послана в цензурный кабинет, а в такой ошибке виноваты Вы, Павел Никитич, как человек превелико опытный в делах печати» [7].

Владелец типографии лоббирует для печати в газете корреспонденцию, присылаемую в типографию (заметка о расквартировании полка, стоящего в Брянске по примеру Дорогобужского и Каширского). Тиханов как редактор и корректор печатного издания был тверд и непреклонен по отношению к предоставляемой Юдиным информации и не захотел печатать из-за неконформистской позиции автора к городской власти. Как менеджера Павла Никитича вполне можно понять, ведь публикация острой политической заметки, да еще в условиях предвыборной кампании на должность городского главы, смогла бы поставить под сомнение дальнейшую деятельность «Брянского Вестника» и закрыть и без того неуспешный коммерческий проект Тиханова [8].

Десять писем братьев Комаревых к П.Н. Тиханову относятся к 1894-1904 гг. Инициатором переписки являлся Алексей Комарев, который был более активен в письмах к краеведу, нежели брат. Стоит упомянуть тот факт, что уровень грамотности автора писем невысок. Но это не мешало двум деятелям общаться, тем более, что Тиханов был в первую очередь заинтересован в собеседнике, как в источнике финансирования своей газеты.

Самое первое письмо от 29 ноября 1894 г. говорит о желании купцов подписаться на газету «Брянский Вестник» на 1895 г. Несколько писем носят чисто формальный характер – поздравления с Новым годом и Рождеством, Пасхой и именинами. Неформальная часть переписки невелика. Тиханов лично просил Алексея Комарева переслать на сургуче печать Спасо-Поликарпова монастыря, историей которого в это время занимался краевед. Последний сетует на то, что ему необходим для коллекции сам подлинник печати, на что купец ответил отказом в пользу передачи ее в фонд монастыря, «как документ для угодника», но оттиск переслал по почте.

Переписка двух корреспондентов носит как деловой, так и личный характер. Комарев, как видно из писем от 5 декабря 1901 г. и 22 января 1903 г., находился в близких отношениях со своим адресатом. Он не раз нуждался в личных услугах Тиханова. Купец посредством краеведа заказывает поставить свечи преподобному Феодосию Печерскому, частный молебен в свое здравие и здравие брата и его семьи. Для этого купец щедро пожаловал на отправление церковных обрядов, оставшиеся же деньги поручил Павлу Никитичу раздать бедным. Примечательна и другая просьба Комарева и касается она покупки и пересылки номеров журнала «Русский паломник» из Петербурга, где в это время жил и работал Тиханов.

Семь писем игуменьи Петропавловского монастыря Ангелины (Ульяновой) к П.Н. Тиханову относятся к 1886-1893 гг. Пожалуй, она является из всех корреспондентов краеведа самой близкой по отношению к нему. Это отношение характеризует то обстоятельство, что в письме от 11 ноября 1886 г. настоятельница благодарит адресата за присланные ей ко дню ангела 2 брикета чая и шерстяную материю. Известно, что младшая сестра Павла Никитича – Анна (в монашестве Валерия) с 1880-го года. Служила в Петропавловской обители. О ней есть упоминание в том же источнике: «Сестрица Ваша Вам кланяется, я ее уважаю за примерную жизнь и послушание» [9]. Естественно, это сближало собеседников. Для краеведа игуменья Ангелина выступает посредником, связующим звеном в его общении с близкой родственницей. Автор писем делится с Тихановым новостями, происходящими в городе и обители. Так настоятельница, например, сообщает о произошедшей краже церковного имущества в монастыре и убийстве сторожа тремя местными преступниками [10].

В 1886 г. Павел Никитич Тиханов издал исторический очерк «Брянский Петропавловский женский мона-

стырь». Через семь лет он вернулся к теме исследования, что видно из контекста письма за 1893 г.: «Письмецо Ваше и Петропавловский экземпляр имела удовольствие получить. Премного благодарю Вас за труд, который Вы приняли. Как Вам Господь помог собрать многое множество. Велик Ваш труд, да и большое Вам будет воздаяние от Господа. Это труд святой и для святой обители» [11]. По-видимому, в ранней переписке одна из сторон затронула тему истории монастыря, это послужило дальнейшему обмену информацией. Краевед прислал свою публикацию и в ответ попросил игуменью дать сведения о знаменательных событиях в жизни обители. В источнике приведен список настоятелей, описание построек и имущества, рассказ о погодных бедствиях, посещавших Петропавловский монастырь.

Тиханов предстает в переписке защитником в делах брянской святыни. Одна из церквей монастыря обветшала, и не было средств ни на восстановление, ни на то, чтобы разобрать ее. К нему, как видному петербургскому деятелю, вращающемуся в столичных издательских кругах, обращается Ангелина с просьбой о помощи опубликовать воззвание в периодической печати и таким образом собрать деньги на ремонтные работы.

Еще одна особенность переписки – в малограмотности автора источников, невыдержанности стилистики текста, – все это говорит о низком образовательном уровне представительницы духовного сословия, что затрудняет идентификацию предмета разговора в том или ином письме.

Таким образом, односторонний характер переписки деятелей Брянского края к Тиханову накладывает на исследование существенные ограничения. Малое число писем не дает ответов на многие вопросы к ним. Известно, что свой архив краевед формировал сам и, возможно, оста-

вил необходимые из них, лишив исследователей его творчества наиболее информативных. Анализ писем архитектора Н.А. Лебедева, издателя М.И. Юдина, купцов братьев Комаревых, игуменьи Петропавловского монастыря Ангелины (Ульяновой) позволил сделать несколько наблюдений.

Во-первых, взаимоотношения корреспондентов носят деловой характер, что отражено в переписке стилистически. Письма купца Алексея Комарева и игуменьи Петропавловского женского монастыря Ангелины (Ульяновой) являются неофициальными и, в большей степени, личными.

Во-вторых, все представленные в статье авторы писем, за исключением архитектора Лебедева, являются личными информационными агентами Тиханова на местном, уездном уровне. Они помогали ему в сборе историко-краеведческого материала: Михаил Юдин – сохранением и передачей корреспонденции «Брянского Вестника», братья Комаревы – оттиском печати Спасо-Поликарпова монастыря, игуменья Ангелина – материалами по истории Петропавловского женского монастыря. В данном случае все это – способы коммуникации краеведческой информации, устанавливающие природу ее происхождения. Таким образом, между столицей и провинцией существовали научные связи, посредником в которых выступал П.Н.Тиханов.

В-третьих, не может не обратить на себя внимание неоднородность образовательного уровня некоторых представителей местной интеллигенции рубежа XIX-XX вв. Примечательно, что А. Комарев и Ангелина (Ульянова) как представители купечества и духовенства соответственно, по сравнению с другими корреспондентами Тиханова, рассматриваемыми в работе, уступают в грамотности, но их переписка более информативна по истории краеведения.

Наконец, рассмотрев письма деятелей края к П.Н. Тиханову, можно не только восстановить страницы его биографии, но и сделать вывод, как он сам раскрывается в письмах, представить некоторые черты его характера.

Приложение

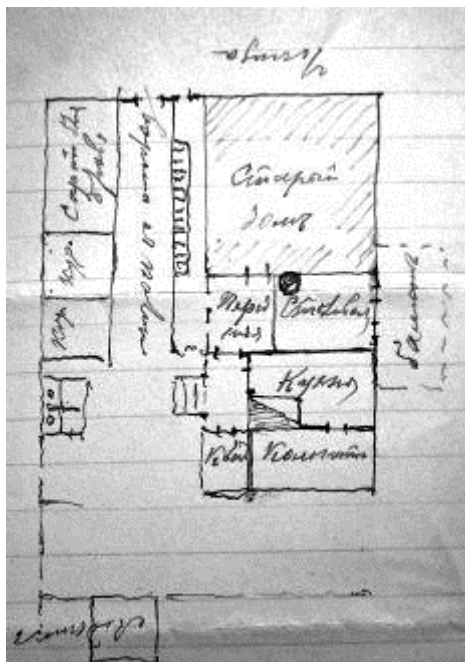
Письма Н.А. Лебедева к П.Н. Тиханову [12]

1.

Многоуважаемый Павел Никитич!

Я послал Вам письмо на масляной [неделе], но оно верно не попало к Вам. Сегодня приходила Ваша сестра и дала мне точный адрес; кстати, пришли знакомые плотники, которые в прошлом году перестраивали мой дом; народ работающий и не пьющий, им можно поручить дело.

Я уже показывал им, что нужно делать. Общим советом решили устроить так:

Как Вы находите такое расположение? Обойдется это приблизительно в 1000 руб. Не знаю, что Вы думаете сделать с Вашим домом уже выстроенным? Устроить ли под квартиру мировую, как проектировала Ваша сестра: вверху квартира, внизу камера? В стоимость постройки входит: каменные, печные, кровельные и малярные, исключая отделки старого дома, оценить которую затрудняюсь, потому что не знаю в чем она состоит.

Готовый к услугам Н. Лебедев

Брянск, 3-го марта 1899 г.

2.

Работы с Вашим домом, Павел Никитич, идут своим порядком. Забор починен, кухня на этой неделе будет подведена под крышу. Нужно покупать железо и крыть, что самое главное. Придется прикупить и лесу, который ужасно стал дорог и негде его взять. Прошу Вас, выпишите еще талон на двести рублей, предстоит уплатить рабочим, а у меня осталось не больше 50 рублей. Железо же будет стоить свыше 100.

Готовый к услугам Н. Лебедев

6 октября 1899 г.

3.

Что же, Павел Никитич, не высылаете мне талоны, дело может стать.

Теперь могу Вам привести весь расход по постройке Вашего дома более вероятно, так как сейчас только выяснились главные расходы.

Приведу их подробно.

<...>

Так как Вы ассигновали 500, то, чтобы не сделать перерасход, не будем делать печные работы, что и составит с глиною и кирпичом 100 р. Лучше же закончить сей-

час. Во всяком случае немедленно мне высылайте талон на остальные 400 рублей, чтобы не было задержки. Если Вы на этих днях не вышлите, то я отказываюсь от надзора и прекращаю работы.

С совершенным почтением Н. Лебедев
г. Брянск, 10 октября 1899 г.

4.

г. Брянск
16-го окт. 1899 г.

Не знаю, с чего Вы взяли, Павел Никитич, что по-
становка кухни с пристройками будет стоить 300-400 р.

Еще раньше в письме я Вам писал, что постройки
Ваши будут стоить около 1000 р. И это не было преувели-
чением, если принять во внимание стоимость рабочих и
материалов, которые со временем Вашей жизни в Брянске
страшно поднялись. У Вас заготовлены были дубки, кото-
рые пошли в дело, доски шт. 30 и бревна наполовину
сгнившие, их даже не хватило на надрубку стен кухни и
столовой.

Где же лес на балки, стропила, косяки, накат...

Железа одного постелить рублей 30-ти, а я предпо-
лагал 25, что составляет 100 руб.

Досок на пол и накат это же пойдет немало. А пак-
ли, стеклоприборы что-нибудь стоит. Из ничего «ничего»
не выйдет.

Что же касается платы в 175 рублей, это, может
быть, не много передал. Говорю «может быть», потому что
не было исхода. Другая артель просила 200 и с тем ушла.
175 взяли те, которые к Вам приходили. Когда же я задал
вопрос: почему раньше просили 150-ти? Ответили: «мы
просили 150 только за постановку кухни и столовой и ис-
правление забора. В нашу работу не входит ни передняя,
ни коридор, ни кладовая при кухне»... А тут Ваша сестра

подгоняет, что не приступаю. Другого исхода не было или совсем оставлять постройку или передать 25-ть р., кои я и принимаю на свой кошт. В остальном прошу приехать и проверить, швырять же Вашими деньгами не хотел и не буду.

Русскую печь в кухне велю сложить, чтобы было где готовить, а остальное оставлю на Ваше усмотрение.

Готовый к услугам Н. Лебедев

5.

23 октября 1899 г.

(Прим.: *Открытое письмо*)

От Архитектора Брянского арсенала Николая Андреевича Лебедева

г. Брянск Орловской губ. Арсенал

Н.А. Лебедев

Я проспал, когда Вы уехали, Павел Никитич. Жалею, что плотник мне толком не передал время, когда Вы [приедете]. Поспешил дать [Вам] 7 р., а отдал Вашей сестре.

Готовый к услугам Н. Лебедев

Странный Вы человек, Павел Никитич. В последний Ваш ко мне приход, я просил оставить деньги в Брянске на ремонт Вашего дома и только при этом условии обещался руководить работами. Вы действительно оставили деньги, но только брать их нельзя. Между тем деньги нужны ежедневно. Требуется для перекладки печи глина, песок, кирпич – нужны деньги.

Как же могу я заставить привозить материалы, становить рабочих, когда нет в кармане ни копейки.

Если они лежат в банке, от этого мне не легче. Нужно каждый день Вам писать, а это невозможно.

Вышлите хоть 100 рублей и я приступлю к работам. Будут выходные, напишу, и Вы вышлите еще. При таких условиях еще [неразборчиво], а то, как хотите, ничего не выйдет.

Готовый к услугам Н. Лебедев

Письма М.И. Юдина к П.Н. Тиханову [13]

1.

16 февраля 1894 г.

Многоуважаемый Павел Никитич!

Если только возможно, то постарайтесь поместить статью в №5: к тому имеются уважительные причины, о которых сообщу при личном свидании.

Уважающий Вас М. Юдин

2.

Милостив[ый] Государь Павел Никитич!

Покорнейше прошу поместить в уважаемой Вашей газете прилагаемую при сем корреспонденцию.

С совершенным почтением М. Юдин

6 марта [18]95 г.

По сообщению «Ор[ловского] В[естника]» в Орле происходило заседание комиссии по расквартированию драгунского полка, которая пришла к заключению, что необходимо произвести постройку казармы городу на свой счет, так как предлагаемые в аренду помещения оказались и непригодными и с несоответственной высокой платой. Для постройки казарм предположено занять деньги в земельном банке.

Пример, достойный подражания для г. Брянска.

Хотя «наши славные казармы», как поют здесь солдаты и соответствуют своему назначению, но, будучи

устроены частными лицами, расквартирование дорогобужского и каширского полков приносит городу убытку больше 10 тыс. рублей в год. Большой дефицит для небольшого города Брянска возбудил только в городской думе, была избрана комиссия по этому вопросу, которая и постановила: для уменьшения дефицита ходатайствовать о переводе одного (почему же не двух?!) полка из г. Брянска.

Каждый полк расходует не одну сотню тысяч рублей, а потому пребывание здесь полков несомненно выгодно для города. А с другой стороны не мешало бы городу избавиться от приплаты к квартирным деньгам 10 т.р., всесторонне обсудить вопрос о постройке собственных казарм и возбудить ходатайство пред правительством о субсидии на этот предмет на более льготных условиях, чем условия частных банков. Благодаря своему положению Брянск занимает стратегический пункт, а потому пребывание здесь полков обеспечено и городские казармы, построенные на казенные деньги с уплатой % с погашением капитала, через пятнадцать-двадцать лет будут собственностью города.

Брянчанин.

3.

Многоуважаемый Павел Никитич!

Вы все просите поместить что-нибудь, для этого настал удобный случай и крайне важный для интересов местных обывателей: посылаю Вам корреспонденцию, которую прошу поместить без всяких изменений. Если же найдете неудобно, то завтра же пришлите корреспонденцию и я пошлю в другую газету: оставить молчанием невозможно.

М. Юдин

2 октября 1895 года.

4.

Милостивый Государь Павел Никитич!

Покорнейше прошу Вас поместить в ближайшем номере Вашей газеты «Бр[янский] В[естник]» прилагаемую при сем поправку, не изменяя написанного ни на одну йоту; в противном случае благоволите прислать обратно.

С почтением М. Юдин

1895 года октября 31 дня

5.

Милостивый Государь Павел Никитич!

Примите, пожалуйста, с подателем письма тот № «См. В.», о котором Вы говорили, коли будете столь любезны.

С совершенным уважением М. Юдин
20/XII/ [18]95 г.

6.

Многоуважаемый Павел Никитич!

(Прим.: Это и следующие три письма – открытые.
Адрес: Чернигов, С.Петербургская ул., д. кн. Милорадовича)

Вместе с этим письмом посылаю Вам корректуру Старины. Бумагу поставлю лучшего качества, в чем положитесь на меня.

М. Юдин

13/I 1898 г.

P.S. Число экз. 100

7.

М[илостивый] Г[осударь]!

Присылайте, пожалуйста, поскорее корректуру «Старины»: и набор нужен, и время свободно для печати.

Уважающий Вас М. Юдин

P.S. Что же Б[рянский] В[естник]? Отчего и почему не уступите мне? Или другому?

Янв[аря] 22 дня 1898 г.

8.

М[илостивый] Г[осударь]!

Я считал корректурой то, что отправлено Вами, а посылаемое теперь не отправлено по вине Давыдова, который находит отправку исправленной Вами корректуры излишней. Вместе с корректурой посылаю Вам образцы бумаги для обложки брошюры и бумагу для печати.

С глубоким уважением к Вам пребываю М. Юдин
Февраля 3 дня 1898 г.

9.

31 марта 1898 г.

Многоуважаемый Павел Никитич!

Предпосылаю горячее поздравление с наступающим праздником Пасхи, вместе с тем имею честь сообщить Вам ответ на Ваше письмо от 26-го м[арта].

1. Набор и печать брошюры шрифтом как примеч. «Старина» на стран[ицах]. 6 стоит 13 руб. лист, считая 16 полос в листе, а шрифтом крупнее, как набрана «Старина» – 11 руб. за лист при 300 экз. брошюр

2. Белая №6 бумага на 300 экз. брошюр в 3 печатных листа каждая стоит 8 р. 80 коп.

3. Обложка брошюры из альбомной плотной цветной бумаги на 300 экз. стоит 75 коп.

4. Из цензуры прислали Старину с замечанием типографии, что на основании такой-то ст. по пр. недостаточно поставить на брошюре «Дозволено цензурой», а нужно

еще добавить год и когда разрешено цензурой к печати. В силу чего Старина в исправленном виде опять послана в цензурный кабинет, а в такой ошибке виноваты Вы, Павел Никитич, как человек превелико опытный в делах печати.

Уважающий Вас М. Юдин

P.S. Выборов городского главы не было, еще не утверждены выборы гласных.

10.

Многоуважаемый Павел Никитич!

Наконец-то последовало разрешение о выпуске «Старины», которая и отправлена согласно письму сестре Вашей.

М. Юдин

16/VI 1898 г.

11.

5 ноября 1898 г.

Многоуважаемый Павел Никитич!

Сейчас я получил письмо из Москвы от книжного магазина «новое время» с просьбой выслать 10 экз. книг «Старина» железной дорогой с установленной скидкой, о чем считаю долгом сообщить Вам и, пользуясь случаем, свидетельствовать мне к Вам глубокое почтение и уважение.

М. Юдин

Письма Ф. и А. Комаревых к П.Н. Тиханову [14]

1.

Товарищество Бр. Ф. и А. Комаревы
В контору Брянского Вестника

Милостивый Государь.

При сем прилагаем пять рублей серебром на получение от Вас Брянского Вестника на 1895 год, в получение которых просим дать квитанции, если есть у Вас в правиле.

От Т-ва Бр. Ф. и А. Комаревых

1894 г. ноября 29

2.

Уважаемый Павел Никитич.

Поздравляю Вас с Вашим постом и днем Вашего Ангела. Желаю всего хорошего.

Посылаю Вам на сургуче с находной (*найденной* – К.Г.) печати Преподобного Поликарпа.

Остаюсь уважающий Вас покорный слуга Алексей Комарев.

5 марта 1898 г.

3.

Милостивый Государь Павел Никитич!

Письмо Ваше получил с образком, за который благодарю, но печати выслать, к сожалению не могу, так как я уже объявил духовному и старосте что передам в Собор

как документ для угодника, что был монастырь и он уже записал в опись церковных вещей.

12 марта 1898 г.

4.

Брянск 5 декабря 1901 г.

Господину Павлу Никитичу Тиханову в Чернигов.

Милостивый Государь.

Прошу извинить меня за беспокойство, причиняемое Вам. При сем посылаю Вам денег четыре рубля (4 р.) из каковых покорнейше прошу отдать Преподобному Святителю Феодосию на свечи 1 р. 50 коп. На проскомидию 25 коп., на молебен 25 коп. За посылаемые деньги все покорнейше прошу Вас, чтобы помолились о здравии болящего Алексея, а на просверы написать «Алексея» и другую просверу писать Федора и Марию со чадами и прислать две просверы так и Святою воду один пузырек по почте, за что приношу Вам искреннюю благодарность еще раз Вас благодарю. Оставшиеся деньги прошу раздать бедным.

<...>

Всепокорный слуга Ваш Алексей Н. Комарев

5.

Многоуважаемый Павел Никитич!

Честь имею просить Вас всепокорнейше не отказать моей просьбе сходить в контору Русского Паломника и купить в них за 1894 год три номера №4 и три номера №5 и прислать мне наложным платежом или передать сестре эти деньги, а в случае их нет, готовых (*далее неразборчиво* – К.Г.)

На что посылаю 27 марта по 7 на ответ.

Сестру Вашу видел, она жива и здорова, чего и Вам желаю быть здоровым и в делах Ваших Счастливого успе-

ха, остаюсь душой Любящий Вас и покорнейший слуга
Алексей Комарев.

Брянск. 22 января 1903 года

Письма Ангелины (Ульяновой) к П.Н. Тиханову [15]

1.

Ваше Высокоблагородие, Высокоуважаемый Павел Никитич.

Письмецо Ваше имела счастье получить, и книги, пожертвованные Вами в пользу монастыря получила. Приношу Вам мою благодарность, и от всей обители да наградит Вас Господь Бог и в сей жизни и в будущей своими небесными и земными благами за Ваше милостивое внимание к обители. И обязаны молиться о здравии Вашем ежедневно поминать на проскомидии, остальное да воздаст Вам Сам Господь воздаянием благодетельным за все Ваши труды при пожелании вам здоровья и всего хорошего.

Имею честь быть Вашего Высокоблагородия недостойная молитвенница Игуменья Ангелина.

Брянск, 4 августа 86 г.

2.

Ваше Высокоблагородие Высокоуважаемый Павел Никитич.

Благодарю Вас за поздравление днем моего Ангела, посланный Вами 2 бр. чаю и шерстяную материю имела счастье получить, за что и приношу Вам искреннюю мою благодарность за столь милостивое внимание Ваше к моей худости, за что да вознаградит Вас Сам Господь в сей жизни счастьем, а в будущей бесконечной, вечным блаженством, уготованной им для милостивых. А равно и Царица Небесная как непосредственная покровительница всех и своей обители, и Вас наградит и поможет на всем пути

жизни в обители все благополучно. Сестрица Ваша Вам кланяется, я ее уважаю за примерную жизнь и послушание. Злодейство, которое сотворили убийство, нашли. Уже сидят в остроге в оковах, два брянских, третий – Карачевско-го уезда. Цель их – обокрасть церковь. У них были подобра-ны ключи и между себя мерились кому сторожа (сторо-жем) быть. Верите Богу, едва могла эту скорбь вынести.

При пожелании Вам совершенного здоровья и дол-годенствия имею честь быть Вашего Высокоблагородия недостойная молитвенница Игуменья Ангелина.

11-го ноября 1886 г.

3.

Милостивый Государь, Высокоуважаемый Павел Никитич!

Позвольте обратиться к Вам с моею покорнейшею просьбою. Наш храм оказался опасным и [мы] получили разрешение разобрать до основания и строить новый, а средств у нас нет никаких. Нынешний голодный год много принес скорби. Я вынуждена обратиться к благотворите-лям, посылаю воззвание и прошу Вас отпечатать в газетах в более распространенных в «Сын Отечества» или в каких других, да еще прошу Вас, не будет ли у Вас каких благо-детелей хотя несколько помочь в нашей горе, чем много обяжите обитель молиться за Вас. Главное дело нечем начать разбирать и обитель должна терпеть несколько лет.

При пожелании Вам здоровья и всего хорошего. Го-товая к услугам Игуменья Ангелина.

6 августа 1892 г.

Воззвание.

Православные Христиане!

Во вверенном мне монастыре Брянском Петропав-ловском Женском Орловской епархии, двухэтажная ка-

менная церковь, построенная: нижний – теплый этаж в 1840 годах и верхний – холодный 1850 годах, в настоящее время дали в восточной и западной стенах такие сквозные сверху до фундамента трещины, что совершать в ней богослужение опасно, и с разрешения Епархиального начальства приходится разобрать ее до основания и на том же месте построить уже новую каменную одноэтажную. Средства на это монастырь положительно не имеет, одни надежды на благотворителей, потому я с разрешения Епархиального начальства обращаюсь ко всем милостивым благотворителям с усерднейшей просьбой помочь в таком безвыходном положении своими посильными жертвами. Уделите, православные христиане, от щедрот своих по возможности кто что может на указанный предмет, за что воздаст Вам Господь Бог сторицей, мы же за Ваше благоотворение будем возносить к Всевышнему и Его Пречистой Богоматери свои недостойные молитвы о здравии и благоденствии Вашем.

Адрес: г. Брянск Орловской Губ. Настоятельнице Брянского Петропавловского женского монастыря Игуменье Ангелине с сестрами.

4.

Милостивый Государь, Высокоуважаемый Павел Никитич!

Имею честь поздравить Вас с Новым Годом с искренним моим пожеланием здоровья и утешения и всего лучшего. И Вас благодарю за поздравление с Новым годом и за напечатание Воззвания в Сыне Отечества, чрез которое получила всего почтою 3 рубля. Такая нам скорбь. В этой церкви холодно, а новую мы в двадцать лет не соберемся выстроить. Сборы плохие и средств у нас нет и поправить ее дорого будет стоить. Усердно Вам кланяюсь, уважающая Вас Игуменья Ангелина.

(Письмо без даты, но на листах стоит штамп Петербургского почтамта от 4.1.1893 г. – К.Г.)

5.

Высокоуважаемый Павел Никитич.

Письмецо Ваше и Петропавловский экземпляр имела удовольствие получить. Премного благодарю Вас за труд, который Вы приняли. Как Вам Господь помог собрать многое множество. Велик Ваш труд, да и большое Вам будет воздаяние от Господа. Это труд святой и для святой обители. Награди Вас, Господи, и в сей жизни и в будущей своими небесными и земными благами и мы будем молиться о Вашем здоровье и долгоденствии. Извините Бога ради за мой медленный ответ. С каждым днем новые дела. Надеялась собрать что-нибудь для Вас, ничего не успела. Что только могу, примите к сведению.

При первоначальном учреждении м[онастырю] пожертвовано брянским помещиком секунд-майором Иваном Алексеевичем Мальцевым 8570 рублей, а настоятельницею Игуменьей Иринархою увеличено до 10 тысяч серебром. Эта та благородная особа, о которой Вы писали.

Все принадлежащее монастырю имущество, ризница и рукописи, монахи увезли с собой, что только ненужное оставили. Монах из нашего монастыря находится в Елецком монастыре наверно, не знаю, и кажется, что настоятелем в оном.

Настоятельницы

1. Монахиня Августа – фамилии неизвестно.
2. Игуменья Иринарха Закоркина
3. Игуменья Амфилохья Обеткова
4. Игуменья Павла Коренева
5. Игуменья Мареонилла Фролова
6. Игуменья Викентия Клицова
7. Игуменья Ангелина Ульянова.

Игуменья Викентия выстроила два корпуса двух этажах, два на каменном фундаменте. Ангелина избрана 5 марта, жезл игуменьи вручен 16 мая. Мною выстроен корпус для гостиницы двухэтажный – низ каменный, верх деревянный.

В настоящей церкви Петропавловской случившимся 1852 года 11 июля разразившимся над церковью громовым ударом стрела громовая пробила стекло и в иконостас. Обожжено ею 6 колон вызолоченных и несколько карнизов даже и 9 колонн остальные 3 немного повреждены и обратно вылетела вон, куда вошла не повредив ничего.

И меня посетил Господь 1885 года 16 июня. Сильная гроза, град с ливневым дождем, от которого упала каменная ограда на пространство 60-ти аршин в обеих церквях. В трапезе и в кельях сестер побило окна и сорвала некоторые крыши. И выбило овощь в огороде и за монастырем коноплю. Такое же происшествие у нас было 1880 году месяца июня, кажется, того же числа. Ограда падала все в одном месте. Древних икон не заметно, а есть у нас много частиц мощей, которые хранятся в напрестольных крестах и в С. Иконах. Еще не знаю, что для Вас будет нужно. Много не затрудняйтесь, довольно хорошо. И очень хорошо покорнейше прошу со временем пришлите десяточка 3 экземпляров, годится кому-нибудь подарить.

При пожелании Вам от Господа Бога здоровья, благоденствия и душевного спокойствия, а в будущей жизни вечного блаженства уготованного. Любящим господа недостойная молитвенница Ваша Игуменья Ангелина.

(Письмо без даты – К.Г.)

* В переписке сохранена авторская орфография и пунктуация.

1. ОР РНБ. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л.6. Тиханов Павел Никитич. Протокол заседания Брянского городского суда по обвинению П.Н.Тиханова в насильственных действиях против крестьянина А.Волкова и апелляция П.Н. Тиханова в Брянский уездный съезд по этому делу. 5-20 сентября 1895 г. Брянск.

2. ОР РНБ. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 105. Л. 1-2. Прошение председателю Черниговской губернской архивной комиссии гр. Г.А.Милорадовичу об увольнении Тиханова с должности секретаря. 1 марта 1899 г.

3. Державний архів Чернігівський області. Ф. 127. Оп. 1. Спр. 9046. Арк. 25-30зв. Л.4.

4. ОР РНБ. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 679. Л. 1. Лебедев Н.А. Письмо к Тиханову. 10 октября 1899 г.. Брянск.

5. Там же. Л. 2.

6. Там же. Л. 1.

7. ОР РНБ. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 1003. Л.10. Юдин Михаил Иванович, владелец книжного магазина и типографии. Письмо к Тиханову. 31 марта 1898 г. Брянск.

8. ОР РНБ. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 1003. Л.3. Юдин Михаил Иванович, владелец книжного магазина и типографии. Письмо к Тиханову. 6 марта 1895 г. Брянск.

9. ОР РНБ. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 404. Л. 2. Ангелина (Ульянова), игуменья Петропавловского женского монастыря в Брянске. Письмо к Тиханову. 11 ноября 1886 г.

10. Там же.

11. ОР РНБ. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 404. Л. 9. Ангелина (Ульянова), игуменья Петропавловского женского монастыря в Брянске. Письмо к Тиханову. 1893 г.

12. ОР РНБ. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 679. Лебедев Н.А. Письма (6) к Тиханову. 1899 г. Брянск.

13. ОР РНБ. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 1003. Юдин М.И. Письма (11) к Тиханову. 1894-1898 гг. Брянск.

14. ОР РНБ. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 645. Комаревы Ф. и А. Письма (10) Тиханову. 1894-1904.

15. ОР РНБ. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 404. Ангелина (Ульянова). Письма (7) к Тиханову. 1886-1893.

Е.Е. Черненко,

*кандидат исторических наук, доцент,
Черниговский государственный
педагогический университет
им. Т.Г. Шевченко (Украина)*

Материалы археологических исследований С.А. Гатцука 1901 г. на территории Брянщины

Материалы археологических исследований Семёна Андроновича Гатцука на территории Брянщины в 1901 г. (рукописи, входящие в состав так называемых «Археологических журналов», и находки) поступили в Черниговский Предварительный комитет по организации XIV Археологического съезда в 1907 г.

По окончании съезда они были переданы в музей Черниговской губернской учёной архивной комиссии, а с 1923 г. находились в Черниговском государственном музее (в настоящее время – Черниговский областной исторический музей имени В.В. Тарновского) [1]. Впоследствии часть рукописей в составе личного архива Петра Ивановича Смоличева попала в Научный архив Института археологии Национальной Академии Наук Украины в Киеве.

Известно, что П.И. Смоличев в 1923-1931 гг. занимал должность заведующего историко-археологическим отделом Черниговского государственного музея. В 1931 г. он переехал из Чернигова в Запорожье, где работал над созданием музея Днепростроя, а в 1933 г. был выслан в Среднюю Азию как «неблагонадежный». В 1950-х гг., после смерти П.И. Смоличева, его личный архив передали из Таджикистана в Институт археологии АН УССР [2]. В составе этого архива оказался ряд рукописей других исследователей, в том числе и С.А. Гатцука: отдельные разрозненные документы, а также часть «Археологических журналов». Вероятно, эти бумаги были изъяты П.И. Смоличевым из музея во время его работы в Чернигове. Не вызывает сомнения, что когда-то они составляли единое целое с находящимися в Черниговском музее материалами, в частности, прослеживается единая нумерация страниц.

Таким образом, в настоящее время документы, относящиеся к исследованиям С.А. Гатцука 1901 г., хранятся разрозненно: в Киеве и в Чернигове. До настоящего времени они не были предметом специального рассмотрения; опубликована только весьма краткая информация о сохранившихся в Черниговском музее рукописях [3].

Как можно установить, первоначально материалы 1901 г. включали находки и рукописи, которые «лично или через разных лиц» С.А. Гатцук направил в археологическую комиссию историко-филологического общества при Нежинском институте князя Безбородко, занимавшуюся подготовкой к XII Всероссийскому археологическому съезду в Харькове [4]. Предоставленные предметы были переданы комиссией на выставку съезда, а затем, до поступления в Чернигов, находились в Нежинском институте вместе с рукописями исследователя.

За прошедшее время находки были утрачены, до настоящего времени сохранились только рукописи:

- описание раскопок у с. Дегтярёвка и с. Луговка Мглинского уезда (планы курганных групп и схемы раскопок курганов; информация о топографии памятников, характере местности, где они расположены, легенды о курганах, описание хода работ и т.д.), датированные автором ноябрём 1901 г. [5];
- «Опись предметов древности» из раскопок у сёл Луговка и Дегтярёвка, составленная при передаче материалов на экспертизу в Императорскую археологическую комиссию в 1901 г. [6];
- «Объяснения к находкам» (информация о происхождении, комментарии по поводу бытования, датировки, аналогии со ссылками на литературу и т.д.), датированные 1901 г. [7] (Прим.: В «Археологические журналы» вклеено также несколько фотографий раскопок курганов 1901 г. К сожалению, в настоящее время изображения на них невозможно различить).

Следует отметить, что датировка «Объяснений к находкам» 1901 г. вызывает определённые сомнения, т.к. в их тексте содержатся ссылки на переписку с Императорской археологической комиссией (далее – ИАК) в 1902 году. Скорее всего, они были составлены в конце 1902 г. для археологической комиссии в Нежине: в материалах комиссии упоминается подробная информация о находках, записанная «со слов С.А. Гатцука» в инвентарные книги [8].

Как отмечается в «Археологических журналах», курганная группа у с. Дегтярёвка привлекла внимание С.А. Гатцука многочисленными слухами о находках древностей (Прим.: Цитаты из рукописей С.А. Гатцука, выделенные курсивом, приводятся без изменений в написании): «В уез-

де много лет назад ходили слухи, что окрестные жители раскапывают курганы и извлекают вещи для продажи скупщикам, что в реку в последнее время начали обваливаться курганы, что нередко на берегу можно найти остатки скелета и т.д. Всё это побудило меня произвести раскопки» [9].

Могильник у с. Дегтярёвка включал, по подсчётам исследователя, 75 насыпей высотой от 2 до 4 аршин (Прим.: *Согласно пояснению С.А. Гатцука, «шаг взрослого человека равен 1 аршину»*; см. *Научный архив ИА НАНУ. Ф.6. Д.91. Л.6.*), расположенных в урочище Иваничи, на правом берегу р. Ипуть, по двум сторонам болотистой низины [10].

Многие насыпи носили следы грабительских раскопок. В описании работ приведены сведения о находках из двух курганов – разграбленного местными крестьянами в 1897 г. [11] и раскопанного бывшим здесь на охоте секретарём Мглинской управы «из любопытства» в 1900 г. [12].

Как удалось узнать С.А. Гатцуку, курган 1897 г. содержал женское погребение с богатым набором украшений (ожерелья, браслеты, серьги). Он отыскал и приобрёл у местной жительницы некоторые из этих вещей (золотостеклянная бусина и обломок шейной гривны; см. вклейку, рис. 1) [13]. Более подробные сведения были получены от секретаря Мглинской управы, который сообщил, что открыл захоронение, совершенное по обряду трупоположения, головой на запад. Инвентарь погребения состоял из железного поясного кольца (см. вклейку, рис. 2) [14].

С.А. Гатцуком был составлен план курганной группы и раскопано два кургана: №33 [15] и №26 [16], согласно его нумерации. Раскопки проводились силами местных крестьян. Копали курганы траншеей, проходившей через центр насыпи. Землю в первом кургане тщательно просеивали через сита для просушки зёрен, взятые у местных жи-

телей, а вот при раскопках следующего кургана крестьяне отказались это делать, чтоб не осквернять сита землёй из-под трупа [17].

В обоих случаях были обнаружены безынвентарные, ориентированные на юг погребения по обряду трупоположения, судя по описанию – с золистой подсыпкой (*«слой песку, перемешанный с золой»* [18]). В насыпи кургана №33 удалось зафиксировать следы деревянной конструкции: *«... можно предположить, что были поставлены два столба при начале погребения для определения настоящего положения похороненного трупа. Расстояние столбов между собою было 8 вершков, причём они поставлены были на линии запад – восток»* [19]. Там же обнаружены два фрагмента гончарного сосуда (см. вклейку, рис. 3) [20].

Собранные у крестьян немногочисленные находки из разграбленных комплексов и фрагменты сосуда из кургана №33 С.А. Гатцук направил для определения в ИАК. Согласно заключению, предоставленному ИАК, они датировались XI веком [21].

Курганная группа у с. Луговки к моменту раскопок состояла из 30 насыпей высотой 2,5-3 аршина, расположенных компактной группой (см. вклейку, рис. 4). По предположению исследователя, первоначально их было значительно больше: так же, как и курганы у с. Дегтярёвка, могильник у с. Луговка подвергался грабительским раскопкам. Только за последнее время один из курганов раскопал *«из любопытства»* местный крестьянин, а ещё один, тоже из любопытства – сельский священник [22].

С.А. Гатцук составил схему могильника и провёл исследование одной из *«надмогильных насыпей»* (№26) [23]. Так же, как и у с. Дегтярёвка, раскопки проводились траншеей, проходившей через центр насыпи. Во время раскопок была найдена разрушенная кирпичная кладка,

как можно установить из описания – остатки склепа, врезанного в полу кургана (кирпичи, переданные в ИАК, определены как польские [24]; возможно, т. наз. литовский, желобчатый кирпич – ?). Обнаруженное погребение относилось к более раннему периоду. Погребальный обряд был близок зафиксированному у с. Дегтярёвка: погребённый лежал в вытянутом положении, головой на запад, на золистой подсыпке. Сопровождающий инвентарь отсутствовал.

Одновременно с раскопками кургана С.А. Гатцуком были собраны у местных жителей некоторые находки из окрестностей села. В рукописях упоминаются:

- «медная змейка-дракон» (см. вклейку, рис. 5) [25];
- шиферное пряслице (поверхность пряслица соскоблена, т. к. нашедший его крестьянин пытался лечить порошком шифера больной живот) [26];
- створка креста-энколпиона (по С.А. Гатцуку – наперстный крест), датированного в ИАК XIV – XV вв. (см. вклейку, рис. 6) [27].
- «Неопределённая поделка некурганного происхождения» (по рисунку и описанию – бронзовый, сложнопрофилированный стержень), отнесенная автором к «периоду не позднее XVII – XVIII веков» (см. вклейку, рис. 7) [28].

Больше всего С.А. Гатцука заинтересовала зооморфная пластина. Он не отправил её в Нежин, а передал в Императорский Эрмитаж. В изображении на пластине исследователь видел дракона («эмблему народа монгольского племени самого раннего периода») и, хотя в Петербурге находка была признана не имеющей аналогов и не поддающейся определению, считал её воинским значком

орд Батыя или Тохтамыша [29]. К сожалению, сегодня невозможно проверить это утверждение. Отыскать сведения о дальнейшей судьбе «дракона» не удалось, а сохранившийся рисунок С.А. Гатцука передаёт только общие черты предмета.

Исследования 1901 г., по собственному признанию С.А. Гатцука, стали его первыми шагами в археологии. Он называет их пробными и дилетантскими в письме Константину Михайловичу Поликарповичу в 1907 г. (Прим.: *Пользуясь случаем, благодарю А.А. Чубура за предоставленную возможность ознакомиться с подготовленными им к публикации материалами переписки С.А. Гатцука и К.М. Поликарповича.*): «раскопки 1901 г. были произведены пробные и дилетантские, само собою разумеется, они для науки не представляли интереса и потому не были напечатаны, так как дали бы больше этнографии, чем археологии. Это были мои первые шаги по работе в археологии» [30].

Подобная оценка раскопок 1901 г. в целом справедлива: в описании работ преобладают наблюдения этнографического характера (характеристика пахотных угодий, быт и нравы крестьян, местные легенды и т.п.). В то же время для современных исследователей безусловный интерес представляют описания курганных групп у сёл Дегтярёвка и Луговка, а также сведения об отношении населения Мглинского уезда рубежа XIX-XX вв. к археологическим памятникам (информация о грабительских раскопках, о судьбе находок и т.п.).

1. Ясновська, Л.В. «Археологические журналы» Семёна Гатцука / Л.В. Ясновська, О.Б. Коваленко // *Словяно-руські старожитності Північного Лівобережжя*. – Чернівці, 1995. – С. 109-111.

2. См.: Станіцина, Г.О. Петро Іванович Смолічев / Г.О. Станіцина // Археологія. – 1992. – №2. – С. 101-111; Коваленко, В. Петро Смолічев і перші дослідження в Шестовиці / В. Коваленко, О. Черненко // Три століття гуманітарної та педагогічної освіти в Чернігові. – Чернігів, 2001. – С. 92-100. Черненко, О.Є. Петро Іванович Смолічев (Бібліогр. покажч.) / О.Є. Черненко, В.Г. Мудрицька // “Історики та краєзнавці Чернігівщини”. – Чернігів, 2007. – Вип. 9.

3. Ясновська, Л.В. Указанная работа / Л.В. Ясновська, О.Б. Коваленко. – С. 110.

4. Доклад председателя историко-филологического общества при Нежинском институте князя Безбородко, проф. М. Бережкова о занятиях археологической комиссии. – Нежин, 1903. – С. 19, 20; Сборник Историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. – Т. IV. – Нежин, 1903. – С. 13.

5. Научный архив Института Археологии НАН Украины (далее – ИА НАНУ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 90. Раскопки курганов при селе Дегтярёвка Мглинского уезда Черниговской губернии. Л. 1 – 41; ИА НАНУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 91. Раскопки курганов при деревне Луговке Мглинского уезда. Л. 1 – 12.

6. ИА НАНУ: Ф. 6. Оп. 1. Д. 90. Л. 42. Приложение Е. Перечневая опись предметов древности из раскопок при дер. Луговке и с. Дегтярёвка; Там же. Л. 43. Приложение Ж. Записка Гатцука о порядке дополнения «Перечня...»

7. Черниговский областной исторический музей им. В.В. Тарновского. Ал 43-2/II/532. Археологический журнал. Л.1 – 48; ИА НАНУ. Ф. 6. Д. 92. Л. 1-5.

8. Доклад председателя историко-филологического общества при Нежинском институте князя Безбородко, проф. М. Бережкова. – С. 19.

9. ИА НАНУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 90. Л. 12.

10. Там же. Л. 12 – 16.
11. ИА НАНУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 90. Л. 21 – 22, 33 – 34.
12. Там же. Л. 34 – 35.
13. ЧОИМ. Ал 43-2/II/532. Л. 17-23; 31 – 38.
14. Там же. Л. 27 – 30.
15. ИА НАНУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 90. Л. 16 – 21.
16. 1 Там же. Л. 22 – 33.
17. 1 ИА НАНУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 90. Л.
18. 1 Там же. Л. 19.
19. 1 Там же. Л. 28.
20. 1 ЧОИМ. Ал 43-2/II/532. Л. 47 – 48.
21. 1 Там же. Л. 27 – 30, 47 – 48.
22. 1 ИА НАНУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 91. Л. 4 – 7.
23. 1 Там же. Л. 7 – 12.
24. 1 Там же. Л. 9, 11 об.; Д. 90. Л. 41.
25. 1 ИА НАНУ. Ф. 6. Д. 92. Л. 1-5
26. 1 ЧОИМ. Ал 43-2/II/532. Л. 7-16
27. 1 Там же. Л. 24-42
28. Там же. Л. 43-46
29. ИА НАНУ. Ф. 6. Д. 92. Л. 5.
30. Чубур, А.А. Очарованный древностью. Константин Михайлович Поликарпович: жизнь, открытия, ученики / А.А. Чубур // Навука и техника. – Минск. В печати.

В.Г. Мудрицкая,
*старший научный сотрудник,
Черниговский исторический
музей им. В.В. Тарновского
(Украина)*

Тетрадь по топонимике Семена Гатцука

В Черниговском историческом музее имени В.В. Тарновского хранятся так называемые «Археологические журналы» Семена Андроновича Гатцука, народного учителя школы с. Старые Чешуйки Мглинского уезда Черниговской губернии. Семен Андронович активно изучал историю родного края, проводил раскопки, собирал материалы по истории, этнографии, архитектуре, то есть представлял «классический тип краоведа-универсала» [1].

Большая часть огромного наследия Гатцука, к сожалению, сохранилась в рукописях. Основной массив материалов находится в историческом музее имени В.В. Тарновского (Ал 45/1-5/532). Однако часть материалов оказалась в личном фонде археолога Петра Ивановича Смоличева, хранящемся в научном архиве Института археологии Национальной Академии Наук Украины. Это – письма, заметки по этнографии, археологии, охране памятников археологии, написанные в основном в 1900-1901 гг. Одна из таких тетрадей – рукописный текст на 12 листах, написанный рукой Гатцука черными чернилами (НА ИА НАНУ Ф-6, №94), объединенных под названием, данным архивными работниками:

«Архив П.И. Смоличева.

Гатцук С.А.: а) «Объяснительная записка» (вопросы топонимики), б) «Список селений всей Черниговской губернии, название которых необходимо объяснить».

г. Мглин Черниговской губернии,

30.11.1901 г.

Автограф. Рос. Мов. 12 арк.»

Содержание документа касается, в том числе, и северной части Черниговской губернии, ныне входящей в состав Брянской области. Полный текст этой тетради мы публикуем ниже. Комментарии-пояснения (выделены автором публикации курсивом) сделаны разными чернилами

и разным почерком (возможно, взявшим тетрадь П.И. Смоличевым).

Эта работа явно осталась незавершенной. Возможно, П.И. Смоличев не случайно взял эту тетрадь, а хотел ее завершить. Иногда гипотезы о происхождении названий правильны, иногда нет, но С.А. Гатцук не претендовал на узкую специализацию. Выдвинув идею, он обращался за помощью к более серьезным ученым. Жаль, что этот конспект будущей работы так и остался конспектом, но даже в таком виде он представляет безусловный интерес для исследователей Черниговской, Сумской и Брянской земель, объединенных общей историей. Возможно, кто-то из современных исследователей возьмется за завершение этого труда по топонимике.

«Археологический журнал. 346.

Объяснительная записка.

Этимологическое объяснение слов, даваемых народом селениям, хуторкам, рощам, пахотным, сенокосным угодьям и т.д. вытекает из логической последовательности. Историю любого края, города, селения, урочища в том или другом месте нашего обширного отечества мы так мало знаем, так мало в наследие получили от своих предков памятников, что опустить объяснение названий селений, равносильно отказаться от всякой попытки розсеять далекий мрак прошлого и рисковать приготовить такой же исторический мрак своим будущим потомкам... Что название села, города, рва, реченки всегда идет об руку с историей – вне всякого сомнения. Например, предположим, что мы не знали бы кто выстроил Санкт-Петербург. По частям, анализу слова мы добираемся, что слово – немецкое, состоит из глагола, собственного имени, в переводе означает основал Петр город. – То самое может относиться к словам: Екатеринославль, Екатеринбург, Смоленск, Курск,

Новороссийск, Конотоп, Новгород, Юрьевск, Бородино, Дон, Ходынка и т.д.

Даже, разбирая сущность нашей славянской азбуки, мы не получаем тоже полного представления ея: я буквы знаю, говорю добро и т.д.? Кому не известен бывший ужас положения безсмысленно (*Здесь и далее подчеркнуто автором*) повторявшего «аз-буки-веди-глаголь-добро ит.д. с целью научиться читать? А между тем маленькое посильное его уму, объяснение, одухотворение, реальность этой кажущейся тарабарщины сразу изменяет дело... Пробуждается ум, образы, до той поры не только не ясные, но даже не поддающиеся аналогии светлеют, получают облик слова – половину дела сделано...

Не то ли самое у нас, русских с историей своего родного края? «Рюрик, Синеус, Трувор, варяги, Аскольд, Дир» и т.д. не та-ли самая тарабарщина, привевшая нас, русских к тому, что мы так ... смутно знаем историю славян.

Быстро разрушаются русские памятники: распаиваются курганы, уничтожаются даже следы далекого прошлого; сближение с западом внесло тысячи слов, понятий, завершилось космополитизмом, минуя такую важную подготовительную отрасль, переходную ступень, что ли, как любовь к родине, к своему родному...

Вот исходя из этой точки зрения, объяснение названий сел, деревень, урочищ заслуживает отдельного внимания. Берем любое слово, ну положим, «Волкодавск», «Сольвычегодск», «Крутояр» и т.д. – разве мы не читаем прошлое населений, где давили волков, выгодно добывали соль, поселились вблизи крутого рва и т.д.? разве, толкуя, фонетически, положим, слово «Почеп», мы не определяем сразу бывшей границы Московского государства с Малороссией, если Почеп, по анализу, состоит из предлога – по

и существительного – «чеп» (затвор, замок, граница? По – чеп = по затвор = по крепость = по заставу = по границу?)

Предпринимаемый посильный труд – объяснение селений Черниговской губернии, насчитывающих у себя от 60-100 дворов (значит обладающих прошлым), при комбинации, фонетическом значении, подведении под общие законы, систему, быть может, прольет несколько света в историческое прошлое края.

Всех селений губернии (от 60-100 дворов) насчитывается 2451, из них 182 названия очевидно занесенные пришлым народом, в числе них находится 36 названий, вероятно татарских поселений. Не предрешая еще будущих выкладок и общих законов, достаточно сказать, что даже при беглом просмотре, оказываются уезды насчитывающие только 2-3% татарских слова, в то время как другие имеют у себя до 30-40%: уже одно это заставляет думать, что владычество татар было в одних местах сильное, в других слабое; в одном месте они могли оставить глубокие следы, в то же время – другом лишь коснуться... А с этим необходимо считаться.

Объяснит. записка не более, как конспект будущей работы, и автор чрезмерно будет признателен всем за объяснение некоторых слов и, вообще, пособие, для чего оставляется белая страничка.

Мглин Черниговской губернии.

Семен Андронович Гатцук.

1901 30.11.

Список селений всей Черниговской губернии, название
которых необходимо объяснить

Буда *«буду» склеп для покойников*

Неглюбки

Увелье *Увидь?*

Ардон

Гута *сарай изба с печью*

Казаричи
Влазовичи *«Власьи»*
Сенча
Батуровка *батура вышка крепость городок Баториевка*
Харминка
Субовичи *сувой*
Жемердиевка
Чиграи
Сураж
Далисичи
Удебне *удобное?*
Летяхи
Унечь
Тулуковщина *есть татарское слово тулук угол, грань*
Уношев Юношев
Халиевичи *от имени тюркского?*
Веприк
Тарутино
Ивайтенки
Дадаровка
Попсуевка *попсовать испортить?*
Балыки *балык =рыба*
Вяльки
Лопазна
Кадецк
Баклан *тат. Баклан дикий гусь*
Шленговка *шленгать*
Савлуково *фамилия?*
Нетяговка
Шеверды
Кромово *крома рубец?*
Почеп *жердь у колодца?*
Бахаричи
Басмола

Витовка *Витовт*
Вормино
Врянцы
Велюханы
Веркиевка
Балыкино
Гринево *гриднево*
Олефин
Кистер
Лыщичи лыщица рыжие?
Халиевичи
Истровка
Дешковичи
Таврика
Стратива
Пантусово от фамил.
Чаусы *чаус_сорт винограда*
Витемля
Валуец
Абаринка
Газуки
Брахлов
Янжуговка от фамил
Обтени
Каташин
Туросна
Гостенка гость купец
Лутенск лут лыко
Кневичи
Куршанов
Замишев займищево заем реки?
Шеломы бугор холм
Фоевичи от имени
Ропск

Хандабовка
Турья *тур бык зубр*
Бречь
Хороброчи
Ваганичи *ваган мужик*
Кусеи
Радуль *радость , радушие рада- совет*
Семаки *Семен*
Автуничи
Клюсы
Жоведь
Баханы
Весь
Смяч
Невкля
Аткильня
Ярыловичи
Ловинь
Плехов
Кези
Выбли
Гучинь
Кувечичи
Рогощь
Киенка
Ильгов
Пакуль
Ковпыта
Ковчин
Жеведь
Яцов
Осняки
Сядричи
Друцкое

Гаях *гай*
Дягово
Бречь *брешь*
Максаки
Якличи
Лементаровка *райментаровка?*
Жукля
Шабалинов *от фамилии? Шабала - ложка*
Вовна
Ивоть
Свиржь *свиреж*
Смячь
Чулатов
Стахорщина
Печенюги *печенеги*
Фаевка
Гиринь
Кренидовка
Слоут *слой прослойка?*
Семань
Ловра
Холзунов
Щебры *шабры соседи*
Ховзовка
Янполь
Имшаны
Свеса
Ворголь ?.....
Атюша
Каразубин
Клишки
Олимань
Карильск
Реутинцы

Локня
Бужанка
Обтов
Батурин *Баторий?*
Бахмач
Вежи *башня, гора*
Хижки *хижинки*
Жолдаки
Сарнавский *фамил.?*
Денповка
Фесевка
Кунашевка *кушак*
Ичня
Вердер *фамил.*
Рундевизское
Кальчиновка
Британы *братан* брат
Туркеновка турки
Веркиевка Аверкиевка
Кордашев *фамил? Кардап*
Шатура
Шняковка *шняк лодка*
Яхновщина
Мрин *мрия мрак морок*
Кагарлыки есть глагол тат. кагырмаз?
Аксаковка *тат. слово аксак – хромой, но вероятно от фамилии.*
Кобыжча *кобызга дудка вроде кларнета*
Козари
Берлозы *берлозга ?????*
Басань красивая, пригожая.
Ядловка
Брагинцы
Патюты

Бервицы *берва верва* именная ???
Бровары *бровь?* Литовские назв.
Олбинъ
Ошитки
Воропай
Сувидь *суводь*
Сыраи *сырой?*»

Литература

1. Ясновская, Л.В. «Археологические журналы» Семена Гатцука / Л.В. Ясновская, О.Б. Коваленко // Словяно-руські старожитності Північного Лівобережжя. – Чернігів, 1995. – С. 109.

А.И. Кондратенко,
главный редактор
газеты «Город Орел»,
кандидат политических наук, доцент,
Орловский государственный
университет

Новые страницы истории брянской журналистики первой половины XX века (по материалам архивов)

Орёл и Брянск на протяжении многих столетий являются городами с самым тесным экономическим, культурным, информационным взаимодействием. Эту фразу можно повторять и повторять, но с удивлением

приходится констатировать, что нет ни одной монографии на обозначенную тему, да и вообще содержательных публикаций. А это значит, что существует объективная потребность в подобного рода исследованиях по широкому спектру направлений.

В последние годы, проводя поиск в различных архивах Москвы, Орла, Воронежа, Курска, автор обнаружил в Орле и Москве неизвестные прежде сведения о ряде журналистов, чьи судьбы были связаны как с Брянским краем, так и с Орловским. Эта информация ещё не введена в научный оборот, многие факты обнарудутся здесь впервые. Итак, речь пойдёт о биографиях издателей, редакторов, журналистов.

Михаил Иванович Юдин (1860 – после 1908), уроженец села Ивани Малоархангельского уезда. С конца XIX века он жил в Брянске. Был учителем городского училища, владельцем книжных магазинов, платной библиотеки и типографии, занимался издательской деятельностью (здесь, в частности, были изданы работы П.Н. Тиханова «Старина» и «Брянские чудотворцы: святой князь Олег и преподобный Поликарп»).

Орловская исследовательница истории книжного дела Ю.В. Жукова недавно обнаружила в ГАОО ряд документов, позволяющих конкретизировать наше представление о типографии М.И. Юдина. Например, известно, что в 1904 году ее оборудование составляли две скоропечатные машины, одна «Бостонка», один печатный станок, имелось 100 пудов шрифта. Штат насчитывал 10 рабочих и 20 учеников. В 1905 году Юдин пытался передать типографию в аренду товариществу на доверии «Типографский труд» (учредители В.И. Дмитриев и он сам), но власти не разрешили это сделать [1]. Юдин в 1905 году планировал открыть отделения книжного магазина в Орле и у себя на родине – в Малоархангельске (в Бежице отделение магазина

открылось по инициативе администрации Брянского завода в середине 1904 года).

Примечательно, что в январе 1904 года брянский полицмейстер давал весьма благоприятный отзыв о репутации М.И. Юдина [2]. Два с половиной года спустя предприимчивый учитель становится номинальным редактором газеты «Брянский голос» (фактически она являлась органом Брянского окружного комитета РСДРП, но по цензурным соображениям это замалчивалось). В обращении «К читателям» в первом номере газеты говорилось: «Брянский голос» своей основной задачей ставит – быть выразителем нужд и интересов рабочего класса вообще и, в частности, того обширного фабрично-заводского района, культурным центром которого может считаться Брянск, а также представляет собою орган рабочего движения всей Орловской и прилегающих губерний... Вперёд, на защиту рабочего дела во имя пролетарской борьбы и с твердой верой в торжество грядущей победы эксплуатируемых и угнетенных над извечным врагом эксплуататором!» (Брянский голос, 1906, 1 июня).

Уже вскоре после начала выхода газеты «Брянский голос» уездный пристав докладывал руководству, что новое издание оказывает «вредное влияние на спокойствие на заводе», так как публикует статьи, «критикующие действия правительства, восстанавливая против него народ, открыто призывая население к вооруженному восстанию». Газету обвиняли также в «оскорблении императорского величества», «неправильном освещении событий». По распоряжению орловского губернатора на издателя «Брянского голоса» был наложен штраф. Затем Орловский окружной суд принял решение закрыть газету (всего вышло 16 номеров). М.И. Юдин был арестован и заключен в мценскую тюрьму, его судьба после 1908 года неизвестна. Типография, как установила Ю.В. Жукова, была сдана в

аренду Афанасию Афанасьевичу Бахтину и Льву Исаевичу Итину [3].

Андрей Никитич Новиков родился в 1888 году в Воронежской губернии. В годы Первой мировой войны солдатом воевал на фронте, после революции работал корреспондентом (в Воронеже, Иваново-Вознесенске), редактором ряда газет (в том числе с 1924 по 1925 год – «Брянского рабочего»), дружил с Андреем Платоновым. Таковы общеизвестные факты. А вот неизвестная страница биографии Новикова. Нигде в литературе о нём не упоминается, что в 1926 году он был редактором газеты «Орловская правда». Да, судьба у Андрея Никитича сложилась беспокойная, немало поездил он по стране. Но «орловская строка» в биографии писателя, репрессированного спустя полтора десятилетия, оказалась зловеще символичной.

Итак, в конце лета 1926 года редактором «Орловской правды» был назначен приехавший из Москвы недавний редактор «Брянского рабочего». Грядущая перспектива превращения Орловской губернии в один из округов ЦЧО сказывалась и на теряющем вес статусе газеты, и на том, что началась кадровая чехарда вокруг руководящего кресла – редакторы менялись по несколько раз в год. Можно предположить, что для быстреешего преодоления кризиса местное партийное руководство решило пригласить в Орел опытного писателя-журналиста (интереснейшая тема для внимательного исследователя – сравнить тематику публикаций, систему рубрик, подачу материалов в «Орловской правде» и «Брянском рабочем» тех дней, когда газеты возглавлял Новиков; а также сравнить его газетные публикации с текстами изданных впоследствии книг, но, видимо, это дело будущего).

9 августа 1926 года при подотделе печати Орловского губкома состоялось совещание редакторов и редак-

ционных работников с повесткой дня «О рабселькоровском движении». С докладом выступил заведующий подотделом П.С. Лосев, подвергший резкой критике «Орловскую правду» за упущения в организации этого движения. Шла речь о том, что именно губком должен возглавить рабселькоров, отобрав эти полномочия у газеты. Новый редактор «Орловской правды» А.Н. Новиков вступил в спор с докладчиком. Сухие строки протокола не дают возможности во всей полноте представить суть противоречий. Прочитируем запись реплики Новикова: «Этот доклад необходимо было делать редакции, как непосредственно руководящей рабселькоровским движением. Руководителями парторганы не могут быть. Там, где нет стенгазет, и руководства нет. Руководство должно быть через редакцию» [4]. В итоговой резолюции совещания эта точка зрения поддержки не нашла, но примечательно, что против проекта резолюции голосовали все три представителя редакции – Новиков, Андреев и Наумов.

Конфликт стремительно набирал обороты. В начале сентября в своем заявлении ответственному секретарю губкома заведующий подотделом печати П.С. Лосев писал: «До сих пор взаимоотношения работников редакции «Орловская правда» и «Наша деревня» с п/отделом печати Губкома не только не налаживаются, но приобретают какой-то склочный-личный характер.

Началось с того что тт. Новиков и Бахметьев (воронежец Михаил Михайлович Бахметьев, заместитель редактора «Орловской правды», брат известного писателя В.Бахметьева. – А.К.) – по прибытию в Орел не зашли в п/от. печати для ознакомления с работой и согласования некоторых вопросов, возникших в период отпуска т. ЕРШОВА (предшественника Новикова на посту редактора «Орловской правды». – А.К.). На губ[ернское] совещание редакторов тт. Новиков и Бахметьев прибыли не как члены

совещания, а как какие-то эксперты, считающие ниже своего достоинства и обсуждать вопросы губернской печати. Они глубокомысленно молчали за всё время совещания, не внося в него ничего от себя.

В дальнейшем ожидая, что т. Новиков зайдет в п/о печати, я не вызывал его в течение недели и когда я вызвал его запиской (телефон в редакции по какой-то причине был выключен), то т. Новиков написал такой ответ: «т. Лосеву – Если вам нужно со мной переговорить, зайдите в редакцию». Эту записку я приложил к первому моему заявлению с просьбой воздействовать на т. Новикова.

Этим т. Новиков захотел сказать, что он не хочет считаться с п/отд. печати, и это он выразил в разговорах с другими сотрудниками «Орловской правды». Так т. Клоков передал мне, что т. Новиков с самодовольством заявил в редакции что: «Руководство со стороны Лосева он иметь не намерен». Т. Клоков добавил, что т. Новиков в это время (когда он писал мне ответ) был сильно пьян.

Перед тем, как приступить к работе, т. Новиков не дал п/о печати своих соображений по поводу улучшения газеты. Это не дало возможности ни выяснить будущей работы редакции, ни дать указаний из имевшегося опыта. В результате редакция ведет работу вне связи с прошлым и не учитывает, ибо она не может знать прошлых промахов. Качество газеты после «повеселения» ее т. Новиковым я считаю заметно упавшим, ибо массового материала рабселькоров стало меньше. Увеличился репортерский материал и литературные фельетоны. Вместе с тем считаю необходимым указать, что политически неправильно загруживание литературным материалом низкого качества и не связанного с Орловской действительностью (фельетоны т. Новикова).

Проводимая т. Новиковым реорганизация редакции также не согласована с п/о печати и поэтому последнему

ничего неизвестно, что делается с основным кадром работников редакции старого состава. Есть случаи замены одного работника другим, и про это также п/о печати ничего не знает. Это неправильно уже потому, что постановление [...] ясно указывало, что подбор работников редакции ведется через п/о печати Губкома.

Считая неправильным сепаратистское поведение т. Новикова, которое к тому же развращает других работников редакции, я прошу указать ему его место и обязанности на общественной работе. Вместе с тем считаю неправильным замалчивание этого вопроса по моему первому заявлению, ибо п/о печати не имел возможности организационно воздействовать на т. Новикова, не может проводить в жизнь идеологическое руководство «Орловской правдой», которая, кстати, со времени его прибытия в Орел стала заметно хромать в этом отношении.

Отсутствие нормальных взаимоотношений между п/о печати Губкома и редакцией «Орловская правда» ведет к тому, что п/о печати вынужден снять с себя ответственность за этот участок работы.

Орел, 1 сентября 1926 г.» [5]

Стремление руководителя газеты проводить самостоятельный курс, без оглядки на «товарищей из губкома» встретила, как видим, самый решительный отпор. Итог конфликта известен: Новиков был отстранен от работы, редактором «Орловской правды» назначен сам П.С. Лосев, однако, в этом кресле он пробыл недолго – уже в октябре 1926 года его сняли с работы.

Орел был последним провинциальным городом в биографии Новикова – затем он редактировал московскую газету «Батрак», печатался в журналах «Красная новь», «30 дней», «Октябрь», «Новый мир». В 1928 году в издательстве «Московское товарищество писателей» вышла одна из первых его книг – сборник повестей и

рассказов «Барский двор». В следующем году в издательстве «Федерация» – книга «Причины происхождения туманностей. Любительское исследование беспоконного человека». Она подверглась резкой критике «за искаженное изображение героя-пролетария». Непростую судьбу имели и другие книги Новикова (многие написаны на брянском материале): «Повесть о камарницком мужике» (в основе сюжета – крестьянское восстание в конце XVIII века), «Ратные подвиги простаков», «Родословная многих поколений», «Комбинат общественного благоустройства», «Летопись заштатного города» и др. После 1936 года книги А.Н. Новикова вообще не издавались в СССР. Его арестовали в январе 1940 года. Начало Великой Отечественной войны не облегчило участь арестованного: 8 июля 1941 года Новиков был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу, приговор приведен в исполнение 28 июля того же года.

Иван Васильевич Гаврилов родился 24 июня 1904 года в Бежице [6]. После смерти отца в августе 1913 года пошёл работать на рельсопрокатный завод (подмастерью едва исполнилось девять лет!). На протяжении 14-ти лет Иван Гаврилов трудился здесь слесарем (в 1923 году завод получил название «Красный Профинтерн»). В октябре 1927 года происходит неожиданный поворот в судьбе молодого кадрового рабочего – Ивана Гаврилова назначают уполномоченным Госиздата в Бежице. С ноября 1930-го по январь 1931 года он работает заместителем директора театра – дворца культуры. Летом 1930 года становится студентом Всесоюзного коммунистического института журналистики в Москве. По окончании вуза, с июля 1934 года по январь 1935-го он редактор многотиражной газеты на строительстве сталелитейного завода; с февраля 1935 года до осени 1937-го – заместитель редактора городской газе-

ты «Бежицкий рабочий» (в феврале 1936 года переименована в «Орджоникидзеградский рабочий»). После того, как в областной газете «Орловская правда» репрессиям подверглись практически все руководящие сотрудники, Гаврилова 24 октября 1937 года назначают сюда заместителем редактора. В этой должности он не пробыл и года – в июле 1938-го подал заявление о переводе в Орджоникидзеград «по личному желанию, в связи с семейными обстоятельствами». С 1 августа 1938 года Иван Васильевич Гаврилов – редактор ежедневной газеты «Орджоникидзеградский рабочий», по совместительству – корреспондент ТАСС. Однако и в этом качестве ему не довелось долго поработать. 14 ноября 1940 года бюро Орджоникидзеградского горкома ВКП(б) приняло решение «освободить от работы ответственного редактора газеты «Орджоникидзеградский рабочий» т. Гаврилова как не обеспечившего руководство газетой». Дальнейшая судьба Гаврилова неизвестна.

Карл Моисеевич Водопьянов (в ряде воспоминаний коллеги называют его Константином) родился в июле 1909 года в местечке Короп на Черниговщине в семье столяра. С 1928 по 1930 год служил в армии, затем работал прессовщиком на заводе №13 имени С.М. Кирова в Брянске, вступил в 1931 году в ВКП(б). По решению парторганов в том же году был назначен заместителем редактора многотиражной газеты завода №13, а в 1932 году – ее редактором. С сентября 1935 года – редактор районной газеты в Западной области (село Пречистое), одновременно назначен корреспондентом ТАСС. С февраля 1936 года – ответственный редактор городской газеты «Фокинский рабочий» (Дятьково).

К.М. Водопьянов не имел никакого образования, кроме семилетки, в анкетах указывал: «самообразование в кружках и школах партпроса» [7]. В ГАОО сохранилась датированная октябрём 1937 года характеристика редакто-

ра К.М. Водопьянова (подписана и.о. заведующего отделом партпропаганды, агитации и печати Смоленского обкома ВКП(б) Родиным). Характеристика предназначалась Орловскому обкому в связи с тем, что в сентябре 1937 года территория издания (распространения) газеты вошла в состав Орловской области: «Работу знает, растущий работник, но для руководства ежедневной газетой недостаточно подготовлен, нуждается в переподготовке в первую очередь. Допустил большую засоренность редакции. По предложению обкома очистил газету от чуждых и негодных людей. Поступил материал об администрировании, «засоренности» газеты. Проверяется. Материал будет выслан позже». На характеристике имеется рукописная пометка с неразборчивой подписью: «Материал проверялся. В большинстве случаев факты не подтвердились» [8].

29 июля 1938 года решением бюро Орловского обкома ВКП(б) Водопьянов был назначен заместителем ответственного редактора и заведующим партотделом «Орловской правды». Работал в этой должности до мая 1940 года, когда был отозван в распоряжение ЦК ВКП(б) (в годы войны был редактором газеты «Забайкальский рабочий» в Чите, затем редактором областной газеты в белорусском городе Гродно).

Василий Михайлович Балев родился в селе Новый Ропск Новозыбковского уезда Черниговской губернии в 1907 году [9]. В 1928 году окончил политехникум в Новозыбкове, работал учителем школы крестьянской молодежи в селе Мякишево Выгоничского района Западной области, с января 1931 года – заместитель редактора районной газеты «Красное знамя» (Выгоничи). С марта 1932-го по май 1935 года – преподаватель обществоведения сельскохозяйственного техникума в селе Кокино. В июне 1935 года Балев был назначен заместителем редактора газеты «Брянский рабочий» (она тогда имела статус городского

издания); с июля 1937-го по август 1938 года – редактор этой газеты. Затем утвержден в должности редактора областной газеты «Орловская правда», был избран делегатом XVIII съезда ВКП(б).

Вместе с редакцией в октябре 1941 года В.М. Балев эвакуировался в город Елец. Это было самое трудное время в истории «Орловской правды» – журналисты работали под бомбёжками, в крайне сложных условиях прифронтовой полосы. В июне 1942 года Балев уходит на службу в армию: в течение четырех месяцев учился на высших курсах усовершенствования политсостава в городе Белебей (Татария); с ноября 1942 года – начальник отделения информации политуправления Юго-Западного, а затем 3-го Украинского фронта. После Великой Отечественной войны – начальник отделения информации политуправления Южной группы войск (Венгрия), с 1947 года – старший инструктор политотдела армии, с 1948 года – старший инструктор управления по проверке политорганов Главного политуправления Министерства обороны СССР (ГПУМО). С 1954-го по 1961-й год – начальник бюро писем секретариата начальника ГПУМО. Ушёл в отставку в звании полковника, в последующие годы работал редактором «Учпедгиза», старшим редактором издательства «Просвещение». Умер в 1976 году.

Помимо редактора и его заместителей, после 1937 года в редакцию «Орловской правды» пришли и другие новые сотрудники. Особенно, в соответствии с указанием ЦК ВКП(б), накануне войны был усилен собкоровский корпус (до 1939 года из 70 штатных сотрудников редакции только 5 были собственными корреспондентами). Среди новичков были Хайкин (собкор по «Клинцовскому кусту»), Солнцев (собкор в Орджоникидзграде), Ливенштейн (собкор по «Брянскому кусту»), Ефименков (собкор

в Дятково), Коротков, Федоров, Владимир Соколов. Расскажем подробнее о некоторых из них.

Николай Петрович Коротков родился в 1907 году. С ноября 1938 года работал заместителем редактора газеты «Колхозный труд» (Стародуб) [10], в январе 1940 года был мобилизован в Красную Армию. В мае 1940 года по решению Орловского обкома ВКП(б) был направлен на работу в редакцию областной газеты «Орловская правда» на должность заместителя заведующего партотделом, с июля того же года – собственный корреспондент по Севскому, Суземскому и Комаричскому районам. Вскоре после начала войны в его трудовой книжке появилась запись, датированная 11 июля 1941 года: «В связи с переходом на другую работу освобожден от работы в редакции». Стандартная формулировка «другая работа» имеет весьма многозначительный смысл: Короткову предстояло вести подпольную работу на оккупированной территории: именно он руководил газетой «Партизанская правда».

Иван Ильич Фёдоров после окончания Коммунистического института журналистики был направлен в Орел на должность преподавателя областной партшколы. С марта 1938 года – заведующий торгово-советским отделом «Орловской правды», затем собственный корреспондент газеты в Брянске. В ноябре 1940 года Фёдоров сменил И.В. Гаврилова на посту редактора «Орджоникидзеградского рабочего», в последующие годы – собственный корреспондент ТАСС по Новгородской, Брянской областям.

Владимир Константинович Соколов родился 29 мая 1910 года на Смоленщине. Окончил ИФЛИ. 16 мая 1940 года решением бюро Орловского обкома ВКП(б) был назначен заместителем редактора и заведующим отделом пропаганды газеты «Орловская правда» [11]. В годы войны входил в оперативную группу Орловского штаба партизанского движения. В апреле 1943 года заместитель ответ-

ственного редактора «Орловской правды» В.К. Соколов был переведен на должность редактора книжного издательства, причем, не ответственным (главным), а рядовым редактором [12]. Вскоре В.К. Соколов вообще уволился из «Орловской правды».

В дальнейшем судьба В.К. Соколова была связана с Брянском – в 1950-ые годы работал редактором областной газеты «Брянский рабочий», был секретарем обкома КПСС, заместителем председателя облисполкома. С 1968 года, почти полтора десятилетия, возглавлял Брянскую писательскую организацию, написал ряд книг. Умер в 1986 году.

И в заключение несколько коротких биографических справок о других орловских журналистах, чьи судьбы также связаны с Брянским краем (здесь мы не ограничимся рамками первой половины XX века, для полноты картины постараемся отметить и тех, кто работал в региональной прессе несколько позже).

Иван Георгиевич Батов родился в Карачевском уезде в 1914 году. Был стажером городской газеты «Брянский рабочий», активно публиковался в газетах Смоленска (тогда – центр Западной области), в «Комсомольской правде». В 1933 году по рекомендации «Брянского рабочего» поступил в Ленинградский коммунистический институт журналистики имени Воровского. С 1937-го года работал ответственным секретарем газеты «Брянский рабочий», с апреля 1938 года [13] – ответственный секретарь областной газеты «Комсомолец» (г. Орёл), с мая 1940 года – редактор этой газеты, с 1944-го по 1947-й год – редактор «Орловской правды».

Герман Пантелеймонович Кривоносов родился в 1906 году, как указано в автобиографии, в посёлке Привокзальной станции Брянск Риги-Орловской ж.д. (в 1930-е годы название этого места было иным – посёлок Володар-

ский станции Брянск). В 1938 году Герман Кривоносов окончил литературный факультет Орловского пединститута, работал преподавателем, инструктором-пропагандистом Орловского обкома ВЛКСМ, с августа 1939-го по май 1940 года – заведующий отделом литературы и искусств областной газеты «Комсомолец». В первые месяцы войны – собственный корреспондент «Орловской правды» в Ельце, затем редактор районной газеты, в послевоенные годы – редактор книжной редакции «Орловской правды» [14].

П.А. Гапонов в 1942-1943 гг. являлся заведующим отделом партийной жизни газеты «Орловская правда» [15]. Сменил Н.П. Короткова на должности редактора подпольной газеты «Партизанская правда». В декабре 1948 года был утвержден редактором областной газеты «Брянский рабочий» [16].

Иван Павлович Журбенко родился в январе 1904 года в селе Глушково Курской губернии в семье железнодорожника. Работал в депо слесарем, машинистом, по партийной путевке был председателем колхоза в Западной области, но вскоре отозван как «ведущий транспортный специалист». С должности машиниста на станции Сухиничи назначен заместителем редактора районной газеты, с января 1934-го по апрель 1936 года – редактор районной газеты «Голос колхозника» (Дубровский район), редактор железнодорожных газет (все редакции – на территории современных Калужской, Курской, Смоленской и Брянской областей). В июле 1939 года переехал к семье в Орел, работал «редактором политического вещания на Орловском железнодорожном узле», с мая 1940-го по май 1941 года – редактор многотиражной газеты шпигатной фабрики «За стахановский метод». Воевал на фронте, стал инвалидом. С июля 1944 года – главный редактор Орловского радиокомитета (проработал в этой должности до февраля 1948

года). С февраля по сентябрь 1948 года был секретарем нового журнала «Блокнот агитатора» (г. Орёл) [17].

Иван Михайлович Патенков родился в 1909 году в Малоархангельском уезде Орловской губернии. Преподавал в Орловском финансово-экономическом техникуме, был лектором горкома ВКП(б), с 1940 года – директор Дома политпросвещения в Орле. В начале Великой Отечественной войны был комиссаром госпиталя в Брянске [18], затем – политработником на Урале (слабое зрение не позволяло ему быть в действующей армии). После демобилизации, в октябре 1946 года, Патенков был утвержден заведующим отделом пропаганды и агитации «Орловской правды», с 1958-го по 1965-й год был редактором этой газеты.

Виктор Васильевич Шуматов родился в 1913 году в Орле. Работал здесь слесарем паровозного депо, заведующим военным отделом горкома комсомола. Окончил Ленинградский коммунистический институт журналистики. В годы войны – начальник отдела армейской газеты, редактор дивизионной газеты. В послевоенные годы – собственный корреспондент ТАСС по Брянской области [19], учился в аспирантуре АОН, работал помощником министра культуры СССР (ноябрь 1953 – апрель 1954), директором музыкального училища в Орле. С июня 1962-го – литсотрудник сельскохозяйственного отдела «Орловской правды», с января 1965-го – заведующий отделом пропаганды, с ноября 1969-го года – заведующий отделом информации. С августа 1970-го года – на пенсии.

Николай Алексеевич Городиский (1918-1991) родился в селе Церковище под Черниговом. Учился в Харьковском пединституте. Воевал на фронтах Великой Отечественной. В 1947-1948 годах – собственный корреспондент газеты «Орловская правда» [20], с января 1949-го по февраль 1951 года – заведующий сельскохозяйственным отде-

лом газеты «Фокинский рабочий» (Дятьково). В последующие годы работал журналистом в Якутии, Казахстане, с 1956 года – во Владимире. Автор романов: «Купавна», «Дойти до тебя нелегко», повести «Лякуртинская трагедия»; сборников рассказов: «Грозы над ромашками», «Пусть мертвые слышат», «Ночь перед тишиной».

Александр Иванович Логутков родился 10 сентября 1927 года в селе Кузьминка Дмитровского района Орловской области. В июне 1944 года был призван в армию, служил курсантом запасного полка. С января 1952 года – ответственный секретарь районной газеты «Сталинская правда» (Брянск) [21], с сентября 1953 года учился в Центральной комсомольской школе в Москве, затем в МГУ. Работал редактором газеты «Орловский комсомолец», затем на протяжении нескольких десятилетий – заместителем редактора «Орловской правды». В течение десяти лет был руководителем Орловского отделения Союза журналистов СССР.

Алла Михайловна Карасик (в замужестве Рыжова) родилась в апреле 1931 года в Новозыбкове. Окончила отделение журналистики Харьковского университета. С 1953 года – корреспондент газеты «Орловский комсомолец», с августа 1959 года – заведующая отделом учащейся молодежи этой газеты. С января 1968 года на протяжении двух десятилетий работала корреспондентом «Орловской правды» [22].

Галина Захаровна Эманова родилась 1 июня 1937 года в городе Торопце Калининской области в семье военного. Семья постоянно переезжала в разные места: станцию Ильино Горьковской области, Иркутск, Воронеж, Брянск. В 1959 году окончила историко-филологический факультет Воронежского университета по специальности филолог. Более двух лет работала в заводской многотиражной газете «Машиностроитель» в Брянске [23], с июня

1962 года – в газете «Орловский комсомолец», была редактором этой газеты, заведующей отделом газеты «Орловская правда».

Николай Николаевич Старченко родился 4 апреля 1952 года в деревне Осинке Суражского района Брянской области (в паспорте указана соседняя деревня Николаевка, где недолго жили его родители, переехав потом в Осинку). Свой первый рассказ опубликовал еще в школьные годы, в неполные 15 лет, в суражской районной газете «Восход».

Окончил факультет журналистики Ленинградского университета. С августа 1974-го по сентябрь 1979 года работал корреспондентом сельскохозяйственного отдела «Орловской правды» [24]: за цикл статей и очерков под рубрикой «Село начинается со школы» и за цикл очерков со строительства БАМа в 1979 году удостоен премии имени И.С. Тургенева областной организации Союза журналистов СССР. Был редактором газеты «Орловский комсомолец» (1979-1981), затем переехал в Москву, где работал главным редактором журнала «Юный натуралист». Основатель и главный редактор издательства «Муравейник»: издает одноимённый журнал о природе (с 1994 г.) и литературно-художественный ежегодник «Охотничий сборник» (с 1999 г.).

Кандидат филологических наук, член Союза писателей России, автор книг: «Черёмуховые холода», «Будет день», «Монолог в апреле», «Косогор», «Небесная подкова» и др.

Завершая краткое рассмотрение заявленной темы, необходимо подчеркнуть, что провинциальную культуру нельзя воспринимать как замкнутую в своих региональных (губернских, областных) рамках. Она практически никогда не оставалась безразличной к инновационным ценностям,

причем их толкователями и пропагандистами нередко становились выходцы из соседних городов, регионов. В обществе всегда есть условия для формирования единого информационного пространства, распространения культурных новаций. Необходимо гармоничное развитие социокультурной среды как в России в целом, так и в ее отдельных частях. Сложение сил двух и более регионов в деле развития системы СМИ может быть весьма продуктивным, позволяет активнее выявлять творческих, способных людей, находить оптимальное применение их потенциалу. Опыт предыдущих десятилетий вполне может быть востребован в XXI веке.

1. ГАОО, ф. 580, ст. 2, дд. 3204, 3247, 3585; ГАОО, ф. 525, оп. 1, д. 660.

2. Переписка с Главным управлением по делам печати и уездными исправниками о рассмотрении прошений владельцев типографий перепечатывать и продавать телеграммы Российского телеграфного агентства о военных действиях на Дальнем Востоке, январь – июнь 1904 г. // ГАОО, ф. 580, д. 3112, л. 2.

3. Подробнее см.: Ю.В. Жукова. Книжное дело Орловской губернии: конец XVIII – начало XX вв. : справочник. – Орел, 2005. – С. 99 – 100; ГАОО, ф. 580, ст. 2, д. 3293.

4. Протокол совещания редакторов и редакционных работников при подотделе печати Орловского губкома ВКП(б) 9 августа 1926 года // ГАОО, фп. 1, оп. 1, д. 1784, л. 62 об.

5. ГАОО, фп. 1, оп. 3, д. 160, л. 38.

6. Личное дело И.В. Гаврилова // ГАОО, фп. 52, оп. 11, д. 538.

7. Личное дело К.М. Водопьянова // ГАОО, фп. 52, оп. 11, д. 493, л. 3.

8. Там же, л. 13.

9. Архивная справка Российского государственного архива социально-политической истории №364 от 24.04.2008.

10. Трудовая книжка Н.П. Короткова // Архив редакции газеты «Орловская правда».

11. Протоколы №21 – 30 заседаний бюро Орловского обкома ВКП(б) 16 мая – 8 июня 1940 г. // ГАОО, фп. 52, оп. 1, д. 849, л. 15.

12. Книга приказов редакции газеты «Орловская правда».

13. Трудовая книжка И.Г. Батова // Архив редакции газеты «Орловская правда».

14. Личное дело Г. Кривоносова // Архив редакции газеты «Орловская правда».

15. Книга приказов редакции газеты «Орловская правда».

16. Архивная справка ГАБО №34-т от 24.10.2007.

17. Личное дело И.П. Журбенко // Архив редакции газеты «Орловская правда».

18. Личное дело И.М. Патенкова // Архив редакции газеты «Орловская правда».

19. Личное дело В.В. Шуматова // Архив редакции газеты «Орловская правда».

20. Личное дело Н.А. Городиского // Архив редакции газеты «Орловская правда».

21. Личное дело А.И. Логуткова // Архив редакции газеты «Орловская правда».

22. Личное дело А.М. Карасик // Архив редакции газеты «Орловская правда».

23. Личное дело Г.З. Эмановой // Архив редакции газеты «Орловская правда».

24. Личное дело Н.Н. Старченко // Архив редакции газеты «Орловская правда».

А.А. Чубур,
*кандидат исторических наук,
профессор РАЕ, доцент,
Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского*

Феномен краеведческой археологии: от романтиков-краеведов к региональным научным центрам

*Их было мало, они были не к месту и не ко времени.
Неудивительно, что они стали героями.
Д. Лукас «Звездные войны»*

Уже с XIX-го века археология в России существовала в двух ипостасях. Первая – столичные научные общества, в первую очередь, Императорская Археологическая Комиссия, трансформированная в 1919 г. в Российскую академию истории материальной культуры (РАИМК), ставшую спустя 7 лет Государственной (ГАИМК). Вторая, так называемая «провинциальная археология», – с конца XIX в. сосредоточилась в Губернских ученых архивных комиссиях (ГУАК). Конечно, нет науки «столичной» и науки «провинциальной», если говорить о взглядах и концепциях. Однако, речь идет не о них, а о типах организационной структуры научного сообщества. После 1917 г. часть представителей академической и особенно региональной археологии покинула Россию, погибла. Эстафету в провинции подхватила часть интеллигенции из распущенных ГУАК, обеспечив преемственность дореволюционных провинциальных научных обществ и краеведческих организаций начала советской власти. Археологические поиски силами оставшихся местных ученых продолжались даже в годы Гражданской войны.

В начале 1920-х гг., благодаря уцелевшим энтузиастам и любителям старины вновь всколыхнулся интерес к отечественной истории и культуре. Стихийно, в разных городах, стали появляться и расти краеведческие бюро, общества и товарищества. На счету местных краеведов немалые открытия. Так, создатель Брянского краеведческого общества – осевший в Брянске петербуржец С.С. Деев – открыл первый в верхнем Подесенье памятник эпохи палеолита – Супоневскую стоянку. Продолжал раскопки в Кветуни Г.М. Поршняков, составивший археологическую карту Трубчевского уезда. В Курской губернии активно работали Л.Н. Соловьев, М.В. Васильков, М.Н. Орлова, Г.И. Булгаков. Начинается учет и систематизация памятников археологии в регионах. Так, учитель и археолог Н.И. Лелянов составил свод, в который вошло свыше 500 археологических памятников. Возобновляется выход периодических региональных научных изданий, пришедших на смену различным дореволюционным «Известиям» ГУАК и Церковно-Археологических обществ («Брянский край», «Известия Курского губернского Общества краеведения» и т.п.). Шло активное сотрудничество краеведов и столичных ученых, встречи и общение на всесоюзных съездах и конференциях. Стали организовываться и совместные экспедиции, например, раскопки Супоневской стоянки силами сразу нескольких столичных структур (МГУ, ГИМ, ГАИМК) и местного научного сообщества.

Однако такая демократичная многополюсная схема не вписалась в планы сталинской диктатуры, выбравшей курс на жесткую централизацию науки и включение ее в государственно-бюрократическую систему формирующегося тоталитарного общества. Чтобы отсечь не вписывавшиеся в систему элементы и приструнить фрондировавшее по обыкновению академическое сообщество, ГПУ сфабриковало «Академическое дело», а затем еще серию «дел»

(«Дело Русского музея», «Дело украинских националистов» и т.д.). Их итогом стало уничтожение не только большей части цвета русской столичной археологии, но и национальных археологических школ в республиках СССР. Оказались в концлагерях ведущие украинские исследователи, такие, как М.Я. Рудынский, И.Ф. Левицкий, П.И. Смоличев, Н.Е. Макаренко. Как «польских шпионов» расстреляли по решению Особого Совещания белорусских исследователей – А.Н. Лявданского, С.А. Дубинского и А.Д. Коваленю. Обобщающую оценку трагическим событиям 1930-х гг. дал в обзорной статье «Археологические исследования в Советской России» финский археолог барон А.М. Тальгрэн (став затем персоной non grata в СССР). Вот как звучат в переводе на русский язык его слова: «Я посетил учреждения в которых мне не встретился ни один сотрудник, который бы работал там в 1928 г. Я могу упомянуть несколько археологов, которые были отстранены: Г. Боровка, И. Фабрициус, М. Грязнов, Яворецкий, В. Козловская, М. Макаренко, А. Миллер (умер), М. Рудынский, С. Теплоухов (умер), А. Захаров, Б. Жуков (умер). Среди них блестящие ученые и достойнейшие люди, преданные и сильные граждане своей страны. Как же должно быть богато человечество, если оно может обойтись без таких интересных людей. Но может ли мир, могут ли Советы позволять себе прерывать творческую деятельность людей, обладающих интересом, энтузиазмом, знаниями и способностями...» (Talgren, 1936, p.149).

Зарождающаяся региональная гуманитарная наука также была раздавлена, начало чему положило «Дело краеведов» 1933-1934 гг., выделенное в отдельное производство из «Академического дела» (Щавелев, 2002). В Центрально-Промышленной области было арестовано 92 человека из Курска, Орла, Липецка, Тамбова и Воронежа. Пятерых расстреляли, остальных приговорили к лагерям

(Щавелев, 2002; ВЦДНИ, Дело краеведов, Ф.9353, Оп.2, д.169676). Сходные дела имели место в Ярославской области и других регионах страны (Сизинцева, 2003). Затем государство попыталось взять остатки краеведческого движения под контроль, усилив и укрепив «идеологически подкованными» кадрами Центральное Бюро Краеведения, курировавшее массу региональных отделений. Однако контролировать краеведов и направлять их в нужное тоталитарному режиму русло было крайне трудно. Проще оказалось поступить по сформулированному Сталиным принципу: «Нет человека – нет проблемы». 10.06.1937 г. вышло постановление СНК РСФСР, запрещающее существование центрального и местных бюро краеведения. Их деятельность была объявлена нецелесообразной. Именно тогда завершилось и существование общества краеведов из Орджоникидзеграда (Бежица, ныне район г. Брянска) – одного из последних в СССР. Вскоре трагически оборвалась и судьба «последних из могикан» довоенной краеведческой археологии: в 1938 г. бежичане Н.И. Лелянов и И.Е. Благодатский были арестованы Орловским ОГПУ, осуждены и расстреляны как «враги народа» по «Сталинским спискам» (Архив Президента РФ. Ф.3. Оп. 24. д. 409-419). Так завершился разгром находившихся в фазе становления региональных исследовательских центров, которые готовы были сформироваться на базе краеведческих обществ.

Итак, широкая национальная и региональная археология, история, этнография, естествознание канули в небытие. Оставшиеся на свободе воспитанники посаженных и расстрелянных краеведов большей частью были еще школьниками или только вступали в самостоятельную жизнь. К счастью, столичная наука, уже скованная догмами марксизма и понесшая огромный урон, имела большой запас прочности.

Если провести параллели между взаимоотношениями в научном сообществе и принятыми в социальной антропологии моделями регулирования межэтнических отношений, мы увидим, что на десятилетия в советской науке установилось абсолютное господство модели «ядро – периферия». Неизбежный итог реализации этой модели – стратификация и последующий конфликт. Функции ядра несла АН СССР. Наделенная экономической и политической властью над научным сообществом страны независимо от ведомственной принадлежности, она диктовала определенные «правила игры». Выход за их рамки грозил, как минимум, отлучением от научной деятельности. Единственным центром отечественной археологии, не столь координирующим, сколь контролирующим, стал Институт Истории Материальной Культуры АН СССР (ИИМК). Институт находился в Ленинграде, в Москве же поначалу создали филиал – МОИИМК. Но в итоге головное учреждение для большей управляемости и надежного контроля было переведено в Москву решением Президиума АН СССР от 09.01.1945 г., ленинградское же учреждение, с его почти вековым прошлым, было объявлено филиалом. Затем ИИМК был постановлением АН СССР от 04.09.1957 г. преобразован в Институт Археологии.

Изучением истории и археологии в регионах стали заниматься исключительно сотрудники государственных учреждений: музеев, архивов и высших учебных заведений. В регионах началось время одиночек. Именно в музеи и вузы стали стремиться в последние предвоенные и в послевоенные годы те, в ком теплилась еще, несмотря ни на что, краеведческая искра. Это новое поколение местных ученых воспитывалось теперь в основном заезжими представителями академической науки, время от времени работавшими в регионах. А так везло немногим: состав экспедиций был ограничен по численности, да и количество их

было не столь велико. Результатом такой совокупности обстоятельств и стал феномен «краеведческой археологии».

Каковы отличительные черты этого явления? Их можно наметить, обобщив творческие портреты целой плеяды исследователей – Ф.М. Заверняева (1919-1994), В.П. Левенка (1906-1985), В.А. Падина (1908-2003), Ю.А. Липкинга (1904-1984), Е.А. Шмидта (р. 1920). Почти все они вошли в краеведение, а затем и в науку либо в последние предвоенные годы, либо в 1940-1950-х гг.

В отличие от массового краеведческого движения своих предшественников, представители краеведческой археологии были, как уже говорилось, малочисленны. В каждом регионе – 1-2 яркие личности, которые часто сочетали интерес к науке с другими неординарными талантами – художественным, писательским, музыкальным, поэтическим, театральным. Они были «универсалами» и в жизни, и в археологии. Если академические исследователи в послевоенные годы превратились, в основном, в специалистов узкого профиля (исключение составляли только «всеядные» в силу обстоятельств руководители спасательных новостроечных экспедиций), археологи-краеведы исследовали все подряд. И хотя на них из-за этого сыпались незаслуженные обвинения и ёрничанье, сдобренное столичным снобизмом («копает все от палеолита до Главлита!»), иначе и не могло быть. Чаще всего «свой» археолог в регионе был один. А обследовать и «контролировать» приходилось весь регион, постоянно сталкиваясь с находками, которые приносят в музей любознательные обыватели. Практически все археологи-краеведы составляли своды памятников и археологические карты, регулярно их обновляя (например, Липкинг, 1975).

Итог – прекрасное знание специфики региона. Не случайно заезжие исследователи старались наладить теплые отношения и активно сотрудничать с местными архео-

логами-краеоведами. Это всегда приносило плоды. Вспомним работу П.Н. Третьякова, Л.В. Артишевской, П.А. Раппопорта с трубчанином Падиным, сотрудничество с брянским музейщиком Заверняевым (который был, кстати, весьма недоверчив к столичным гостям), И.И. Артеменко, работу Л.М. Тарасова, К.Н. Гаврилова, многолетние связи П.И. Борисковского и когорты его учениц с курским археологом и писателем Липкингом.

Впрочем, говорить о том, что у археологов-краеведов специализации не было вовсе, тоже неверно. Так, например, Ф.М. Заверняева наиболее интересовали каменный век и рубеж нашей эры с его сложными этногенетическими процессами. В.П. Левенок отдавал предпочтение эпохе неолита (этому посвящены обе его диссертации – и погибшая в войну, и защищенная в 1970-м) и раннему железному веку. В.А. Падин, в основном, занимался славянскими древностями (впрочем, относя к ним и ранний железный век Десны – наперекор своему оппоненту Левенку). Е.А. Шмидт основное внимание уделил изучению раннего железного века верхнего Поднепровья. Ю.А. Липкинг больше всего уделял внимания «темным векам» – раннему средневековью. Именно в перечисленных областях этими учеными были достигнуты наиболее значительные успехи, вошедшие в сокровищницу мировой науки. Но при этом все оставались универсалами. Шмидт вместе с Заверняевым открывал ранний палеолит в Хотылево. Левенок копал славянские курганы в Кветуни и сарматские курганы в Липецкой области. Заверняев «добывал» 1000-летие Брянска на Чашином кургане (и именно эти его третьестепенные, в общем-то, с научной точки зрения, раскопки обыватели расценивают как главную заслугу!). Падин собирал кости мамонта, копал неолитические стоянки и курганы бронзового века.

Такая ситуация с приоритетами в исследовательской работе унаследована и современной региональной археологией «новой волны». Археологов мало, а стоящие перед ними задачи огромны. Так, автору приходилось волею судьбы исследовать селища и городища всех периодов – от раннего железного века и римского времени до позднего средневековья, несмотря на специализацию в области каменного века. То же можно сказать и о других представителях современной новой региональной археологии. Что же изменилось? В первую очередь, уровень методической подготовки и, как следствие, качество работ.

Археологи-краеведы большей частью словно «консервировали» полученные от наставников в 1940-1950-х гг. методические и практические навыки, имея при этом, по сути дела, нищенскую материальную базу. В итоге глубоко научные, логично и обоснованно поставленные цели и задачи, решались подчас любительскими средствами. В результате качество научного продукта обычно было ниже предъявляемых требований, причем, чем ближе к современности, тем больше. Избежать этого смогли только В.П. Левенок, постепенно перешедший на стезю «академической науки» и написавший таки кандидатскую диссертацию, и Е.А. Шмидт, решившийся на защиту кандидатской, а затем и докторской диссертации. Заметим, что все остальные названные тут археологи-краеведы так и не получили никаких ученых степеней и званий по разным причинам.

Получая в разведке огромный объем материала, они далеко не всегда добросовестно фиксировали памятники («с привязкой к бегущему оленю», как шутили коллеги), а иной раз и вовсе не включали их в отчет, лишь нанося на составляемую карту. Быть может, надеялись на память, а возможно, просто торопились сделать побольше. Так В.П. Левенок в ранних отчетах ограничивался иногда в описа-

нии привязки одним предложением. Порой доходило до смешного: как, к примеру, найти на местности «бугор напротив Брянска» или по прошествии полувека «избушку лесника Фили»? Многие пункты находок, сделанных археологами-краеведами, в настоящее время крайне трудно установить, даже повторный поиск на местности не всегда бывает удачным. Например, стоянку Черепеньки, которую в начале 1950-х гг. копал Ф.М. Заверняев, современные археологи В.Н. Гурьянов и В.В. Миненко разыскивали в течение нескольких сезонов! Впрочем, справедливости ради заметим, что разведочные отчеты столичных «мэтров» начала 1970-х гг. также не всегда были блистательны. Таковы, например, некоторые отчеты о разведках в Подесенье И.И. Артеменко, ставшего несколько позже директором Института Археологии АН УССР.

При знакомстве с полевыми дневниками выясняется, что в отчеты попадала «фильтрованная» информация. Отсеивались сведения из опасения излишне строгого отношения рецензента в Отделе Полевых исследований в Москве, но часто это шло и во вред полноте информации о том или ином памятнике. Многое можно восстановить именно по дневниковым записям: потому полевые дневники археологов-краеведов ныне – ценнейший источник. Так, автор по крупницам «реконструировал» практически не попавшие в отчеты верхние слои бронзового и раннего железного веков Хотылево 2, раскопанные в 1970-х гг. Ф.М. Заверняевым. Курский археолог Н.А. Тихомиров фактически заново опубликовал ставший классикой раннесредневековой археологии Лебязьинский могильник, раскопанный в 1960-х гг. и довольно поверхностно введенный в оборот Ю.А. Липкиным. Нуждается в детальной публикации и крупнейший на Десне Кветуньский курганный некрополь, который не одно десятилетие копал В.А. Падин.

Методика раскопок также была далека от совершенства. Например, Ф.М. Заверняев принципиально не признавал нивелир – в итоге ни один объект в его раскопах (за исключением тех, что попали в профили стенок) не зафиксирован в трех проекциях, что весьма обесценило полученные данные. Часто требующий тонкой работы ножом, кистью, тровелом культурный слой вскрывался грубо и поспешно – штыковой лопатой. Столь же грубо производилась зачистка стенок раскопа, из-за чего «терялась» тонкая геологическая текстура. Порой безупречность отчетов не всегда отвечала реалиям полевого сезона. Временами, например, отсутствующе в реальности темное пятно могильной ямы (наличие которой требовалось рецензентам) «изображалось» на фото с помощью садовой лейки (со слов Б.И. Нефёдова – сотрудника экспедиции Падина). Уникальные изделия из кости и бивня мамонта клеились растворенной в ацетоне фотопленкой. Металл практически не реставрировался, отчего многие коллекции, включая материалы Кветуньского некрополя, безвозвратно разрушаются.

Но при всех методических недостатках и оплошностях работа археологов-краеведов – это огромный вклад в развитие российской науки и культуры. Многие результаты их работы имеют всероссийское и даже всемирное значение: открытие уникальных памятников, накопление массового эмпирического материала и его предварительная систематизация.

Археологи-краеведы по мере сил не только изучали древнейшую историю малой родины, но и, по примеру ушедших в сталинские лагеря учителей и предшественников, популяризировали ее. Как показывает анализ библиографических сводов и газетных подшивок, число их научно-популярных публикаций в местной и региональной прессе (сотни!), как правило, на порядок, а то и два, выше,

чем совокупность аналогичных статей и заметок, подписанных столичными исследователями. В.А. Падин гордился пережившей два издания книгой «Трубчевск». Но особенно ярок вклад в дело популяризации региональной археологии Ю.А. Липкинга, написавшего не только массу заметок в газеты и глав в учебники по региональной истории, но и выпустившего две книги, знакомящие читателя с археологией курщины (Липкинг, 1966, 1972), а также очень достоверно написанный исторический роман «Кудеяров стан». Еще два тома художественно-исторической трилогии Липкинга увидели свет только после его кончины, к 100-летию со дня рождения. Это пример для подражания современным региональным археологам, часто отдающим трудное дело пропаганды своих изысканий в руки «всезнаек» журналистов, занимающихся в последнее время скорее профанацией науки, поиском «жареных фактов», а порой не гнушающихся даже беспардонным подлогом и очернительством.

Всю жизнь археологи-краеведы находились в положении «свой среди чужих, чужой среди своих». В столице к провинциальным подвижникам относились снисходительно, подчеркнуто вежливо. Всегда с готовностью консультировали, советовали, но в «высший свет» археологии не допускали. Некоторых столичных мэтров раздражало то, что провинциалы делают серьезные открытия и не желают «делиться». Так, один археолог пытался, к примеру, с группой студентов «застолбить» для себя открытое Заверняевым и Шмидтом ашело-мустьерское местонахождение Хотылево 1 (тогда самое северное в Европейской России), заложив там свой раскоп. Этому Заверняев, производивший уже раскопки, смог помешать, лишь выбежав «с лопатой наперевес и криком: «Вон отсюда!» (устные воспоминания Заверняева).

А на малой родине подвижников-археологов из-за их наивного, но искреннего энтузиазма считали «чужаками», «не от мира сего». Часто относились с пренебрежением даже к их достижениям мирового значения. Вот Заверняев пишет в полевом дневнике: «Сегодня у нас на раскопках были музейные сотрудники. Лидия Андреевна – наш парторг, спрашивала: «А кто это все открыл?» (Заверняев, 1971). Это реакция на посещение Хотылевского палеолита ближайших коллег ученого!

Осложняло ситуацию и то, что почти все археологикраеведы имели, с точки зрения окружавших их «Нотом советicus», неблагонадежные черты (жизнь на оккупированной территории в годы войны, фашистский плен, ГУЛАГ, ссылка и т.п.). И Падину, и Левенку, и Заверняеву это испортило немало нервов, ученых-подвижников в лицо порой обзывали «врагами народа», «бандитами». Вероятно, не случайно и Ю.А. Липкинг старательно скрывал прошлое, оставаясь для большинства человеком-загадкой. Отсюда – долгие притеснения, сложное материальное положение – и личное, и в обеспечении научных исследований. Минимум оборудования. На разведки и на раскопки часто уходили личные сбережения (к примеру, разведки Левенка в Подесенье и Посеймье в 1956-1958 гг., сразу по возвращению из ГУЛАГа, проводились им полностью за собственный счет) и время собственных отпусков (так Заверняев вел раскопки многослойного селища Устье Госомы и эталонного для региона Почепского селища).

Известность же, если и приходила, то приобретала парадоксальные, трагикомичные формы. Так, в 1976 г., в период небольших охранных раскопок местонахождения Хотылево 1, к Ф.М. Заверняеву подошли некие преподаватель и студентки-практикантки с ест-геофака, переехавшего из Новозыбкова пединститута, и поинтересовались, знает ли он, что раньше в этом месте вел раскопки «сам За-

верняев, который этот памятник открыл?» Федор Михайлович скромно ответил, что о раскопках наслышан, но Заверняева лично не знает. После этого он по дороге к электричке, а затем и в идущем в центр Брянска троллейбусе слушал от незнакомца, якобы близко знакомого со знаменитым археологом, «легенды» о собственных раскопках и мучительно думал: «Кто же он – знающий Заверняева, но не знающий меня?!» (Заверняев. 1976). В народе уже ходили былинные истории, а официальное признание упорно не приходило.

Официозное управляемое краеведческое движение, что было создано в регионах к 1970-м гг., в основном занималось «историей» партийного строительства, коллективизации, революционных событий. Результаты «исследований» проверялись «направляющей и руководящей силой» советского общества – компартией и не могли не носить предвзятый характер с черно-белыми оценками событий и личностей. Яркий пример – альманах «Брянский краевед», разительно отличающийся по содержанию от выпускавшегося С.С. Деевым и его соратниками «Брянского края». Если первые выпуски конца 1950-1960-х гг. еще содержали много научной и методической информации, то позже издание начало выхолащиваться, заполняться идеологической шелухой, засоренной канцеляритом, лозунгами. Возьмем, к примеру, 7-й выпуск «Брянского краеведа» (1974). Открывают сборник статьи: «Первая Брянская областная партийная конференция» историка КПСС доцента И.И. Фишмана и «Созидательная поступь» секретаря обкома КПСС В.А. Смирнова. Не научное издание, а помесь учебника научного коммунизма с передовицей «Правды». А отвечающая требованиям академических изданий публикация Ф.М. Заверняева, вводящая в оборот новый памятник всемирного значения – Хотылево 2, помещена «на задворках», в разделе «Хроника краеведческой работы».

Выпуск 8 пытался было возродить научные традиции (и в этом «рывке» вновь целиком заслуга археологов-краеведов – Заверняева, Падина, Левенка), но такого напряжения сил редколлегия не вынесла: издание тихо скончалось, и 9-й «Брянский краевед», который планировалось целиком посвятить «Великому Октябрю», так и не вышел из печати.

Некоторые наши герои пытались встроиться в это «новое краеведение», может быть, для того, чтобы хоть так получить официальное признание и все к нему причитающееся. Есть, например, работы Ф.М. Заверняева «Положение рабочих Брянского края конца XIX – начала XX вв.» (Брянский край, вып. 5, Брянск, 1973) и серия его статей на эту же тему в «Брянском рабочем»; статья В.А. Падина «В.И. Ленин о нашем крае» (газета «Знамя Октября» от 22.4.1970). Но там, среди красного официоза, места для настоящих исследователей, а не фарисеев-начетчиков, не находилось. К счастью, быть может, поскольку взять под козырёк и начать строчить заметки в «Блокнот агитатора» значило обычно потерять научное лицо.

Многие археологи-краеведы только к концу жизни, когда энтузиазм сменился усталостью, обидой, болезнями, дождались заслуженных почестей. Так, Ф.М. Заверняев, когда к нему уже в 1985 г., в связи с 1000-летием Брянска, пришло, наконец, признание в виде звания «Заслуженного работника культуры» и долгожданной квартиры, с горечью говорил: «Зачем мне это теперь, когда жить осталось так мало и нет уже сил продолжать работу...». Создатель 1000-летия Трубчевска, ставшего поводом для социального и культурного расцвета города, В.А. Падин не получил ни почетного звания, ни награды, ни квартиры. Разбились о мнения чиновники попытки добиться присвоения ему звания «Заслуженный работник культуры». Лишь незадолго до кончины он получил медаль Ассоциации Малых городов России. Ну, а В.П. Левенок вовсе был забыт боль-

шинством коллег в последние годы жизни. Да и в родном Трубчевске не обрел должного почета даже посмертно, к своему столетию. Хотя в Липецке прошла крупная международная научная конференция, посвященная этой дате.

Археологи-краеведы заполнили своей деятельностью лакуну в научном краеведении 1940-70-х гг. Именно одиночки, романтики краеведческой археологии стояли у истоков создания полноценной региональной археологической науки, региональных научных центров. Поэтому следует с большой осторожностью использовать ярлык «дилетанты», который порой пытаются им присвоить иные историки науки и самовлюбленные коллеги. Эти «дилетанты», обычно не имевшие ученых степеней и званий, фактически заложили основу современной региональной археологии, открыв сотни и раскопав десятки памятников, среди которых немало вошедших в сокровищницу мировой и российской культуры. На их, пусть не вполне выверенных методически, данных строятся ныне многие своды и солидные аналитические публикации. Собранные ими материалы продолжают обрабатываться, систематизироваться и анализироваться новым поколением ученых.

Центробежные тенденции зародились внутри самой Академии наук. Ленинградское отделение Института Археологии АН СССР де-юре было составляющей единого учреждения, однако де-факто представляло собой институт со своими научными школами и традициями. В 1991 г. ЛОИА обрело самостоятельность, отложившись от Москвы с ее идеологическим и научно-методическим диктатом, и вернув название Институт Истории Материальной Культуры. Как стало возможным то, что еще 10 лет назад казалось немыслимым? Казалось бы – результат гласности и перестройки. Но глубинные причины лежат скорее не в сфере социологии и политики, а в сфере экономики.

В середине 1980-х гг. произошло резкое падение мировых цен на энергоносители – основную статью доходов советского госбюджета. Кризис в экономике привел к отказу государства от финансирования многих научных направлений, в т.ч. археологии (особенно полевой). Начался кризис академических учреждений, их экспедиционная работа была практически свернута. Но на базе столичных экспедиций, еще недавно многочисленных, уже сформировались местные квалифицированные кадры, вышедшие за рамки «краеведческой археологии» и занявшие сильные позиции в местной вузовской и музейной науке. Это подтолкнуло процесс децентрализации отечественной археологии. Парадокс, но кризис активизировал исследования в регионах, последовало возникновение региональных научных центров на базе вузов, музеев, управлений культуры, ведущих, в первую очередь, охранно-спасательные работы. В некоторых регионах успешно действуют независимо друг от друга, но сохраняя активный информационный обмен уже даже несколько таких центров. Так, в Курске работает Государственный областной Музей Археологии (единственный специализированный археологический музей в Европейской России!) и НИИ Археологии Юго-Востока Руси при Курском государственном университете. Три мощных археологических центра существуют в Липецкой области: Дирекция по охране памятников и соответствующие кафедры Липецкого педуниверситета и Елецкого государственного университета. Нельзя не упомянуть Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», в составе которого действует Тульская археологическая экспедиция с множеством отрядов.

По подсчетам, основывающимся на персоналиях издаваемых материалов научных конференций археологической направленности, проходящих в Центральном и

Центрально-Черноземном регионах России, доля столичных специалистов на них в течение последних 20 лет снизилась более чем вдвое (с 50-55% до 20%), но при этом имеет место рост числа местных кадров. Еще показательней динамика полевых исследований. В период 1960-90-х гг. имела место прямая зависимость числа столичных (Москва, Ленинград) археологических экспедиций от ценовой ситуации на мировом нефтегазовом рынке. Но снижение числа столичных экспедиций постепенно компенсировалось ростом числа экспедиций, организованных исследователями из провинции. Современный рост цен на углеводороды не привел к приросту столичных экспедиций, как в 1970-х гг., объемы же региональных полевых исследований все возрастают. Это указывает на продолжающийся кризис академической системы в связи с ее окончательным государственным закрепощением (Медовников, Механик, 2006), практически как после пресловутого «Академического дела», доступ к документам которого не случайно с 2006 г. вновь оказался закрыт для исследователей. С другой стороны, налицо рост научной и финансовой самостоятельности регионов, намного менее зависящих от «нефтедолларов», чем столица и государство в целом. Основная деятельность местных археологов сосредоточилась на спасательных исследованиях и на разработке региональных программ сохранения и использования археологического наследия. Работы ведутся за счет средств, отчисляемых строителями на охранные исследования, за счет отечественных и зарубежных грантов и, наконец, за счет пожертвований, включая скромные средства самих исследователей. Как известно, «кто платит, тот и заказывает музыку». И любой контроль над тем, что ты не в состоянии финансировать, обречен на провал. Во время расцвета тоталитаризма АН СССР контролировала Академии наук национальных окраин со своими институ-

тами, но научные учреждения РСФСР подчинялись напрямую союзной Академии. Российская Академия наук, воссозданная при распаде советской империи Указом Президента РФ Б.Н. Ельцина от 21.11.1991 г. как высшее научное учреждение России, увы, не смогла стать ассоциацией видных ученых – академией западного типа, а лишь ущербным слепком с АН СССР, ориентированной на контроль и управление, а не на информационный обмен.

Так, к примеру, ИА РАН пытается сохранить контроль над всей отечественной археологией, но экономический фактор здесь постепенно расставляет все по своим местам. Регионалы зависят от центра лишь из-за реликта советской системы – исключительного права ИА выдавать по своему усмотрению «Открытые листы» на ведение работ на всей территории РФ. Юридически «Открытый лист» и Положение о нем – внутренние документы ИА РАН (Иванов, 2006), но фактически являются «лицензией на исследования» для любого археолога. Региональные власти вскоре будут вынуждены изменить порядок выдачи таких лицензий, поскольку «Открытые листы» местным специалистам регулярно задерживаются, теряются в процессе оформления, что объективно тормозит спасательные исследования, остро необходимые регионам. При отсутствии полноценного федерального законодательства об охране памятников истории и культуры местные научные сообщества и региональные власти уже самостоятельно предпринимают попытки обеспечения действенной защиты объектов культурного наследия путем создания региональной законодательной базы.

Децентрализация контроля над полевыми исследованиями безопасна для культурного наследия. Это нормальная система развитых демократических стран. Например, в Норвегии целых 6 учреждений имеют право выдачи разрешений на археологические раскопки (Сталсберг,

1994). Наше знакомство в 2007 г. с системой охраны памятников истории в Польше и общение с польскими коллегами показало надежность децентрализации системы охраны исторического наследия и при этом огромное удобство её для специалистов. Разрешения на археологические работы там выдает окружной хранитель древностей (konserwator zabyteków). Здесь же, в окружной инспекции, находятся на вечном хранении все письменные отчеты и чертежи, в окружном музее – коллекции. Все доступно для приезжающих специалистов. Качество работ контролируется одновременно и независимыми рецензентами, которым хранитель направляет поступающие к нему полевые отчеты при возникновении неясностей. Сами хранители и сотрудники инспекций тоже имеют высокий уровень подготовки, причем, нехватки кадров не ощущается – в современной Польше почти 60 вузов готовят специалистов-археологов. В Центральной России, заметно превышающей Польшу территориально, пока действуют всего два вуза, готовящие археологов – Московский и Воронежский госуниверситеты. А специальность «археология» вообще не внесена Минобрнауки РФ в утвержденный перечень специализаций вузов. Так еще по советской системе столица контролирует науку уже на этапе подготовки кадров.

Если вернуться к параллелям с этническим взаимодействием, то потребностям современной археологии в России отвечает не тупиковая модель «ядро-периферия», а модель культурного плюрализма, когда различные типы этнической идентичности (читай – региональные школы и научные центры) признаются равноценными элементами единого социокультурного континуума. Удержать на время российскую археологию (как и в целом науку, да и страну) в рамках бюрократической системы вряд ли удастся без жесткого авторитарного режима и тоталитаризации

общества. Вопрос лишь в том, нужна ли и отечественной науке и стране эта мучительная затяжная агония.

Если новая РАН под «государевым присмотром» грезит о старой социалистической модели (стабильность и многолетние плановые темы с гарантией финансирования при консервативности и малой активности), то региональная археология поставлена в жесткие условия самофинансирования. С каждым годом она оказывается все ближе к американской модели с ее положительными сторонами (поощрение инициативы, активность научного поиска) и недостатками (финансовая неуверенность, сложность организации длительных разработок) (Соффер, 1993). Региональная наука вестернизируется быстрее, чем страна в целом, и это хорошо, ибо в ситуации начинающегося системного кризиса ей будет намного легче выжить, нежели консервативным федеральным структурам.

Итак, перетекание научной активности из столицы в провинцию – явление закономерное и неизбежное. Может статься, что вскоре это окажется единственным шансом сохранить российскую археологию с ее специалистами, связями, научными школами в виде мозаики широко взаимодействующих между собой региональных научных центров. Время перемен в стране, несмотря на иллюзию стабильности, не завершилось. Начавшееся новое падение мировых цен на энергоносители и неподготовленность страны к кризису ввиду реализации тупиковой идеи «энергетической сверхдержавы» может привести к результатам, аналогичным событиям 1991 г., но уже в рамках РФ (Гаврилов, 1998; Chang Hsimo, 2005; Brzezinski, 1997). При таком сценарии региональные научные центры, как музейные, так и в особенности вузовские, способные готовить новые кадры, должны сыграть роль «подушки безопасности» для целого ряда научных направлений, включая и археологию.

Литература

1. Гаврилов, Н.П. Куда движется российский федерализм / Н.П. Гаврилов // НГ Регионы. – 1998. – 5 мая (№8(11)).
2. Заверняев Ф.М. Дневник полевых исследований Хотылевской верхнепалеолитической стоянки в урочище «Кладбищенская балка» в 1971 г. и Хотылевского селища в устье р. Госомы. Научный архив БГОКМ.
3. Заверняев Ф.М. Полевой дневник за 1976 г. Научный архив БГОКМ.
4. Иванов, Л.Б. Проблема авторских прав в археологии (юридические аспекты) / Л.Б. Иванов // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. – Азов, 2006. – Вып.22. – С.392-397.
5. Левенок, В.П. Переписка с К.М. Поликарповичем / В.П. Левенок // Архив К.М. Поликарповича. Фонды Юдиновского краеведческого музея Погарского р-на Брянской обл. ф.1, д.50.
6. Липкинг, Ю.А. О чем рассказывают курганы / Ю.А. Липкинг. – Воронеж, 1966.
7. Липкинг, Ю.А. Далекое прошлое соловьиного края / Ю.А. Липкинг. – Воронеж, 1971.
8. Липкинг, Ю.А. Материалы к археологической карте Курской области. 1975 г. / Ю.А. Липкинг // Научный архив Курского государственного областного музея археологии, VI-17.
9. Медовников, Д., Механик А. Диалог с пропущенным началом / Д. Медовников, А. Механик // Эксперт. – 2006. – 18 – 24 сент. (№ 34).
10. Сизинцева, Л.И. «Мастер науки» Василий Смирнов / Л.И. Сизинцева // Жизнь замечательных костромичей. XX вв.: Краеведческие очерки. – Кострома, 2004. – С.114-128.

11. Соффер, О. Организация и финансирование археологии в США / О. Соффер // Археологические вести. – СПб, 1993. – Вып.2. – С.313-220.
12. Сталсберг, А. Норвежская археология: организация и финансирование / А. Сталсберг // Археологические вести. – СПб, 1994. – Вып.3. – С.231-234.
13. Чубур, А.А. Деснянский палеолит: проблемы истории исследований, историографии, источниковедения / А.А. Чубур. – М.: РГСУ, 2005, – 116 с.
14. Чубур, А.А. Отечественная археология на изломе российской истории: от науки академической к науке вузовской / А.А. Чубур // Исторический выбор и судьбы России в XX веке. – Кемерово, 2008.
15. Щавелев, С.П. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края / С.П. Щавелев. – Курск, 2002. – Вып.3. Советское краеведение в провинции: взлет и разгром (1920-е-1950-е гг.). – 200 с.
- Ю. А. Липкинг: курский археолог, писатель, педагог : К 100-летию со дня рождения. – Курск, 2003.
16. Brzezinski, Zbigniew. The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives / Zbigniew Brzezinski. – New York: Basic Books, 1997.
17. Chang, Hsimo. China must collapse for Russia to stay united / Hsimo Chang // Taipei Times. – 2005. – May 28. – P.8.
18. Talgren, M. Archaeological studies in Soviet Russia / M. Talgren // NESAs. – 1936, X.

А.В. Шпунтов,
*член Союза геральдистов
России, г. Тверь*
Д. В. Кузнецов,
*начальник отдела редакции
газеты «Российский Чернобыль», г. Брянск*

Геральдика Брянской области

«Геральдика Брянской области» – книга о гербах населённых пунктов Брянской области.

В современной окружающей жизни мы часто видим изображения гербов городов и других территориальных образований на административных зданиях, флагах, официальных документах, дорожных указателях, значках, акцизных налоговых марках, промышленной продукции и т.д.

Гербы – это часть культурной жизни общества, в нём, как в зеркале, отражается всё лучшее, что было в истории его владельца, будь то человек или город, это есть воплощённая память, выраженная языком символов. Герб – это признак самоуважения, внутреннего достоинства. Многие из них возникли довольно давно, их история насчитывает не одну сотню лет. Гербы представляют собой часть исторического наследия и, соответственно, могут быть и являются предметом научного изучения.

Помогает нам в этом геральдика. Вспомогательная историческая дисциплина. Если говорить просто, то геральдика – это наука о гербах и обо всём, что с ними связано: это и работа по изучению старых гербов, и процесс создания новых.

В последние годы появилось много работ, посвящённых историческому изучению, развитию и систематизации городской геральдики. Все они так или иначе осно-

вываются на двух фундаментальных трудах: «Русская геральдика» Александра Борисовича Лакиера и «Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи» Павла Павловича фон Винклера, где описаны основные геральдические законы и предпринята систематизация официально утверждённых гербов того времени. Но особенно хотелось бы отметить труды Надежды Александровны Соболевой, объектом исследования которых была российская городская геральдика XVIII-XIX вв. Потому что именно ей принадлежит первое в нашей стране обобщающее исследование истории становления и развития отечественной территориальной геральдики.

Значительно помогают развитию геральдической науки современные средства коммуникации, в первую очередь, «всемирная паутина», с помощью которой стали доступными многие геральдические труды и практически недоступная ранее архивная информация.

Судя по тому, насколько возросло использование гербов в общественной жизни, можно утверждать, что интерес к гербам и герботворчеству в последние годы переживает новый подъём. Появились общества по изучению и возрождению старых и разработке новых городских, земельных и родовых гербов – Всероссийское Геральдическое Общество, Союз Геральдистов России, Дворянское Собрание, создаются геральдические советы при губернаторах и главах муниципальных образований и, наконец, воссоздана Государственная Герольдия, преобразованная в Геральдический Совет при Президенте Российской Федерации.

Кроме того, что герб является культурным и историческим явлением, это ещё и правовой знак, и может являться также предметом правового и юридического анализа. Как правовой знак любой герб должен проходить процедуру официального утверждения. Многие люди знают

герб своего города, но совершенно немногие знают, утверждён ли он официально.

Работы, посвящённые изучению региональной геральдики, выходили во многих областях современной России: Московской, Рязанской, Тверской, Владимирской, Мурманской, Краснодарского края, Якутии... Список можно продолжать.

К большому сожалению, никаких концептуальных работ по территориальной геральдике Брянщины до сего времени не существовало. Более того, в брянских библиотеках литература по геральдике практически отсутствует. А ведь Брянская область – это уникальнейший регион России. Она состоит из двух половин: западной и восточной. Западная часть входила в Смоленское воеводство Речи Посполитой, и после воссоединения с Россией эти земли отошли к Малороссии. Восточная часть нашей области после административной реформы Петра I была частью Севской провинции, относившейся сначала к Киевской, затем к Белгородской, а позже и к Орловской губернии. В силу своего пограничного положения на стыке трёх славянских государств Брянщина не однажды оказывалась в гуще политических, военных, административных изменений, менявших историю, границы и саму жизнь народа, населяющего эти места. Польско-литовская интервенция, Гетманщина, имперский и советский период: за многовековую историю Брянского края накопилось немало информации о символике здешних городов. Всё это требует научного осмысления и систематизации.

В 2003 году в Твери ограниченным тиражом вышла книга Александра Васильевича Шпунтова «Гербы, эмблемы и символы Стародубья», впервые освещавшая историю гербов населённых пунктов Брянщины. Но она охватывала только часть территории области и всего имеющегося ге-

ральдического наследия. За истекшее время появилось много новой интересной информации.

Поэтому возникла идея написать новую книгу, в которой были бы отражены все брянские гербы в полном территориальном и историческом объёме. Назвали мы её – «Геральдика Брянской области».

В ней даются основные сведения по геральдике для того, чтобы читателю было лучше ориентироваться в терминологии. Дается собственно определение герба как опознавательно-правового условного знака, составленного по определённым правилам и утверждённого верховной властью.

Роль высшего утверждающего органа ныне выполняет Геральдический Совет при Президенте Российской Федерации. Прошедшие утверждение гербы вносятся в Государственный Геральдический Регистр.

Указ Президента Российской Федерации №403 от 21 марта 1996 г. «О Государственном геральдическом регистре», который ведет Государственная герольдия при Президенте РФ, предписывает вносить в последний официально утвержденные городские гербы. Однако это ничуть не умаляет права приоритетности местного гербоворчества, обусловленного демократизацией нашего общества. Созданные «на местах» гербы, пройдя соответствующие экспертизы и утверждение, согласно указу вносятся в Государственный регистр.

Современное российское законодательство признает за городами довольно значительные полномочия в решении местных вопросов, включая право на собственный герб, что закреплено ст. 11 Закона РФ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28 августа 1995 г. и дополнено Федеральным Законом №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»

от 06.10.2003 г. Новый Закон установил право муниципальных образований устанавливать собственные официальные символы, их описание и порядок использования. Законом закреплено также, что официальные символы муниципальных образований подлежат государственной регистрации в порядке, установленном федеральным законодательством. Именно эта норма говорит нам о важности практической геральдики. Потому что наличие или отсутствие городских гербов – косвенный показатель государственной политики в вопросах самоуправления.

В Брянской области на настоящий момент имеется 289 муниципальных образований. Другими словами говоря, в перспективе мы можем иметь на Брянщине 289 земельных герба.

Рассказ о современном состоянии дел в геральдике Брянщины предваряет обширный экскурс в историю: как в эпоху «давно минувших дней», так и в совсем недавние времена. Ведь без знания прошлого невозможно понимание того, что происходит сегодня, особенно, если это касается такой науки, как геральдика, и такого явления общественной жизни, как герб.

На Брянщине у каждого города, у многих посёлков и даже сёл есть свой герб или своя эмблема. И хотя эти гербы не равноценны исторически, художественно и, главное, юридически, но они существуют. Часть из них широко известна, многие не нашли в своё время признания и сейчас подзабыты, но все они отражают (более или менее удачно) перипетии российской истории в целом и местные особенности в частности.

Гербы являются предметом исторической гордости. Жители Брянска, Стародуба, Трубчевска, Карачева, Погара, Севска, Новозыбкова знают и любят свой герб. У Трубчевска и Карачева гербы несут в себе знак принадлежности к Орловской губернии, но этот факт, похоже, никого не

смущает. К этому можно относиться по-разному: можно в этом узреть элемент некоего сепаратизма, дескать, они себя позиционируют больше с Орловской областью, нежели с Брянской. А можно просто воспринимать такими, какими они дошли до нас с 1781 года.

Но это мы говорим о так называемых «старых гербах» Брянских городов. Они были созданы давно и утверждены, за исключением герба Новозыбкова, верховной властью.

Но более молодые районные центры Брянщины тоже были вправе иметь свои гербы, и они их получили в 80-е годы прошлого века. Хотя эти гербы составлены с большими ошибками, с многочисленными нарушениями геральдических законов и правил, их описания (блазоны) также не выдерживают никакой критики – они неправильно составлены, многословны, перегружены описанием символов. Зачастую расходятся с фактическим изображением герба или местоположением населённого пункта. Достаточно сказать, что они составлены по принципу, который был законодательно отменён ещё в 1857 г., но об этом факте людям, которые занимаются герботворчеством на местах, видимо, ничего не известно, потому что создание таких неправильных гербов, к сожалению, продолжается по сей день. Таковыми, по сути, являются все гербы городов и посёлков Брянской области, созданные в советский и новейший период, за исключением гербов, созданных при участии Союза геральдистов. Таких на сегодняшний день – 6. Но и они широкой аудитории почти неизвестны.

По большому счёту неважно, *что* изображено на гербе: небогатое и пышное наполнение, неглубокий скрытый смысл определяют узнаваемость герба и почтительное отношение к нему. Узнаваемость обеспечивается ясностью и грамотностью составления его композиции, а уважение к гербу определяется *репутацией* владельца герба. История

знает множество гербов, возникновение которых было случайным или курьёзным, символика – надуманной, навязанной или даже унижительной, но со временем такие гербы нередко приживались и становились объектом любви, гордости и признания, поскольку на них переносилась репутация, *доброе имя* города или территории.

А доброе имя – это, в том числе, *уважение и исполнение законов*; правильность герба – это не только соблюдение правил его построения: любой внешне грамотный герб, принятый и используемый без учёта норм гербового права, *уличает в пользователе такого герба самозванца*.

Это касается и XVIII века, и века XXI-го.

Во все времена государство, регистрируя герб, *подтверждает* право владельца на символ и законодательно *охраняет* его от действий, порочащих честь и доброе имя гербовладельца.

Нужно отличать, выделять гербы, составляющие предмет нашей гордости, зримый образ славы и наглядное пособие патриотизма; при этом мы должны критически подходить к тем эмблемам, которые составлены некорректно, без соблюдения геральдических норм и правил. В этой связи особое внимание хотелось уделить *описанию* герба. Именно оно, а не изображение, служит эталоном герба, вносится в нормативные документы и утверждается властями. Роль рисунка – исключительно пояснительная, к изображению прибегают только для наглядности. Описание (или, говоря геральдическим языком, *блазонирование*) составляется лаконично и точно, с использованием геральдических терминов.

Рисунок же может быть выполнен в различной манере, в различной технике, главное, чтобы при этом не допускались искажения герба и чтобы он полностью соответствовал бы описанию.

Описание обычно (в современной российской практике) сопровождается *обоснованием*, кратким рассказом о том, что послужило основой герба; в обосновании расшифровывается герб, объясняется символическое значение его элементов (фигур, цвета и т.д.). Прочтение старых гербов зачастую вызывает затруднения по той причине, что прежде не было принято давать толкование символики герба, и только стремление к популяризации служит поводом для тиражирования обоснований.

В книге собраны сведения по гербам и эмблемам девяноста трёх населённых пунктов Брянщины, в специальном приложении отражено их правовое состояние на 01.02.2008 г. применительно к Закону №3 от 09.03.2005 г. «О наделении муниципальных образований статусом городского округа муниципального района, городского поселения, сельского поселения и установления границ муниципальных образований в Брянской области». Даны краткие исторические и географические характеристики этих населённых пунктов.

В книге собран богатый иллюстративный и картографический материал. Количество иллюстраций в книге более трёхсот.

Читатель познакомится со всеми гербами населённых пунктов Брянщины, которые только удалось отыскать авторам, с историей их появления и развития.

В этой книге представлены и полноценные гербы, утверждённые законодательно, и то, что в обиходе называется гербами, но, строго говоря, таковыми не являются: проекты гербов и разного рода гербовидные эмблемы, составленные без учёта геральдических правил либо для декоративных функций, либо для сувенирной продукции.

Одной из главных задач авторов является рассказ о современных официальных символах: гербах муниципальных образований – городских и сельских поселений, вхо-

дящих в состав Брянской области. Даются их изображения, описания и обоснования, приводятся некоторые официальные документы. Таких полноправных символов, отвечающих всем юридическим и геральдическим требованиям, к сожалению, пока немного, но авторы выражают надежду, что настоящая книга поможет сдвинуть дело с мёртвой точки...

Проще всего тем городам и регионам, которые имели аналоги в административно-территориальном делении Российской империи: они могут просто восстановить в той или иной степени историческую символику. Ведь прежние, дореволюционные территориальные гербы официально никогда никаким законом, декретом или каким-либо актом не отменялись и поэтому юридически остаются легитимными до настоящего времени.

Именно так поступили в большинстве областей и краев, а также в Москве и С.-Петербурге.

Городам и регионам, появившимся уже в советское время (к ним относится и Брянская область), приходится создавать фактически совершенно новую символику.

Думается, что герб, являясь особым признаком того или иного административного образования, должен сохранять определенную неизменность. В то же время, являясь символом живого и развивающегося общественно-административного организма – будь то город, область, район или же сельское муниципальное образование, герб может подвергаться изменениям и дополнениям, отражающим жизнь и историю носителя этого герба. Однако необходимо учесть, что всякие изменения и дополнения должны быть обусловлены важными и значимыми причинами, не подверженными сиюминутной политической конъюнктуре (так как город, район и область являются не политическими, а административными образованиями, то политическая символика в их гербах неуместна), а сами

изменения должны опираться на исторические традиции и производиться на основе общепринятых законов геральдики как науки.

Особенно важно это учитывать при создании новых гербов для районов, городов и поселков Брянской области, до сих пор не имеющих своей символики.

Приложение

Правовое состояние гербов и гербовых эмблем Брянской области, отражённых в данном издании (на 01.02.2008) применительно к Закону №3 от 09.03.2005 «О наделении муниципальных образований статусом городского округа, муниципального района, городского поселения, сельского поселения и установления границ муниципальных образований в Брянской области».

Наименование	Право на герб	Наличие герба	Год утверждения	Год пересмотра	Внесение в ГГР
Брянская область	*	*	1998	-	-
Акуличи 1-е	*	-	-	-	-
Алтухово	*	-	-	-	-
Ардонь	-	-	-	-	-
Белая Берёзка	*	-	-	-	-
Белые Берега	-	-	-	-	-
Большое Полпино	-	-	-	-	-
Брасовский район	*	*	2004	-	2004
Брянск	*	*	1781	-	-
Брянский район	*	*	1997	-	-
Бытошь	*	-	-	-	-
Вздружное	*	-	-	-	-
Выгоничи	*	*	-	-	-
Выгоничский район	*	*	-	-	-
Вышков	*	-	-	-	-
Гордеевка	*	-	-	-	-
Гордеевский район	*	*	2007	-	2007

Городцы	*	-	-	-	-
Гринёво	*	-	-	-	-
Доброводье	*	-	-	-	-
Добрунь (Брянский район)	*	-	-		-
Добрунь (Суземский район)	-	-	-	-	-
Домашово	*	-	-	-	-
Дубровка	*	*	1987	-	-
Дубровский район	*	*	2003	-	2003
Дятьково	*	*	1982	2001	-
Дятьковский район	*	*	2001	-	-
Жирятино	*	-	-	-	-
Жирятинский район	*	-	-	-	-
Жуковка	*	*	1982	-	-
Жуковский район	*	*	1997	-	-
Займище	-	-	-	-	-
Злынка	*	*	1998	-	-
Ивот	*	-	-	-	-
Карачев	*	*	1781	-	-
Клетня	*	*	1988	-	-
Климово	*	*	2005	-	2005
Климовский район	*	*	2005	-	2005
Клинцовский район	*	-	-	-	-
Клинцы	*	*	1985	-	-
Кокоревка	*	-	-	-	-
Комаричи	*	-	-	-	-
Комаричский район	*	*	2000	-	2000
Красное	*	-	-	-	-
Красная Гора	*	-	-	-	-
Красный Рог	*	-	-	-	-
Локоть	*	-	-	-	-
Лопандино	*	-	-	-	-
Лугань	-	-	1781	-	-
Любохна	*	-	-	-	-
Малый Крупец	-	-	-	-	-
Мглин	*		1782/1983	-	-
Мирный	*	-	-	-	-

Навля	*	*	1984	-	-
Негино	-	-	-	-	-
Новозыбков	*	*	1999	-	-
Новомлынка	-	-	-	-	-
Новоямское	*	-	-	-	-
Овстуг	*	-	-	-	-
Ольховка	-	-	-	-	-
Орменка	*	-	-	-	-
Пальцо	*	-	-	-	-
Первомайское	*	-	-	-	-
Переторги	-	-	-	-	-
Перелазы	*	-	-	-	-
Погар	*	*	1782/1987	-	-
Почеп	*	*	1984	-	-
Почепский район	*	*	2001	-	-
Радица-Крыловка	-	-	-	-	-
Рамасуха	-	-	-	-	-
Ржаница	*	-	-	-	-
Рогнедино	*	-	-	-	-
Салтановка	*	-	-	-	-
Свень	*	-	-	-	-
Сельцо	*	-	-	-	-
Семцы	*	-	-	-	-
Сетолово	*	-	-	-	-
Сеща	*	-	-	-	-
Софиевка	-	-	-	-	-
Старь	*	-	-	-	-
Стародуб	*	*	1782	1997	-
Стародубский район	*	-	-	-	-
Суземка	*	*	1984	-	-
Суземский район	*	-	-	-	-
Супонево	*	-	-	-	-
Сураж	*	*	1782	1997	-
Суражский район	*	*	1997	-	-
Тиганово	-	-	-	-	-
Трубчевск	*	*	1781	-	-
Унеча	*	*	1986	-	-

Унечский район	*	*	2004	-	-
Фокино	*	*	1984	-	-
Чуровичи	*	-	-	-	-

Секция: Брянщина в истории России

Г.П. Поляков,
*кандидат исторических наук, доцент,
Брянский государственный
университет им. академика И.Г. Петровского*

Брянская земля в этнотерриториальной и политической истории юго-востока Руси 90-х гг. XII – 60-х гг. XIV вв.

Современный субъект РФ – Брянская область – довольно молодое административно-территориальное образование – ей 5 июля 2008 г. исполнилось 64 года. Но если окинуть взором её прошлое, то сразу выяснится, что она имела в ретроспекции своих предшественников: Брянскую губернию (1920-1929 гг.), Брянский уезд (Российской империи и Московского Великого княжества и царства в XVI – начале XX вв.), Брянский повет и Брянское удельное княжество в составе Великого княжества Литовского и Русского (70-е гг. XIV-XV вв.), а также Великое княжество Чернигово-Брянское (сер. XIII – 60-е гг. XIV в.) и Дебрянское удельное княжество державы Рюриковичей (90-е гг. XII – 40-е гг. XIII вв.) Таким образом, перед нами многовековой образец тех жизненных реалий, что соответствует культурно-историческим понятиям «регион», «край» или же древнему термину древнерусских летописей – «земля». «Земля» в понимании летописцев – это область, совокупность уделов, связанных со стольным городом и ему подчиненных [1].

Конечно, границы Брянской земли во времени и пространстве то совпадают с условно-административными,

то отличаются от них. В основе регионализации – жизнедеятельность субэтнической общности людей – земляков, осуществляемая при характерном климате и ландшафте, прочих природных условиях определенного типа, тех или иных внутривнутриполитических и международных обстоятельствах [2]. А регионим «брянцы» – одно из самых ранних и устойчивых земляческих определений в истории нашей отчизны, зафиксированное в источниках с 1310 г. [3] и непрерывно фигурирующее до наших дней, то есть около семисот лет.

Итак, Брянская земля – исторически сложившееся единое культурное целое, пронизанное административными, экономическими, церковными, человеческими и прочими многочисленными связями.

Темой данной работы стали основные вехи этнической, территориальной и политической истории начального периода существования Брянской земли – эпохи Дебрянского (Брянского) удельного и Великого Черниговского и Дебрянского (90-е гг. XII – 60-е гг. XIV вв.).

Эмбрионом Брянской земли стало Дебрянское (Брянское) удельное княжество в составе Чернигово-Северской земли, существовавшее, по-видимому, уже на рубеже 80-90-х гг. XII в. [4]

Стольным городом княжества был Дѣбрянск (Дебрянск, Добрянск, Брянск), ранее – один из городских центров (может быть, главный – Г.П.) Чернигово-северской волости «Подеснь» [5]. Он был основан в середине 80-х гг. X в. как ОТП – речной порт на перекрестке важных торговых путей.

Территория этой волости, занимавшей часть Брянского и Верхнесудостьского ополлий, нижнее (а, возможно, и среднее – Г.П.) течение р. Болвы и р. Снежети, и стала ядром нового удельного княжества. Возникновение в XII в. на Руси новых административно-территориальных образо-

ваний связано с эпохой феодальной трансформации (раздробленности), с активным процессом полицентризма, столь характерным для всей Европы того времени. Этот новый этап развития общества ознаменовался в «Подеснье» становлением и эволюцией самостоятельного и жизнеспособного политического образования, вскоре уже претендующего не только на самостоятельность, но и на центральное положение на Юго-Востоке Руси.

Дебрянское удельное княжество сформировалось в буферной зоне – на территории кривичско-вятичско-северяно-радимичского пограничья [6]. На северо-западе оно граничило с Вщижским удельным княжеством, на юго-западе – со Стародубским, а на юге – с Трубечским уделами. На востоке от него располагалась волость «Лесная земля», на территории которой, по-видимому, в начале XIII в. формируется Карачевское удельное княжество. На севере в верховьях Болвы Дебрянское княжество соприкасалось с землями Великого княжества Смоленского.

Население Дебрянского княжества в этническом плане, по-видимому, было преимущественно славянским. Возможно, большинство сельских и городских жителей княжества в XII в. составляли представители восточнославянских союзов племен северян и радимичей. Впрочем, в поселениях городского типа население было более пестрым. Так, в Дебрянске зафиксировано наличие западных славян – поляков [7]. Древнерусская этническая общность (или народность) в это время существовала лишь на уровне носителей элитарной культуры и слабо воспринималась рядовым населением княжества.

В ходе монголо-татарского нашествия на Чернигово-Северскую землю 1238-1239 гг. Дебрянское княжество понесло, по-видимому, лишь небольшой материальный ущерб, который был быстро восстановлен. Но южные территории Чернигово-Северской земли после нашествия

опустели. Прежние его крупнейшие центры – Чернигов и Новгород-Северский (как и многие другие города и сельские поселения) были разрушены, их население в основном уничтожено или уведено в плен, их инфраструктура прекратила своё существование, вследствие чего они утратили свое политическое значение. Центр политической и религиозно-духовной жизни Чернигово-Северской земли в 40-е гг. XIII в. передвигается на север, и Дебрянск становится столицей великого княжества и центром епископии, а его князья именуются одновременно и великими князьями Черниговскими. Не исключено, что первый великий князь Черниговский и Дебрянский Роман Михайлович княжил в Брянске ещё до монголо-татарского нашествия. Оставшись после гибели отца старшим в роде, именно он осуществил перенос княжеского стола и епископской кафедры на Покровскую и Петровскую Горы [8].

При правлении Романа Михайловича Дебрянское княжество включило в свой состав Вщижское удельное княжество (Вщиж, уничтоженный монголами, как городское поселение не возродился), Стародубское удельное княжество и земли в бассейне Ревны, верховьев Неруссы и Сева до р. Свапы, отвоевало у Смоленска Пацыньскую, Сеславльскую и Осовикскую волости и сохранило контроль над Трубечским, Карачевским, Глуховским, Новосильским, Тарусским и некоторыми иными уделами [9]. Словом, территориально-вассальная система, сложившаяся в Черниговской земле домонгольской Руси, продолжала существовать вплоть до конца XIV в.

Чернигово-Брянское княжество во второй половине XIII в. было сильным государственным образованием и имело потенцию стать средоточием центростремительных процессов и претендовать на роль объединителя Руси. Великие князья Роман Михайлович и его сын Олег в проводимой ими политике, находясь «в воле татарской» [10],

опирались на правителя западной части Золотой Орды хана Ногая, внука одного из младших братьев Батые – Буала. Но брянские князья поставили не на ту карту: в ходе войны 1299-1300 гг. хан Ногай потерпел окончательное поражение от хана Волжской части Золотой Орды хана Тохты и погиб [11]. Это событие фатальным образом сказалось на их личной судьбе и дальнейшей судьбе Чернигово-Брянского княжества. Великий князь Роман, незаурядный политический деятель и талантливый полководец, почти на столетие отодвинувший литовский натиск на Брянскую землю, даже в старости представлял угрозу для Орды и её политики и стал, как и его отец Михаил Святой, её жертвой – «убил его царь в Орде» [12]. Его сын, великий князь Олег, вскоре после гибели Ногая «передал брату и его сыну княжение Черниговское и Брянское», а сам постригся в монахи в построенном им Брянском Петропавловском монастыре под именем Василия [13]. Судя по Любецкому синодику, он «оставил по себе двенадцать тем людей» [14], т.е. 120 тысяч человек взрослых мужчин (монголы ещё в 1257 г. провели первую перепись населения Руси – Г.П.). Следовательно, население Великого Чернигово-Брянского княжества в начале XIV в. насчитывало как минимум около 500 тысяч человек, т.е. оно было одним из крупнейших государств Восточной Европы того времени.

Таким образом, стечение политических обстоятельств и даже, по сути, одна военная кампания поставила крест на многолетних трудах брянских князей за гегемонию на Руси. Их политическое поражение вызвало значительный отток чернигово-брянской знати на север – на службу к их военно-политическому союзнику – московскому князю Даниилу Александровичу.

В 1309-1310 гг., в ходе усобицы среди преемников князя Олега на Брянском столе, территория княжества и его столица подверглись опустошению в ходе прямого

нападения монгольского войска: дружина брянского князя Святослава была истреблена, а сам князь «погиб последним в полку» [15]. Политическое и военное положение княжества сильно ослабили перманентные оборонительные войны с Великим княжеством Литовским и Русским, длившиеся на протяжении почти полувека в 20-60-е гг. XIV в. Эти войны, а также эпидемии чумы 1352 и 1362 гг. сильно сократили и людские ресурсы княжества. Военно-политической и экономической слабостью Чернигово-Брянского княжества воспользовался великий князь Литовский Ольгерд, присоединивший его на рубеже 60-70-х гг. XIV в. к своему государству [16].

В этническом плане в конце XIII – первой половине XIV в. древнерусская этническая общность (или народность) распалась. После нашествия орд хана Батыя и литовской экспансии на ослабленные им южнорусские земли представители старой местной социальной элиты были разьединены и постепенно стали сходить с исторической арены. В это время выявились и затем получили дальнейшее развитие социальные, экономические и политические факторы, которые способствовали этнической дифференциации восточных славян и постепенной внутренней консолидации трех будущих восточнославянских народов. На формировавшейся на территории Брянского княжества русской этнической территории в XIV в. постепенно выявляется более или менее отчетливое русское (великорусское) этническое самосознание и получает распространение этноним «русские», унаследованный от древнерусской народности [17].

Древнерусский язык послужил основой для формирования на территории Брянской земли великорусского (русского) языка, который и стал важнейшим признаком этнической великорусской общности. Брянцы в XIV в. и

вплоть до XVI в. разговаривали на местном юго-восточном или северском диалекте русского языка.

Другими важными признаками этнического единства населения Брянского региона стали материальная и духовная культура, быт, обычаи, традиции и т.п., и, разумеется, осознание населением этого единства.

Такова вкратце этнотерриториальная и политическая история Брянской земли в контексте истории Юго-Востока Руси конца XII-го – 60-х гг. XIV вв.

Литература

1. Алексеев, Л.В. Полоцкая земля / Л.В. Алексеев. – М., 1966. – С.4-5.
2. Щавелев, С.П. Судьбы исторических древностей Южной России и их место в её провинциальной культуре XVII-XX веков (по материалам археолого-этнографического изучения Курского края) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук / Щавелев С.П. – Курск, 2002. – С.4-5.
3. Полное Собрание Русских Летописей. Т.18. – СПб., 1913. – С.87.
4. Летописец Переяславля-Суздальского. – М., 1851. – С.102.; Поляков, Г.П. Игорь Глебович (к вопросу о первом брянском князе и времени возникновения Брянского княжества) / Г.П. Поляков // Деснинские древности. – Брянск, 2006. – Вып. IV. – С.210.
5. Поляков, Г.П. Летописное «Подеснь» / Г.П. Поляков // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX-XIII вв.». – Чернигов, 1986. – С.40-41.
6. Шинаков, Е.А. Кривичско-вятичско-радимичское пограничье // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья / Е.А. Шинаков, Т.Л. Сарычева. – Калуга, 1993. – С.25-27.

7. Шинаков, Е.А. Брянский край в эпоху древнерусского государства и феодальной раздробленности / Е.А. Шинаков // История Брянского края. – Брянск, 2001. – Ч.1. Изд.2. – С.27.
8. Поляков, Г.П. Князь Роман Михайлович Брянский / Г.П. Поляков // Материалы міжнародного церковно-историчного семинару «Святий князь Михайло Чернигівський та його доба». – Чернігов, 1996. – С.29.
9. Любавский, М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Литовского статута / М.К. Любавский. – М., 1892. – С.43.
10. ПСРЛ. Т.2. – М., 1962. – Стб.873.
11. Тизенгаузен, В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / В.Г. Тизенгаузен. – М.-Л., 1941. – Т.2. – С.71-72.
12. Временник ОИДР. – М., 1851. – Кн.Х. – С.68.
13. Зотов, Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и черниговском княжестве в татарское время / Р.В. Зотов. – СПб., 1892. – С.82.
14. Там же.
15. ПСРЛ. Т.25. – М.-Л., 1949. – Л.204 об.
16. ПСРЛ. Т.15. – М., 1965. – Вып.1. – Стб.65,68.
17. Пашуто, В.Т. Возрождение Великороссии и судьбы восточных славян / В.Т. Пашуто // Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. – М., 1982. – С.77.

Д.Е. Цырульников,
аспирант,
Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского

Посадское население г. Брянска в XVII – первой половине XVIII в.

Изучение посадского населения целесообразнее рассматривать в процессе складывания посадской общины. Важность такого исследования обуславливается тем, что такой подход помогает более правильно и наглядно представить не только сам механизм такого формирования, но и роль посадского населения в экономике города в динамике. Дело в том, что численность посадского населения тесным образом связана с уровнем экономического развития города: уменьшение количества посадских людей являлось свидетельством экономического упадка города, а рост, как правило, говорил об оздоровлении экономической ситуации. Хотя в городах юга и юго-запада важное место в хозяйственной жизни города занимали служилые приборные люди, которые восполняли недостаток посадского населения.

Существование посада в Брянске известно с XVI в. С. Шумаков, изучавший материалы по городам XVI в., приводит «выписи» из писцовой книги 1595 г., где говорится о владениях Свенского монастыря на брянском посаде [1], что является свидетельством наличия посада в городе. К сожалению, автор не указывает на наличие или отсутствие собственно посадского населения, но очевидно, что в Брянске существовал посад как место поселения торгово-ремесленного населения. События конца XVI – начала XVII века привели к разорению посада. Однако вскоре после этих событий посад города стал возрождаться. Уже в

1619 г. в Брянске появляются первые «жилецкие люди» – 125 посадских и крестьян [2]. Нам не известно, какое количество приходится на долю посадских людей, а какое – на долю крестьян. Это не столь важно, важен сам факт появления посадского населения. Точное число жителей посада известно за 1622 г.; как указывал Г. Пясецкий, в этот год в городе насчитывалось 92 человека, занимавшихся мелкой торговлей и промыслами. Кроме того, на посаде жили 50 бобылей, захребетников и подсоседников [3]. Учитывая замечания С. Шумакова о том, что многие бобыли занимались ремеслами и промыслами, можно предположить, что они в какой-то мере компенсировали недостаток посадского населения [4]. Однако переписные книги 1646 г. наличие посадских людей в городе не зафиксировали. В это время на посаде числилось только 40 бобыльских дворов, 2 двора садовников, 1 двор служки монастырского, 4 двора нищих, «на дворничестве двенатцат человек», 1 двор стоял пустым [5].

Вероятно, процесс формирования посадской общины в первой половине 17-го века был самопроизвольным. Постоянного контингента посадских жителей не существовало, община была нестабильной. Причиной этого, вероятно, являлась, прежде всего, нестабильность ситуации в крае, который оказался в центре событий «смуты». Города края, в том числе и Брянск, постоянно подвергались нападениям то со стороны поляков, то со стороны крымских татар, а в начале XVII века его разоряли московские войска.

Успокоение ситуации в юго-западном крае послужило условием для формирования постоянной посадской общины. Правительство, заинтересованное в увеличении тяглого населения, в июне 1649 г. послало в города «стройщиков». Основной их задачей была организация посадских общин не только на основе «посадской старины»,

но главным образом по торгам и промыслам и независимо от их юридической принадлежности. Это было очень важным для городов, где основную массу населения составляли служилые люди и крестьяне. Именно они и послужили основным источником комплектования городской общины. В результате этих мероприятий в брянский посад было включено 154 двора [6]. Однако сословная принадлежность 153-х дворов неизвестна. Лишь на патриаршем дворе месте располагался 1 двор, о принадлежности остальных можно только предполагать. Скорее всего, сюда относятся бобыльские и другие дворы, известные по переписной книге 1646 г. Какая-то доля, видимо, принадлежала служилым людям и крестьянам подгородных слобод. Сложность «городового строения» в Брянске отразилась в том, что все мероприятия по приписке к посаду закончены к 1651 г., в то время, как «стройщикам» был дан срок лишь до сентября 1649 г.

Это наводит на мысль, что процесс приписки к посаду был сопряжен с определенными трудностями. Видимо, эти мероприятия в среде служилого населения были встречены без особого энтузиазма. Дело в том, что, несмотря на различные ограничения в отношении торговли и промыслов, служилые люди находились в более благоприятных условиях, чем посадское население и, естественно, их не очень прельщала перспектива прикрепления к тяглу. В результате уже в 1664 г. в Брянске насчитывалось всего 49 посадских дворов с населением в 152 души м.п. Приблизительно такая численность сохранялась вплоть до XVIII в. Например, опись 1679 г. застала в городе 144 души м.п. посадских людей. Однако по данным переписной книги за этот же год в Брянске проживал 151 посадский человек «и з бездомными и что живут в розных местех». Таким образом, это были не только жители города, а все те, кто числился посадскими людьми. И, как видно из пе-

реписной книги, они вовсе не были состоятельными горожанами.

В последующие годы численность посадского населения имела тенденцию к уменьшению. Так, в 1684 г. их насчитывалось около 136 душ м.п., в 1686 г. – 130, а в конце XVII в. (в 1698 г.) – 138 душ м.п.

Столь малая численность посадских людей в Брянске вполне объяснима. Положение посадского населения городов юго-запада было отличным от положения горожан других районов России XVII в. Прежде всего оно зависело от пограничного местоположения этих городов. В минуты опасности посадское население вместе со служилыми людьми вынуждено было браться за оружие. Разумеется, что военные действия приносили огромные бедствия населению городов. Результатом всего этого была слабость посадских общин или же вовсе отсутствие посадских людей. Малочисленность посадского населения тяжело сказывалась на самих горожанах и прежде всего в выполнении различных гражданских служб. Это наглядно видно из челобитья брянских посадских людей 1660 г., в котором они сообщали, что «посадских людей во Брянске только тритцать дворов а ис тех тритцати дворов... на кружечном дворе голова да семь человек в целовальниках в таможни голова да два человека целовальников во Брянске и в Киеве у... хлебных запасов осьмнатцать человек целовальников да у городовых житниц целовальники, а с ыных... дворов взято в целовальники по два человека а ыные... из нашей братии посацкия люди бедны и скитаютца меж двор и выбрать их за скудовство к делам нельзя» [7]. Однако воевода требовал людей для несения различных служб. Несомненно, население города стремилось избавиться от столь обременительных обязанностей, и одним из действенных способов являлось избавление от посадского тягла за счет побегов. Тем

более что пограничное положение позволяло делать это безболезненно.

Вторым важным этапом в процессе формирования посадской общины являлся рубеж XVII-XVIII веков. В конце XVII-первой половине XVIII в. в жизни России происходили социально-экономические сдвиги. Феодально-крепостнический строй переживал пору своего расцвета. Он вовлекал в свою орбиту новые массы населения, развивался не только вширь, но и вглубь, давая известный простор для роста производительных сил как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Одним из проявлений такого процесса был рост городского населения, в особенности посада. В этот период правительство провело ряд поощрительных мероприятий, направленных на укрепление посадской общины. Это было продиктовано прежде всего фискальными интересами: требовались колоссальные средства на ведение тяжелой Северной войны. И важнейшим источником доходов государства служила посадская община, и естественными были меры правительства по увеличению числа посадского населения.

В условиях потребности увеличения налогоплательщиков правительство пошло по пути приписки к посаду самых разных категорий населения и прежде всего служилых людей «по прибору». Начало приписки было положено указом от 24 ноября 1699 г. Согласно этому указу, «звонари, ямские охотники, пушкар и метрополичьи и монастырские и мастеровые люди или чьи крестьяне... торгует в лавках и отъезжими торгами, и в домах имеют кожевные и иные какие промыслы... и тех всех взять в посад» [8]. Этот указ продолжал политику правительства, начатую «строением» 1649 г. и основанную не только на принципе «посадской старины», но и исходя из реальных занятий торговлей или промыслами. Правда, Соборное Уложение 1649 г. лишало крестьян возможности занимать-

ся промыслами и торгами: лавки, погреба и варницы они должны были продать посадским людям [9]. Однако, думается, здесь нет противоречия. Скорее, в этом случае ярко проявляется двойственный характер политики правительства, которое стремилось, не ущемляя интересов феодалов, удовлетворить свои потребности. Мероприятия по устройству городов 1649 г. проводились в рамках ликвидации частновладельческих слобод на территории городов и не касались основной массы крестьян, живших вне города.

Примерно в этом же русле действовал указ от 11 марта 1700 г.: «Дворцовых и Архирейских и монастырских и помещиковых и вотчинниковых крестьян, которые живут в городах на тяглых землях, и торгует всякими торги и тягло платят, взять в посады». Однако крестьяне, у которых не имелось ни торгов, ни промыслов, в посад не зачислялись. Если же это случалось, то «велеть из посадов отдавать помещикам и вотчинникам, за кем они были» [10]. Таким образом, правительство шло в своих указах по пути пополнения посада за счет платежеспособного населения, соблюдая прежде всего свой собственный интерес, пытаясь в то же время не ущемлять интересы помещиков. Правительство Петра I пыталось найти компромисс в решении вопроса о приписке крестьян к посаду. Такой попыткой был указ от 5 февраля 1714 г., согласно которому крестьяне, торговавшие и жившие в городах, включались в тягло, но вместе с тем они продолжали числиться за помещиком, выплачивая причитающиеся с них повинности [11].

В последующие годы правительство неоднократно подтверждало указ о приписки крестьян к посаду как в годы правления Петра I, так и его преемников. Однако всем указам свойственен ограниченный характер приема в посад. Правительство стремилось пополнить посадскую общину, как правило, за счет тяглоспособного населения. Итогом законодательной политики правительства в отно-

шении посада стал указ от 13 февраля 1747 г., который помимо денежного ценза в размере от 300 до 500 рублей требовал обязательного наличия своих лавок, дворов и заводов в тех «городах, куда крестьяне изъявили желание записываться в купечество», а «по деньгам в купечество не принимать» [12]. Этот указ, как и многие другие, носил характер паллиатива – правительство не решалось приписывать к посадам всех состоятельных крестьян, а потому к деньгам была добавлена необходимость фактического обладания торгово-промысловых заведений в месте приписки.

Таким образом, правительство, вынужденное считаться с объективными процессами в экономике страны и исходившее из своих фискальных интересов, проводило курс на увеличение числа торгово-промышленного населения. Однако политика носила ограниченный характер, так как правительство создавало различные препоны для основной категории населения России крестьян, занимавшихся торгами и ремеслом. Их приписка в посад была сопряжена со значительными сложностями и фактически была невозможна.

Однако, несмотря на эти колебания правительства, все же в начале XVIII века были созданы весьма решительные меры для укрепления посадской общины. Правительство позволило приписываться к посаду различным категориям населения. Всего с 1700 по 1723 гг. в брянский посад было определено 200 новых дворов с населением в 648 человек. Уже в 1710 г. в городе насчитывалось 334 человека, а в 1722 г. – 863.

В процессе пополнения посадской общины Брянска в XVIII столетии можно выделить три узловых момента, на которые приходится всплеск приписки в посад: 1) первое десятилетие XVIII века; 2) перепись 1710 года и 3) перепись 1718-1727 гг. Таким образом, основная приписка к

посаду в первой половине XVIII столетия приходилась на моменты переписей, одной из целей которых являлось увеличение тяглоспособного населения.

Таблица 1.

**Пополнение посадской общины Брянска
в первой четверти XVIII в.
(количество дворов)**

Сословная принадлежность	Годы			Всего	%
	1700–1709	1710–1718	1719–1723		
Стрельцы	38	8	1	7	23,5
Пушкари	13	20	18	1	25,5
Солдаты	–	20	49	9	34,5
Ямщики	1	1	1		1,5
Садовники	–	–	2		1,0
Крестьяне	1	–	8		4,5
Монастырские слуги	3	–	–		1,5
Иногородние	3	2	–		2,5
Неизвестные	3	1	7	1	5,5
Итого	62	52	86	00	100,0

Таблица составлена: РГАДА. Ф.350. Оп.1. Кн.436.

Первый толчок массовой записи в посад дали указы 1699 и 1700 гг. Именно в 1700 г. в брянский посад было определено 41,9%, записанных в период до переписи 1710 г. Здесь из 26 вновь записанных дворов 18 принадлежали стрельцам и пушкарям. Среди записанных в 1700 г. было трое монастырских слуг и два жителя Московской Конюшенной слободы Большие сокольники. В последующие годы первого периода в посад были взяты крестьяне, ям-

щики и жители других мест. Но главным источником оставались служилые люди: им принадлежало 82,3% всех записанных домов.

Второй всплеск пополнения посада приходится на период проведения переписи в 1710 г. В этот год в посадскую общину были записаны 19 дворов стрельцов и пушкарей. Приписка продолжалась и в последующие годы. Большинство приписанных в этот период (92,3%) принадлежали к военно-служилым людям – стрельцам, пушкарям и солдатам. Число же других категорий населения было незначительным.

Наибольший приток в посад Брянска наблюдался в период первой ревизии. В 1719 г. в посадскую общину было записано 48 дворов и 46 из них были представителями военно-служилого населения. Всего же за этот период было записано 86 дворов, большинство их (68 или 79,1%) принадлежало военно-служилому населению. В целом же на протяжении первой четверти XVIII в. Брянский посад значительно вырос. Главным источником пополнения (83,5% всех записанных) стали военно-служилые люди – стрельцы, пушкарки и солдаты. Пополнение другими категориями населения было незначительным: так, на крестьян приходилось всего 4,5% дворов, не говоря уже о более мелких разрядах населения. Запись в брянский посад продолжалась в последующие годы: так, в 1724 г. в Брянске насчитывалось посадских и членов гостиной сотни 912 душ м.п., в 1725 г. – 986.

Несмотря на ряд ограничений, крестьянство являлось значительным источником пополнения посада, а во второй четверти века крестьяне стали основным источником его пополнения. Приписка крестьян в основном приходится на годы издания указов, разрешавших их приписку к посаду. Так, в 1722 и 1747/48 гг. было приписано 143 человека из общего числа в 159, пополнивших посад в пер-

вой половине XVIII столетия. Подавляющее число из них приходилось на крестьян «посопных», подгородных слобод Брянска, т.е. это были вовсе не частновладельческие крестьяне. Лишь незначительное число крестьян из других уездов оказывалось среди жителей города. Для них основанием приписки являлись и длительность проживания в городе, наличие собственного дома и занятие торговлей или промыслами. Важно заметить, что все крестьяне числились в разряде дворцовых крестьян, т.е. они не были владельческими крестьянами. Данных о приписке частновладельческих крестьян в изученных материалах не встречалось. Не увеличилось число крестьян, приписанных к посаду и в период между второй и третьей переписями. За двадцатилетие было приписано всего лишь 96 крестьян, что составляло 6,1% к общей массе посадского населения [13].

Заметным источником пополнения посада стало местное духовенство. Его основная масса была записана в ходе церковной реформы Петра I, в период с 1719 по 1723 год. В ходе реформы большая часть церковников была положена в тягло, другие же считались состоящими в штате. Всем церковникам, не наделенным льготами, разрешалось по указу от 12 июня 1722 года записываться в тяглые сословия, поступать в школу, на гражданскую или военную службу [14]. Большая роль церковников в пополнении посада не была случайной, так как в Брянске и уезде находилось значительное число духовенства. Еще в 1707 г. брянский дворянин Безобразов указывал, что их в Брянске, и в уезде и в прочих «тамошних местах умножилось» [15]. Важным было и то, что церковники задолго до приписки занимались различными промыслами и имели тесные связи с посадом. Наиболее ярким проявлением этого является поддержка духовенством крестьян и посадских в их борьбе против помещика Гончарова [16].

Приписка других категорий населения не была значительной. За рассматриваемый период известно, что в брянский посад были приписаны 9 иногородних посадских людей. В число посадских попали и 2 человека из детей боярских. Однако они были настолько бедны, что один из них – Иван Романов после смерти отца был отдан в рекруты [17]. Кроме того, в брянский посад были включены 18 человек «польской нации», т.е. это были выходцы из белорусских городов. Приписка этих людей была временной, так как они в Брянске нанимались «во служение» и включались в тягло лишь на время работы.

Следует отметить, что приписка 83% всех зачисленных в посад приходится на правление Петра I. Этому способствовала не только политика, направленная на увеличение тяглого населения, но и политика по отношению к служилым людям, которые ликвидировались как самостоятельная категория населения, тем самым создавая базу для пополнения посада.

Вторая четверть XVIII столетия дает совершенно другую картину (См. таблица 2).

Таблица 2.

Пополнение посада за период с 1725 по 1744

прибыло			убыло		
естеств.	припис.	всего	естеств.	по разн. причин.	всего
747	58	805	418	102	520

Таблица составлена по: РГАДА. Ф.713. ОП.1. Д.1094. Л.206-207.

Во второй четверти XVIII в. ведущая роль в пополнении посада перешла к естественному приросту. Это объясняется, с одной стороны, увеличением общей массы городского населения и улучшением условий его жизни. Брянск перестал быть пограничным городом, отодвинулась от города и арена военных действий. С другой – политика

государства в этот период не способствовала переходу в посад основной массы населения феодальной России – крестьянства. Иных источников пополнения посадской общины в крае не существовало. Правда, правительство пыталось пополнить посадскую общину за счет дворовых работников посадских людей. Например, в период между первой и второй переписью в посад было приписано 12 взрослых мужчин, которые раньше числились дворовыми людьми [18].

Вместе с тем существовали существенные трудности приписки в посад для тех, кто хотел попасть в число городских жителей. Примером таких трудностей является борьба крестьян брянских «посопных» слобод за приписку в брянский посад. В соответствии с указом от 13 февраля 1747 г. крестьяне, имеющие торговлю на сумму не менее 300 рублей, получали право записаться в купечество [19]. В соответствии с указом часть крестьян подгородных слобод пожелала приписаться к брянскому посаду. Решением брянского магистрата и с разрешения генеральной ревизии Белгородской губернии в конце 1747-го – начале 1748 годов было приписано к посаду 104 человека [20]. Приписка вызвала сильное недовольство владельца этих слобод Гончарова. Борьба крестьян с феодалом длилась в течение десяти лет. Столкновения носили ожесточенный характер. Право перехода крестьян в посад энергично поддерживало крупное купечество города во главе с брянским магистратом. Городские власти под различными предлогами игнорировали указы не только брянской полицмейстерской конторы, но и центральных учреждений – указы Сената и Главного магистрата, решавшие дело не в пользу желающих записаться в посад. Пользуясь правом выдачи паспортов, магистрат выдавал их для ухода крестьян в Польшу и, вероятно, надеясь на возврат их после урегулирования конфликта. Дело в том, что на посаде постоянно не хватало

платежеспособных тяглецов. По сути дела, платежеспособность посада прямо зависела от численности живущего в нем населения. Кроме того, посадские люди вынуждены были выплачивать подати за всех выбывших. Так, в 1730 г. брянское купечество жаловалось, что после переписи убыло из посада по разным причинам 149 человек и что, платя за выбывших, они пришли «во оскудение» [21]. Вероятно, припиской состоятельных крестьян горожане стремились облегчить тяжесть раскладки повинностей.

Борясь за приписку крестьян, посад посылал своих наиболее богатых представителей в Петербург для подачи челобитных в Сенат. В июле 1752 г. эта миссия была поручена купцам первой гильдии К. Кольцову и И. Сапошкову. Причем посад требовал «иметь хождение и о милостивой резолюции просить неотступно» [22], т.е. перед делегатами была поставлена задача положительного решения дела. Посадское население активно поддерживало крестьян в вооруженных столкновениях с воинскими командами. Так, 2 августа 1750 г. капитану Махову не удалось захватить крестьян благодаря «вспоможению им (крестьянам. – Д.Ц.) от брянского купечества» [23]. Однако, несмотря на все старания посада и крестьян, вопрос был решен в пользу помещика.

Характерно, что подобный случай произошел ранее в правление Петра I и был широко известен. Крестьяне «посопных» слобод в своих челобитных в Сенат ссылались на распоряжение Петра I относительно конюшенной слободы в г. Дмитрове. В 1721 г. по челобитью посадских людей города Дмитрова эта слобода была взята у владельца П.А. Толстого и приписана к посаду. Вместо этого «из отписных сел в других городах тоlikое же число дать велено. И ежели где кому отданы или впредь даны будут таковые же при городах слободы, а прежде они были в купечестве, или не в купечестве да дворцовые и при городах живут

слободами, а на то будут просители, тех возвращать и писать в купечество, таже буде кто такие пожалованыя слободы для своего укрепления..., то возвращать в купечество» [24]. Однако в Сенате сослались на то, что в вотчинной коллегии такого указа не оказалось, и приказали крестьян вернуть владельцу и высечь плетьюми нещадно. Здесь отчетливо проявилась политика правительства в отношении приписки крестьянства к посаду. Правительство Елизаветы Петровны несколько отошло от поощрительной политики по отношению к торговцам и твердо стояло на защите интересов феодалов.

Итак, процесс формирования посадской общины Брянска прошел два этапа. В первой половине XVII в. посадское население не было постоянной категорией населения, лишь правительственные мероприятия 1649 г. положили начало процессу формирования посада. Однако мероприятия этого периода (1649 – конец XVII в.) носили фрагментарный характер и не могли создать крепкой, постоянной посадской общины.

Указы 1699 и 1700 гг., открывшие доступ в посад практически всем категориям населения, можно считать началом нового периода в создании посада. Этот период длился до 20-х годов XVIII в. и отличался бурным ростом численности посадских людей. Численность посадских людей в Брянске увеличилась в 5,4 раза. Это привело к тому, что посадская община Брянска стала самой многочисленной среди посадов юго-западных городов.

К этому времени доминирующая в экономике группа населения – служилые люди – была ликвидирована и в значительном количестве зачислена в посад. Именно это и определило экономическую мощь брянского посада. Нельзя сказать, что политика государства на втором этапе формирования посадской общины была строго последовательной, как правило, правительство стремилось пополнять по-

сад за счет платежеспособного населения, однако в жизни многое было не совсем так – в посад попадала значительная масса несостоятельных тяглецов. Особенно явно этот изъян проявился в ходе первой переписи. В состав посадского населения попадали калеки, слепые и люди, которые кормились милостынею. Это подтверждает и более поздний указ от 10 марта 1736 г., в котором под угрозой ссылки в Сибирь приписывали к посаду церковников, дряхлых и двоеженцев, «которые, не токмо в службу, но и при церквах быть негодны» [25].

Однако общая тенденция роста посадского населения имела колебания во времени. Практически для всех городов было свойственно снижение численности посадского населения сразу же после переписи 1678 г., и только во второй половине 1690-х гг. численность их начинает снова возрастать. Причины такого снижения кроются не только в военно-политической обстановке, сложившейся в это время, но и в конкуренции посадским людям со стороны многочисленного служилого населения, а также в том, что переписчики в ходе переписи 1678 г. намеренно завышали численность посадских людей, включая в их число различные категории горожан и пришлых людей, которые практически не были посадскими жителями.

В конце XVII в. обстановка на юго-западе России значительно улучшилась. Правительство, ликвидируя войска старого строя, начинает приписку их в посады, особенно по указам 1699 и 1700 гг. Это привело к значительному наплыву служилого населения в посад, и правительство вынуждено было принять запретительные меры: в 1700 г. было издано специальное распоряжение «Белгородцкого и Севского полков городов, которые ведомы в Разряде служилый всяких чинов людей, которые торговыми промыслами промышляют на Москве и в городах и те из Ратуши в посад и в тягло без указу великого государя из Разряду пи-

сать не велено для того, что написались в посад за которыми и промыслов нет и из списка, и из службы многие убыли» [26]. Однако этот указ не смог сдержать служилых людей, стремившихся в посад. Тем более, что правительство проводило курс на увеличение тяглецов и ликвидацию приборного войска. Особенно широко была открыта запись в посад в период проведения переписи 1718-1727 гг. Проводимая в это время податная реформа способствовала завершению в основных чертах процесса перестройки всей структуры русского общества.

Литература

1. Шумаков С. Сотницы (1537-1597 гг.), грамоты и записи (1561-1696 гг.). Вып. I. – М., 1902. – С. 182-183.
2. Волохов, В.П. Брянск : очерк прошлого и настоящего одного из старейших русских городов / В.П. Волохов. – Тула, 1986. – С. 30.
3. Пясецкий, Г. Исторические очерки города Брянска Орловской губернии / Г. Пясецкий. – Орел, 1882. – С. 70.
4. Шумаков. С. Сотницы (1554-1572 гг.), грамоты и записи (1628-1701 гг.) / С. Шумаков. – М., 1904. – Вып. III. – С. 37.
5. РГАДА. Ф.1209. Оп.3. Д.10233. Л.52 об.
6. Смирнов, П.П. Посадские люди и классовая борьба до середины XVII века. / П.П. Смирнов. – М.-Л., 1948. – Т. II. – С. 452, 478.
7. РГАДА. Ф.210. Столбцы Севского стола. – Стб.167. Л.312.
8. ПСЗ. Т. III. №1723.
9. Тихомиров, М.Н. Соборное Уложение 1649 года / М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. – М., 1961. – Гл. XIX. – Ст. 5, 9, 15.
10. ПСЗ. Т. IV. №1775.
11. ПСЗ. Т. V. №2770.

12. ПСЗ. Т.ХІІ. №9372.
13. Кизеветтер, А.А. Посадская община в России XVIII столетии / А.А. Кизеветтер. – М., 1903. – С. 47.
14. ПСЗ. Т.VI. №4035; Подробнее см.: Анисимов, Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России. 1719-1728 гг. / Е.В. Анисимов. – Л., 1982. – С.222-232; Булыгин, И.А. Церковная реформа Петра I / И.А. Булыгин // Вопросы истории. – 1974. – №5.
15. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев. – М., 1962. – Кн.8. – С.171.
16. Пупарев, А.Г. «Брянская смута» 1747-1757 / А.Г. Пупарев // Труды Орловской ученой архивной комиссии. – Орел, 1890. – Ч.1. – С. 42-43.
17. РГАДА. Ф.713. Оп.1. Д.109. Л.12 об.
18. РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.449. Л.87 об.
19. ПСЗ. Т.ХІІ. №9372.
20. РГАДА. Ф.713. Оп.1. Д.127. Л.83 об.
21. РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.432. Л.1.
22. РГАДА. Ф.713. Оп.1. Д.131. Л.1.
23. РГАДА. Ф.713. Оп.1. Д.127. Л.222.
24. Цит. по: Пупарев, А.Г. «Брянская смута» / А.Г. Пупарев. – С.39.
25. ПСЗ. Т.Х. №7533.
26. РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. Стб.2606. Л.21.

В.Г. Деханов,
член Союза писателей России,
член Союза журналистов России

Из биографий начальников Брянского арсенала

В Государственном архиве Брянской области (к радости исследователей и краеведов) архив старейшего завода России «Брянского Арсенала» сохранился, можно сказать, полностью. По моим подсчетам, с 1783-го года (года основания Арсенала) и по 1918-ый год на нем сменилось за 135 лет более двадцати начальников, включая временно исполняющих эту должность.

В делах арсенального архива находятся формулярные списки о службе их начальников.

Среди фамилий начальников арсенала (их еще называли и командирами, и командующими Брянским арсеналом) есть и иностранного происхождения, как: Бухмейер, Гебгардт, Форселлес, Сарандинаки, Акерман, Ванков. И если о начальнике арсенала (1913-1918) генерале Семене Николаевиче Ванкове, болгарине по национальности, уже рассказывалось на страницах местных газет (см.: В. Деханов, В. Максимкин. Брянский арсенал возглавлял командир ордена Почетного легиона // Брянская газета. – 1997. – №39. – С. 13), то другие мало кому известны, в том числе и нынешним арсенальцам.

12 июля 1799 года на имя генерал-лейтенанта «всея артиллерии инспектора и кавалера» графа Аракчеева из Брянска поступил рапорт от полковника Бухмейера. Вот его текст: «Брянского арсенала мастера кузнечной Иван Марков, сверленной Корней Жуков, подмастерья кузнечные Иван Латышев, Трофим Кузьмин, сверленной Петр Томилин, слесарной Василий Крылов, лафетной Михаил

Козаков и токарной Игнат Югов с начала исправления повеленной Государственной Военной коллегии Артиллерийская экспедиция по новой конструкции полевой и полковой артиллерии производят работу с усердием и рачительностью в своих мастерствах довольно значащих; жалование получают, хотя положенное по штату Московского арсенала, но весьма малое, не получая провианта и амуниций к тому же почти; все из вышеозначенных имеют у себя жен и детей, а дабы сделать что-нибудь по своему мастерству на продажу и чрез то получить себе вспомоществование не имеют на то почти своего времени, ибо рано поутру должны приходить к работе, а вечером поздно с оной спускается почему и содержит себя весьма бедно.

По сему беру смелость Вашему Графскому Сиятельству сие покорнейше представить на рассмотрение по их усердию к работе дабы вящше их поощрить прошу сделать Ваше Милостивейшее к ним снисхождение к ныне получаемому жалованью учинить хотя бы малое прибавление, особенно рекомендую кузнечного мастера Маркова, ибо работа кузнечная производится в двух кузницах на двадцать четыре горна, он один успевает всем кузнецам назначать работу и отпускает на оную железо и смотрит за работами, дабы все хорошо и с прочностью было сделано. А хотя и состоят подмастерьев в кузнечных двое новомалолетние знающих казенных кузнецов те подмастерья должны необходимо работать сами собой горнами; посему за всеми кузнечными работами и смотрит один только тот мастер, что исполняет с великой деятельностью.

Сколько ж вышеозначенные мастера и подмастерья получают жалованья об оном сочиненную ведомость Вашему Графскому Сиятельству покорнейше представляю» (Прим.: *Стиль написания документов здесь и далее дается без исправления.*).

Далее к рапорту Бухмейер приложил справку о годовом жалованье в рублях: «Кузнечного дела мастер Иван Марков – 60, подмастерье Иван Латышев – 50, Трофим Кузьмин – 35, сверильных дел мастер Корней Жуков – 60, подмастерья Петр Томилин – 30, Василий Крылов – 35, лафетный подмастерье Михаил Казаков – 40, токарный подмастерье Игнатий Югов – 30».

Ответа Аракчеева на запрос Бухмейера в деле не оказалось. Но сам документ о многом говорит: не был начальник арсенала посторонним лицом на заводе, ценил своих добросовестных и умелых работников.

А из рапорта, уже от 13 июля 1808 года, т.е. через 9 лет, от «артиллерии майора и кавалера» А.И. Дурилова на имя «командира Брянского и Киевского арсенала господина от артиллерии полковника и кавалера» Бухмейера следует, что Бухмейер заведовал строительством и производством сразу двух арсеналов.

Кто же такой был этот человек? Из формуляра, составленного на 1 января 1801 года, о нем узнаем следующее.

Бухмейер Федор Евстафьевич родился в 1765 году. Является «российским обер-офицерским сыном немецкой нации лютеранского закона». Службу начал в артиллерийском инженерном шляхетском кадетском корпусе. Служебная лесенка такова: мушкетер (1779, февраль), фурьер (1779, ноябрь), сержант (1780), штык-юнкер (1787), подпоручик (1790).

В 1793 году служил старшим адъютантом в штабе «артиллерии генерал-поручика и кавалера» Мелиссино. Далее служит в конной артиллерии: капитан (1794), майор (1797), подполковник (1798), полковник (1799, апрель).

Приведем еще один документ из дела, который поступил в Брянскую Городскую Думу от «Брянского арсенала командира от артиллерии полковника Бухмейера» 10

декабря 1804 года: «Господин Орловский Гражданский Губернатор действительный статский советник Яковлев отношением писанного сего года настоящего ноября от 15-го <...> дал мне знать, что от него г-на Губернатора оной думе предписано довольствоваться вверенную мне команду <...> отопления, освещения и других надобностей по-прежнему до тех пор пока он на представление <...> от господина министра внутренних дел кавалера графа Виктора Павловича Кочубея получит резолюцию <...> но его отношения всем оной думе сообщаю и прошу следуемые на будущий 1805 год генваря с первого числа на отопление и освящение состоящих при вверенном мне Брянском пушечном литейном заводе казарм дому караулен и лазарета со службами дрова и свечи кому следует от себя, поручить дабы, оные в настоящее время на основании имеющегося в оной думе от меня требования в команду были доставлены при сем прошу о последующем меня уведомить. От артиллерии полковник» (подпись Бухмейера).

Подобные сообщения и запросы от Бухмейера в Городскую Думу поступали часто.

Федор Бухмейер был женат на немке Христине Ивановне. Как значится в послужном списке Бухмейер Федор Иванович «грамоте по-русски и по-немецки читать и писать умеет, знает артиллерийскую и фортификационную науку».

В 1805 году Бухмейер был назначен инспектором Брянского и Киевского арсеналов. В 1810 году получил чин генерал-майора. Во время Отечественной войны 1812 года был вновь назначен командиром Брянского арсенала. Имел награды: орден Святого Владимира 3 степени и орден Святой Анны 3-ей степени.

* * *

С 1837-го по 1841-ый год командиром (начальником) Брянского арсенала являлся Гебгардт (Гебхардт) Федор Карлович с приставкой «2-ой».

Он был выходцем из дворян Лифляндской губернии (центр – г. Рига.), исповедовал протестантскую веру. Родился Гебгардт в 1781 году. В военную службу вступил кадетом в 1793 году (учился в артиллерийском кадетском корпусе). Уже в 17 лет был произведен в подпоручики. В 1799 году участвовал в сражениях на флоте в Голландии, в 1805-ом – при переходе через Галицию, Пруссию, Силезию в Моравию, где при присоединении с римско-императорскими войсками под местечком Аустерлицем – находился в сражении против многочисленной французской армии.

За военную кампанию 1807 года при Прейсиш-Эйлау получил золотой крест с надписью «За труды и храбрость». За героизм, проявленное в сражении при Фридланде, был награжден в 1808-ом году орденом Св. Анны 3-ей степени.

В 1810 году Гебгардт сражался против турецких войск в Молдавии. В 1811-ом – получил чин подполковника. В 1812-ом году в бою с французами «в княжестве Варшавском» был ранен «в бок ядром и левую руку, отчего оною не владеет вовсе. На лечение не уходил, как и не брал отпуска».

В 1818 году его назначают директором «Искусственной части» на Тульский оружейный завод «с состоянием по артиллерии». Раны давали о себе знать, и в мае 1821 года Гебгардта увольняют со службы. По Высочайшему приказу, данному Правительствующему Сенату, Гебгардта назначают Владимирским вице-губернатором. На этом посту он находился по апрель 1823 года. Причем,

ему было разрешено именоваться прежним чином – «артиллерии полковник».

В 1821 году он был удостоен ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-го класса.

Почти 8 месяцев (с мая 1831-го по январь 1832 года) Ф.К. Гебгардт был полицмейстером в г. Дерпте (ныне г. Тарту в Эстонии). С июля 1834 года его определяют «с состоянием по артиллерии» в Петербургский арсенал, где он находился «3 года, 3 месяца и 21 день». Во время его начальствования на арсенале в Брянске в сентябре 1840 года с инспекционной целью завод посетил директор Департамента генерал от артиллерии Эйлер. Инспектор отметил «многочисленные болезни на арсенале, слабую строевую подготовку и истрепанность обмундирования гарнизонной роты». В Брянск с целью исправления данного положения был послан поручик Неустроев. Ему же надо было доложить Эйлеру, «отчего лафеты и орудия хранятся в арсенале не по батареям как требует порядок и почему до сих пор не преступлено было к заготовлению лафет по новым чертежам».

Несмотря на все недочеты в деятельности арсенальцев, Гебгардту в 1841 году был присвоен чин генерала.

Женат Федор Карлович был на дочери статского советника Бухольца – Луизе Егоровне. У них было трое детей. В 1840 году сыну Карлу шел 24-й год, Александру – 19-й, Федору – 18-й. Все были евангелическо-лютеранской веры. Гебгардт умел читать и писать по-русски, по-немецки и по-французски.

* * *

С 1855-го по 1858-й годы начальником («командующим») Брянского арсенала являлся гвардии полковник, финн по национальности, Эдуард Федорович Форселлес. В момент назначения ему было 38 лет.

Происходил он из дворян Великого княжества Финляндского, был лютеранином. У его отца в Лифляндской губернии имелось поместье.

В 1836 году 17-летний Форселлес из кадетов Финляндского корпуса был произведен в прапорщики лейб-гвардии 2-ой артиллерийской бригады.

В 1845 году в чине поручика участвовал в Кавказской экспедиционной кампании против горцев. Отличился, получил чин штабс-капитана. В 1848-м он командир гвардейской запасной пешей батареи №3 в Киеве, где получил капитана. Чин полковника Форселлес получил в апреле 1850 года, став через три года начальником киевской Артиллерийской технической школы. Отсюда он и прибыл в качестве «командующего» на Брянский арсенал.

Послужной список Э.Ф. Форселлеса пестрит военными походами.

В одном из боев с горцами Шамиля он был ранен ружейной пулей «в левую руку близ сочленения предплечья с ручной кистью навывлет с раздроблением кости». Потом был ранен еще – на этот раз пуля попала в правую часть груди. За храбрость был отмечен орденом Св. Анны 2-ой степени с императорской короной. Позднее получил еще такой орден, но 3-ей степени с бантом. Форселлес много раз удостоивался личного поощрения от Государя, главным образом, различными суммами единовременного пособия. Так, в 1850 году получил «Высочайшие благоволения за смотры, маневры и учения» в присутствии самого Николая I. Будучи «командующим» Брянского арсенала, удостоился «Всемиловитейше пожалованным подарком – Бриллиантовым перстнем» за изготовление модели полевой артиллерии.

Эдуард Федорович был женат на дочери инженер-генерал-майора Бранта – Ольге Ивановне. У них было двое

детей: сын Ананий, 1853 года рождения, и дочь Лидия, 1856 года рождения.

* * *

Генерал-майор Сарандинаки Иван Васильевич, грек по национальности, был начальником Брянского арсенала 13 лет – с 1893-го по 1906-й год. Родился он в 1840 году, происходил из потомственных дворян Могилевской губернии, исповедовал православную веру.

В службу Сарандинаки из «воспитанников Государя Императора» вступил в Михайловское артиллерийское училище фейерверкером в конце 1856 года.

Вскоре он стал юнкером, а в начале 1859-го – портупей юнкером. В этом же году был произведен в прапорщики с зачислением по полевой пешей артиллерии и с прикомандированием к Михайловской артиллерийской академии. Проучившись год в академии, он по собственному желанию был прикомандирован к Санкт-Петербургской крепостной артиллерии.

Все-таки Михайловской артакадемии ему избежать не пришлось. Ее Сарандинаки окончил в 1863 году в чине подпоручика, а уже в конце этого года стал поручиком. Служил «в Инспекторском Департаменте Военного Министерства». В 1868 году Высочайшим приказом его зачислили в Киевский арсенал по полевой пешей артиллерии, где вскоре становится он «офицером особых поручений при командире арсенала». Здесь он вскоре получил чин капитана, заведовал «деревянной мастерской».

Пройдет 10 лет, прежде чем он станет полковником, к этому времени он начальник Киевской Технической Артиллерийской школы. За отличие по службе в 1889 году, на 50-м году жизни, его произвели в генерал-майоры. Так что в Брянск в 1893 году он прибыл в этом звании. Наряду с начальствованием на арсенале он еще исправлял должность начальника гарнизона города Брянска (1893-1895). К

приезде на Брянский арсенал он уже имел такие награды: ордена – Св. Анны 3 степени (1874), Св. Станислава 2 степени (1879), Св. Анны 2 степени (1882), Св. Равноапостольного князя Владимира 4 степени (1893). Кроме этого, имел медали: бронзовую – «в память усмирения Польского мятежа 1863-1864 гг.», серебряную – «в память царствования Императора Александра III».

Во время руководства его Брянским арсеналом здесь произошла грандиозная катастрофа – провал артезианского колодца. Пострадали часть здания кузнечной мастерской (провалилась под землю) и другие производственные помещения. Убытки трагедии составили около 70 тысяч рублей. На арсенале И.В. Сарандинаки получил за усердную службу ордена: Св. Станислава 1 степени (1896), Св. Анны 1 степени (1904.) По состоянию на 1 января 1900 года его жалованье на заводе составляло 2400 рублей в год. Жил на казенной квартире – на Покровской горе, в доме начальников Брянского арсенала (дом сохранился до наших дней).

Женат Иван Васильевич был на дочери помещика, отставного корнета, Софье Максимовне Острянской. У них был сын Владимир, 1873 года рождения. Жена генерала вела в Брянске большую общественную работу – являлась председателем Брянского комитета Российского Общества Красного Креста.

В 1906 году генерала Сарандинаки на посту начальника Брянского арсенала сменил генерал-майор Александр Юльевич Акерман, который пробыл на этой должности семь лет, до прихода к руководству арсеналом в 1913 году уже упомянутого выше болгарина генерала С.Н. Ванкова.

Источники

I. Бухмейер

ГАБО (Государственный архив Брянской области),
Фонд (Ф).221, опись (оп.)1, дело (д.) 27.

ГАБО, ф.221, оп.1, дд.28,45,54.

ГАБО, ф.197, оп.1, д.198.

II. Гебгардт

ГАБО, ф.221, оп.1, дд.332,348.

ГАБО, ф.221, оп.2, д.550.

III. Форселлес

ГАБО, ф.221, оп.3, дд.139,143.

IV. Сарандинаки

ГАБО, ф.221, оп.1, дд.2447,2680,3678.

ГАБО, ф.221, оп.3, д.78.

В.А. Бобков,

кандидат исторических наук,

старший преподаватель,

Брянский государственный университет

им. академика И.Г. Петровского

Брянский неперенный (местный) арсенал в период наполеоновских войн

До 1808 г. арсеналы России назывались литейными дворами. Затем в 1808 г. для отличия их от вновь созданных подвижных арсеналов литейные дома называли местными арсеналами. В документах местные арсеналы могли называть неперенными, реже употреблялась наименование артиллерийские арсеналы. В результате реформ Д.А. Милютина и введения окружной системы термин «местные арсеналы» окончательно утвердился, но помимо местных и подвижных арсеналов создали и окружные арсена-

лы. Эти арсеналы, как и подвижные, не занимались производством артиллерии, а лишь ремонтировали ее в округе, в котором находились.

С конца XVIII в. в России существовало всего три местных арсенала: С.-Петербургский, Киевский и Брянский. Юридически к местным арсеналам относился учрежденный в 1812 г. арсенал в Казани, но уже в 1815 г. пожар уничтожил основное оборудование этого арсенала и вплоть до своего расформирования в 1850 г. он представлял из себя маломощную мастерскую по ремонту артиллерии.

Брянский арсенал был учрежден в 1783 г. и ко времени начала войн с Наполеоном являлся мощным военным предприятием. Важное значение арсенала в Брянске подтверждает и пристальное внимание к его работе со стороны А.А. Аракчеева.

А.А. Аракчеев лично отслеживал проведения работ, давал необходимые предписания. Став в 1808 г. военным министром, А.А. Аракчеев энергично взялся за преобразование, о чем свидетельствуют «целые тома приказов военного министра за 1808-1809 гг.». Происходит усиленная работа в направлении развития арсенального дела. Так, при Брянском арсенале впервые появляется специальная книга с повелениями и приказами инспектора всей артиллерии графа Аракчеева и генерал – майора Воронова [1], также впервые в арсенале завели книгу – журнал Киевским и Петербургским исходящим делам [2], что свидетельствует о тесной связи в этот период трех арсеналов России. А для более четкого руководства работами по усовершенствованию арсенального производства в 1806 г. командира Брянского арсенала Ф.Е. Бухмейера назначают управляющим сразу двумя арсеналами одновременно: Киевским и Брянским. С этого времени карьера Ф.Е. Бухмейера была тесно связана с А.А. Аракчевым. В 1808 г. Ф.Е. Бухмейер

получает звание генерал – майора с назначением состоять при Аракчееве, с 1818 г. он – председатель экономического комитета военных поселений, с 1822 г. – член совета господина главного над военными поселениями начальника, а в 1824 г. его увольняют от службы. Причем А.А. Аракчеев весьма тесно общался с Ф.Е. Бухмейером не только по делам службы [3]. Видимо, Ф.Е. Бухмейер поселился после отставки в Брянском уезде, т. к. здесь у него имелось село Теменичи, деревня Павловичи [4].

А.А. Аракчеев старался ввести единообразие в работу всех арсеналов России. В 1808 г. Аракчеев предписывает Временному артиллерийскому комитету для окончательной выработки инструкции о приеме из арсеналов орудий с лафетами и зарядными ящиками пригласить в собрание командиров арсеналов: полковников Тимлера и Бухмейера, а также подполковника Зуева, «как опытных по сей части штаб – офицеров».

А.А. Аракчеев продолжает совершенствование и в отдельных частях материальной части артиллерии. В 1809 г. следует его приказ командирам арсеналов С.-Петербургского генерал-майору Тимлеру и Брянского майору Иевлеву сделать равными цапфы у осадных орудий в длине и высоте, что давало значительную выгоду при обточке и высверливании ладыг. Теперь потребовалось только по одной машине для всех калибров, и появилась возможность сделать цапфы всех калибров осадной артиллерии в диаметре 5,5 дюймов, кроме 2-пудовой мортиры, которые остались, как и раньше, равные с 12 фунтовыми пушечным [5].

Значительные изменения в артиллерийских системах, рост производства требовали и изменения в количественном составе работников. А.А. Аракчеев сразу обратил на это внимание. В рапорте от 3 сентября 1805 г. за №3390 он доносит: «По малому числу мастеровых в Арсе-

налах, число которых состоит с 1765 г. одинаково, тогда как Российско-Императорская артиллерия беспрестанно увеличивается, почему и отделка орудий и лафет происходила по 1804 г., единственно только поспешнее во времени, не смотря уже на аккуратность, твердость и чистоту оной». Взгляд военного ведомства в начале XIX в. устремляется на институт военных кантонистов. До эпохи наполеоновских войн институту военных кантонистов правительство уделяло немного внимания: он существовал как бы вне сферы основных интересов государства. Но с началом XIX в., в связи с изменением тактики ведения боя роль хорошо обученных солдат, а особенно унтер-офицеров, резко возросла. Потребность армии в подготовленных солдатах и младших офицерах подтолкнула правительство к использованию для означенной цели уже существовавший почти столетие институт военных кантонистов [6].

С 1808 г. производство предметов артиллерии в Брянске активизируется, начинают стягивать рабочие силы. В Брянский неперменный арсенал 1 июля 1808 г. из г. Смоленска направляют ратников Витебской подвижной милиции, которые были зачислены в мастеровую и фурштатскую команду. Через один год, 1 июля 1809 г., начальник арсенала майор Иевлев в рапорте генерал-майору Бухмейеру сообщал, что из 95 ратников осталось 67 человек, из них часть престарелых лет, часть увечные, а другие даже при всём старании не имеют возможности изучить мастерство. Многие из них находятся в лазарете, а другие хотя и налицо, но по слабости своей и по незнанию мастерства занимают собой напрасный штат. Большое количество нарядов по отливке осадной и батарейной артиллерии, изготовлению к ней лафетов и зарядных ящиков, оковке их железом предполагает увеличить число мастеровых. Иевлев просил выделить людей из артиллерийского рекрутского депо, около 200 человек [7]. Запасные рекрут-

ские депо были образованны в 1808 г. для обучения рекрутов главным правилам военной службы [8]. Каждая из 24 пехотных дивизий выделяла 6 обер-офицеров и 240 солдат, на которых возлагалась задача подготовки рекрутов для полков своей дивизии [9]. Первоначально в России было 28 запасных рекрутских депо [10]. Их расположили во Владимире, в Нижнем – Новгороде, в Новгород-Северске, в Уфе, в Харькове, в Ярославле, в Брянске, в Тютюне, в Глухове, в местечке Заслав, Ивановец, Чуднове, Белогородке, в селе Рогнедине, в местечке Ивановке, в Крепости Св. Дмитрия, в Каргополе, в Олонце, в Ровно, в Ахтырке, в Ольвиполе, в Екатеринославе, в Дмитрове, в Новгороде, в Таре, в Торопце, в Старой Руссе и Холме.

Брянский арсенал мог рассчитывать на депо, которые располагались в с. Рогнедино и в Брянске. Брянское депо, хотя и называлось Брянским, но занимало собой значительную территорию. В самом Брянске находилась только штаб квартира командира депо, лазарет, капральство первой роты и квартира ротного командира. В селах Супонево и Городище были еще три капральства первой роты. Всего Брянское депо в своем составе имело шесть рот, расположенных на расстоянии от города в окружности до 74 верст. Так квартира командира четвертой роты находилась в Госоме. В Госоме находилось и лагерное место, куда стягивалось депо в летнее время, располагаясь вдоль р. Госомы. К Брянскому рекрутскому депо были приписаны люди из Стародубского, Новгород-Северского и Конопского рекрутских депо [11]. Военный министр вынужден был предписать 7 августа 1809 г. передать в Брянский арсенал 35 рекрутов из Брянского и столько же из Рогнединского депо, но разрешил отобрать «менее собой видных». Помимо этого было приказано выделять по 100 человек на ежедневные работы в арсенале из Брянского рекрутского депо [12].

В период наполеоновских войн каждый рекрут был «на вес золота» и хотя к марту 1811 г. количество депо было доведено до 40, эта система долго не удержалась. В связи с угрозой наполеоновской агрессии в 1811 г. пришлось срочно увеличить полевую армию. Из рекрутов, состоящих в депо, были сформированы четвёртые батальоны для пехотных полков 2 рекрутской дивизии. Таким путём, писал М.Д. Барклай-де-Толли, находя себя «в необходимости готовиться к войне, успели мы в продолжение 1810 и 1811 годов усилить почти вдвое армию». Брянскому арсеналу не приходилось в будущем рассчитывать на пополнение мастеровых из рекрутских депо.

Брянский местный (непременный) арсенал в результате учреждения при нём подвижного арсенала получил широкие возможности по использованию мастеровых последнего, т.к. во время нахождения подвижного арсенала при непременном, его чиновники и мастеровые подчинялись командиру непременного арсенала, к которому они были причислены. В мирное время чиновники подвижных арсеналов употреблялись на всякую службу, исключая командировки, а мастеровые на любые ежедневные работы при непременном арсенале. Ситуация с недостатком мастеровых изменилась: в 1800 г. числился 461 человек [13], а в январе 1809 г. в Брянском непременном арсенале состояло 574 человека, в подвижном арсенале 72 человека, в прикомандированном к Брянску московском артиллерийском гарнизоне 201 человек. При мастеровых подрастала их смена: юные кантонисты в количестве 56 человек [14].

В условиях нехватки квалифицированных мастеровых для Брянского арсенала, дети, живущие при арсенале, попали в число будущих рабочих и их фиксируют в табелях наравне с их родителями. Отдельные кантонисты не жили при арсенале и могли находиться с родственниками или матерью в других губерниях. Но на отъезд требовалось

разрешение, заботясь о будущем работнике, его судьбу отслеживали. Внутри арсенала, в литейном доме имелась на 3 этаже комната, где «обучались грамоте солдатские дети».

С 5 лет кантонистов обучали азбуке, с 7-8 лет изучался псалтырь. Хотя были кантонисты, вообще не обучавшиеся в этом возрасте. В 13-15 лет изучалась арифметика, география, священная история. Но кантонисты были будущим арсенала, поэтому потребность в мастеровых сохранялась, несмотря на высокую производительность арсенала, которая составила с 1803 по 1809 г. 880 стволов, 603 лафета и 1177 зарядных ящиков [15].

В начале 1809 г. в Брянском арсенале, состояло около 900 работников, из этого числа мастеровые составляли около 500 человек, т.е. 55%, а в 1786 г., количество мастеровых составляло около 140 человек, т.е. 25% от общего числа работников, т.е. обозначился более чем в два раза рост мастеровых по отношению к валовым работникам и лицам администрации.

Увеличивалось и количество мастеровых различных дел, что свидетельствует об увеличении производства артиллерии. Более чем в два раза увеличивается и количество лошадей с 41 в 1786 г. до 83 в 1809 г., т.к. из-за отсутствия при Брянском арсенале необходимых механизмов лошади применялись для работ по производству. В частности для сверления орудий мастеровые в день работали 12 часов, а лошадей сменяли за это время три раза. В случае если токарных станков не хватало, прибавлялось количество лошадей. Но даже при этом усилении производства было необходимо еще больше увеличивать производительность за счет дополнительных рабочих рук. Генерал-майор Ф.Е. Бухмейер 7 апреля 1810 г. просил для арсенала способных людей из Брянского рекрутского депо, а инспектор всей артиллерии барон П.И. Меллер-Закомельский по этому вопросу обращался к военному министру. В результате ре-

крутов выделили, но не из Брянского депо, а менее «способных» 270 человек из Дмитровского [16].

В 1810 г. при Брянском арсенале создается запасной артиллерийский парк на 4 дивизии, в нем имелось 640 комплектов для единорогов (по 80 штук в комплекте), 1280 комплектов снарядов для 12 фунтовых пушек, 299 пудов пушечного пороха, ружейные патроны, патронная бумага, ружейные кремнии, гранатные трубки, и т.д. По повелению артиллерийского департамента запасы во время войны 1812 г. направляли в г. Брест-Литовск, а в 1813-1815 г. с их помощью в г. Брянске формировали артиллерийские роты. В целом перед войной 1812 г. в парках 1-й дистанции, переименованных в парки 1-й линии, объем запасов увеличился до 20 дивизий, эти парки были размещены в Динабурге, Вильно, Несвиже, Бобруйске, Полонном и Киеве. В резервных парках, образовавших парки 2-й и 3-й линии, объем запасов был создан на 38 дивизий. Парки были размещены в Пскове, Смоленске, Брянске, Новгороде, Москве, Калуге и на Шостенских пороховых заводах. Ко всем этим паркам были приданы понтонные роты. «Запасной парк вместе с лицами его обслуживающими, подчинялся командиру понтонной роты. Все это делало Брянск с арсеналом важным тыловым центром русской армии» [17].

Неоднократное увеличение количества мастеровых в Брянске привело к тому, что командир арсенала «Иевлев хотя и управляет вверенным ему арсеналом со всевозможной деятельностью и трудолюбием, но по множеству... дел» [18], а помимо арсенала он руководил мастеровой командой, был ротным командиром, не справлялся. В результате качество работы арсенала в целом падало. При своем посещении арсенала на этот факт обращает внимание Ф.Е. Бухмейер и просит у П.И. Меллер-Закомельского определить в арсенал помощника. В результате на арсена-

ле появляется помощник для Иевлева обер-офицер московского артиллерийского гарнизона майор Кудрявцев [19].

7 февраля 1811 г. при арсенале было учреждено артиллерийское рекрутское депо [20], которое вскоре было переведено в г. Стародуб, а при арсенале создано артиллерийское депо под началом майора Балахонцева. Начальник арсенала в 1811 г. писал: «Брянский арсенал в течение года может приготовить орудий с лафетами, принадлежностью, обозом и зарядных ящиков батарейных: артиллерии батарейной на 4 батареи, а легкой на 6 батарей». В случае работы в праздничные дни он мог довести выпуск батарейной артиллерии до 5 и 1/3 батарейные роты [21]. Батерейная рота в то время включала 12 пушек и два 3-х фунтовых единорога, такое же количество пушек имелось и в легкой артиллерии. Таким образом, арсенал мог изготовить в год 60 батарейных орудий и 90 легких, т.е. – 150, а в случае работы в праздничные дни – еще 20.

В 1812 г. для изготовления новых, более совершенных прицелов к артиллерийским орудиям, изобретенным подполковником Кабановым, был привлечен Брянский арсенал. Значительный вклад он в это время внес и в производство снарядов. Здесь ежегодно производилось 50-60 тысяч пудов снарядов.

В канун Отечественной войны 1812 г. отливкой артиллерийских орудий в России занимались только два арсенала Петербургский и Брянский. Они за пять с половиной предшествующих лет изготовили 1384 орудия и большое количество лафетов, зарядных ящиков, передков, запасных колес к лафетам и зарядным ящикам, оборудования походных кузниц и т.д. [22].

В июне 1812 г. армия Наполеона вторглась на территорию России. После захвата французами Москвы и начала их наступления на Рославль – Брянск находился

под угрозой захвата арсенала. Часть имущества из Брянского арсенала в сопровождении командира Иевлева отправляют в г. Орёл [23]. Казну в размере 124 тыс. руб. передают в Орловское казначейство [24]. В г. Брянске командовать арсеналом был назначен полковник Вахмут. Вахмут командовал частью арсенала до момента его соединения с другой частью арсенала, отправившейся в Орел.

Учитывая важность значения арсенала в г. Брянске, не остановившего свою работу в связи с войной, Наполеон предпринимал неоднократные попытки уничтожить его. «Инспектор Киевского и Брянского арсеналов генерал-майор Ф.Е. Бухмейер обратился к начальнику черниговского ополчения генерал-лейтенанту Н.В. Гудовичу с просьбой выделить из ополчения «пристойный отряд» на отражение неприятеля из Рословля и защиту Брянска» [25]. Русское командование в лице М.И. Кутузова так же не упускало из вида возможности уничтожения арсенала. Кутузов в своём рапорте Александру I указывал цель отвода русских войск по Тульской дороге, для прикрытия Тульского оружейного завода и Брянского литейного двора [26].

14 сентября французские войска корпуса маршала Виктора захватили Рославль. Для обороны Брянска М.И. Кутузов направил отряд из состава Калужского ополчения, подкрепив его регулярными частями (в том числе Тульским егерским полком), общей численностью 5 тысяч человек под командованием генерал-майора Яшвиля, которому Кутузовым был дан приказ «... очистив Рославль ... он не оставит Брянск без надежнейшего всегдашнего прикрытия» [27]. Отряд с помощью партизанских отрядов очистил от противника территорию Рославльского и соседних уездов, сняв тем самым угрозу с Брянска и арсенала.

В течение войны с Брянского арсенала осуществляется поставка различных материалов для артиллерии, а по необходимости на месте при войсках провести мелкие ремонтные работы выделяются мастерские.

16 сентября 1812 г. Ф.Е. Бухмейеру сообщалось, что военный министр А.И. Горчаков наложил резолюцию «при арсеналах и пороховых заводах...остановить только ненужные работы, прочие же производить столь деятельное, как и прежде...» [28]. Имелось в виду, что Ф.Е. Бухмейер, командующий Брянским и Киевским арсеналами, не должен останавливать производство, разрешалось остановить только возведение новых и починку старых строений и др. работы, не связанные с непосредственным производством артиллерийских систем. Не остановил работу и соседний Тульский завод, на нем даже дополнительно установили 24 станка для отделки стволов и четыре – для обработки штыков, а также точила и полировальные круги [29].

27 октября генерал-майор Ф.Е. Бухмейер сообщает полковнику Ваксмуту, что неприятель удаляется от пределов г. Москвы, преследуемый русскими войсками, и направляется на г. Смоленск. По сведениям, полученным в г. Калуге 22 октября, наша главная квартира находилась в Вязьме, а неприятель этот город проследовал. В связи с чем, Бухмейер полагал, что наши войска будут «неминуемо снабжаться боевыми для артиллерии зарядами и прочим для поражения неприятеля» от Брянского арсенала. Следовательно, предписывал Бухмейер, казённое имущество из г. Орла необходимо «немедленно» отправить в Брянск [30].

В 1812 г. Брянский арсенал изготовил 180 орудий, из которых 80 было отправлено в Тарутино [31]. На тарутинских позициях еще 72 орудия были заменены новыми изготовленными в Брянске и взятыми из Московского арсенала. Остальные прибывшие из Брянска орудия были

направлены в Нижний Новгород для вооружения резервов. Часть орудий с той же целью была отправлена в Орел [32]. Таким образом, к началу контрнаступления из 622 орудий действующей армии не менее трети было изготовлено в Брянске, а не четверть, как это было принято в краеведческой литературе.

С началом войны Брянский неперенный арсенал лишился подвижного арсенала, т.к. его отправили к армии, часть квалифицированных мастеровых была «потеряна». В Брянск после окончания наполеоновских войн подвижной арсенал не вернулся, а расположился в г. Вильно [33]. Командир Брянского неперенного арсенала в период с 1812 г. по 1833 г. заботился об укомплектовании мастеровыми, снабжении амуницией и провиантом, находящегося в Вильно подвижного арсенала. 30 сентября 1833 г. в статье 542 СВП 1838 г. закреплено новое положение: «подвижные арсеналы предложено содержать впредь: №1 в Санкт-Петербурге, №2 в Новогиоргиевске и №3 в Тирасполе».

В военных действиях во время Отечественной войны приняли участие 4-ая батареиная рота 8-ой, 5-ая батареиная рота 14-ой артбригад, 63, 64, 65 легкие и 25, 26, 27 конные артиллерийские роты, сформированные и укомплектованные артиллеристами и материальной частью на Брянском арсенале.

Таким образом, продукция арсенала заняла значительное место в общем объеме производства артиллерийского вооружения для русской армии, и он внес свой достойный вклад, наряду с другими арсеналами и военными заводами, обеспечив победу над наполеоновскими полчищами.

1. Государственный архив Брянской области (далее ГАБО).

2. ГАБО. Оп.3. Д.116. Л. 146.
3. Письма графа А.А. Аракчеева барону Бальтазару Бальтазаровичу Компенгаузену и Федору Евстафиевичу Бухмейеру (1816 – 1823 гг.) // Русская старина. – 1896. – №5. – С.319 – 347. Письма Ф.Е. Бухмейера см.: Новгородский сборник. Вып.5. – Новгород, 1866.
4. ГАБО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 345. Л.110об., 114об.
5. ГАБО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 54. Л. 125.
6. Ячменихин, В.К. Институт военных кантонистов в структуре русской армии / В.К. Ячменихин // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 2000. – №1. – С. 58.
7. ГАБО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 50. Л. 763об.
8. Положение о приеме рекрут, препровождении и содержании их в запасных рекрутских депо. – СПб., 1808. – С. 2.
9. Бескровный, Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России / Л.Г. Бескровный. – М., 1973. – С. 29.
10. Положение о приеме рекрут, препровождении и содержании их в запасных рекрутских депо. – СПб., 1808. – Прил. : С. 17.
11. Крашенинников, В.В. Взгляд через столетия / В.В. Крашенинников. – Тула, 1990. – С. 242.
12. ГАБО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 54. Л. 39об.
13. Дозорцев, С.С. Брянск / С.С. Дозорцев, М.С. Дозорцев. – Тула, 1986. – С.43.
14. ГАБО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 50. Л. 681.
15. История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 3. М. 1962. С. 6.
16. ГАБО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 57. Л. 116.
17. Крашенинников, В.В. Указ. Соч. / В.В. Крашенинников. – С. 242.
18. ГАБО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 57. Л. 86.

19. Там же. Л. 2.
20. ПСЗ. Т.31. СПб. 1830. С. 545-549.
21. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 1. Оп.1. Д. 8915. Л. 137об.
22. Архив военно-исторического музея и войск связи (далее АВИМА и ВС). Ф.3. Оп. 9. Д. 2307. Л.8.
23. РГВИА. Ф. 503. Оп. 3. Д. 930. Л. 46.
24. Там же. Л. 2.
25. Осипенко, Л.Ф. 1812 год и Брянцы / Л.Ф. Осипенко // История Брянщины по документам ГАБО: материалы науч.-практ. конф. / сост. Управление по делам архивов Брянской области; ГАБО. – Брянск, 2004. – С. 13.
26. М.И. Кутузов. Т. IV. Ч. I. – М., 1954. – С.233.; Троицкий, Н.А. 1812 Великий год России / Н.А. Троицкий. – М., 1988. – С. 199, 226.
27. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3508. Л. 195-195об.
28. Там же. Ф. 503. Оп. 3. Д. 930. Л. 93об.
29. Загорский, Ф.Н. Очерки по истории металлорежущих станков до середины XIX в. / Ф.Н. Загорский. – М., 1960. – С.115; Подробнее о техническом состоянии Тульского оружейного завода. См.: Ашурков, В.Н. Тульские мастера оружейного дела / В.Н. Ашурков. – Тула, 1952. – С. 34-48.
30. РГВИА. Ф. 503. Оп. 3. Д. 930. Л. 95; Подробнее о деятельности мастеровых Брянского арсенала в период войны 1812 г. см.: Бобков, В.А. Мастерские российской артиллерии: вклад в победу 1812 г. / В.А. Бобков // Классы и социальные группы в судьбах России. Материалы 32-й Всероссийской заочной научной конференции / под ред. С.Н. Полторака. – СПб.: Нестор, 2003. – С. 58-61.
31. Бескровный, Л.Г. Отечественная война 1812 г. / Л.Г. Бескровный. – М., 1962. – С.220.

32. Он же. Контрнаступление русской армии под командованием М.И. Кутузова // Полководец Кутузов : сб. ст. – М., 1955. – С. 279-280.

33. ГАБО. Ф. 221. Оп. 3. Д. 2. Л. 8 об.

А.М. Афонькина,
*заведующая отделом,
Государственный
архив Брянской области*

Подготовка первой всеобщей переписи населения России в конце XIX столетия (на примере Новозыбковского, Стародубского и Суражского уездов)

В России первая всеобщая перепись населения была проведена 28 января 1897 г. Инициатором ее стал выдающийся русский ученый Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский.

Рассмотрим процесс ее сложной подготовки на примере документов уездных переписных комиссий. Источниковой базой служит документация фондов Государственного архива Брянской области: Отдел дореволюционных фондов (ОДФ) 140 – «Стародубская уездная переписная комиссия», ОДФ 118 «Суражская уездная переписная комиссия» и ОДФ 162 «Новозыбковская уездная переписная комиссия». По объему фонды малочисленные: от 3 до 6 ед. хр., но они отражают не только подготовку переписи на данной территории, но и содержат инструктивные материалы центрального руководства, включая краткие справки об общей истории вопроса. По составу это следующие документы: копии именных Указов императора Николая II об объявлении всеобщей переписи, подробные ин-

струкции Главной переписной комиссии о порядке проведения переписи, о разъяснении среди населения, Циркуляры черниговского губернатора, Черниговской губернской переписной комиссии о подготовке и ходе переписи, списки переписчиков, формы бланков и другие.

Впервые в России об осуществлении Всеобщей демографической переписи заговорили после последней (10-й) ревизии людей податных сословий в 1857 г. В следующий раз о ней вспоминали в связи с введением всеобщей воинской повинности в 1874 г., но начавшаяся вскоре Русско-турецкая война заставила отложить подготовку переписи.

Вновь вернулись к идее переписи в 1882 г., причем, инициатором выступало МВД, однако и на этот раз рассмотрение проекта было отложено ввиду многих соображений, но в основном из-за вопросов финансирования. (*ОДФ 162, оп. 1, д. 1, л. 11-12*).

Вскоре статистики подготовили Проект соответствующего законоположения. 5 июня 1895 г. Николай II подписал «Положение о первой всеобщей переписи населения Российской империи». Главные задачи предстоящей переписи ставились: «...а) перепись обнимает собою всё без исключения население Империи; б) приводит в известность целый ряд сведений о каждом лице, и в) приурочивается к одному дню». (*ОДФ 162, оп. 1, д. 1, л. 11-об*).

Ответственность за проведение переписи была возложена на министра внутренних дел И.Л. Горемыкина. Была организована Главная переписная комиссия, которая и занялась подготовительной работой. На комиссии лежал чрезвычайно ответственный и сложный труд: выработка общей программы переписи, всевозможных инструкций, наставлений, бланков, отступлений от правил. Она разработала инструкции для губернских, уездных переписных комиссий, заведующих переписными участками и настав-

ления счетчикам, где оговаривались их действия в различных ситуациях.

В губерниях переписью формально руководили губернаторы, в частности, в Черниговской губернии – губернатор Е. Андриевский, а непосредственно – переписные комиссии. Циркуляром черниговского губернатора за №306 от 15 сентября 1896 г. всем уездным предводителям дворянства не позднее 1 октября предписывалось создать уездные переписные комиссии. (*ОДФ 162, оп.1, д.1, л.15; ОДФ 140, оп.1, д.2, л.1*). На заседании Черниговской губернской переписной комиссии 4 октября 1896 года было объявлено, что Суражская переписная комиссия была создана 19 сентября, Мглинская – 20 сентября. «Черниговские губернские ведомости» №952 от 26 октября 1896 г. (*ОДФ 118, оп.1, д.2, л.2об*).

На уездные переписные комиссии возлагались функции подготовки и проведения переписи в уездах. На первом этапе работы были составлены списки населенных мест, причем, в списки были внесены и отдельно стоящие хутора, дворы, лесные сторожки, железнодорожные будки и пр. Такие списки сохранились по Стародубскому, Ново-зыбковскому и Суражскому уездам. В списки вошли следующие сведения: название поселения, какого рода поселение, принадлежность к волости, количество занятых постройками дворовых мест, число жителей (мужчин и женщин). В процессе подготовительной работы готовились и списки местного населения. Так, в документах Новозыбковской и Стародубской уездных переписных комиссий отложились списки дворов и усадебных мест по улицам и площадям с указанием фамилии, имени, отчества владельцев по г. Стародубу, заштатным городам Погару и Ново-зыбкову, составленные в июне 1896 года.

На основании сведений о населенных местах уездные переписные комиссии разделили уезд на переписные

участки с расчетом по 2000 жителей на каждый. Так, на заседании Новозыбковской уездной переписной комиссией от 14 октября 1896 г. было принято решение об образовании в уезде 8 переписных участков (*ОДФ 162, оп.1, д.1, л.25*). 7 октября 1896 г. Стародубской переписной комиссией было принято решение о разделении уезда на 11 участков (*ОДФ 140, оп.1, д.2, л.13*). Руководили такими участками, как правило, земские начальники.

Затем территорию этих укрупненных единиц поделили на более мелкие «счетные участки», а также набрали штат «счетчиков» для непосредственного производства переписи.

В фондах уездных переписных комиссий отложились списки переписных участков, в которых зафиксированы не только названия населенных пунктов и количество жителей, входивших в данный участок, но и списки счетчиков. Например, «Список железнодорожных переписных участков в районе Полесских железных дорог с указанием по каждому должности, имени, отчества и фамилии заведывающего и его местопребывание». (*ОДФ 118, оп.1, д.2, л.108-111*).

Каждый заведующий переписным участком составлял точную карту местности с обозначением дорог и расстояний между населенными пунктами, разрабатывал наиболее выгодный маршрут для обхода счетчиками своих участков, подбирал средства передвижения. Они же должны были набирать счетчиков, подводить итоги по своему переписному участку. Им вменялось в обязанность наблюдать за тем, чтобы заполнение переписных листов производилось непременно путем обхода каждого двора, а не выпиской данных из посемейных списков.

Счетчики должны были получать определенное вознаграждение и набираться «из грамотных, толковых и знакомых с местными условиями лиц, которые по своим

нравственным качествам могли внушать полное доверие». Счетчики подбирались из грамотных запасных солдат, учителей и священников. Например, в число счетчиков по Стародубской и Лыщичской волостям вошли 5 священников, учитель, ротмистр, 5 крестьян, казаки, мещанин. (*ОДФ 140, оп. 1, д. 1, л. 92*). На 8 счетчиков по Лыщичской волости Стародубского уезда приходилось более 15 тыс. народонаселения. (*ОДФ 140, оп. 1, д. 1, л. 94*). В состав счетчиков по 8 переписному участку Стародубского уезда входили и почетные граждане, дворяне, чиновники. (*ОДФ 140, оп. 1, д. 1, л. 103*).

Наряду с оплачиваемыми счетчиками привлекались и бесплатные, специально для которых Николай II учредил медаль «За труды по первой всеобщей переписи населения 1897 года». Медаль чеканилась на Санкт-Петербургском монетном дворе из темной бронзы диаметром в 29 миллиметров. На лицевой ее стороне между двух лавровых ветвей – вензель Николая II под императорской короной и круговая надпись: «Первая всеобщая перепись населения». На оборотной стороне – только надпись в пять строк: «За труды по первой всеобщей переписи населения 1897».

Медалью награждались счетчики, которые переписали более 500 человек. По окончании переписи заведующие переписными участками подавали в комиссии списки особо отличившихся счетчиков. Так, например, учитель Земского народного училища с. Ляличи Суражского уезда Бурделев Владимир Иванович произвел перепись 2044 душ, священник с. Кулаги Лебедев Александр Ефимович – 1864. (*ОДФ 118, оп. 1, д. 1, л. 199-об*).

Перепись решено было проводить «однодневно» – в течение 28 января 1897 г. и «повсеместно» со сбором следующих данных о каждом жителе страны: пол, возраст, семейное положение; место рождения, постоянного жительства и временного пребывания; сословие и «занятия»

(профессии), вероисповедание и национальность (по «родному языку»); грамотность и т.д.

Во время переписи было повсеместно объявлено, что это мероприятие «не будет служить поводом ни для каких новых налогов или повинностей», а цель её – «познакомиться с населением и изучать его», а также «составить точные понятия о самых различных условиях народной жизни».

Для переписи были подготовлены переписные листы трех видов: форма «А» – для крестьянских дворов, входивших в состав общины; форма «Б» – для владельцев усадеб и хуторов, а также частных домов внутри селений; форма «В» – для горожан. Единицей наблюдения было хозяйство, в городе хозяйством считалась квартира, на каждое хозяйство заводился отдельный переписной лист. Перепись ставила целью учесть три категории населения: наличное, оседлое (постоянное) и приписное, для этого в приписном листе делались специальные отметки. Каждому опрашиваемому предлагалось ответить на ряд вопросов, размещавшихся на оборотной стороне листа. Список вопросов, содержащихся в переписном листе, был достаточно обширен и состоял из 14 пунктов: 1) фамилия, имя, отчество или прозвище; 2) пол; 3) отношение к главе семьи и главе хозяйства; 4) возраст; 5) семейное положение; 6) сословие, состояние или звание; 7) место рождения; 8) место приписки; 9) обыкновенное место жительства; 10) отметка об отсутствии; 11) вероисповедание; 12) родной язык; 13) умение читать; 14) занятие – ремесло, промысел, должность или служба, отдельно – главное и вспомогательное. Кроме того, делались отметки о воинской повинности и о физических недостатках. При заполнении переписного листа первым всегда указывали хозяина, затем всех остальных членов семьи по отношению к нему: жена, сыновья, дочери (или дети по старшинству), мужа и жены детей,

внуки, престарелые отец и мать, братья, сестры, племянники, дядя, тетки и т.д. Для снох, внуков и племянников имелись дополнительные отсылочные указания о внутрисемейном родстве.

Переписные листы велись в 3-х экземплярах. Первые экземпляры тщательным образом упаковывались и по железной дороге переправлялись в Центральный Статистический Комитет в С.-Петербург. (*ОДФ 140, оп.1, д.2, л.110*). Вторые экземпляры оставались в губернских земских управах, а третьи – в волостных правлениях.

Перепись 1897 года представляет собой единственный источник данных о численности и составе населения России в конце XIX века. Ее первые предварительные результаты были опубликованы уже в апреле 1897 года.

Так, численность населения Черниговской губернии составила 2.322.004 человек, из них мужчин – 1.140.409, женщин – 1.181.595 (*ОДФ 140, оп.1, д.1, л.146-об*).

А. А. Шувалов,
*кандидат исторических наук,
преподаватель,
Брянский филиал Московского
университета МВД РФ*

**Выступления против власти в период революции
и Гражданской войны на Брянщине
(материалы музейной коллекции)**

Первая мировая война потребовала от России больших материальных затрат и людских ресурсов. Разразившийся общенациональный кризис, вызванный войной, экономическими и социально-политическими причинами, привел к Февральской буржуазной революции. Первые революционные дни на Брянщине, также как и в других регионах, охарактеризовались гонениями на представителей старого режима (на полицейских, жандармов и армейских офицеров). Так, в Клинцах при попытке разоружения полицейских и жандармов те оказали сопротивление. Рабочие-дружинники и солдаты открыли по ним стрельбу, убив 15 и ранив 20 бывших стражей порядка [8; С. 81]. В Суземской волости постановлением волостного схода служащих, рабочих мостовой базы полиция старого правительства (пристав, урядник, три стражника) были арестованы как лишенные народного доверия [5; С. 17].

В Брянском уезде располагался почти 40-тысячный воинский гарнизон. В него входили в основном запасные полки, госпитальные команды и резервные части. Примерно такое же положение было и в Карачеве, где были расквартированы артиллерийская бригада и два артиллерийских дивизиона общей численностью более 10 тыс. человек [9]. В этих частях было сильное влияние большевиков. Уже 7 (20) марта 1917 года по требованию Брянского гар-

низона были арестованы и водворены в военную гауптвахту начальник гарнизона и 23-й бригады генерал Сивицкий, начальник штаба бригады, командиры некоторых полков и рот [7]. В воспоминаниях Брянских революционеров сообщается, что генералу Сивицкому удалось бежать [12; С. 200]. В мемуарах генерала А.И. Деникина упоминается о восстании Брянского гарнизона 12 марта 1917 г. «В Брянске вспыхнул военный бунт, сопровождавшийся погромами и арестами офицеров. Настроение в городе было крайне возбужденное. Генерал Марков, находившийся тогда проездом в Брянске, многократно выступал в совете военных депутатов, и после бурных, страстных и иногда крайне острых прений ему удалось достигнуть постановления о восстановлении дисциплины и освобождении 20 арестованных. Однако после полуночи несколько вооруженных рот двинулись на вокзал для расправы с Марковым и арестованными. Положение грозило гибелью. Марков, стараясь перекричать гул толпы, обратился к ней с горячим словом. Сорвалась такая фраза: - ...Если бы тут был кто-нибудь из моих железных стрелков, он сказал бы вам, кто такой генерал Марков!.. - Я служил в 13-м полку, — отозвался какой-то солдат из толпы. - Ты?.. Марков с силою оттолкнул нескольких окружавших его людей, быстро подошел к солдату и схватил его за ворот шинели. - Ты? Ну, так коли! Неприятельская пуля пощадила в боях, так пусть покончит со мной рука моего стрелка... Толпа заволновалась еще больше, но уже от восторга. И Марков с арестованными при бурных криках «ура» и аплодисментах толпы уехал в Минск» [4]. 4 июля 1917 г. в Карачеве солдаты 12 запасного пехотного полка арестовали офицеров и отказались идти на фронт. Совместно с рабочими они захватили типографию и выпустили воззвание о прекращении войны и заключении мира [8; С. 85].

В это время экономическое положение на Брянщине продолжало ухудшаться. Острая нехватка продовольствия вызвала резкий рост спекуляции. В сельской местности усилилось движение по захвату имений, скота, сельскохозяйственного инвентаря, рубились помещичьи леса, выкашивались луга. Так, землевладелица хутора Могильник Карачевского уезда Бошинской волости Слечинская сообщает о разгроме и захвате крестьянами имения, о насилиях над служащими [18; С. 40]. Отмечались случаи захвата продовольствия и лошадей солдатами. Порой изымалось не только помещичье, но и кооперативное крестьянское имущество. Дезорганизацию усиливало и то обстоятельство, что на сельхозработах было занято много военнопленных, плохо трудившихся и порой бунтовавших [8; С. 86].

Главнокомандующий Западным фронтом генерал П.С. Балув, опасаясь дальнейшей большевизации армии, отдал 14 октября приказ о расформировании воинских частей Брянского гарнизона. Однако исполком Брянского Совета (15 октября) принял решение не исполнять этот приказ [17; С. 50-51], что фактически противопоставило Брянск центральной власти. А когда 20 октября на экстренном заседании исполнительного комитета Брянского Совета в городе был образован «революционный центр» во главе с И. Фокиным, а 24 октября в Бежице – комитет спасения революции (позднее Ревком), то возникла серьезная угроза вооруженного столкновения. Однако события в Петрограде, решившие вопрос о власти в пользу большевиков, позволили развиваться событиям в Брянске по мирному сценарию [8; С. 88]. К концу 1917 г. Брянск оставили воинские части.

Таким образом, период с февраля по октябрь 1917 г. на Брянщине характеризовался экономическим ухудшени-

ем в крае, ростом социальной напряженности, резким падением дисциплины и волнением воинских гарнизонов.

Свершившаяся Октябрьская социалистическая революция, начало Гражданской войны, германское наступление в феврале 1918 г., оккупация немецко-австрийскими войсками большей части Белоруссии и Украины поставили западнорусское крестьянство раньше других регионов в ситуацию выбора и необходимости определиться в своём отношении к Советам. На проходивших в эти дни сельских сходах, митингах, съездах крестьяне, получившие от новой власти землю, откликаясь на патриотический призыв советского правительства «защищать каждую позицию до последней капли крови», выражали готовность с «оружием в руках» защищать советскую власть. Так, 18 марта 1918 г. крестьяне с. Каташин Новозыбковского уезда Черниговской губ. Приняли в ответ на воззвание уездного Совета «Об организации отпора немецким оккупантам» резолюцию «О защите завоеваний революции и вступлении в Красную Армию», в которой говорилось о готовности «всеми силами защищать русскую революцию» [11; С. 79].

Отмечая большинством крестьянства поддержку советской власти, надо сказать, что в регионе имели место и антисоветские выступления. Весной и летом 1918 г. была введена хлебная монополия, в деревню направлялись продовольственные отряды. Кулаки и имевшие продовольственные излишки середняки, объективно заинтересованные в свободной торговле, оказывали упорное сопротивление, зачастую вооружённое, изъятию излишков хлеба. Опереться в проведении своей продовольственной политики советская власть в деревне могла только на беднейшее крестьянство, также испытывавшее острую нужду в продовольствии. Именно этими обстоятельствами был вызван декрет ВЦИК и СНК от 11 июня 1918 г. «Об организации и снабжении деревенской бедноты», согласно которому со-

здавались сельские и волостные комитеты бедноты. В результате черного передела земли, введения комбедов, продразверстки среднее крестьянство летом 1918 г. от нейтралистских позиций открыто переходит в лагерь контрреволюции. Еще весной (31 марта) 1918 г. в день открытия уездного съезда Советов во Мглине в связи с экономическими трудностями нарастало недовольство народных масс, которое принимало крайне острый характер. Этим воспользовались кулаки, бывшие офицеры, торговцы, сумевшие направить народное недовольство против советской власти. В результате вооруженного бунта толпой был убит председатель Мглинского уездного Совета П.Б. Шимановский (причем издевательства продолжались и над его трупом). Восставшие разбили склад с винтовками, а затем разгромили Совет. Восставших (отряд самообороны) возглавили бывшие офицеры (штабс-капитан Н. и подпоручик К.). Мятеж был подавлен прибывшим на следующий день из Унечи красногвардейским отрядом. Руководители восстания бежали [2; С. 3-5].

Первый революционный полк имени В.И. Ленина до 4 августа 1918 г. охранял демаркационную линию, установленную между Украиной и Советской республикой, участвовал в подавлении антисоветских восстаний в Сураже, Мглине, Погаре, Стародубе, в ряде селений Орловской и Курской губерний [10]. Также восстания против советской власти были отмечены в Брасово, в селе Селечня Севского уезда и ряде других мест. Одновременно с изыманием излишков хлеба у крестьян проводились конфискации и выселение из имений их бывших владельцев. Основная часть помещиков заняла враждебную позицию по отношению к новой власти. Некоторые из них стали организаторами антисоветских сил в деревне, а зачастую и разбойничьих банд. Так, например, во главе мятежа в г. Гжатске Смоленской губернии осенью 1918 г. стояли помещик

Булгаков, лесопромышленник Сахароз, бывшие офицеры – Попов, Филиппов. Город находился в руках мятежников более двух суток [21; С. 94]. В целом же крестьянские мятежи, несмотря на их значительное количество, носили локальный и кратковременный характер.

С началом гражданской войны политические разногласия стали перерастать в вооруженные столкновения. Появились различные отряды, которые никому не подчинялись. Так, в феврале 1918 г. неподалеку от Клетни располагился 16-тысячный вооруженный отряд поляков, занимавшихся грабежом населения. 11 марта восстали красноармейцы воинских частей Полесской слободы в г. Брянске, для чего поводом послужили плохое питание и отсутствие обмундирования. Начался погром складов и грабеж мирных жителей. В предмайские дни состоялись выступления анархистов в Брянске и Бежице. В Карачеве их отряд занял здание милиции и наложил на город контрибуцию. Анархисты распространяли листовки, напечатанные в местной типографии, проводили собрания и митинги. В Брянске в мае 1918 г. были спровоцированы еврейские погромы [8; С. 99].

В конце августа – начале сентября 1918 г. уисполком совместно с бежицкими большевиками и Всероссийской Чрезвычайной Комиссией организовал энергичную борьбу с контрреволюционными элементами на Брянщине. На одном из заседаний Брянского комитета РКП(б) председатель уездной ЧК А.Н. Медведев доложил о готовящемся мятеже анархистов. Партия анархистов занимала в Брянске несколько зданий, штаб ее находился в доме генерала, бывшего начальника арсенала на Покровской горе. По сведениям, поступившим в ЧК, несколько вооруженных групп анархистов собирались захватить здание Совета, банк, почту и телеграф, освободить содержащихся в тюрьме контрреволюционеров и провозгласить на Брян-

щине анархическую республику. Мятеж был предупрежден, а анархисты арестованы [6].

В сентябре 1918 г. на Брянщине под командованием Н.А. Щорса формировался Богунский полк. При формировании полка командование и партийная организация не придали значения отбору и проверке людей. В полк попало много случайных, чуждых революции и даже враждебных ей людей. Бывшие офицеры царской армии Петров и Недоливко организовали контрреволюционную группу в полку, в результате чего произошел антисоветский мятеж, который был подавлен. При политотделе немедленно создали комиссию по проверке социального состава всего полка, которую возглавил председатель ревтрибунала Петр Лугинец. Проверялся каждый, начиная от командира полка и кончая рядовым бойцом. За два дня из полка отсеялось около 200 человек [1; С. 30].

К концу 1918 года негативные настроения населения не изменились. Осенью 1918 г. в крае прокатилась волна восстаний дезертиров (в основном бывших крестьян). Они были в Кокино, Севске, Брасово. Восставшие выступали под лозунгами «Долой Советскую власть!» или «Советы без коммунистов». В конце 1918 г. крестьянский мятеж вспыхнул в Велико-Топальской и Лакомобудской волостях Новозыбковского уезда. Протестовали крестьяне против продразверстки и деятельности продотрядов. Недовольство среди горожан было связано с острой нехваткой продовольствия, а среди солдат – еще и с отсутствием обмундирования. Кроме того, в начале 1919 г. был введен чрезвычайный налог, что лишь усилило недовольство населения. В марте 1919 г. в Брянске вновь вспыхнуло восстание солдат, расквартированных в Полесской слободе. В нем приняли участие более 7,5 тысяч красноармейцев. Восставшие соединения в значительной части состояли из пойманных дезертиров. Восставшие убили комиссара од-

ной из бригад и открыли огонь из орудий. Одновременно произошло восстание жителей села Городище, расположенного между Брянском и Бежицей. Рабочий Коммунистический отряд совместно с ЧК ликвидировал эти выступления. В их подавлении большую роль сыграл И.И. Фокин [8; С. 101, 105].

В апреле 1919 г. п. Клинцы объявлялся на осадном положении, а весь Суражский уезд был на военном положении в связи с усилением контрреволюционной агитации. В приказе говорилось: «6) За всякое распространение провокационных слухов и за противосоветскую агитацию виновные будут арестовываться. А при сопротивлении расстреливаться на месте. 8) Предупреждаю граждан в *последний раз* и снимаю с себя всякую ответственность (начальник гарнизона, Суражский уездный комиссар Фещенко) за пролитие крови, при неисполнении настоящего приказа считаю своим долгом предупредить, что еще одна малейшая контрреволюционная попытка повлечет за собой массовые расстрелы» [15].

Не внушали симпатии жителям Брянского края методы работы и поведение большевиков и красноармейцев. Так, например, ввиду поступления заявлений о грубом обращении в отделах заведующих, секретарей и служащих с посещающими по разным надобностям гражданами от 12 сентября 1918 г. выходит указание президиума уездного исполкома Брянского Совета, которое предлагает обращаться со всеми гражданами корректно, вменив это в обязанность всем служащим своих отделов [20; С. 127]. «По заявлению граждан и ответственных советских работников, части войск гарнизона п. Клинцы производят опустошение огородов, садов, ломают заборы, забирают дрова, конфискуют лошадей и повозки, самочинно выселяют граждан из квартир, причем на протесты отвечают грубостью. Кроме того, части, расквартированные в школах п. Клинцы, не считаясь с ценностью школьного иму-

щества, уничтожают таковое, сжигая вместо топлива. Вопреки приказу по гарнизону п. Клинцы о прекращении бессмысленной стрельбы таковая до сих пор не прекращается, а также повторяются случаи блуждания по городу одиночных красноармейцев в нетрезвом виде» [16]. Все это говорит об отсутствии достаточной дисциплины в частях гарнизона и малой бдительности командного состава и комиссаров частей. В связи с этим приказом №96 от 16 сентября 1919 г. объявлялось, что к виновным будут применены самые суровые меры наказания вплоть до предания суду военно-революционного трибунала.

Товарищ Антонов в своем докладе «Текущий момент, жизнь уезда» (имеется в виду Карачевский уезд) на общем собрании членов уездной партийной организации в июле 1919 г. говорил о том, что «те, кто полгода тому назад приступал вместе с ним к созидательной работе в уезде, помнят, с какой вакханалией произвола и злоупотреблений им пришлось столкнуться на первых порах. Помнят «вылазки в деревни» «природных» или «самых настоящих», как они сами себя называли, коммунистов с револьверами, налетавших на деревню, устраивавших облаву на сало, ветчину, хлеб и грозными криками вырывавших нужную резолюцию. Помнят, как население городов и уездов шарахалось от бряцавших оружием «партийных» [19; С. 203].

В июне 1919 г. в связи с ухудшением обстановки на фронтах Гражданской войны в постановлении Совета рабоче-крестьянской обороны объявлялись меры наказания к лицам, уклонявшимся от призыва в армию. Грозило наказание вплоть до высшей меры. «4) В числе прочих мер на уклоняющихся и дезертиров налагались: конфискация всего имущества или части его; лишение навсегда или на время земельного надела. 5) Такие же меры могут применяться к укрывателям дезертиров. 6) Семьи дезертиров, укрыватели могут приговариваться к выполнению работ в хозяйствах красноармейцев, на них могут налагаться повин-

ности по общественным работам (подводная повинность, дорожные работы и т.п.). 7) На семьи дезертиров и укрывателей могут налагаться денежные штрафы» [13]. Члены семей дезертиров в качестве заложников могли быть отправлены в концентрационные лагеря. Так, летом – осенью 1919 г. уездными комиссариатами издавались приказы по борьбе с дезертирством. Несмотря на жесткие меры наказания, дезертирство и уклонение от мобилизаций были массовыми. Мобилизации проходили с трудом не только среди сельского населения, но даже среди рабочих. В Суражском уезде 4 сентября 1919 г. ввиду неявки мобилизованных членов профессиональных союзов была сорвана отправка. *«Последний раз приказываю всем членам Профессиональных союзов, признанных медицинской комиссией годными, явиться 6 сентября в 10 часов утра на пересыльный пункт уездвоенкома без всяких опозданий. Неявившиеся будут объявлены дезертирами и привлечены к ответственности. Никакие мотивы просрочки во внимание приниматься не будут»* [14].

В марте 1919 г. на VIII съезде РКП (б) партией был провозглашен курс на союз со средним крестьянством. Следует признать своевременность изменения советской политики в отношении среднего крестьянства. Осенью 1919 г. в ходе наступления Добровольческой армии генерала А.И. Деникина на Москву был взят г. Орёл. Южная часть Орловской губернии оказалась в эпицентре одного из наиболее опасных фронтов Гражданской войны. Крестьянству Орловской губернии пришлось воочию убедиться, что его ждет в случае победы контрреволюции. Проводивший политическое и экономическое обследование южных волостей Орловского уезда инструктор-ревизор Андриянов после отступления деникинцев писал: «В Никольской волости... политическое настроение всех граждан резко изменилось в пользу Советской власти... Здесь... с населением расправлялись по всем

правилам белой банды, граждан обдирали с ног до головы днём и ночью, даже сельские старосты поплатились полубашмакамивзламывались все замки с амбаров и забиралось положительно всё,забрано много лошадей и скота..., зверски расправлялись с коммунистами...» [11; С. 83]. Таким образом, отмечался решительный переход крестьянства с занятых территорий на сторону Советской власти.

1920 г. не приводит к «успокоению настроений в деревне». 22 марта 1920 г. на почве реквизиции излишков продовольствия для Красной Армии, принудительной закупки лошадей, усиленной борьбы с дезертирством и проведения трудовой мобилизации в Романовской волости Мглинского уезда вспыхнуло восстание. Организованные толпы крестьян оказали сопротивление продотряду, сопровождая его насмешками и угрозами по адресу местных советских работников. На другой день восстание вспыхнуло в Костенеческой волости, где собрались вооруженные чем попало жители, созванные набатом из соседних сел и деревень. Местная красноармейская рота отказалась принимать участие в подавлении восстания и перешла на сторону повстанцев. Восстание грозило распространиться по всему уезду. Мглинский уезд был объявлен на военном положении, и во Мглине был организован военно-оперативный штаб. Восстания были подавлены, и часть зачинщиков была расстреляна на месте отрядом 16 армии. Также были взяты заложники от деревень. Губчека приговорила 17 чел. к разным срокам (от 1 до 5 лет) в Смоленский концентрационный лагерь [3]. Таким образом, к началу 1921 г. состояние в Брянском крае характеризовалось напряженной социальной обстановкой. Крестьянство выражало недовольство сельскохозяйственным налогом. В 1921 г. широкое распространение получил бандитизм. Недостатки в организации работы органов власти также осложняли обстановку.

На Брянщине в период Гражданской войны проходили те же политические и социально-экономические процессы, что и в других регионах. Несмотря на то, что Брянщина не была в центре боев Гражданской войны, положение было крайне нестабильным, характеризовалось крестьянскими антисоветскими выступлениями, массовым дезертирством из Красной Армии и волнениями красноармейцев. Так, только в Брянске с марта 1918 г. по март 1919 г. было четыре вооруженных выступления. К осени 1920 г. Советская власть победила в политическом, идеологическом отношении, и война была в основном завершена. Но о мирной и благополучной жизни рано было еще говорить.

1. Бовтунов, А.Т. Узел славянской дружбы / А.Т. Бовтунов. – Клинцы, 1998. – С. 30.

2. Большевики в северных уездах Черниговщины. (Из донесения Черниговскому губернскому коменданту)// Черниговская земская газета. – 1918. – 20 – 27 апреля (№31-31). – С. 3 - 5.

Документы по Гражданской войне на Брянщине 1918 г.: Из фондов Брянского областного краеведческого музея.

3. Дела минувших дней // Полесская Правда. – 1920. – 12 ноября (№141). Документы по Гражданской войне на Брянщине 1919-1920 гг. : Из фондов Брянского областного краеведческого музея.

4. Деникин, А.И. Очерки русской смуты / А.И. Деникин // Крушение власти и армии. Т.1. Белое движение: История русской революции [Электронный ресурс]. – М., 2000.

5. Донесение Трубчевского уездного комиссара Временного правительства Орловскому губернскому комиссару об аресте чинов полиции в Суземской волости и организации народной милиции // Октябрь на Брянщине:

Сборник документов и воспоминаний. – Брянск, 1957. – С. 17.

6. Иванюта, А. Большевики Брянска в борьбе за упрочение советской власти / А. Иванюта // Октябрь на Брянщине : Сборник документов и воспоминаний. – Брянск, 1957. – С. 208.

Панков, Г. Первый год советской власти в Брянском уезде / Г. Панков // Октябрь на Брянщине : Сборник документов и воспоминаний. – Брянск, 1957. – С. 225.

Щербаков, Д. Игнат Фокин / Д. Щербаков, Л. Школьников. – Тула, 1967. – С. 76.

7. Из телеграммы Совета военных депутатов Боннского Арсенала и Брянского исполнительного комитета общественной безопасности в Петроград об аресте по требованию солдат командования гарнизона гор. Брянска // Октябрь на Брянщине : Сборник документов и воспоминаний. – Брянск, 1957. – С. 15.

Жаринов, М. Солдаты шли вместе с рабочими / М. Жаринов // Октябрь на Брянщине : Сборник документов и воспоминаний. – Брянск, 1957. – С. 202.

8. История Брянского края. XX век / О.В. Горбачев, Ю.Б. Колосов, В.В. Крашенинников, В.Н. Лупоядов, А.Ф. Тришин; под ред. В.В. Крашенинникова. – Клинцы: Изд-во Клинцов.гор.тип., 2003. – С. 81; 85; 86; 88; 99; 101, 105.

9. История Брянского края. XX век / О.В. Горбачев, Ю.Б. Колосов, В.В. Крашенинников, В.Н. Лупоядов, А.Ф. Тришин; под ред. В.В. Крашенинникова. – Клинцы: Изд-во Клинцов.гор.тип., 2003. – С. 82. Щербаков, Д. Игнат Фокин / Д. Щербаков, Л. Школьников. – Тула, 1967. – С. 57.

10. Колосов, Ю.Б. В борьбе с немецкими оккупантами в 1918 году / Ю.Б. Колосов // За родную землю. – Брянск, 1968. – С. 89.

Колосов, Ю.Б. Подлинно интернациональный полк / Ю.Б. Колосов // Брянский краевед. – Вып. 5. – Брянск, 1973. – С. 18.

11. Малащенко, А.А. Политическая культура крестьянства западных губерний центра России в 1917-1920 гг. (на материалах Брянской, Калужской, Орловской, Смоленской областей) / А.А. Малащенко // Страницы прошлого Брянского края. – Брянск, 1998. – С. 79; 83.

12. Панков, С. Солдаты шли за большевиками / С. Панков, Х. Слуцкий // Октябрь на Брянщине : Сборник документов и воспоминаний. – Брянск, 1957. – С. 200.

13. Постановление Совета рабоче-крестьянской обороны от 3 июня 1919 г. (фотодокумент): Из фондов Брянского областного краеведческого музея.

14. Приказ №84 Суражского Уездного Комиссариата по военным делам от 4 сентября 1919 г. (фотодокумент): Из фондов Брянского областного краеведческого музея.

15. Приказ №22 по гарнизону п. Клиницы и Суражскому уезду от 26 апреля 1919 г. (фотодокумент): Из фондов Брянского областного краеведческого музея.

16. Приказ №96 по гарнизону п. Клиницы от 16 сентября 1919 г. (фотодокумент): Из фондов Брянского областного краеведческого музея.

17. Протокол заседания Брянского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов о реорганизации исполнительного комитета и отказе подчиниться контрреволюционному решению военного командования о расформировании полков Брянского гарнизона // Октябрь на Брянщине : Сборник документов и воспоминаний. – Брянск, 1957. – С. 50-51.

18. Телеграмма из Министерства внутренних дел Орловскому губернскому комиссару Временного правительства о принятии мер в связи с захватом крестьянами имения землевладелицы Слечинской // Октябрь на Брянщине :

Сборник документов и воспоминаний. – Брянск, 1957. – С. 40.

19. Трошина, Л.Г. К вопросу об организационной работе в брянской деревне членов РКП(б) в годы гражданской войны / Л.Г. Трошина // Из истории Брянского края. – Брянск, 1995. – С. 203.

20. Указание президиума исполнительного комитета Брянского районного Совета всем отделам исполкома о корректном обращении с посетителями // Октябрь на Брянщине : Сборник документов и воспоминаний. – Брянск, 1957. – С. 127.

21. Ященко, С.В. Советская власть и помещик (1917-1927 гг.): (на материалах Орловской и Смоленской губерний) / С.В. Ященко // Страницы прошлого Брянского края. – Брянск, 1998. – С. 94.

М.В. Брянцев,
*доктор исторических наук, профессор,
Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского*

Партия и народ: представления населения о коммунистах-большевиках в годы гражданской войны (1918-1922 гг.)

По мнению Р. Шартье, понятие «представление» позволяет обозначить и связать три важнейшие реальности: коллективные представления, политическое могущество и «некое социальное качество или некоей власти, наделяющей таким образом непрерывным и устойчивым существованием» [1]. Это понятие позволяет описать представления населения о коммунистах, декларировавших свою власть от имени трудящегося народа. Однако

декларации большевиков часто расходились с жизненными реалиями.

Оказавшись у власти, коммунисты не всегда справлялись с этим бременем. Буквально уже в первые годы советская власть оказалась поражена «буржуазным» недугом – бюрократизмом. Обладая партийным билетом, коммунист-руководитель позволял себе многое, недоступное другим, что вело к самым негативным явлениям и прежде всего к бюрократизации, которая волной накрыла большевиков уже в первые годы после прихода к власти. В этих условиях личностные качества коммунистов-руководителей выходили на первый план. Однако, к большому сожалению самих большевиков, облик многих коммунистов оказывался не очень привлекательным. Понимая это, большевики пытались дистанцироваться от лиц, дискредитирующих власть. Они старались показать, что новая власть ничего общего с такими лицами не имеет и категорически осуждает подобное явление, получившее в устах самих коммунистов нелюбимое обозначение «комиссародержавие». Об этом говорилось осенью 1919 г. на 4 уездной партконференции Новозыбковского уезда, где отмечалось негативное влияние на образ новой власти «зарвавшихся комиссаров». «Одной из причин такого явления была слабая связь уездных коммунистов с деревенскими ячейками» – заключала конференция [2]. Некоторые представители правящей партии прямо указывали, как это было на заседании Стародубского Укома партии в марте 1921 г., что «нашим бюрократизмом мы оттолкнули от себя крестьянство». Причем местные коммунисты отмечали, что особенно негативное влияние на население имели многочисленные наряды, «которые иногда доходят до абсурда». Другие признавали непомерное увеличение («наш аппарат неимоверно разбух») аппарата управления. Укомпарт отмечал абсурдность ситуации, когда в одном из советских

домов на 5 детей приходилось 8 служащих. Выходом из создавшейся ситуации считалось уничтожение канцелярской волокиты и придание аппарату большей гибкости [3].

Бюрократизация аппарата управления на всех уровнях создавала особый тип поведения и образ жизни коммунистов-руководителей. Привилегии, полученные в результате занятия определенной административной должности, вели к обособлению этой части коммунистов от народа. Пролетарская партия все больше удалялась от самих трудящихся. Уже весной 1919 г. Брянская ЧК в секретном послании сообщала Брянскому комитету РКП (б), что на Брянском заводе в Бежице в цехах почти совершенно отсутствуют коммунисты, но зато их много в разных профкомах и других организациях. Понимая опасность ситуации, чекисты предлагали Комитету партии принять энергичные меры по мобилизации коммунистов для работы на заводах. ЧК указывала, что «Много коммунистов Брянского завода находится в Уездной Милиции и если они будут отозваны в заводы то принесут гораздо больше пользы» [4]. Эту «некоторую оторванность» отмечал на заседании Брянского Укомпарта 2 июля 1919 г. представитель Орловского Губкома партии Волин, замечая, что это формирует «как на заводах так и в деревне резко отрицательное отношение к Советской власти и коммунистам» [5].

Разочарование в новой власти и безоглядное пополнение рядов партии в конце 1918 – начале 1919 гг. обернулись массовым развалом наспех созданных партийных ячеек. Это, в свою очередь, привело к тому, что летом 1919 г. некоторые Укомпарты нашли партийную работу в уездах «до крайности слабой и постепенно замирающей» [6]. На заседании IV Почепской уездной конференции РКП (б) от 10 августа 1919 г. попытались разобраться в причинах этого явления. Одни коммунисты говорили о том, что

ячейка распалась потому, что коммунисты ушли на фронт и в сельскохозяйственную коммуну. Другие видели основание этого в темноте крестьянства и контрреволюционной агитации, и в том, что ранее в ячейки принимали «без разбора», а идейных работников, которые бы «ясно себе представляли идеи коммунизма», нет. То есть они говорили об организационных ошибках при первоначальном строительстве комячеек. Третьи прямо указывали на нежелание коммунистов рисковать своим благополучием, участвуя в вооруженных конфликтах. Выступавшие определяли это явление как «боязнь Деникина» и отмечали, что «все притаились», «когда из Почепа затребовали для подавления Гомельского восстания никто не откликнулся» [7]. Таким образом, партийные ячейки владели жалкое существование, прежде всего, по собственной вине. Качество партийных работников на местах не соответствовало уровню поставленных задач. Партийные ячейки зачастую оставались наедине с «темными массами», не получая никаких инструкций, никакой информации и проч. Но все же более важной и глубокой причиной, как отмечал инструктор Севского Укомпарта Курносенков весной 1920 г., являлась антипатия «крестьянской массы» к членам коммунистической ячейки, которые, «проводя чрезвычайный налог применяя всевозможные способы насилия <...> потеряли симпатию масс» [8].

Оказавшись во власти, многие местные коммунисты не справлялись с испытанием «медными трубами», дискредитируя своими действиями партию коммунистов-большевиков. Примеров тому предостаточно, особенно в делах Ревтрибуналов и партийных организаций. Одним из недугов, свойственных партийным руководителям, оказалось пьянство, которое преодолевалось с невероятными трудностями. Руководители местного масштаба, обладая минимальным уровнем культуры, необходимой для руко-

водителя, реализовывали свои примитивные потребности. Инструктор политотдела 14-ой армии Р. Сокович, командированный в Трубчевск для организации Ревкома, 1 декабря 1919 г. сообщал, что во время празднования годовщины Октябрьской революции 7 ноября уездный военком, напившись вместе с офицерами военкомата, раскатывал по городу, за что был арестован членами партии и передан представителю Губчека. Однако после 2-х-дневного ареста был освобожден [9]. Возмущались пьянством ответственных работников ОДТЧК, которые «поведением подорвали авторитет партии и Власти», рабочие железнодорожного района Новозыбковского уезда [10]. Проанализировав работу трубчевских органов власти, Сокович пришел к нелицеприятному для местных коммунистов выводу: самыми неисполнительными сотрудниками Уисполкома являются коммунисты, «которые и служат примером для всех служащих» [11]. Низкий профессиональный уровень кадров Трубчевской организации был отмечен в анонимном письме в Брянский Губкомпарт осенью 1920 г. [12] Еще весной 1920 г., выступавший от Жиздринского укомпарта на 1-ой Брянской губернской конференции РКП (б) Парамонов говорил о неподготовленности многих коммунистов, «которые берутся за все дела кроме партийных», а это ведет к тому, что «отношение населения к коммунистам не везде благоприятное» [13].

Неблагополучно обстояли дела и в Мальцевском промышленном районе, где осенью 1920 г. наблюдалась картина «полного разложения как организаций а так же отсутствие партийной и профессиональной работы» [14]. В это же время признавалось, что у севских коммунистов «той коммунистической сознательности, какая должна бы была быть, не наблюдается». Было признано, что «опытных сил по укреплению Советской власти мало, почему в некоторых Советских органах руководят люди совершенно

неспособные к этому (Григорьев, Зверев и Буреломов)» [15]. Правда, причиной этого, как считали в Комиссии Губкомпарта по выяснению разного рода конфликтов, стало преобладание в организации крестьян. Недостаток «пролетарско-рабочего элемента» и преобладание в партийных рядах «крестьян и мещан, трудно воспринимающих идею коммунизма», являлись причинами бюрократизации органов управления и всех недостатков в работе и по мнению участников Трубчевской уездной конференции РКП, состоявшейся в начале мая 1920 г. [16]. Наиболее явно эта мысль прозвучала в выступлении Ракова, который свел недостатки в работе партийной организации к преобладанию в ней не пролетарского элемента – крестьян и мещан, «трудно воспринимающих идею коммунизма» [17]. Таким образом, самые передовые коммунистические идеи падали на почву крестьянского невежества. И, по мнению большевиков, пополнение рядов партии крестьянами не создавало необходимой социальной опоры для пролетарской революции. Требовались совершенно иные кадры.

Гражданская война явилась той лакмусовой бумажкой, где проявлялось истинное лицо каждого члена партии. Чрезвычайные условия и многочисленные мобилизации требовали от каждого коммуниста определенного мужества и самопожертвования. Однако значительная часть из них была не готова к таким испытаниям, многие оказывались не на высоте положения. Малейшая угроза привычному образу жизни, благополучию вызывала панику. Ряды коммунистов начинали таять, местные партийные организации – распадаться. Так, возникновение опасности весной 1918 г. в связи с наступлением немцев привело к развалу Брянской организации коммунистов, о чем сообщал в начале июня 1918 г. в Московский областной комитет РСДРП И. Фокин [18]. Более того, он отмечал бездеятельность коммунистов в Брянском горсовете. В Уездном Со-

вете военные комиссары-большевики «почти совершенно не соответствуют своему назначению» [19]. Не лучше было положение и в Бежицкой организации, численность которой не только сильно сократилась, но и сами бежицкие коммунисты были «недостаточно сильны и удовлетворительны» [20].

Наступление Деникина явилось очередным экзаменом для местных коммунистов. Многие из них с приближением белых старались покинуть организацию. Об этом говорили на заседании 4-й Почепской уездной конференции РКП (б) 10 августа 1919 г. [21]. Это же затем было признано в январе 1920 г. и на заседании 5-й конференции РКП (б). Почепские коммунисты причину бегства из партии видели в том, что «там было много несознательных» [22]. Подобная ситуация наблюдалась в Трубчевской партийной организации. Уже в феврале 1920 г. трубчевские коммунисты исключили из своих рядов Дрожжина, «оставившего организацию при наступлении белых банд» [23].

Не менее сложные испытания ложились на плечи коммунистов во время различного рода народных выступлений против советской власти. В глазах населения поведение многих из них казалось предосудительным. Так, во время мартовского восстания 1919 г. полков на станции Брянск-Льговский, как сообщал сотрудник Политического отдела Попов, «железнодорожная коммунистическая ячейка во время выступления в Брянске разбежалась» [24].

Акуличские коммунисты во время восстания в волости в марте 1920 г. ничем восстанию не препятствовали, а некоторые члены «содействовали восстанию», несмотря на то, что они численно (18 членов партии) представляли внушительную, вооруженную револьверами силу для того времени [25].

Особенно растерянными оказались трубчевские коммунисты во время движения Сенина, деятельность ко-

торого парализовала работу уездной партийной организации. 22 апреля 1921 г. вернувшийся из Трубчевска в Брянск Горский на заседании президиума Губкома оценил положение в Трубчевском уезде как «ненормальное», «состояние партийной уездной организации такое, что в некоторых районах уезда совершенно отсутствует всякая партийная и советская работа». Связь Укома и Уисполкома с местами «почти отсутствует». Он обвинил трубчевских коммунистов в трусости и заявил, что при смелости работы местных органов ее давно можно было ликвидировать, «но та мешанская трусость членов Трубчевской организации до сих пор только усугубляет борьбу с этой бандой. Впечатление такое, что только и разговоры о бандитах, а мер никаких реальных не принимается». Этот упрек в отношении трубчевских коммунистов вошел в принятую резолюцию, которая не только обвиняла местную партийную организацию, но и отстраняла местных коммунистов от борьбы с Сениным. Им оставалось только заниматься воспитанием населения волостей, находящихся под влиянием бандитов. Был назван и персональный виновник: по мнению Губкома им был председатель Уисполкома Матвеев, которого рекомендовано было не выставлять в Уисполком и перевести из Трубчевского уезда [26].

Однако обвинение руководителей уезда не совсем обосновано – в Брянске не совсем понимали размах и опасность движения. Общая обстановка в уезде определялась не уездными руководителями, а их противниками, прежде всего, в лице Сенина. Правда и качества местных коммунистов, как уже неоднократно говорилось, мало соответствовали уровню стоящих задач. Весной 1921 г. инструктор-ревизор Ю.М. Юрьев докладывал в Президиум Брянского Губисполкома, что «настроение среди ответственных товарищей города Трубчевска подавленное (я должен также заметить что это вызвано их же трусостью) в

частности скажу про тов. Матвеева которому (бедняжке) не приходится по ночам спать, а сидеть в кабинете с охраной часовых. Слишком смешно становиться, когда помотришь на эту картину» [27]. То, что казалось комичным для приезжих губернских товарищей, таковым не являлось для местных коммунистов-руководителей: они явно не справлялись с ситуацией в уезде. Так, на заседании Трубчевского укома от 31 мая 1921 г. они расписались в собственном бессилии, признавая, что «в виду того, что в Укоме как и в Полит бюро не имеется подходящего коммуниста, могущего выполнить обязанности уполномоченного, – просить Губком и Губчека выслать от себя товарища для занятия вышеназванного поста» [28]. Это решение можно списать на те противоречия между губернией и уездом, которые обозначились в апреле, но еще на заседании 30 ноября 1920 г. Трубчевский Укомпарт признавался, что, «принципиально не возражая против высылки агитаторов в Суземскую вол[ость]», которая являлась центром сенинского движения и «в виду того, что все партийные могущие выехать в уезд, уже высланы для подработки, оставшиеся же товарищи не могут оставить своих постов, – других агитаторов в уезд не посылать, и предложить упродсовещанию использовать предоставленных в его распоряжение партийных работников» [29]. Таким образом, для решения возникающих задач местные коммунисты мало были пригодны. Они не только не соответствовали образу борца за «светлое будущее», но и не могли повести за собой трудящиеся массы, не умели донести до них коммунистические идеи, к которым они были, как правило, безразличны.

Не придавала популярности коммунистам и политика партии на замещение руководящих государственных постов только членами партии вне зависимости от деловых и нравственных качеств кандидатов, исходя только из их

принадлежности к РКП (б). Уповав на силу, местные коммунисты пытались «продавливать» удобные им решения и проводить во власть нужных людей. Такое бесцеремонное поведение вызывало неприятие и сопротивление со стороны населения. Зимой 1918 г. 12 Лутенский волостной съезд обратился в Брянскую ЧК с просьбой расследовать дело о поведении коммуниста Батюкова, который при выборах волысполкома потребовал ввести без голосования 3-х коммунистов, сославшись на решение местной ячейки. Получив отказ, коммунисты съезд распустили. Как показал Д.В. Батюков, на съезд прибыли не только делегаты от сельских советов, но и выборные от сельских обществ, которые «были почти все против Лутенской коммунистической организации, которые открыто вели агитацию против организации». По его мнению, в большинстве своем это были зажиточные граждане, обложенные чрезвычайным налогом, и: «я ясно увидел, что коммунистам в совет не пройти, а потому я от имени партии диктаторским тоном потребовал, чтобы съезд без всякого голосования провел в совет трех членов коммунистов, на что мне последовал отрицательный ответ и я сознательно решил во чтобы то ни стало распустить съезд что и было исполнено», — показывал он в БЧК. Его поддержали председатель волостного совета И. Салупаев и председатель Избирательной комиссии И.В. Шариков, который сказал, что съезд им был распущен потому, что, «согласно законов и Конституции и инструкции из Брянска которая гласила, что на выборах совета могут быть и избирать только члены совета от каждого сельского совета по одному, а они хотели выбрать совет не членами, а всеми делегатами прибывшими на съезд» [30]. Несмотря на ссылку о нарушении Конституции, роспуск съезда указал на те противоречия, которые сложились между группировками, стремившимися к власти: с одной стороны — коммунисты, с другой — зажиточные слои деревни.

Аналогичным образом проходили съезды и в других местах. В декабре 1918 г. был разогнан Салынский волостной съезд под предлогом того, «что съезд был кулацкий, который выставил кандидатов бывших волостных старшин и целый ряд кулаков, которые открыто срывали ораторов, делали выкрики против Советской власти, стояли в защиту попов и темных личностей...» [31]. Такое обоснование было достаточным для роспуска любого собрания. НКВД разослал телеграмму на места, где говорилось о том, что «в последнее время наблюдаются неоднократные попытки зажиточных и кулацких слоев деревни захватить в свои руки Советы путем участия в выборах и даже в работе в сельских волостных и уездных советах». От местных властей требовалось исправить ситуацию, устранив от работы в советских учреждениях «всех кулаков принимавших до сих пор участие в выборах Совета и работающих в них арестовать и предать суду за нарушение основ Советской Конституции» [32].

Понимая, что коммунисты с трудом проходят в органы власти в условиях демократических процедур выборов, власти всех уровней решали эту проблему силовым путем. Так, на заседании Брянского уездного исполкома 20 марта 1919 г., ссылаясь на приказ Троцкого, было постановлено председателей волисполкомов, принадлежащих к партии левых эсеров, «в виду того, что председатели Волисполкомов являются Военными Комиссарами», сместить с должностей предволисполкомов [33].

Местные партийные организации поспешили воспользоваться этим постановлением и стали активно применять его для утверждения коммунистов на руководящих должностях. Так, бытошевские коммунисты в апреле 1919 г. просили Губкомпарт не утверждать в должности председателя волисполкома И. Богомолова, избранного на волостном съезде, «который принципиально идет против

коммунистов», ссылались на вышеупомянутое решение Брянского Уисполкома. Но коммунисты Бытоши понимали это постановление расширительно и просили применить его и в отношении избранного на должность заведующего продовольственным отделом Степного, по их мнению, кулака, который сеет смуту среди крестьян [34].

Однако силовое изменение органов власти не находило поддержки у населения, которое при условии свободных выборов, как правило, избирало оппонентов советской власти. Так, в начале марта 1919 г. в пос. Чуровичи Новозыбковского уезда Черниговской губернии были проведены выборы в местный Совет. При этом коммунисты просили для поддержания порядка на выборах прислать вооруженную силу. Думается, под порядком они понимали демонстрацию силы, способную повлиять на выбор населения. Но выборы, состоявшиеся 5 марта, не дали коммунистам желаемого результата, хотя 3 марта общее собрание граждан пос. Чуровичи согласилось с проведением перевыборов: «Из числа 12-ти человек выставленных кандидатами от партии коммунистов большевиков не избран не один, из чего можно заключить, что население относится к партии коммунистов, враждебно», – резюмировали местные коммунисты [35]. Вполне правильный вывод не успокоил коммунистов. Они упрямо и целенаправленно проводили линию на устранение от власти беспартийных и представителей других партий. 24 июня 1919 г. чуровичские коммунисты вновь подняли вопрос «Об отношении Совета к партии». Было признано, «что в местном Совете состоят членами лица, неимеющие права быть избранными в такой» [36]. Настойчивые обращения ячейки пос. Чуровичей заставило Новозыбковский Укомпарт послать в поселок «инструктора и организатора по закреплению Советской власти» Карнаухова. Выяснение ситуации привело его к мнению о том, «что население пос. Чурович относится к

Советской власти весьма недоверчиво, также и к партии (коммунистов)». Причем, как оказалось, причиной этого стало предосудительное поведение членов бывшего Ревкома и Исполкома: «как представители из местной ячейки партии коммунистов, пользуясь слабостью населения, приступили к пьянству, грабежу и разврату как в Комиссариате также и в Рабочем Клубе что и повело население к недоверию Советской власти и партии, меры которые принимали к населению весьма были жестоки население страдало от представителей ячейки коммунистов которые своим поведением заставили население оттолкнуться» [37]. Докладывая о своей поездке на заседании Новозыбковского Укомпарта 27 августа 1919 г., Карнаухов говорил, что «на посаде Чуровичах ячейки коммунистов не существует и организовать таковую нет возможности ввиду отсутствия молодежи», поэтому избранные в руководящие органы И. Вдовин, А.Д. Повприц были всего лишь сочувствующими партии большевиков, которых он просил «утвердить членами партии». А старые члены ячейки пос. Чурович Ф. Волокушин, М. Белов и П. Первой, по его мнению, «не соответствуют быть членами партии» [38].

Проводившиеся в 1920 г. перевыборы сельских советов вновь показали, что население не доверяет местным коммунистам, не избирая их в состав сельсоветов. Так случилось в феврале в д. Яковск Трубчевского уезда, где, по мнению председателя волисполкома, много кулачества, которое обрушилось на старый состав совета «лишь только потому, что в совете коммунисты и выполняли все распоряжения Советской власти». В результате перевыборов в Совет были выбраны дезертиры, как свидетельствовали коммунисты [39]. Прошедшие осенью 1920 г. перевыборы в сельские советы Трубчевского уезда наглядно показали, что наметившаяся тенденция продолжалась: в сельсоветы с. Новая Погощь не было избрано ни одного коммуниста,

все оказались беспартийными. Население д. Улица, с. Горожанка, с. Суземка при выборах в советы предпочло коммунистам беспартийных. В выборах в Суземский волостной совет принимало участие всего 3 коммуниста [40]. И не случайно в недельной сводке в Губчека за декабрь 1920 г. отмечалось, что в соседней Пролысовской волости население, сочувственно относясь к советской власти, не принимает коммунистов [41].

27 ноября 1921 г. на заседании Почепского Укомпарта, оценивая результаты выборов в волостные советы и учитывая «недоброжелательного отношения крестьянских масс к коммунистам», было принято решение «никаких выступлений на уездном съезде от имени фракции РКП не делать» [42]. И, несмотря на то, что на съезде из общего числа делегатов в 130 человек коммунистов представлены были всего 20-25, было решено избрать президиум съезда из 7 человек, куда должно было войти 5 коммунистов [43]. Таким образом, явное поражение заставило коммунистов прибегнуть к «административному ресурсу».

Терпели фиаско коммунисты и в ходе выборов в кооперативные организации. Так, на заседании Новозыбковского Укомпарта 30 декабря 1920 г. докладчик по этому вопросу Абрамович отметил, что «коммунисты проходят слабо». Другой выступающий – Бондаренко заявил, что в уезде, а отчасти и в городе, группы, примыкающие к эсерам, готовят провал на уездном съезде кооперации. А Голодед причиной поражения считал то, что в уезде «нас вообще мало, и если почти повсюду проходят беспартийные, то старые кооператоры в большинстве случаев получают по шапке, а уездный съезд пойдет за нами» [44].

Сами коммунисты списывали свои неудачи и свою непопулярность не только на агитацию кулаков, эсеров и других оппонентов советской власти. Довольно часто уездное руководство говорило о засильи в низовых орга-

низациях лиц, не достойных носить звание коммуниста. Однако понимание этого вовсе не означало, что партия извлекала уроки, скорее, это была попытка оправдывать любой неуспех, любую бездеятельность, любой проигрыш. Так, Новозыбковский Укомпарт на заседании 2 августа 1920 г., рассматривая вопрос «О работе в Злынке», констатировал словами одного из членов, что «Злынковская организация – это нарыв который необходимо вскрыть». И причиной этого является не только «халатное отношение членов партии к организации и к партии вообще», но и то, что «многие ответственные посты заняты коммунистами определенными дезертирами спекулянтами которые ведут интриги разного рода поручаются за спекулянтов спекулируют продуктами и совершая ряд других возмутительных фактов в корне дискредитирующие Советскую власть» [45].

Рядовые коммунисты понимали, что конкретные представители партии дискредитируют и партийную организацию, и советскую власть в целом. В марте 1919 г. на собрании партячейки коммунистов Радицкого чугунолитейного завода, по агентурным данным Особого отдела Брянского района, отмечалось, «что в партию вошло много контр-революционеров» но они сетовали на то, что «до сих пор пересмотр членов партии не происходит на личности почему то не переходит» [46], т.е. рабочие-коммунисты хотели очищения рядов от наиболее одиозных фигур, которыми зачастую являлись не рядовые коммунисты, а разного рода руководители.

Оценивая советскую власть, население демонстрировало свои претензии к моральному облику коммунистов. Так, в апреле 1920 г. крестьяне с. Бытошь Брянского уезда обсуждали вопросы честности коммунистов и один из односельчан фельдшер С.И. Терехов сказал, «что из всех коммунистов «Ленин да я» [47]. Причиной разговоров сре-

ди крестьян стало освобождение из-под стражи В. Кукишкина, арестованного за продажу казенного имущества (племенного жеребца и других вещей ОНО) [48]. На 6-ой Брянской партийной конференции 7 декабря 1921 г. Н.А. Кубяк в своем выступлении признавал, что в деревне «за последнее время на нас посматривать косо и наша опора бедняки тоже покачнулись». Причиной этого, по его мнению, стало введение НЭПа, который коммунисты недостаточно объясняют населению [49].

Отношение населения к коммунистам было чаще всего стабильно отрицательным, в отличие от отношения к советской власти, которое могло меняться. Так, «Недельная сводка для Губчека от Пролысовской волости» Трубчевского уезда отмечала «не сочувственное» отношение к коммунистам не только в декабре 1920 г., но и в начале января 1921 г., а вот отношение к Советской власти в декабре было «сочувственное», а в начале января – «не удовлетворительно ввиду закрытия мельницы» [50]. Летом 1919 г. «враждебное» отношение к коммунистам и местной власти отмечали сами коммунисты Урученской партийной организации, «неблагоприятное» – Селецкой. Причина этого «вызывалось реквизициями, разрухой, а также нечестной работой агентов продовольственной агентуры» [51]. Таким образом, причины были весьма прозаическими: бедственное положение населения, малоземелье, трудовая и гужевая повинность, продналог на масло, яйца, мясо и шерсть без замены другими продуктами и многое другое, что ухудшало жизнь населения. И что немаловажно – морально-нравственные качества членов партийной организации. Там же, где «члены не зарекомендовали себя с дурной стороны», отношение было благоприятное [52].

Все это создавало иллюзию простого решения проблемы. Один из докладчиков в «Докладе о деятельности Голубовского волбюро» (1922 г., Клинецовский уезд) заяв-

лял: «Для того, чтобы восстановить отношение и доверие со стороны крестьянства к Соввласти и РКП требуется полная отмена труда и гужного налога и отмена налога на масло, яйца, мясо и шерсть без замены другими предметами. Заготовку жиров производить через органы кооперации» [53]. Однако другие выступавшие видели причину недоверия населения в том, что ячейка «никаким авторитетом не пользуется, да и не может пользоваться», отмечая негативные характеристики и поступки руководителей комячейки [54].

В «Двух недельной информационной сводке» отделения транспортной ЧК станции Брянск Орловско-Витебской железной дороги за время с 1 по 15 августа 1921 г. отмечалось, что у рабочих и служащих «отношение к Советской власти и к РКП (Б) – пассивное, на всевозможные декреты и распоряжения мало обращают внимания, говоря определенно: «декретами и распоряжениями сыт не будешь, если сам не позаботишься», в чем и наблюдается забота самоснабжением всевозможным способом, лишь бы побольше запасти на зиму» [55]. Ситуация постоянной борьбы за элементарное выживание вызывала среди населения неприятие коммунистов, использовавших власть в шкурнических интересах. Население формировало свои представления не по лозунгам и декларациям власти, а исходя из морально-нравственных и деловых качеств конкретных представителей коммунистической партии, находившихся у власти. И если отношение к советской власти определялось успехами и неудачами политики, проводимой ею, то отношение к конкретным носителям этой власти – коммунистам – было стабильно отрицательным.

Источники

1. Шартье, Р. История сегодня: сомнения, вызовы, предложения / Р. Шартье // Одиссей. Человек в истории. Представления о власти. – М., 1995. – С. 201.

2. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-7. Оп.1. Д.7. Л.16-16 об.
3. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-10. Оп.1. Д.1.2.
4. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.16. Л.2.
5. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-3. Оп.1. Д.62. Л.48.
6. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-8. Оп.1. Д.7. Л.6.
7. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-8. Оп.1. Д.3. Л.20-21.
8. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-9. Оп.1. Д.2. Л.83.
9. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.18. Л.27.
10. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-7. Оп.1. Д.1047. Л.17.
11. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.18. Л.27.
12. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.18. Л.250
13. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.57. Л.4.
14. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.60. Л.11.
15. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.178. Л.18.
16. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.93. Л.21 об.-23.
17. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-11. Оп.1. Д.2. Л.11.
18. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-451. Оп.1. Д.8. Л.51.
19. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-451. Оп.1. Д.8. Л.51.
20. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-451. Оп.1. Д.8. Л.52; Ф.П.-1. Оп.1. Д.16. Л.3.
21. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-8. Оп.1. Д.3. Л.20-21.
22. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-8. Оп.1. Д.15. Л.179.
23. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.93. Л.7.
24. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-3. Оп.1. Д.65. Л.160. В автобиографии члена этой ячейки С.М. Сеничкина дается иная версия: «Партячейка Брянска-2 первой вступила в борьбу с мятежниками» (ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-451. Оп.1. Д.74. Л.22).
25. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.187. Л.52-54 об.
26. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.245. Л.21 об., 24, 25.
27. ГАБО. Ф.Р.-85. Оп.1. Д.318. Л.11.

28. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.295. Л.150 об.; П.-
11. Оп.1. Д.3. Л.247.
29. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.93. Л.92.
30. ГАБО. Ф.Р.-594. Оп.1. Д.943. Л.3 об.-18.
31. ГАБО. Ф.Р.-1616. Оп.1. Д.34. Т.6. Л.742.
32. ГАБО. Ф.Р.-269. Оп.1. Д.51. Т.1. Л.142.
33. ГАБО. Ф.Р.-1616. Оп.1. Д.134. Л.31.
34. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-3. Оп.1. Д.66. Л.518.
35. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-7. Оп.1. Д.22. Л.14-14 об, 16,
23.
36. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-7. Оп.1. Д.22. Л.51-51 об.
37. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-7. Оп.1. Д.22. Л.90.
38. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-7. Оп.1. Д.22. Л.89.
39. ГАБО. Ф.Р.-292. Оп.4. Д.509. Л.9.
40. ГАБО. Ф.Р.-85. Оп.1. Д.248. Л.34-38.
41. ГАБО. Ф.Р.-213. Оп.1. Д.41. Л.7.
42. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-8. Оп.1. Д.25. Л.100.
43. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-8. Оп.1. Д.25. Л.100 об.
44. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-7. Оп.1. Д.29. Л.1.
45. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-7. Оп.1. Д.29. Л.30 об.
46. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-3. Оп.1. Д.14. Л.7 об.
47. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.39. Л.19.
48. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.39. Л.21.
49. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.56. Л.48.
50. ГАБО. Ф.Р.-213. Оп.1. Д.41. Л.6, 7.
51. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-11. Оп.1. Д.2. Л.9 об.
52. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-11. Оп.1. Д.2. Л.10.
53. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-6. Оп.1. Д.29. Л.120.
54. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-6. Оп.1. Д.29. Л.119.
55. ЦНИБО ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.330. Л.11.

З.П. Коваленко,
*заместитель начальника управления
по делам архивов Брянской области*

К истории коллективизации в Суражском районе Брянской области (1929-1930 гг.)

Суражский район был организован в июне 1929 года – в связи с ликвидацией уездов и организацией районов из бывшей Суражской волости и шести сельсоветов Нивнянской волости – и в период 1929-1930 гг. с ликвидацией с 1 октября 1929 года Брянской губернии входил в состав Клинцовского округа Западной области с центром в г. Смоленске. Округ состоял из 13 районов с количеством 518 сельских советов и г. Клинцы [1]. Суражский район занимал площадь 865,3 кв. км, объединяя 38 сельских советов и 1 горсовет с количеством населенных пунктов 178, за исключением мелких хуторов, с количеством дворов 9682. Населения – 59231 человек, городских – 5778 человек. Избирателей – 22509 человек, лишенных избирательных прав – 441.

В весеннюю посевную кампанию 1929 года план по коллективизации выполнен не был. К осени на территории района существовало два колхоза, одна коммуна нацменьшинств (еврейская – в Ляличах) [2].

План коллективизации осенней посевной кампании предусматривал организацию 9-ти новых колхозов с тем, чтобы с двумя уже существующими довести к концу посевной кампании их число до 11. К середине августа было организовано уже 8 колхозов, в которые вошло 194 хозяйства с 869-ю едоками; по составу – 70% бедняков, 30% – середняков. На заседании президиума Суражского райисполкома отмечалось, «что организация колхозов сопровождается трудностями, заключающимися в противодействии капиталистических элементов, агитации кулацко-зажиточной части деревни против колхозного строительства (Высокоселище, Ляличи, Жемердеевка) вроде запуги-

вания – «в колхозах будет пригон», «будут выдавать паяк», «республика в опасности», «будет война» и т.д., и ссылки, что «тесно у нас организовывать колхозы – земли мало».

Обращалось внимание на недостаточное участие в колхозном строительстве сельских советов, а также наличие сельских советов, противодействующих организации колхозов (Ляличский, Кулажский) [3].

К середине октября в районе было организовано уже 13 колхозов. Колхозы, организованные в осеннюю посевную кампанию, занимали площадь 3180 га, в них вошло 292 хозяйства с количеством едоков 1321, из них 210 – бедняцкие хозяйства, 82 – середняцкие. В некоторых сельских советах были выступления против коллективизации. В Душатине, например, из состава колхоза вышли даже отдельные коммунисты, а в Ляличах было открытое выступление против организации колхоза [4].

Райисполкомом было обследовано 10 сельских советов, которое установило «извращение классовой линии в работе», за что было снято с работы 10 председателей сельских советов и 12 секретарей, часть из них была передана суду (Б. Ловчанский, Дубровский, Беловодский, Октябрьский и др. с/с).

Обследование отметило слабую работу сельских советов среди бедноты, женщин, слабое участие в организации колхозов. Некоторыми сельскими советами руководили зажиточные крестьяне, отсюда факты эксплуатации кулаками бедноты. В Дубровском сельском совете под видом аренды и мена происходили купля и продажа земли. Ляличское восстание стало возможным потому, что совет возглавлял кулак (так называли зажиточных крестьян), проводивший политику против коллективизации [5].

В Ляличах был организован колхоз «Верный путь», и во время запашки озимого клина на колхозников было совершено нападение, в котором приняли участие в основ-

ном женщины села [6]. Это нападение получило в документах название Ляличского кулацкого восстания.

Очевидно, выступление произошло 19 августа 1929 года. На этот день в районе было намечено провести «день коллективизации», в ходе которого предполагалось землеустроить организованные колхозы в Ляличах, Душатине, Иржачи [7].

В начале октября 1929 года вопрос «О селении в Ляличах в связи с нападением на колхоз «Верный путь»» рассматривался президиумом Клинецовского окрисполкома, где отмечалось, что сельский Совет «не учел кулацкой активности в деле сопротивления колхозному строительству и особого кулацкого влияния на отсталую бедняцко-середняцкую часть населения и особенно крестьянок; при землеустройстве колхоза не была проведена разъяснительная работа по реконструкции сельского хозяйства среди бедноты и середнячества, а была проявлена поспешность и не соблюдена законность, что и послужило причиной нападения на колхозников».

Окрисполком постановил просить окрпрокуратуру ускорить расследование дела, а окрсуду предложить назначить дело к расследованию вне очереди и провести показательный судебный процесс в районе [8].

Уроки Ляличского дела прорабатывались на собраниях всех партийных ячеек Суражского района, однако в конце января 1930 года на бюро Суражского райкома говорилось об отсутствии по-прежнему работы среди женщин, в частности, в Кулагах, где «едва не произошло повторение Ляличского дела» [9].

Кампания по коллективизации и хлебозаготовкам осенью-зимой 1929 года повсеместно характеризуется ростом выступлений против них, обострением классовой борьбы. Отдел уголовного розыска Западной области, анализируя оперативную сводку преступлений за январь 1930

года, констатировал в целом по области, что «преступления идут главным образом за счет села и основными факторами, влияющими на виды преступлений, являются противодействие кулачества и антисоветского элемента против проводимых соввластью мероприятий по реконструкции сельского хозяйства» [10].

В целом по Клиновскому округу количество коллективизированных хозяйств на 1 октября 1929 года составило 2,5% против 0,9% на 1 октября 1928 года. На 1 октября 1929 года было организовано 177 колхозов, объединивших 3422 хозяйства, на 1 октября 1928 года было 95 колхозов (1238 хозяйств) [11].

В декабре 1929 года бюро Клиновского окружкома ВКП(б) по докладу о колхозном строительстве приняло резолюцию по проведению в текущую посевную кампанию в трех районах – Мглинском, Погарском и Стародубском – сплошной коллективизации, а в районах: Климовском, Красногорском, Почепском и Суражском – уплотненной коллективизации с подготовкой перехода в 1930/1931 гг. на сплошную коллективизацию. В резолюции отмечалось, что «рост колхозного строительства проходит в условиях обострения классовой борьбы и вызывает бешеное сопротивление кулачества» [12].

Наметившийся рост колхозного строительства дал возможность 3-му пленуму Клиновского окружкома в середине января 1930 г. принять решение о проведении в округе сплошной коллективизации с стапроцентным охватом бедняцко-середняцких хозяйств округа в три года. Размеры коллективизации на 1930-й год были определены – не менее 35% хозяйств и 37% площади; было намечено укрупнение колхозов, обобществление средств производства: посевов, с/х машин, рабочего и продуктивного скота на 100%, причем не менее 30% свиней, и 40% овец [13].

21 января 1930 года в «Правде» была опубликована статья Сталина «К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса», в которой говорилось: «чтобы вытеснить кулачество как класс, надо сломить в открытом бою сопротивление этого класса и лишить его производственных источников его существования и развития».

В конце января окружком разослал во все районы письма, в которых говорилось, что райкомы ещё до сих пор не приступили к практическому осуществлению ликвидации кулака как класса, ждут особых инструкций, хотя в статье Сталина дана ясная установка, которой достаточно, чтобы приступить практически к раскулачиванию. «Райпарторганизации должны немедленно приступить к практическому осуществлению раскулачивания, в особенности в районах сплошной коллективизации, изъятию имущества и передачи его в колхозы. Для этого необходимо мобилизовать всю партийно-комсомольскую организацию районов, уполномоченных по посевкампании, батрачество, бедноту и середняков, широко разъяснив на бедняцко-середняцких собраниях политику партии о коллективизации и ликвидации кулачества как класса. На этих же собраниях принять решения о выселении кулаков и изъятии у них всего имущества, проводя эти решения немедленно в жизнь...» [14].

Ещё в мае 1929 года, в преддверии сплошной коллективизации, СНК СССР определил признаки кулацких хозяйств: систематическое применение наемного труда, наличие мельницы, крупорушки, маслобойки и других предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, систематическая сдача в наем сельхозмашин, наличие нетрудовых доходов и т.д. Постановлением ЦИК СНК СССР от 1 февраля 1930 года кулацким хозяйствам было запрещено самовольное переселение и распродажа имущества без разрешения райисполкомов, которые обя-

заны были в отношении кулаков, нарушающих постановление, немедленно конфисковывать все имущество [15].

8 февраля 1930 года состоялось внеочередное закрытое заседание бюро Клинцовского окружкома, на котором рассматривались директивы ЦК ВКП(б) и обкома о ликвидации кулака как класса. В решении повторялись положения постановления ЦИК и СНК СССР в отношении определения репрессивных мер к кулакам, которые распределялись по трем категориям. Первая категория – контрреволюционный кулацкий актив, который изымается органами ГПУ путем заключения в концлагеря, «не оставаясь перед применением высшей меры репрессий». Вторую категорию должен был составить остальной кулацкий актив, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков, которые подлежат высылке в отдаленные местности СССР и в специально отведенные места области. К этой категории относились и семьи арестованных кулаков первой категории. В третью категорию вошли кулаки, оставляемые в пределах района, которые подлежали расселению на новых, отводимых за пределами колхозных хозяйств отдаленных, бросовых землях, неудобиях. Поселения должны были состоять из небольших поселков (20-30 дворов), управление которыми должно было осуществляться специальными тройками или уполномоченными. Предполагалось и использование кулаков как рабочей силы в особых трудовых дружинах и колониях на лесоразработочных, дорожных и других работах. Все недвижимое и движимое имущество было рекомендовано конфисковать с передачей земли и имущества колхозам, оставляя кулакам лишь самые необходимые предметы домашнего обихода, элементарные средства производства и минимум продовольственных запасов.

Решениям о конфискации кулацкого имущества и выселении кулаков должны были предшествовать поста-

новления общих собраний членов колхозов и собраний батрачества и бедноты.

Для руководства всей работой по ликвидации кулацких хозяйств при бюро ОК ВКП(б) создавалась тройка под председательством секретаря окружкома; при бюро райкомов создавались аналогичные тройки [16].

На своем первом заседании тройка окружкома постановила не позднее 25 февраля райтройкам представить списки всех кулаков, к 16 февраля разработать план расселения на свободных, негодных землях, определить срок выселения кулаков за пределы области 1 марта и для расселения внутри округа 15 марта [17].

Таким образом, был разработан следующий механизм проведения кампании по раскулачиванию: в окружкоме и райкомах ВКП(б) создавались «тройки» по ликвидации кулачества, в которые входили секретари ВКП(б), председатели исполкомов и уполномоченные ГПУ. Непосредственную работу по организации общих собраний на местах, работу на местах осуществляли уполномоченные «троек». На общих собраниях или сходах односельчане (поддержка снизу) определяли, к какой категории отнести намеченных к раскулачиванию, куда определить и как распределить изъятое имущество. Решения собраний в дальнейшем рассматривались и утверждались «тройками».

В середине февраля президиум Клинцовского окррайисполкома отметил, «что в связи с массовой коллективизацией сельского хозяйства... и в связи с усиливающейся классовой борьбой, обусловленной форсированным социалистическим переустройством сельского хозяйства и переходом правительства от политики вытеснения и ограничения кулака к ликвидации его как класса на основе коллективизации, сельские советы, как низовые органы пролетарской диктатуры, не всегда возглавляют в классовой борьбе батрацкие, бедняцкие и середняцкие массы в их наступле-

нии против кулака», – и наметил провести перевыборы всех сельских Советов в районах сплошной коллективизации, в остальных районах же сельские Советы, которые не справляются с новыми задачами [18].

Сельские Советы с задачами не справлялись, по сути, деревня осенью 1929 – зимой 1930 гг. была поставлена на грань гражданской войны.

18 февраля 1930 года Далисичский с/с вместе с партячейкой приступил к раскулачиванию кулаков села и прилегающих поселков. Были организованы бригады и направлены «для производства операции по раскулачиванию» по селу Далисичи и д. Фёдоровка. В Фёдоровке бригада была встречена враждебно: собралась толпа до 80 человек, требовавшая прекратить раскулачивание. Положение усугубилось тем, что накануне в д. Фёдоровка, жители которой категорически в колхоз вступать не хотели, был сельским советом объявлен бойкот по линии потребкооперации – Фёдоровку лишили керосина. В деревню был выслан уполномоченный ГПУ, было арестовано 8 кулаков. Председатель с/с был снят с работы, секретарь партячейки исключен из партии [19].

На заседании бюро райкома в ходе обсуждения отмечалось, что... «...в районе несплошной коллективизации было задумано сплошное раскулачивание, которое было проведено, как во времена военного коммунизма»: «...одна деревня занялась раскулачиванием другой, получилось состояние открытой войны между деревнями»; «...надо было подготовить население к переходу на сплошную коллективизацию, а затем уже заниматься ликвидацией кулачества, как класса».

На заседании приводился факт избияния председателя с/с д. Селище, на собрание по этому поводу явились одни женщины [20].

В информационной сводке о преступлениях в Западной области за февраль 1930 года делались выводы, что «...неуменьшение кривой контрреволюционных выступлений говорит за прежнее напряженное состояние области и за непрекращающиеся сопротивления кулака». Наряду с этим отмечается ряд моментов искривления классовой линии, допущенной местной властью при проведении мероприятий по коллективизации и раскулачиванию. Одновременно фиксируется, что по целому ряду массовых беспорядков (Клинцовский округ) проходят исключительно женщины, сагитированные кулаками» [21].

Зимой 1930 года повсеместно проходили общие собрания сельчан, на которых рассматривались кандидатуры на раскулачивание. Крестьяне принимали решения о раскулачивании своих соседей, таких же, как и сами, тружеников.

21 февраля 1930 года заседал расширенный пленум Нивнянского сельского совета с участием партийной организации и актива, на котором было решено раскулачить 24 хозяйства, по 4 из которых решение о ликвидации затем было отменено. Можно привести примеры намеченных к раскулачиванию хозяйств и дать картину обсуждения:

«Слушали.

2. О ликвидации хозяйства Гаврюсева Федора Григорьевича.

В прениях крестьяне говорили: «До революции был бедняк, рос сиротой, нищенствовал, жил в разваленной избе. Наемной рабочей силы не имел и не был эксплуататором. С 1919 года получил землю, хорошо обрабатывал, имел малую семью, арендовал землю, но не кабальную, развил хозяйство, против коллективизации был».

«Кулак новый и старый – все равно. О колхозе мнение отрицательное и голова его об этом не болит».

«Хлеб продает в городе по вольным ценам».

Постановили: ликвидировать как кулака.

4. О ликвидации хозяйства Беликова Платона Семёнова.

«...он по традиции кулак, свой скот сушил без корма, чтобы сено продавать и продает только весной, чтобы дороже взять».

«Он не ел свежего хлеба, сберегал до весны, чтобы продать подороже, жена в обиде на него. Сам готов отдаться под эксплуатацию и работать до изнеможения, но чтобы быть кулаком...».

«Наемной силы не имел, жена и дети в обиде».

«Имел случай, наблюдалось, как он жил с семьей, он ужинал, а семья сидела и смотрела. Семью держал в зажиме, как деспот...».

«Его выслать, семью принять в колхоз».

Постановили: ликвидировать хозяйство, как кулацкое.

13. О ликвидации Моисея Митрофанова Жигальцева.

«... в прежнее время были работники в его хозяйстве. Хозяйство было совершенно мощное – кулацкое, сам он довольно хороший мастер каменщик, печник, столяр и прочее. Подметить его в чем-либо нельзя, он очень умелый и нигде не выступал».

«Я как-то случайно слышал его разговор, как он толковал, идя с другим, что в Советской власти управляют, как будто малые дети побьются за ложки и примиряются снова».

Постановили: Раскулачить, ликвидировать хозяйство.

18. О ликвидации Михаила Титова Парамонова.

«До революции отъявленный бедняк, после – типичный контрреволюционер, как явный противник мероприятий Советской власти. От неудовольствия наложени-

ем хлеба порвал на себе рубаху и так к Советской власти относится, как изверг, готовый поглотить».

«Советскую власть называет шапкой Распутина». «Он говорит, что если колхоз будет короткое время, то не пойдет в колхоз, а если долгое время, то застрелюсь».

Постановили: ликвидировать» [22].

Список кулацких хозяйств Суражского района, подлежащих ликвидации, выселению и расселению, на 2 марта 1930 года включал 149 хозяйств: Дубровский с/с – 8 хозяйств, Ново-Дроковский с/с – 17 хозяйств, Красно-Слободский с/с – 6, Овчинский с/с – 7, Больше-Ловчанский с/с – 3, Ляличский с/с – 42, Душатинский с/с – 13, Старо-Дроковский с/с – 4, Высокоселищский – 5, Гудовский – 7, Нивнянский с/с – 19, Иржачский – 2, Влазовичский – 16 хозяйств [23].

Наибольшее количество намечено к раскулачиванию по Ляличскому с/с, очевидно, это было перестраховкой властей, напуганных осенними выступлениями в Ляличах. Напротив некоторых фамилий – отметки «участник кулацкого восстания».

«Кашеев Никита Федорович... Активный контрреволюционер. Участник восстания против колхоза, за что органами ГПУ расстрелян. Семья также социально опасна.

Хозяйство ликвидировано. В отношении выселения отнести к первой категории, считая необходимым выселение семьи в отдаленные места СССР.

Мысливцева Елена Алексеевна. Кулацкое хозяйство, глава семьи – контрреволюционер. За активное участие в восстании против колхоза расстрелян органами ГПУ.

Хозяйство ликвидировано. В отношении выселения отнести к 1 категории. Семью выселить за пределы района.

Евланов Александр Иудов... Активный участник со своей женой в кулацком восстании против колхоза, за что

осужден сам на 10 лет, а жена на 5 лет лишения свободы, после чего в семье осталось лишь двое малолетних детей. Хозяйство ликвидировано. Хозяйство подпадает под категорию 1-ю. Ввиду малолетности дети оставлены в колхозе.

Бондаревский Павел Иванов. Активно участвовал в кулацком восстании против колхоза, за что осужден на 10 лет. Хозяйство ликвидировано. В отношении выселения относится к 1 категории.

Евланов Лаврентий Андреев. Активный участник кулацкого восстания против колхоза... Сам и жена осуждены на 10 лет лишения свободы за участие в кулацком восстании. Хозяйство ликвидировано. В отношении выселения подпадает под категорию 1-ю с возможностью применения ст. 4-й инструкции НКВД в смысле расселения семьи внутри района.

Бондаревский Василий Алексеев. Участник в кулацком восстании против колхоза. 2 сына – члена семьи – посажены в тюрьму за участие в восстании, 3-й сын – убийца. Вся семья – активные противники мероприятия Советской власти. Хозяйство ликвидировано. В отношении выселения отнести ко второй категории, т.е. выселить всю семью за пределы района.

Гломазда Тимофей Яковлев... осужден на 10 лет лишения свободы за активное участие в кулацком восстании против колхоза. Хозяйство ликвидировано. В отношении выселения подпадает под категорию 1-ю, но, т.к. в семье остались жена и малолетние дети, считать возможным применение ст.4-й инструкции ВЦИК в смысле расселения семьи внутри района с возможностью оставления в Ляличах вне колхоза.

Евланов Василий Петров... активный участник сам и его жена в восстании против колхозного движения. Выслан из пределов области на 5 лет, жена на 3 года. Хозяйство ликвидировано. Подпадает под категорию 1-ю ликви-

дируемых кулаков, но считать возможным расселение семьи в пределах района».

И все-таки под нажимом коллективизация шла. Несмотря на сложности, темпы коллективизации по состоянию на 20 февраля по округу превзошли плановое задание: вместо 35% крестьянских дворов было коллективизировано 45,7%, план был выполнен на 130%. Сыграл роль административный нажим: боясь быть раскулаченными, крестьяне записывались в колхозы. На заседании президиума Клинцовского окрисполкома 23.02.30 г. внутренняя организация хозяйств объявлялась «ударной задачей», ставился вопрос об усилении руководства и организации труда в колхозах, их юридическом оформлении, учете и оценке имущества колхозов, об оформлении обобществления средств производства, составлении простейших хозяйственно-производственных планов [24].

22 февраля Суражский райисполком докладывал окрисполкому, что планом намечено коллективизировать 5000 хозяйств, коллективизировано 4500 хозяйств – к общему числу дворов района 45%, а к плану – 90% [25].

Однако боязнь довести дело до открытой крестьянской войны, рост стихийных выступлений заставили сделать определенные уступки. В начале марта появилась статья Сталина «Головокружение от успехов», а 14 марта 1930 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», сыгравшее роль катализатора для лавинного «отлива», массовых выходов крестьян из колхозов весной 1930 года.

19 марта Суражский райисполком докладывал Клинцовскому окрисполкому об отливе из колхозов 1180 хозяйств из 4800 коллективизированных [26], который, в свою очередь, сообщал в Смоленск, что из имеющихся в округе 147 тысяч хозяйств на 1 марта было коллективизировано 73371 хозяйство; на 19 марта, по сведениям, по 11

районам отлив из колхозов составил 22051 хозяйство, или 30% коллективизированных [27].

В связи с отливом колхозников из колхозов работа по составлению годовых производственных планов была приостановлена «впредь до особого распоряжения». Было рекомендовано сосредоточиться на разработке рабочих планов ярового сева.

19 марта состоялось совещание районного партийного актива, на котором рассматривалось состояние колхозного движения и приводились факты отлива из колхозов: в Душатынском с/с, где предполагалась 100%-ная коллективизация, замечен резкий отлив из колхоза. А в Дубровке, где постановлением общего собрания граждан предполагалось организовать коммуну, после опубликования статьи Сталина произошел резкий отлив. Как факт искривления политики партии и правительства оценивались события в д. Фёдоровка, когда деревне был объявлен бойкот со стороны Далисичского с/с за нежелание вступать в колхоз. Председатель Ляличского с/с высказал мнение о том, что крестьянство пошло на коллективизацию не благодаря применению административных мер, а с большим подъемом: «У нас в Ляличах в очередях стояли крестьяне, чтобы узнать — приняли ли их в колхоз. Статья Сталина имела известное расхолаживающее значение. Мы двигались вперед так быстро от артели к коммуне потому, что все газеты толкали нас на это». Секретарь Ляличской партийной ячейки говорил о том, что нажим был, но не со стороны уполномоченных района, а «был организован самой бедняцкой массой на определенную часть населения». Секретарь райкома в заключительном слове сказал, что «ставится задача коллективизировать 55% населения и... мы эту задачу выполним. За последнее время чувствуется ослабление в этой работе, с подобным настроением надо покончить решительно. Я не отрицаю того, что перегибы были,

но в том нет вины райкома. Райком указания об административном вовлечении в колхоз не давал».

Партактив принял постановление, в котором говорилось, что наряду с большими достижениями в колхозном строительстве, что «...объясняется правильным руководством райкома ВКП(б), все же в практической работе отдельных партийных ячеек и райуполномоченных были отдельные искривления и извращения линии партии в колхозном строительстве [28].

23 марта 1930 года на заседании Клинцовской окружной тройки была рассмотрена директива Западного обкома от 20 марта 1930 года, в которой говорилось, что во избежание огласки обобщенных сведений о ходе работ по раскулачиванию сосредоточить эту работу исключительно в органах парткомов (тройках) и органах ГПУ, проводя её в строго секретном порядке [29].

4-ый пленум Клинцовского окрисполкома 16-17 мая 1930 года рассмотрел состояние работы сельских советов и отметил, что они «не сумели перестроить свою работу к условиям массовой коллективизации и не стали во главе колхозного движения». Причина – в засоренности с/с кулацким элементом, слабой квалификации руководящих работников, чрезмерной текучести председателей и секретарей с/с, которая в Суражском районе достигает 100% [30].

При рассмотрении вопроса о ходе весенне-полевой кампании пленум отметил, что коллективизация сельского хозяйства возросла с 2,3% на 1 октября 1929 года до 9% на 1 мая 1930 года. Наряду с этим «имеется ряд грубых ошибок, недочетов и извращений линии партии и правительства в колхозном строительстве, антисередняцких перегибов и нарушение основных принципов коллективизации – добровольничества... применялись насильственные административные методы коллективизации. Проводилось голое администрирование при раскулачивании, имелись слу-

чай раскулачивания середняка и даже бедняка. Все эти извращения политики партии и правительства послужили массовому уходу из колхозов середняцких масс и бедноты и создали условия для усиления сопротивления кулачества и выступления против колхозов [31].

По состоянию на 15 июня 1930 года в Суражском районе было образовано уже 25 колхозов с количеством хозяйств 878, что составляло 8,9% к общему числу хозяйств [32].

Источники

1. ГАБО, ф.Р-1097, оп.1, д.171, л.21.
2. Там же, д.304, лл.1-1об.
3. Там же, д.331, л.5об.
4. Там же, д.304, л.2.
5. Там же, л.3об.
6. Там же, л.7.
7. ф.П-1050, оп.1, д.2, л.26.
8. ф.Р-1097, оп.1, д.18, л.73.
9. ф.П-1050, оп.1, д.13, л.5.
10. ф.Р-271, оп.3, д.178, л.35.
11. ф.Р-1097, оп.1, д.171, л.6.
12. ф.П-13, оп.1, д.105, л.8,10.
13. ф.Р-1097, оп.1, д.136, т.1, л.32об.
14. ф.П-13, оп.1, д.105, л.45.
15. ф.Р-1097, оп.1, д.230, л.22.
16. ф.П-13, оп.1, д.112, л.4.
17. Там же, лл.2-3.
18. ф.Р-1097, оп.1, д.136, лл.79-79об.
19. ф.Р-271, оп.3, д.178, л.47.
20. ф.П-1050, оп.1, д.13, лл.8-10.
21. ф.Р-271, оп.3, д.178, л.53.
22. ф.Р-1935, оп.1, д.1, т.2, лл.353-357.
23. Там же.

24. ф.Р-1097, оп.1, д.230, т.1, лл.76-76об.
25. Там же, л.52.
26. Там же, л.163.
27. Там же, л.154.
28. ф.П-1050, оп.1, д.13, лл.41-44.
29. ф.П-13, оп.1, д.112, л.17.
30. ф.Р-1097, оп.1, д.136, т.2, л.200об.
31. Там же, л.198об.
32. Там же, д.230, т.3, л.438.

В.А. Снытко,
*кандидат исторических наук, доцент,
Брянский государственный
университет им. академика И.Г. Петровского*

Об этимологии фамилий Красногорского района Брянской области

Фамилии в Красногорском районе имеют весьма характерные особенности, сложившиеся под воздействием разного рода факторов: природных условий, географического положения, сложного исторического процесса, а также значительного влияния украинского, белорусского, польского и, возможно, литовского языков. Особую роль здесь сыграл также появившийся под воздействием этих языков своеобразный диалект, характерный для юго-западных районов Брянщины (брянские говоры). Все эти факторы нашли свое отражение в местных топонимике и ономастике. При этом Красногорский район, больше других испытывавший на себе влияние белорусского языка, имеет существенные отличительные черты в этимологии фамилий по сравнению с соседними районами Брянской области. Существенно отличаются красногорские фамилии и от таковых в соседних районах Белоруссии – Ветковском и

Чечерском Гомельской, Краснопольском и Костюковичском Могилевской областей.

Как известно, первые русские фамилии обнаруживаются в документах XV века, а с середины XIX столетия почти каждый человек, пусть даже и незнатного происхождения, уже имел свою фамилию как необходимое дополнение к имени и отчеству.

В центральных районах России значительная часть фамилий образовывалась от христианских имен, которые появились в русском языке из греческого, древнееврейского или латинского языков. Эти имена содержались в святцах – церковном календаре. Но так как многие иностранные слова звучали для русского человека непривычно, то они в процессе употребления существенно изменялись живой разговорной речью, в частности, в соответствии с законом открытого слога и т.д. От полных форм церковных имен образовывалось множество уменьшительных и сокращенных вариантов, причем в Красногорском районе широко использовались как русские, так белорусские и украинские словообразовательные элементы. Это, например, фамилии Аксененко, Антипенко, Борисенко, Герасименко, Иваньков, Логвинов (от латинского имени *Логин*), Осипенко (от имени *Иосиф*), Сеньков (от уменьшительного варианта имени *Семен*), Степаниденко, Тимошенко, Яницкий (от белорусской формы имени *Ян – Иван*) и некоторые другие. Но таких фамилий даже в сравнении с соседними районами Брянской области здесь немного.

Кроме церковного имени, до XVIII века русские часто носили и нецерковные (мирские) имена, которые давались новорожденным и значение которых было всем понятно (например, Неждан, Первуша). Такое имя могло употребляться довольно широко и в итоге стать основой фамилии. В Красногорском районе это распространенные фамилии Белаш, Беляй.

На происхождение фамилии могли повлиять и многочисленные прозвища, которые давались уже не новорожденному, а подростку или взрослому. Нередко прозвища были связаны с растениями, животными или птицами, с названиями частей тела. В Красногорском районе это фамилии Бобров, Бовтюнь (диалектное *бовтать* – помещивать), Боровик, Брилев, точнее, Брылев (от *брыль* – мужская шляпа), Бурдель (диалектное *бурда* – жидкая похлебка), Ворон, Грак (от *грач*), Заяц (Зайцев), Ковтунов (белорусское *ковтуны* – блюдо, похожее на пельмени), Кульман (диалектное *куль* – мешок), Куст, Капуста (Капусто), Козел (Козлов), Лисица, Осиновик, Плотка (Плотко), Соболев, Сыч (Сычев), Цыбулько (от белорусского *цыбуля* – название растения лук). Что же касается фамилии Гриб (Грибов, Грибанов), то, очевидно, она произошла от слова *грибы* – так называют в брянских говорах губы.

Разумеется, определенную роль в появлении таких прозвищ-фамилий могло сыграть и внешнее сходство.

Прозвища нередко связаны были и с профессией человека (Мельник, Плотник и т.д.). В Красногорском районе к таким фамилиям относятся также Бондарь (то же, что и *бочар* – ремесленник, выделывающий бочки), Будник (от *буда* – завод по производству поташа), Гончаров (*гончар* – мастер по изготовлению глиняной посуды), Гутник (белорусское *стеклодел*), Дегтярев, Ковалев (*коваль* – белорусское *кузнец*), Кожемяко, Колесник, Пономаренко, Швец, Шевцов, Шевень (от *шить*).

При этом необходимо отметить, что этимология фамилий, образованных от нецерковных имен и прозвищ и имевших в качестве основы диалектные слова, довольно сложна. Многие из них отсутствуют в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля.

Источником фамилий могли стать и географические названия, причем с XIX века такими «географическими»

фамилиями наделялись не только знатные люди, но и жители села или деревни с характерным названием (например, Брянцев). Связь населенных пунктов с фамилиями проживающих в них людей – довольно распространенное в районе явление: Барсук (п. Барсуки), Грибов (п. Грибовка), Гушин (п. Гуши), Деньгуб (п. Деньгубовка), Козлов (п. Козловка), Комар (п. Комары), Куст (д. Кустовка), Рубан (п. Рубаны), Тисленок (п. Тисленки), Чиграй (п. Чиграи). Возможно, что и фамилия Луцай произошла от названия украинского города Луцк (или от диалектного *лут* – большой человек).

Однако следует иметь в виду, что названия населенных пунктов, возникших в 20-е годы прошлого века на карте района в связи с массовым переселением крестьян из сел и деревень в небольшие поселки (например, Барсуки, Грибовка, Тисленки и т.д.), образовывались и от уже существовавших фамилий первых переселенцев.

Наконец, были и искусственно образованные фамилии, которые присваивались, как правило, учащимся духовных заведений [1]. Так, это и упоминавшаяся фамилия Логвинов (красногорский вариант фамилии Логинов).

Сложные исторические процессы: войны, торговые связи, миграции населения – приводили к тому, что заимствования из языков соседних народов играли все более существенную роль в процессе образования фамилий. Причем, если в центральных и восточных районах страны немало таких слов имеет тюркское происхождение, то на территории Красногорского района, входившего в состав Великого княжества Литовского, как уже было сказано, преобладает влияние украинского, белорусского и польского языков.

Происхождение фамилий можно исследовать и при помощи словообразовательных элементов, используемых в русском, белорусском, украинском и польском языках.

При этом собственно русские по способу образования фамилии, происходящие от нецерковных имен и прозвищ, встречаются в ряде населенных пунктов района, но они также весьма малочисленны. Признаком их является главным образом наличие суффиксов *-ов*, *-ев*, *-ин*. Например, к русским по происхождению относятся фамилии Кругликов, Дударев (от *игрок на дудке*), Козлов, Сеницын, Ушаков. При этом фамилии с суффиксом *-ин* (*-ын*) в районе практически единичные: Главинский, Гущин, Рошин, Ятин (*ять* - от старославянского *имати* – брать). К русским относятся также и фамилии в форме субстантивированных прилагательных: Долгий, Картавый.

Следует учитывать, что некоторые формы с суффиксами *-ов*, *-ев* образованы и от белорусских слов, например, Дробков (от *дробный* – маленький), Котляров (от *котляр* - мастер по изготовлению котлов и другой посуды), Чуев (белорусское *чуць* – слышать), а также и от белорусских форм крестильного имени, например, Яницкий.

Что же касается украинских по происхождению фамилий, то их особенностью является наличие таких словообразовательных элементов, как *-ко*, *-енко*, *-ович*, *-евич*, *-ук*, *-юк*, *-ло*, *-ок*, *-ик*, *-ец*. Фамилии с такими элементами прежде всего образовывались от полных и от уменьшительных форм крестильного имени. Это фамилии Аксенько, Алексеенко, Антипенко, Борисенко, Гаврик (от уменьшительной формы имени *Гавриил*), Тищенко (от уменьшительной формы имени *Тихон*).

Если же фамилии образовывались от прозвищ и профессий, то получались такие варианты, как Азьмуко (возможно, от *азям* – овчинный тулуп), Бондаренко, Выгорко, Гайдук (южнославянское *партизан*), Говенько (от *говеть* – поститься, готовиться к исповеди), Дюндик (малорослый человек), Капошко (измененная вследствие силь-

ного яканья фамилия, образованная от слова *копошиться* – медленно двигаться), Кацук (возможно, от *кацап* – названия русского на Украине), Коверко, Кожемяко, Лебедик, Плиско (*плиска* – птица), Поленок, Севрюк (угрюмый, суровый человек), Сердюк, Сковпень (от *сковывать, соединять*), Снытко (от названия травы – *сныть*), Струговец, Тарико (от диалектного *тарить* – брать), Тисленок, Хандожко, Цыбулько.

Белорусские по происхождению фамилии характеризуются наличием словообразовательных элементов *-ан, -ун, -ла, -ло, -еня*. Это фамилии Бохан, Брехун (от *брехать* – говорить неправду), Гасан (белорусский вариант слова от украинского *гасать* – прыгать, скакать на коне), Глазун, Грицан (белорусская форма от украинского варианта имени *Григорий*), Жигало (зачинщик, руководитель разных игр и затей), Корбан (от украинского *корба* – трущоба. в низменности), Крупеня, Рубан, Тикун (от *тик* – полосатая ткань для перин), Шатуло.

Необходимо отметить, что правописание фамилий на *-о*, таких, как Батуро (возможно, упрямец, непослушный, упорный), Гриво, Жигало, Капусто, Плотко сложилось под влиянием украинского языка, по аналогии с фамилиями на *-ко*. Произношение звука «в» в местном диалекте также повлияло на правописание некоторых слов (например, фамилия Удовенко вместо русского варианта *Вдовин*).

Наличие элементов *-ский, -кий, -лло* указывает на польское происхождение фамилии [2]. Например, фамилия Крыжановский – это видоизмененная в украинском языке польская форма имени *Христиан* – Кржижан. К этой группе относятся также фамилии Островский (островом в Польше и Белоруссии называли урочище, отдельно стоящий лес, у которого мог появиться и населенный пункт с

названием *Остров*), Чижевский, Подвойский, Булло (возможно, и от *буланный* – светловолосый).

Особенностью фамилий в Красногорском районе является также значительное преобладание форм, образованных бессуффиксным способом, т.е. без помощи специальных патронимических словообразовательных элементов, указывающих на принадлежность какому-либо лицу. Это фамилии Аршан (родник, ключ хорошей воды), Байдак (буян, озорник), Белоус, Бондарь, Булах (также возможно от *буланный*), Ганжур (от белорусского *ганить* – осуждать), Горло, Гриво, Гутор (от диалектного *гутарить* – говорить), Деньгуб, Добыш (от *добывать*), Дударь, Жук, Капусто, Куст, Прищеп, Сковпень, Тупица (так называют в брянских говорах и древокольный топор), Цыгусь (от диалектного *цыгать* – гулять, отдыхать), Чиграй (возможно, от украинского *чигарить* – поднимать). Редкая фамилия Суторьма происходит от диалектного *суториться* – суетиться.

Есть особенности и в ударении. Так, если фамилии на *-ко* состоят из двух слогов, то ударение в красногорском диалекте ставится обычно на первый слог (Плиско, Плотко, Снытко, Шпилько), хотя в русском языке, как правило, оно ставится на последнем. В прошлом и фамилии Борисенко и Гордиенко (точнее, Гордеенко) в Красногорском районе произносились с ударением на втором слоге.

Интересна история происхождения самой распространенной в Красной Горе фамилии – Хандожко. Ее иногда связывали и с выражением «хану должен» – дескать, жители лесных отдаленных территорий не платили дани Золотой Орде. Но влияние Орды никогда не было заметным в этих краях; как уже говорилось, здесь имело место влияние польского языка. «Хандожко» (в документах XVIII-XIX веков писалось «Хандожка») происходит от польского *хандожить* – чистить.

Попыток изменить характерные красногорские фамилии было очень мало. Так, в районе только двое носителей фамилии Говенько поменяли ее соответственно на Розанов и Красногорский.

После аварии на ЧАЭС с карты района исчезли десятки небольших населенных пунктов, причем некоторые их жители переселились в районный центр или в менее загрязненные села. Это во многом изменило картину распространения местных фамилий. Но тот факт, что в каждом населенном пункте района долгое время существовали свои, характерные только для данных села или деревни фамилии, дает нам и сегодня возможность легко узнать место рождения человека. Ведь еще в 60-е годы прошлого века за пределами того или иного населенного пункта многие типичные для него фамилии практически не встречались. Наиболее характерные из них указаны в приводимой таблице.

Красная Гора	Байдак, Белокаменец, Борисенко, Булах, Вернигор, Герасименко, Гордиенко, Деменок, Долгий, Гончаров, Жук, Запечский, Комадынко, Коноваленко, Кругликов, Крупеня, Мельников, Никитченко, Решетников, Седень, Серeda, Ставинов, Удовенко, Хандожко, Цыбулько, Цыгусь
Батуровка	Борисенко, Выгорко, Гайдук, Дударев, Ковтунов, Соломко, Ушаков, Храмцов
Верхличи	Бабич, Высоцкий, Ганжур, Гришутенко, Жигало, Кирченко, Максименко, Недосек, Сутормя, Тимошенко, Шаповаленко, Шевень
Вязновка	Грибанов, Кульман, Подобед
Городечня	Азьмуко, Камоза, Луцай, Поддубный, Пономаренко, Тупица

Дубенец	Надденный, Осипенко, Пиневич
Заборье	Буйневич, Иваньков, Коверко, Соломко, Снытко, Солоненко, Ушаков
Ивановка	Пархацкий
Кашковка	Бордовский, Дубодел, Лебедик, Недосек, Степаниденко, Сутормя, Тарико, Шевцов, Ятин
Кибирищина	Беляцкий, Бохан, Брилев, Глазун, Грибанов, Дюндик, Козик, Кулеш, Тисленок, Черин
Колюды	Козлов, Мамочкин, Синицын, Шумеев
Кургановка	Бовтюнь, Куст, Рубан
Ларневск	Белозор, Глазун, Реук, Рубан, Смоляк, Тикун, Удод, Хламов, Храмко, Чиграй
Летяхи	Гайшинец, Главинский, Гриво, Горло, Котенок, Кривопуск, Лапик, Малявко, Масол
Лотаки	Алексеевко, Камоза, Козел, Корбан, Курочко, Тикун, Черепко, Черин
Любовшо	Бобров, Бычков, Кашенок, Коленченко, Пешко, Рожков, Сеньков, Степаниденко
Макаричи	Аршан, Волчок, Горелый, Евгенов, Картавый, Котляров, Лисица, Сычев, Удачный
Медведи	Брылев, Бурдель, Гуца, Гушин, Давыденко, Логвинов, Осадчий, Подобед, Процкий, Рошин, Стельмах
Морозовка	Белозор, Смоляк, Удод, Храмко, Чиграй
Палужская Рудня	Заулочный, Ляхов, Севрюк, Соболев
Перелазы	Бондаренко, Будник, Гаврик, Дегтярев, Капошко, Капусто, Кривонос, Крыжановский, Лапоух, Мамочкин, Руденок, Перепечко, По-

	ленок, Портнов, Протасов, Струговец, Чуев
Селец	Аксененко, Антипенко, Ворон, Жук, Косьяненко, Маньков, Плотко, Саросек, Суглоб, Тищенко, Цыганок, Янченко
Увелье	Атрошенко, Осипенко, Шаболтай, Шлома
Ширки	Булло, Бычков, Емельянцев, Кацук, Кудленок, Куча, Лукьяненко, Насветников, Островский, Плиско, Чижевский, Шкред
Яловка	Атрошенко, Белоус, Бондарь, Говенько, Иус, Кучин, Пономаренко, Прищеп, Пыленок, Танцуй, Шило, Шпилько, Яницкий

Как видно из таблицы, подавляющее большинство сел и деревень района (за небольшим исключением, например, сел Великое Удебное, Николаевка, Фошное) имеют свои, характерные только для данных населенных пунктов фамилии, которые ранее не встречались в других местах. Так, в Красной Горе это Хандожко, в Городечне – Азьмуко, в Летяхах – Кривопуск, в Любовшо – Пешко, в Медведях – Логвинов, в Палужской Рудне – Ляхов (от *ляхи* – поляки), в Перелазах – Чуев, в Сельце – Антипенко, в Увелье – Шаболтай, в Яловке – Шило и т.д.

Разумеется, миграции населения в течение последних десятилетий привели к тому, что сегодня и на Красногорщине появилось немало фамилий, свойственных как для соседних районов Брянской области, так и для других регионов страны. Новые фамилии приносили с собой в первую очередь приезжавшие в район по распределению вузов и техникумов специалисты. В то же время красногорские фамилии вследствие переселения жителей по черныбыльской программе сегодня широко распространены в населенных пунктах многих районов Брянской области.

Это, например, Жуковский район (Никольская Слобода, где живут переселенцы из Заборья), Почепский (деревня Роща, где живут переселенцы из Яловки, деревня Милечь) и многие другие города, села и деревни Брянщины.

Литература

1. Федосюк, Ю.А. Русские фамилии : этимологический словарь / Ю.А. Федосюк. – М., 1972. – С. 7.
2. Унбегаун, Б.О. Русские фамилии / Б.О. Унбегаун. – М. : «Прогресс», 1989. – С. 227-243.

В.В. Панаскин,
*научный сотрудник,
музей «Брянский лес»*

Ботанический сад – жемчужина Брянска

В 2009 году исполнилось 65 лет с тех пор, когда по инициативе Бориса Владимировича Гроздова был заложен на площади около гектара ботанический сад в центре Брянска, носящий в 1944-м году название мичуринский.

Родился Б.В. Гроздов в 1899 году в Тверской губернии. Окончил (1923) лесной факультет Тверского практического института сельского хозяйства и лесоводства по специальности инженер-лесовод. Доцент по курсу дендрологии (с 1932), кандидат сельскохозяйственных наук (1937).

С 1931 г. работал в Брянском лесном институте (с 1960 г. – технологическом) ассистентом, с 1932 г. – доцентом, с 1947 г. – профессором, заведующим кафедрой дендрологии. В Опытном лесничестве организовал дендрарий,

в котором собрал богатую коллекцию деревьев и кустарников, а также гербарий, насчитывающий более 20 тыс. гербарных листов по флоре Западной области. Докторская диссертация защищена в 1946 г. в МГУ. Участник экспедиций по Тверской области. В результате проведения лесоустройства в Калашниковском учебно-опытном лесничестве Гроздов выявил типы леса на водоразделах и описал динамику травяного покрова на сплошных вырубках еловых лесов. Он обследовал парки и сады Западной области, ныне Смоленской, и части Брянской. С 1939 г. уделял особое внимание изучению вегетативного размножения кустарников зелёными черенками; им разработан ряд приёмов по данному способу размножения с применением стимуляторов (гетероауксина и b-индолилуксусной кислоты). За эти работы был выдвинут участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве и награждён в 1940 г. малой золотой медалью Выставки. В течение ряда лет Б.В. Гроздов руководил геоботанической съёмкой приречных лесов Смоленской и Орловской (Брянской) областей, изучал сырьевую базу бересклета бородавчатого (гуттаперченос) и ив (дубителей).

За весь 35-летний период работы в Брянском лесном вузе его главным научным направлением была интродукция и акклиматизация древесных растений. Результаты учёта древесных растений нашли отражение в работе «Деревья и кустарники Смоленской, Калужской и Брянской областей и их использование» (1951). В эту сводку вошли виды, стихийно внедрённые и акклиматизированные в десятках старинных парков, выращенные из семян, саженцев и черенков. Посевной и посадочный получал из Главного ботанического сада АН СССР (ГБС АН СССР), республиканских садов, Липецкой лесной опытной станции (ЛЛОС), многих лесхозов. Параллельно профессором Б.В. Гроздовым выполнялась педагогическая работа. С 1956 г.

по специально разработанным типовым проектам началась закладка сети дендрариев в лесхозах Брянской области. Цель – испытание ценных интродуцентов в разных экологических условиях, а также превращение этих объектов в маточники для широкого внедрения новых видов в лесное хозяйство и озеленение. Список научных трудов и публикаций Б.В. Гроздова составляет 126 работ, в 1959 г. ему присвоено почётное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР».

Задача была прозаической: выращивание посадочного материала для озеленения разрушенного войной города, и начальная коллекция насчитывала большую часть мичуринских сортов семечковых и косточковых плодовых растений, а также других деревьев, кустарников и многолетних трав.

Видовой состав того периода в озеленительных посадках Брянска был весьма беден. Где собирать экспонаты для учебных целей и озеленения? Когда речь зашла об иноземных растениях – интродуцентах, профессор Борис Дмитриевич Жилкин высказал мысль: «Дендрологам лесного института незачем ехать в далекие края. Лесные дачи, монастырские сады, дворянские усадьбы – вот где кладёз лесной культуры России, где русской интеллигенцией десятилетиями культивировались ценные древесные растения, годные и для лесного хозяйства, и для озеленения, завезённые в своё время на Брянщину из Европы, Крыма, Карпат, Кавказа, Сибири и Дальнего Востока».

В Шаблыкино Орловской области, в парке знаменитого на всю Россию охотника, философа Ивана Киреевского Б.В. Гроздова заинтересовали редкие тополя, разные виды жимолости, ирги. В Ляличах он обнаружил целую коллекцию шиповников и винограда, в парке «Хутор Любин» под Новозыбковым – огромные деревья белой акации, в Хинельском лесничестве (около Севска) – сосны

веймутова и туи, в парке «Вьюнки» г. Клинцы – сосну горную, дуб красный, разные виды липы. Многие образцы посадочного и посевного материалов привёз учёный из путешествий по Кавказу, Карелии, Сибири. Именно на поприще интродукции и акклиматизации растений, а затем благодаря изданию фундаментального труда «Дендрология» (1960) Б.В. Гроздов приобрел известность и авторитет в стране и за рубежом.

К 1960 году в саду уже насчитывалось до 500 видов древесных, кустарниковых и многолетних травянистых растений, размещенных в плотных экспозициях. Дальнейший рост и развитие деревьев привёл к изреживанию коллекции и выпадению низкорослых светолюбивых видов. Одновременно убирались плодовые деревья и кустарники, добавлялись новые декоративные экспонаты для проведения тематических экскурсий по разным маршрутам, например, лекарственные растения, пищевые, быстрорастущие.

В результате экспериментов получены гибриды и формы ольхи, лещины, чубушников, тополя, сирени. Наблюдения за внутривидовой изменчивостью позволили отобрать ценные формы клёна, ирги, ореха, лиственницы, сливы. При изучении закономерностей зимостойкости были подтверждены выводы отдела дендрологии Главного ботанического сада АН РАН в том, что особи, начинающие вегетацию ранней весной и заканчивающие её в конце лета, всегда оказываются более зимостойкими. Учёные способствовали внедрению в широкую практику многих ценных видов и форм растений: в лесное хозяйство – лиственницы сибирской, Сукачёва, европейской; сосны сибирской (кедра), банкса и веймутова; дуба красного, пихты бальзамической, акации белой, орехов – маньчжурского, серого, медвежьего, черного, фундука (2 га); в сады – абрикоса обыкновенного, ирги овальной, черешни, ореха грецкого,

боярышника кровавокрасного, айвы японской, алычи, ароматной черноплодной и др. Более 150-ти видов передано на пришкольные участки в дендрарии лесхозов, сады, скверы.

Сегодня коллекция Ботанического сада составляет до 250 интродуцированных из разных частей мира и акклиматизированных древесных видов, сортов и форм, относящихся к 114-ти видам, 45-ти семействам. Здесь же произрастает до 200 видов и сортов травянистых многолетних растений.

Редчайшие из них – это реликт третичного периода, редкий даже на родине – в Китае (южная провинция Сычуань), гинкго двулопастный. Старейшая на земле североамериканка Лжетсуга Мензиса или «дугласова пихта» высотой 20-75 (до 115) метров, диаметром ствола 2 (до 4,6) метра, с самым длительным из всех хвойных периодом активного роста; живёт 500 (до 1400) лет и обладает огромной продуктивностью (запас древесины до 1600 м³/га).

У центрального входа в сад предстают взору разросшиеся кусты чубушника широколистного, сменяющиеся зарослями дёрена, обвитого виноградом прибрежным, а рядом – хвойные экзоты: разные формы туи западной, можжевельники – казачкий и гибридный, сосна веймутова и кедр сибирский, ель канадская и горец сахалинский – травянистое растение с исключительно быстрым ростом. Входная дорожка обсажена кизильником блестящим и барбарисом Тунберга, тут же соседствуют сосна жёлтая американская и клён серебристый, рассечёнолистный с розой гальской и тиссом ягодным.

Далее внимание привлекает декоративная группа из черёмухи поздней, спиреи иволистной, золотистого и компактного чубушников. В центре сада расположены абрикос и персидская сирень, нависающая над изящным папоротником орляком и функией пестролистной. Здесь же растут пурпурная яблоня Недзвецкого (с гор Тянь-Шаня), черё-

муха виргинская из Америки и черёмуха азиатская с берегов Селенги. Вместе с сортовыми грушами представлены гибридные сирени французского оригинатора Лемуана, рябинник рябинолистный из Сибири и смородина альпийская из Западной Европы. Между кварталами можно увидеть тую складчатую из Калифорнии и берёзу даурскую из Восточной Сибири на фоне лещины древовидной и берёзы Шмидта.

Заросли ирги окружают бархат амурский и орехи – серый, медвежий и маньчжурский, под пологом которого сплошным ковром ранней весной пробуждаются первоцветы – подснежники, сциллы, хохлатки. Привлекают внимание колоновидные лиственницы: европейская, Сукачева и их гибриды по соседству с величественными серебристыми пирамидальными тополями и орехами – грецким и чёрным.

В создании коллекции культур экзотов принимали участие коллеги, последователи и ученики Б.В. Гроздова: Г.И. Митрофанова, В.Н. Никончук, Е.Н. Самошкин, В.И. Рубцов. Позднее, в течение многих лет продолжались работы по расширению опытных посадок, и решающая роль здесь принадлежит Брянскому управлению лесного хозяйства, во главе которого стояли заслуженные лесоводы России: В.А. Николаюк, А.А. Певнев, И.П. Булатный; главные лесничие: З.К. Ксенофонтова (первая в области, удостоенная в 1961 году этого почётного звания), Ф.П. Дедовский, Н.И. Богинский. Триаду зелёного центра города дополняет построенный на территории парка им. А.К. Толстого, по соседству с Ботаническим садом, в канун 1000-летия Брянска, оригинальный резной терем в стиле современного деревянного зодчества по проекту архитектора В. Ющука – музей «Брянский лес» (*Уничтожен пожаром в 2008 году.*). В его создании с 1985 года принимали участие лесоводы и учёные, строители и художники, рабочие многих фабрик и

заводов, и через три года он уже принял первых посетителей по полной программе. За всю историю России – это первый профессиональный музей леса, отражающий его значение в прошлом и настоящем, показывающий достижения лесной науки и техники, рассказывающий о животном и растительном мире Брянского края.

Посетите Ботанический сад, побродите по аллеям парка – и вы непременно увидите необыкновенную красоту окружающей природы, её хрупкость и уязвимость, полную зависимость от деятельности человека. Приумножать, а не губить, оберегать всё растущее, летающее, бегающее; хранить леса, озёра, реки, луга – всё, чем богат и обилен наш край, что дорого сердцу каждого брянца!

Ботанический сад им. проф. Б.В. Гроздова – это памятник лесоводческой культуры Брянской школы подготовки лесных специалистов, экспериментальная зелёная лаборатория под открытым небом, где ежегодно вот уже более полувека практикуются и пополняют знания молодые лесоводы – студенты лесохозяйственного факультета (ныне БГИТА), начало которому положил эрудированный учитель, талантливый педагог и выдающийся учёный Б.В. Гроздов.

Богатое дендрологическое наследие оставил после себя своим потомкам Б.В. Гроздов, посвятивший всю свою жизнь любимому и благородному делу; главное – это насаждения – живые памятники природы, созданные его трудом и талантом, привольно шумят и поныне. И не случайно жители Брянска Ботанический сад называют жемчужиной города, поистине это «райский уголок»!

Литература

Борис Владимирович Гроздов : творческий образ учёного и педагога / БГИТА ; сост. В.И. Рубцов, Е.Н. Самош-

кин, А.В. Городков ; под ред. Ф.В. Кишенкова. – Брянск :
БГИТА, 2007. – 44 с.

Секция: Культура, образование Брянского края. История краеведе- ния

А.А. Чубур,
кандидат исторических наук,
профессор РАЕ, доцент,
Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского

В.А. Городцов и история открытия Брянского палеолита

Историографических исследований выходит в свет крайне мало, наперечет диссертации такого рода, что не раз отмечалось ВАК России. Специальные историографические работы по археологии палеолита вовсе уникальны. Причину этого явления объяснил А.А. Формозов: «Дело, видимо, в специфике самой археологической науки. Каждый год, каждый полевой сезон увеличивает объем ее источников, тогда как фонд источников у историков... относительно стабилен. Совершенствуется методика раскопок и камеральной обработки коллекций. Труды наших предшественников уже не удовлетворяют нас с методической стороны. Более того, археологи, работающие не один десяток лет, замечают, как быстро устаревают их собственные книги и статьи. Отсюда возникает представление о ценности исследований только последнего десятилетия, только нынешнего поколения ученых...» (Формозов, 1975, С. 6-7). Несомненно, Формозов прав, и представление это ложное, однако факт остается фактом: известные работы по исто-

рии палеолитоведения, в основном представлены краткими, малосодержательными вводными главами монографий, а чаще – несколькими абзацами в посвященных памятникам научных статьях. Для понимания обычного уровня таких «историографических экскурсов» показательно начало статьи Н.А. Хайкуновой о нуклеусах стоянки Супонево: «Стоянка Супонево открыта в 1925 г. и исследована Г.Ф. Мирчинком, а позже, в 1926-1929 гг. – экспедицией под руководством П.П. Ефименко, Б.С. Жукова и В.А. Городцова» (Хайкунова, 1984, С.109). Что ни слово – то историческое несоответствие: стоянка открыта не Мирчинком, а краеведом Деевым, экспедиция Ефименко, Жукова и Городцова – на деле три разных экспедиции с разными методиками и мотивами исследований. И дело здесь вовсе не в уровне знания истории науки Н.А. Хайкуновой – прекрасным специалистом по типологии каменных изделий. Она и не ставила целью дать историографию исследований памятника. Ссылку на её работу, в высоком научном уровне которой нет сомнений, я привожу лишь в качестве примера, коих на деле сотни. Дело в отсутствии полноценных и объективных историографических обзоров, которыми мог бы воспользоваться тот или иной специалист. Без них историческая наука не может существовать.

Нет такого современного археолога, которому со студенческой скамьи не известно имя Василия Алексеевича Городцова (11.3.1860-3.2.1945) – одного из классиков мировой археологии. Он исследовал памятники всех периодов – от палеолита до Древней Руси. Имя Городцова неразрывно связано с Рязанским краем: здесь он родился в семье дьяка в с. Дубровичи, здесь учился в духовной семинарии. Здесь же, став офицером и увлекшись археологией (а затем и покинув армию в 1906 г., и сделав археологию основной профессией) вел раскопки древних курганов, стоянок и городищ. Однако деятельность этого великого

сына Рязанской земли охватывала, конечно, значительно больший регион: от Ярославля до Северного Кавказа. Одним из мест археологических исследований В.А. Городцова стали окрестности города Брянска. С Брянским краем имя Городцова связывает история открытия Брянского палеолита и с последовавшие за этим раскопки стоянок Супонево и Тимоновка. Этому сложному и противоречивому, эпизоду истории археологии – «брянскому перекрестку» судеб Василия Алексеевича Городцова и его коллег и посвящен представленный материал. Началось же все с письма краеведа Сергея Сергеевича Деева, попавшего к Городцову в 1925 году. Для того, чтобы понять предысторию разыгравшейся в Брянске ситуации познакомимся с брянским краеведом поближе.

С.С. Деев – основатель краеведческого движения, музея, архива и научной библиотеки в Брянске? (Прим. авт: *При этом имя С.С. Деева нигде в Брянске не увековечено, тогда как местный революционер с сомнительной славой основателя советской власти в Брянске И.И. Фокин удостоился запечатления своего имени в названиях сразу двух улиц Брянска, целого городского района, а также небольшого города и улиц в поселках и райцентрах, включая поселок Тимоновка.*)

Родился он в семье Петербургских мещан 31 марта 1875 г. Отец работал курьером Министерства народного просвещения, а до того 12 лет был гранильщиком на Императорском стекольном заводе. Деев окончил начальную народную школу и народное училище. В 16 лет поступил в Учительский институт, где кроме прочего прослушал увлекательный курс археологии профессора В.А. Бернштама. Чтобы заработать на студенческую жизнь, Деев готовил к экзаменам писцов и канцелярских служащих. По его инициативе в педагогическом музее при Петербургском учительском институте был создан «Отдел графиче-

ских искусств» (и 10 лет Деев был его секретарем). После института он окончил педагогические курсы Петербургской Академии художеств. С сентября 1897 г. преподавал в гимназиях, а с 1907 г. в ремесленном училище Санкт-Петербурга. С 1910 г., после Всероссийского съезда художников, увлекся древнерусской иконописью. Женился, обзавелся сыном, приобрел положение в обществе (с 1906 г. председатель Петербургского Общества учителей рисования). С 1 января 1916 г. Министерство народного просвещения назначило Деева в Брянск уездным инспектором народных училищ. К 1917 г. он дослужился до чина статского советника. С 1918 г., ввиду упразднения должности, Деев преподавал историю культуры в школах I и II степени, организовал Комиссию по охране памятников старины и хотел создать первый в Брянске музей. В 1920 г. создается Брянская губерния, комиссия Деева входит в Губотдел народного образования. И 22 февраля энтузиаст выступил с программной статьей в прессе, в которой аргументировал необходимость создания в Брянске архива, научной библиотеки и музея (Деев, 1920). На этот раз он был услышан: 24 июня 1920 г. Брянский губисполком принял решение о создании музея, а 14 марта 1921 г. С.С. Деева назначили зав. музеем (самому ему больше нравилось называться директором), с одновременным исполнением обязанностей зав. Брянским губархивом. Деев стал собирать для своего детища раритеты, документы, произведения искусства, обследовал подземелья Свенского Успенского монастыря, проводил раскопки курганов в Немеричах, вел археологические разведки. Составленная им «Археологическая карта Брянской губернии» всё еще пользуется вниманием специалистов. В 1922 г. Деев был утвержден членом Общества естествоиспытателей и лесоводов, а вскоре стал и его председателем (Деев, 1920; Столицын, 1988; Поляков, 2000; Архив ИИМК: ф.2. оп.1, 1923, д.111; 1925, д.101, л.8;

д.131; 1926, д.218. ГАБО: Ф.85/302, оп.1, д.130).

Еще в 1922 г. С.С. Деев в беседе с П.П. Ефименко при встрече в Москве утверждал, что на территории Брянской губернии непременно должен иметь место палеолит. Пять лет он упорно искал следы этой эпохи. И вот, во время земляных работ на ул. Кассировка в с. Супонево (к югу от Брянска) житель села, рабочий Брянского мехартзавода Владимир Иосифович Зайцев нашел крупные кости и 7 июля 1925 г. отвез находки на телеге в Брянский краеведческий музей (Деев, 1926). Дальнейшее Деев описывает так (Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1925, д.187, л.1): «Зайцев доставил мне кости мамонта и волосатого носорога, отрытые в одном месте. Кости эти состояли из трех нижних челюстей (Прим. авт: *в другом месте С.С. Деев указывает, что челюстей было четыре, а кроме позвонков имелся крестец мамонта (дневник краеведа В.А. Восинского: копия письма Деев – Виноградову.*), обломков бивней, частей таза, нескольких позвонков мамонта, черепной коробки носорога, ребра его же и нескольких плюсневых костей. Кроме того, три больших кости мамонта: бедренная, большая берцовая и плечевая. Из расспросов выяснилось, что во время работы ему попадались камешки, на которые он не обратил внимания. Очищая от приставшей земли полученные кости, я обнаружил в головке бедренной кости круглое отверстие правильной формы с медный пятак со следами ударов орудия с плоским лезвием. Не теряя времени, я отправился в Супонево с тем же Зайцевым, на усадьбу крестьянина Поликарпова и провел разведку на площади 1 кв. метр т.к. местные условия не позволяли рыть яму большего размера без вреда для изгороди, отделяющей усадьбу. По-видимому, напали на мастерскую. Вместе с орудиями нашли множество осколков, углей и разрушенных костей, как мамонта, так и лошади (зубы, часть ребра)». Кроме того, были встречены челюсти волка, (что удалось устано-

вить по рисункам Деева), которые Деев по неопытности принял за останки гиены или шакала. В раскопках участвовал инспектор Брянского Губполитпросвета А.П. Рязанов. В результате С.С. Деев убедился, что найдена новая стоянка эпохи палеолита – первая в Брянской губернии и двадцать вторая по счету в России (Деев, 1926-б). Через два дня он написал письмо в Музейный отдел Главнауки Наркомпроса – коллеге и доброму знакомому К.Я. Виноградову (Прим. авт: *Виноградов Константин Яковлевич (1884 -1942) – выпускник Казанского университета, археолог, исследователь эпохи бронзы. Вел небольшие работы и на территории Брянского края в 1923 г. Директор музея в Малоярославце, повешен в 1942 г. партизанами, якобы за сотрудничество с оккупантами. Какова его вина и была ли она вообще, неизвестно. Скорее всего, он пытался сохранить коллекции, которые не успели эвакуировать при отступлении Красной армии. Так было в Трубчевске, Смоленске, Херсоне, Симферополе, Курске и многих иных городах. И повсюду пострадали затем работники музеев.*): «нащупал, кажется, палеолитическую стоянку недалеко от Брянска и недалеко в земле – всего на 2 аршина» (Государственный архив Брянской области, дневник краеведа и библиотекаря Бежицкой гимназии Владимира Адамовича Восинского, без шифра; далее в тексте – ГАБО-ДВ).

Именно это письмо поначалу и прочитал с подачи Виноградова профессор В.А. Городцов. Поначалу он отнесся к находке крайне скептически, приписав отверстие в кости работе... мышей, что и сообщил как Виноградову, так и приезжавшему в Москву 18 июля В.А. Восинскому. Деев был совершенно обескуражен: ведь находки, по его мнению, бесспорно, относились к палеолиту.

В сентябре С.С. Деев нашел новое подтверждение своей правоты у посещавшей Брянск этнографа Н.И. Лебедевой. В ноябре близ Брянска работал ведущий геолог–

четвертичник СССР Г.Ф. Мирчинк. Он обследовал открытую Деевым стоянку, датировав её вюрмским временем (Мирчинк, 1929). От Мирчинка и Лебедевой сведения попали в ГАИМК к А.А. Спицыну. Тот решил все уточнить, связавшись с первооткрывателем. Обрадованный Деев немедленно ответил (Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1925, д.187, л.1): «10.11.1925. Глубокоуважаемый Александр Андреевич! Ваше письмо меня очень обрадовало. Живя в таком медвежьем углу, как Брянск, чрезвычайно приятно узнать, что где-то далеко в научных центрах интересуются нашей скромной, посильной работой. Палеолит, который Вас заинтересовал, обнаружен мною совершенно случайно... » А.А. Спицын, получив известия от С.С. Деева, предложил прислать образцы расщепленного кремня, собранного на стоянке, чтобы с ними мог ознакомиться ведущий палеолитовед страны П.П. Ефименко. Тогда зав. музеем направил в ГАИМК 25.01.1926 г. «Отчет об исследовании палеолитической стоянки в селе Супонево Брянской губернии» (Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1926, д.199). Следует отметить высокий научный уровень отчета Деева: даны карта, план и описание топографии места находки, точная привязка разведочного шурфа, описание и зарисовки остеологического и кремневого инвентаря. Для новичка в археологии, каковым многие считали и считают Сергея Сергеевича, это неожиданно. Конечно, не всегда верно дана типология изделий: среди кремневого инвентаря Деев выделил 148 осколков и 85 орудий (резцы, скребки, проколки, ретушированные пластины, а также, попавшие в число орудий резцовые отщепки). Более того, С.С. Деев по кремневому инвентарю сопоставил Супонево с Мезиным. В 1985 г. Н.А. Хайкунова на основании скрупулезного анализа инвентаря Супонево пришла к аналогичному выводу: наиболее близка к Супонево среди деснянских памятников именно Мезинская стоянка (Хайкунова, 1985).

Одновременно с направлением Отчета в ГАИМК, С.С. Деев, выехав на съезд краеведов в Москву в январе 1926 г., отправился на встречу с В.А. Городцовым. Авторитет ученого был непререкаем и С.С. Деев справедливо рассчитывал на необходимость личной консультации со светилом. Между тем, завязав общение одновременно с Городцовым и Спицыным, Деев, сам того не зная, поставил себя и их в щекотливое положение. Дело в том, что между ведущими археологическими школами страны – Московской и Ленинградской – тлел конфликт (он не в полной мере затух и в настоящее время). Глубинной своей сутью он имел и имеет все же не разночтения в научных дискуссиях, а иную причину, которую я назвал бы «конфликтом амбиций».

В.А. Городцов, выслушав Деева, вспыхнул: «Ну что Вы, батенька, сделали, зачем связались с этой сволочью! Они же не специалисты по палеолиту!» (ГАБО-ДВ). Умудренный житейским опытом краевед заявил профессору, что ни перед кем никакими обязательствами себя не связывал. Тогда обрадованный Василий Алексеевич помог ему составить смету на солидную по тем временам сумму в размере 300 руб. на небольшие раскопки и пообещал их выделение из собственных раскопочных средств (3000 руб.), отпущенных ГИМ на 1926 г. (ГАБО, ДВ). За выделением средств последовала и заявка на Открытый лист в Главнауку, ведавшую тогда вопросом разрешения раскопок.

Тем временем, ознакомившись с подачи А.А. Спицына с подробностями открытия в Супонево, директор ГАИМК академик Н.Я. Марр также подал заявку №424 от 5.02.1926 на проведение раскопок Супонево совместно П.П. Ефименко, Б.С. Жуковым, Г.Ф. Мирчинком и С.С. Деевым. Главнаука Наркомпроса письмом №2246 от 25.02.1926 ответствовала, что для решения вопроса о сов-

местной экспедиции ввиду поступления одновременно нескольких заявок создана комиссия из Н.Я. Марра, В.А. Городцова и С.П. Григорьева. (Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1926, д.199). И тут в переписке (порой возникает желание написать – «перебранке») между научными инстанциями вдруг начинает фигурировать формулировка «стоянка открыта независимо друг от друга С.С. Деевым и Г.Ф. Мирчинком». Оказалось, что с чьей-то подачи (Городцова или Спицына – неясно) Мирчинку уже приписали в Главнауке лавры первооткрывателя. Об этом обстоятельстве С.С. Дееву сообщил А.А. Спицын. В этом же письме, кстати, говорится, что раскопки будет производить комиссия, и что П.П. Ефименко интересуется, не желает ли Деев принять участие в раскопках? Попутно прозвучала просьба сообщить, какую сумму может внести Деев на проведение раскопок, ибо от этого зависит и раздел найденного материала между Брянским музеем и ГАИМК (ГАБО-ДВ). С.С. Деев, еще 11 февраля сам искренне звавший Спицына на раскопки и сообщавший ему об оказанной Городцовым поддержке, был шокирован:

«Брянск. 7.03.1926. Многоуважаемый Александр Андреевич! Смущен происходящим чрезвычайно, а более всего тем, что остался «в стороне». Немалое смущение вызывает во мне и появление соперника по открытию Супоневской стоянки. Еще на краеведческом пленуме в Москве в январе этого года о нем ничего не было слышно. Из беседы с проф. Б.С. Жуковым я узнал, что на место стоянки выезжал в ноябре Мищенко (так у Деева – А.Ч.), который и подтвердил правильность моего определения. Б.С. Жукову в январе 1926 г. не было известно об открытии Супоневской стоянки «московским геологом», иначе он не вел бы переговоров со мною о предстоящих раскопках. Судя по Вашим письмам от 4.XI и 18.XI.25 г., в указанное время Вы, Александр Андреевич, также не знали об этом. Стоян-

ка эта если и открыта вторично, то после посещения Брянска в октябре 1925 г. сотрудницей московского областного музея Н.И. Лебедевой, очень заинтересовавшейся этой стоянкой и распространившей слух об ее открытии по Москве. Я ничего не скрывал ни от Вас, ни от Лебедевой. Наоборот, я искал общения со всеми научными работниками. Тотчас же по открытии я извещал В.А. Городцова в июле 1925 г. Он тогда мне не поверил. Ваше письмо от 4.XI.25 меня очень обрадовало. Я думал, что в предстоящей раскопке мне можно будет поучиться, а открытием стоянки хоть маленьким боком приобщаюсь к науке. Может быть где-нибудь, когда-нибудь будет написано, что вот, мол... живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский, т.е. я хотел сказать Деев. Увы, теперь «мое дело – сторона». Буду читать в отчете: честь открытия стоянки палеолитического человека в Супоневе принадлежит московскому геологу (имя рек), посетившему названное село после сообщения сотрудницы Московского областного музея Н.И. Лебедевой о результатах археологических разведок.

Дорогой Александр Андреевич, поверьте, что ни о какой ответственной роли в предстоящих раскопках я и не мечтал даже во сне. Ведь не такой же я, в самом деле, дикарь, чтоб не понять того значения, которое будет иметь предложенная раскопка. Но Вы же сами советовали мне не упускать случая поучиться. В.А. Городцов обещал руководство. Б.С. Жуков ничего не обещал, наоборот просил денежной помощи взамен пустого места. Естественно я пошел по пути наиболее для меня приемлемому. Насколько путь был выбран правильно – покажет будущее.

Пять лет меня мучила мысль о возможности находки палеолита, а он лежал под носом, на виду у всех и никакие московские геологи не замечали его. Вы, может быть, усомнитесь, откуда у меня – неуча – могла явиться такая

уверенность? На это я Вам отвечу, что факты открытия палеолита по Десне к югу и к северу от Брянска были мне известны. Известна мне и граница максимального оледенения ледникового периода. Вся Брянская губерния насыщена стоянками раннего неолита, который должен же быть связан как-нибудь с предшествующей культурой. Вот главное основание, на котором я базировался. Ну, а, кроме того, как художник, я мог подходить и интуитивным путем. Но факт остается фактом. В 1922 г. я говорил с П.П. Ефименко, что у нас может быть палеолит. В 1925 г. я его нашел, и права на первенство открытия буду добиваться. Какое мне дело, что Москва спорит с Ленинградом. Я хотел бы дружно работать и с теми и с другими. Я, как неуч, думаю, что настоящая наука выше личных счетов, а потому и не могу последовать совету одного из заведующих музеями в Центральной области, встреченного мною на последнем краеведческом съезде, который предостерегал меня связываться с центром. «Все из Вас вытянут и ничего не дадут. Работайте самостоятельно» – вот был его совет, который меня в то время искренне изумил. Но я думаю, что тот человек пережил сильное разочарование.

Ваше письмо, за которое я Вас горячо благодарю, не стану скрывать, пришибло и меня. Я получил хороший урок. Хочется думать, что тут вкрались какие-то недоразумения. Приложу старание, чтобы разъяснить его. Вместе с этим письмом пишу и В.А. Городцову. Постараюсь узнать от него, почему он, ведя переговоры с «московским геологом» скрыл это от меня. Уверен, что право на приоритет открытия стоянки принадлежит мне неоспоримо. Простите Александр Андреевич, что я злоупотребляю Вашим терпением. Слишком больно укололо мое самолюбие и подорвало веру в этику полученное от Вас известие. Кроме того, здесь страдает и авторитет местного научного работника. У нас нет собственного мнения. Мы смотрим на все

глазами центра. И если центр признает, что научный работник ведет линию правильно, то к нему другое отношение и другие расценки. На мое несчастье я попал в «кашу». Для местного работника это большая беда. Постараюсь не задержать отчет по разведке интересующих Вас неолитических стоянок под Брянском на «Куракином бору». Искренне уважающий Вас С. Деев» (Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1926, д.199).

Это письмо ясно указывает, что уже в середине 1920-х гг. зародились противоречия не только между различными столичными школами, но и между столичной «академической» и периферийной «краеведческой» наукой, нарушилась «симфония», установившаяся во времена А.С. и П.С. Уваровых, Д.Я. Самоквасова. Многие представители первой перестали воспринимать вторую всерьез. Меж тем, интрига продолжала разворачиваться. Взволнованный Деев послал очередное письмо Городцову, но тот ответил обнадеживающей открыткой: «Сергей Сергеевич! Не беспокойтесь. Раскапывать стоянку будем мы с Вами». (ГАБО-ДВ). Пытаясь разрешить конфликт, П.П. Ефименко в письме в Главнауку от 30.03.1926 г. скрепя сердце дал согласие на участие В.А. Городцова в раскопках Супонево, будучи категорически против его присутствия в Костенках (Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1926, д.199). Наконец руководство ГАИМК, МГУ, ГИМ и других участвующих в конфликте учреждений, пришло к соломонову решению: создать межведомственную комиссию, которая должна встретиться непосредственно в Супонево и на месте разрешить спор.

Было ясно, что раскопки возглавит опытный палеолитовед П.П. Ефименко. 24 июня 1926 г. комиссия собралась в Супонево. В ее состав вошли С.С. Деев (Брянский музей), Г.Ф. Мирчинк, В.В. Ассонов (Геологический институт АН СССР), Б.С. Жуков, А.Е. Алихова, М.В. Вое-

водский (МГУ), З.Г. Гринберг (зам. заведующего музейным отделом Главнауки), П.П. Ефименко, В.И. Громов (ГАИМК). В.А. Городцов не считал возможным выехать. Выяснилось, что средства, выделенные на раскопки, распределились так: ГИМ – 200 р. (от не приехавшего В.А. Городцова), Брянский губмузей – 200 р., Антропологический институт МГУ – 150 р. (при этом оборудование экспедиции предоставлено им), ГАИМК – 100 рублей. По итогам дискуссии решили: общее руководство осуществляет П.П. Ефименко. Его первый заместитель – Б.С. Жуков, за геологические исследования отвечает Г.Ф. Мирчинк. За палеонтологические – В.И. Громов. Что касается распределения коллекций, то меньшая часть их отходит ГАИМК, большая – ГИМ, как главному музейному учреждению страны, Брянскому музею из находок составляется раздел экспозиции, полноценно представляющий супоневский палеолит – эта часть коллекции была утрачена в годы войны (Архив ИИМК, ф.2., оп.1, 1926, д.232). Часть комиссии по окончании заседания разъехалась, основной состав начал раскопки, причем в коллектив экспедиции вошла команда брянских краеведов: Виноградова из Дятьково, В.А. Восинский, И.Е. Благодатский и Н.И. Леянов из Бежицы. Нанимать землекопов не было необходимости. Вместе с краеведами работали молодые археологи из МГУ – М.В. Воеводский и А.Е. Алихова.

Ход раскопок доносят до нас полевой дневник П.П. Ефименко (Архив ИИМК, ф.1, оп.1, 1926, д.233), газетные публикации С.С. Деева (1926) и дневник В.А. Восинского. Методика исследований была прогрессивной. Раскопы были разбиты на метровую сетку квадратов, велось поквадратное описание находок, фиксация крупных костей и особенно интересных предметов на плане, геологи зарисовывали цветными карандашами профили раскопов. Раскопки велись не только лопатой, но и более тонким инструментом,

что видно на фотографиях (Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1926, д.243). Раскопы были невелики и разбросаны по памятнику: еще не родилась пресловутая методика больших площадей. 12 июля 1926 г. П.П. Ефименко, вскрыв 125 м² 4 раскопами, завершил работу в Супонево. Полученные материалы он до конца не обработал и не публиковал. Достоин публикации описание 9474 предметов кремневого инвентаря, великолепные рисунки (Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1926, д.д. 234-237). Это не значит, что Ефименко был безразличен к дальнейшей судьбе памятника. Он 3.05.1927 г. направил в Главнауку письмо о том, что не имеет возможности выехать на раскопки Супонево в этом сезоне, и просит «исходатайствовать Открытый лист на Супонево на имя Б.С. Жукова» (Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1927, д.194).

Итак, в 1927 г. работы в Супонево возглавил молодой, талантливый ученый – профессор МГУ Борис Сергеевич Жуков. В составе экспедиции Жукова работали А.Е. Алихова, М.В. Воеводский, Г.Ф. Мирчинк, В.И. Громов, был прикомандирован Г.П. Сосновский (Архив ИИМК, ф.2 оп.1, 1927, д.194), не покидала раскопок и команда краеведов. Б.С. Жуков также заложил 4 раскопа и 2 шурфа, продолжив нумерацию, начатую Ефименко. Всего в 1927 г. было исследовано 63 м² культурного слоя. По результатам сохранились описание хода раскопок с чертежами, опись фауны, фотографии (Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1927 д.д. 204, 232, 229). Раскопки принесли коллекцию из 16681 кремня (по описи), всего же – более 20000 предметов.

В начале августа 1927 г. молодой сотрудник НИИ Антропологии МГУ М.В. Воеводский по поручению Жукова произвел археологическую разведку в окрестностях Супонево и в итоге обнаружил палеолитическую стоянку Тимоновка в 2 км к северо-востоку от Супоневской. Стоянка располагалась на усадьбах меж ул. Стрелица (ныне – Фокина) и оврагом Проулок (позднее у В.А. Городцова и

Л.В. Греховой он превратился в «Прилавок», хотя такого названия местные жители не знали и ныне не знают). Стоянку тут же посетил представительный консилиум (Б.С. Жуков, Г.П. Сосновский, В.И. Громов, Г.Ф. Мирчинк), посчитавший, что культурный слой Тимоновки полностью разрушен. Позднее удалось обнаружить участки не потревоженного слоя. 20 и 21 мая 1928 г. М.В. Воеводский, получив 316 руб., при участии аспиранта МГУ М.Г. Левина начал раскопки Тимоновки на участке крестьянки Марии Гончаровой. Работы принесли 703 кремневых изделия, зуб мамонта и следы истлевших костей (Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1929, д.212; Воеводский, 1929).

Обнадеженный результатами, Воеводский отправился 22 мая в Москву. А 18 июня 1928 г. из Москвы в Брянск поездом выехала группа из 26 студентов-практикантов и аспиранта истфака МГУ В.Д. Блаватского во главе с профессором В.А. Городцовым. В Брянске на вокзале их ждала телефонограмма №50/312 из Главнауки, запрещающая раскопки стоянки Супонево. Но именно ее и планировал, несмотря ни на что, исследовать Василий Алексеевич. Расквартировав людей в Супонево, он заложил на стоянке траншеи: у двора Дьякова (2 x 9 м), вдоль ограды сада Ф.С. Кузнецова (26 x 2 м, в ней выявлены следы кострища, и 15 x 1,7 м – на большей ее части культурный слой отсутствовал). Качество раскопок был заметно ниже, чем у раскопок предшественников. Работы велись бессистемно и безграмотно даже с точки зрения археологии рубежа 1920-30-х гг. В дневниках минимум информации об исследованных участках памятника, на сетку квадратов они не разбивались.

21 июня при посещении с. Тимоновка Городцов «переоткрыл» стоянку, только что раскапывавшуюся Воеводским. Неужели местные жители не известили пожилого профессора о том, что месяц назад здесь был заложен пер-

вый раскоп? Никаких указаний на это в дневниках Городцов не дает, утверждая, что именно он и обладает приоритетом открытия. В чем причина, неужели русский офицер мог вести себя так недостойно? Думается, дело в ином. Василию Алексеевичу следовало бы попенять за то, что он не соизволил даже поверхностно ознакомиться с результатами исследований Ефименко и Жукова, которых он через призму ущемленного самолюбия иначе, как конкурентов, тогда не воспринимал. Вот и недавнего открытия М.В. Воеводского он также попросту не заметил.

Раскопки Тимоновки В.А. Городцов начал в восточной части стоянки, на усадьбе крестьянина Борисенкова, заложив траншею 1 (3 x 24 м). Траншея была разделена не на метровые квадраты, а на произвольных размеров «участки». Разборка шла послойно-штыковым методом, принципиально непригодным для исследования непереотложенного палеолитического культурного слоя. Траншея выявила объект прямоугольной формы, названный Городцовым «землянкой». Прогиб слоев в эту огромную просадку культурного слоя Василий Алексеевич объяснил обрушением кровли сделанной из бревен в накат. На этом сезон 1928 г. был завершен (Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1928, д.226).

К 1929 году встал вопрос о том, кто же все-таки продолжит исследования нового памятника. В письме от 21.03.1929 г. М.В. Воеводский, как первооткрыватель, в решении вопроса о выдачи ему Открытого листа на продолжение исследований Тимоновки просил поддержки у П.П. Ефименко, поскольку М.В. Городцов подал заявку на аналогичные раскопки в РАНИОН. Ефименко был на стороне Воеводского, но помочь не смог (Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1929, д.212). Имя патриарха археологии, который уже стал Заслуженным деятелем науки СССР, оказалось много более весомым, чем имя малоизвестного аспиранта МГУ.

Да, заслуги Городцова перед археологией неоспоримы. И все же ситуация с Тимоновкой показала, увы, не самые лучшие черты этой выдающейся личности. В свете этого надо сказать, что В.А. Городцов был не только конкурентом П.П. Ефименко, Б.С. Жукова и М.В. Воеводского в полевых исследованиях, но и их оппонентом в теоретическом плане. В отличие от палеоэтнологов, он являлся сторонником эволюционизма в археологии, его интересовал процесс общей эволюции материальной культуры, а не культурные круги разных территорий. До понимания того, что стадильность и локальность культурно-исторического процесса в каменном веке – это аверс и реверс единой проблемы оставалось еще более полувека.

В 1929 г. с В.А. Городцовым выехали в Брянск 23 студента МГУ, среди которых вновь были Б.А. Рыбаков, Д.А. Крайнов, Н.А. Сугробов и другие. 17 июня экспедиция продолжила раскопки Тимоновской стоянки на усадьбе крестьянина Борисенкова. Траншеи 2 и 3 позволили исследовать «землянку 1» и обнаружить еще одну, заполнение которой было бедно культурными остатками, а сама она простиралась вглубь более, чем на 2 м. Как пишет В.А. Городцов в дневнике, «Раскопки приняли скучный характер, они поддерживались уверенностью М.В. Городцова (сын В.А. Городцова – А.Ч.), изо всех сил убеждавшего молодых исследователей не падать духом» (Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1929, д.281, л.10). При завершении раскопок «землянки 2» с Городцовым-младшим случился солнечный удар, он был в тяжелом состоянии отправлен в Москву в сопровождении друга – Б.А. Рыбакова, там болел более трех месяцев, окончательно так и не оправившись (Прим. авт.: *М.В. Городцов, хотя и достиг в археологии многого, все же остался в тени имени отца, которого пережил, действительно, ненадолго.*). А Городцов-старший продол-

жал раскопки, выявив новые углубленные объекты – «кладовые». (Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1929, д.281).

Раскопав огромные ямы прямоугольной формы, заполненные культурными остатками, Городцов пришел к выводу, что обнаружил древние жилища, напоминающие блиндажи. Ничего подобного археологи до этого нигде не встречали. Так, данные В.А. Городцова вызвали недоумение и неприятие у К.М. Поликарповича. В 1929 г. раскопки в Тимоновке посещал геолог Б.М. Даньшин. Он не распознал в «землянках» и «кладовых» геологических объектов и дал общую геологическую характеристику района стоянки, ошибочно объявив, что овраг Прилавок-Проулок во время ее обитания не существовал. Лишь во время экспедиции 1955 г. геологу А.А. Величко удалось доказать, что «землянки» Тимоновки – это следы древней мерзлоты (Величко, 1961). В определенной степени ошибки В.А. Городцова, связанные с неверной интерпретацией следов мерзлоты, повторил при довоенных раскопках стоянки Елисеевичи и сомневавшийся в «землянках» К.М. Поликарпович. Отсутствие в экспедиции профессиональных геологов не позволило ему выявить мерзлотные деформации, и он тоже воспринял одну из трещин как след жилого сооружения – углубленного «хода» длиной более 6 м со стенками из вертикально поставленных плоских и трубчатых костей мамонта (Поликарпович, 1968).

В 1929 г., после обнаружения «землянок» в Тимоновке, Городцов решил поискать нечто подобное в Супонево и заложил еще две траншеи на усадьбе Кузнецова (14х3 м и 12,5х2 м). Вместо следов жилищ в них оказались остатки деревенского погреба. Раскопки завершились 26 июня (Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1928, д.226; ф.2, оп.1, 1929, д.281).

Год 1930-й оказался тяжелым для В.А. Городцова: он, как и многие историки и археологи, подвергся полити-

ческим преследованиям (тогда же С.С. Деев был уволен из музея и счел за благо навсегда уйти из науки, а Б.С. Жуков был и вовсе осужден и в 1933 г. скончался в концлагере на Алтае). Шло следствие по «академическому делу». Ряд его фигурантов дал показания на Городцова. Его, якобы, «много обижали по службе», он «бывший военный», вокруг него «группируется много молодежи» (имелся в виду археологический кружок). Однако профессор не был арестован именно благодаря молодежи, с которой он занимался археологией. Многие из «кружка Городцова» входили и в Общество историков-марксистов, и писали статьи в соавторстве с инспирировавшим и курировавшим «дело» председателем общества М.Е. Покровским (Формозов, 1998). В итоге Городцов отделался «легко»: он «всего лишь» потерял службу и в МГУ, и в Историческом музее, и в Российской ассоциации институтов общественных и исторических наук как «белогвардеец» и «буржуазный ученый». Публично отрекся от Городцова его ученик А.Я. Брюсов (Формозов, 1999). Через год власть «простила» старика и позволила вернуться к работе. Позже, в 1938 г., дабы избежать новых гонений, Городцов в возрасте 77 лет был вынужден вступить в ВКП(б). Это не запоздалое прозрение: партбилет к этому времени был уже не знаком «авангарда рабочего класса», а индульгенцией или «пропуском в карьеру». Впрочем, в карьерном росте Городцов не нуждался уже многие годы. Он продолжал педагогическую и научную работу, и, как и ранее, пользовался любовью и уважением студентов и аспирантов. Его же настоящее отношение к «красной» диктатуре, растоптавшей судьбы миллионов людей, включая и коллег, вполне очевидно в свете того, что в 1944 г. именно при поддержке В.А. Городцова в МГУ защитили свои диссертации репрессированные археологи К.Э. Гриневич и А.С. Башкирев, вернувшиеся из лагерей. После этого поступка, достойного русского офи-

цера, 84-летний тяжело больной ученый окончательно покинул пост профессора МГУ.

Но даже в ситуации, когда Городцова самого могли ждать лагерь или пуля в подвалах ГПУ, он 20.08.1930 г. заявлял в письме ГАИМК, что собирается продолжать раскопки в Тимоновке, и подал смету на 2900 рублей. Выяснилось, что вся смета профинансирована быть не может, но 1500 руб. на следующий сезон Академия выделит (Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1930, д.166). В 1931 г. Городцов, не меняя методики, продолжил раскопки в восточной части поселения, на усадьбах Гончаровой и Борисенкова. Траншеи вскрыли два участка с насыщенным культурным слоем (приблизительно 8x14, 4x12 и 4x8 м). В северной части, у оврага, был встречено довольно много истлевших костей мамонта, причем расположенные попарно зубы позволили предположить, что они происходят из несохранившихся челюстей и черепов. «Кости переплелись так, что разделить слои было невозможно» (Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1932, д.11). Возможно, что здесь располагалось нераспознанное разрушенное костно-земляное жилище. Уточнить это невозможно из-за неимоверно плохой сохранности кости и несовершенной методики раскопок. В южной части была исследована еще одна «землянка» – четвертая по счету. Летом 1932 г. на востоке поселения были заложены три траншеи по 2x20 м. Шурфами удалось оконтурить распространение культурного слоя. На усадьбе Коптева (запад поселения) серией траншей и шурфов были выявлены, но не добраны «землянки» 5 и 6 – очередные следы нераспознанных мерзлотных трещин (Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1932 д.11, д.98).

В 1933 г. МАЭ и ГАИМК выделили В.А. Городцову 3000 руб. для завершения работ в Тимоновке. Младшими научными сотрудниками экспедиции были уже окончившие МГУ Д.А. Крайнов, Д.Н. Лев и Н.М. Крайнова-

Таратущенко. Раскопки велись с 10 июня по 7 августа. На усадьбе Борисенкова траншея 1 (12х2 м) вскрыла часть скопления костей, выявленного еще в 1932 г. В усадьбе Гончаровой траншея 24х1,5 м полностью завершила исследования восточного участка стоянки, длившиеся 5 лет. Еще одна траншея 10,5х1,5 м была заложена к юго-востоку от шурфа 1932 г., в котором была обнаружена по мнению В.А. Городцова рисс-вюрмская (!) ископаемая почва. Шурф и две траншеи (10х1,5 и 12х1,5 м) на огородах Ивана и Егора Понёвиных на восточном конце мыса позволили оконтурить эту часть древнего поселения, находок они почти не принесли (Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1933, д.272). В усадьбе Т.В. Грядуновой (западный участок раскопок) был обследован строящийся погреб (2,65х2,65 м), где оказалась «кладовая 1» (западина на замке полигональной мерзлотной сетки). Вернувшись к траншеям 1932 г., заложенным рядом на усадьбе Коптева близ межи с Грядуновой, В.А. Городцов продолжил исследование «землянки 6», для чего к траншее был прирезан треугольный раскоп (15 м²) (Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1933, д.272, л.36). Именно на этом участке было собрано основное количество предметов из обработанной кости (Грехова, 1988). Одновременно в усадьбе крестьянина Коптева были заложены шурфы 1 и 2, а затем серия траншей. Траншея 1 (6х1,5 м), 2 (4,5х2,7 м) – в ней выявлена «кладовая 2» (замок мерзлотного рельефа), 3 (8х1,5 м), 4 (9х1,5 м), 5 (9х1,5 м), 6 (4х1,5 м) и 7 (9х1,5 м). Наконец, был вскрыт участок между траншеями 6 и 7, что объединило на плане их систему в цельный раскоп не вполне правильной формы. На соседней усадьбе Усова также была вскрыта новая серия траншей. Траншея 1 (9х1,5 м) вскрыла очередную «землянку 5», которую необходимо было доследовать, для чего были заложены траншеи 2 (10,5х1,5 м) и 3 (6х2 м). Траншея 4 (6х2 м) вскрыла участок между 1 и 3 траншеями. Чтобы

отслеживать микростратиграфию «землянки», Городцов оставил два «экрана» (так, по его терминологии, назывались стратиграфические бровки). Траншея 5 (6х2 м) послужила для изучения «кладовки 3», а параллельно с ней была заложена траншея 6 (6х2,3 м). Траншея 7 имела размер 5,5х1,5 м; 8 – 14х1,5 м (в ней прослежено кострище небольшого размера), 9 – 16х1,5 (тут по Городцову – кремневая мастерская), 10 – 8х0,85 м, 11 – 7х1,5 м, 12 (между 2 и 5) – 6х2 метра. В траншее 12 оказалась очередная мастерская: Городцов отметил здесь 1300 кремней, 20 сложенных рядом нуклеусов и очаг в котлообразном углублении диаметром 1 и глубиной 0,6 м. Здесь же лежали попарно, коронками вниз зубы нижних челюстей мамонта. В.А. Городцов смело предположил, что челюсти – не что иное, как древние стулья, на которых восседали первобытные мастера (Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1933, д.272). В целом, как делился со своим дневником Городцов, «по вскрытии картина казалась столь живою, что древний хозяин, наверное, с первого же взгляда узнал бы ее и приступил бы к продолжению тысячелетиями прерванной работы. На пишущего эти строки картина произвела глубокое и неизгладимое впечатление». (Архив ИИМК, ф.2, оп.1, 1933, д.272, л.36).

За пять полевых сезонов В.А. Городцовым было вскрыто 1178 м², собрано более 100000 расщепленных кремней и изготовленных из них орудий – одна из крупнейших по объему палеолитических коллекций в стране. Интересны найденные при раскопках костяные изделия: шилья, кости с нарезками и с орнаментами. В.А. Городцов кратко опубликовал результаты своих раскопок в серии статей и брошюре (Городцов, 1929, 1930, 1932, 1935-а,б). Исходя из парного расположения «землянок» он попытался сделать даже социально-экономические реконструкции, которые теперь не представляют научной ценности, ибо

базировались на ложном толковании фактов (Городцов, 1935-а). Большой объем коллекций Тимоновки сочетался с полной сумятицей в данных по планиграфии поселения, культурный слой которого в основном был произвольно взрезан без точной фиксации находок на плане. Все траншеи соединились в итоге в цельные участки, но произвольные размеры траншей (особенно доли метра) разумному объяснению в основном не поддаются. Впрочем, траншеи в Тимоновке (как и на других, раскопанных Городцовым, памятниках) смутно напоминают... окопы. Может быть, это – подсознательная память о десятилетиях отданных армейской службе? Как знать...

Так или иначе, история раскопок в Тимоновке и Супонево говорит: Городцов-ученый к этому времени так и не смог победить в себе Городцова-романтика, Городцова-художника. Попутно заметим: становится ясно, откуда у ряда ученых, выросших из студентов, работавших в экспедиции Городцова, возникла «тонкая смесь незаурядного таланта и масштабного стиля изысканий, со склонностью к внешнему эффекту» (Щавелев, 1998, С.76). Им было, у кого учиться этому. Правда, было, у кого учиться одновременно и понятиям чести, самоотверженности, романтике и подвижничеству. Всеми этими качествами также в полной мере обладал великий археолог, романтик, русский офицер Василий Алексеевич Городцов.

С 1933 г. исследования в Брянском палеолитическом районе прервались более, чем на два десятилетия, а если не учитывать шурфовки А.Н. Рогачева и А.А. Величко, занявшей пару дней, то на треть века. Реалистичный анализ планиграфии вскрытых В.А. Городцовым участков стоянки удалось проделать лишь к концу 1980-х гг. сотруднице ГИМ Л.В. Греховой (Грехова, 1988). В 2001 г. произведенное мною и В.Н. Гурьяновым обследование стоянки Супонево показало возможность продолжения ис-

следований современными методами по крайней мере на небольших участках культурного слоя. Пока еще имеется возможность отбора проб на спорово-пыльцевой анализ, мезоморфологию, гранулометрию и т.п. по всему разрезу памятника. Территория же Тимоновки, вследствие попустительства местных властей, оказалась полностью застроенной новыми коттеджами и продолжение работ на памятнике менее вероятно в современных условиях.

Литература

1. Величко, А.А. Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины / А.А. Величко. – М., 1961.
2. Воеводский, М.В. Тимоновская палеолитическая стоянка / М.В. Воеводский // Русский антропологический журнал. – М., 1929. – Т. XVIII, № 1-2. – С. 59-68.
3. Городцов, В.А. Брянский палеолит / В.А. Городцов // Хочу все знать. – 1929. – № 13.
4. Городцов, В.А. Техника и типологическая классификация кремневых резцов Супоневской и Тимоновской палеолитических стоянок из раскопок 1928 и 1929 гг. / В.А. Городцов // Труды Секции Археологии РАНИОН. – 1930. – Вып.5. – С.14-43.
5. Городцов, В.А. Тимоновская палеолитическая стоянка. Раскопки 1931 г. / В.А. Городцов // Вестник АН СССР. – 1932. – № 6.
6. Городцов, В.А. Социально-экономический строй древних обитателей Тимоновской палеолитической стоянки / В.А. Городцов // Советская этнография. – 1935. – №3.
7. Городцов, В.А. Тимоновская палеолитическая стоянка: результаты археологических раскопок в 1933 г. / В.А. Городцов // Труды Института Антропологии и Этнографии. – М.-Л., 1935. – Вып.3.
8. Грехова, Л.В. Планиграфия Тимоновской стоянки /

Л.В. Грехова // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии : тр. ГИМ. – М., 1988. – Вып.68. – С.74-85.

9. Деев, С.С. Нужное начинание / С.С. Деев // Известия Брянского губисполкома 1920. – 22 февр.

10. Деев, С.С. Раскопки в Супонево / С.С. Деев // Брянский рабочий. – 1926. – 12, 17 июня; 8.июля.

11. Деев, С.С. Доисторическая жизнь Брянского края под охраной краеведов / С.С. Деев // Брянский край. – Брянск, 1926. – Вып.1.

12. Мирчинк, Г.Ф. О соотношениях речных террас и стоянок палеолитического человека в бассейнах рек Десны и Сожа / Г.Ф. Мирчинк // Бюллетень Московского общества испытателей природы, отдел геологический. Т. VII. Вып.1-2. Новая серия. – М., 1929. – Т. 38. №1-2. – С.57.

13. Поликарпович, К.М. Палеолит Верхнего Поднепровья / К.М. Поликарпович. – Минск, 1968.

14. Поляков, Г.П. Сергей Сергеевич Деев – краевед и археолог / Г.П. Поляков // Песоченский : ист.-археол. сб. – Киров, 2000. – Вып.4. Ч.2. – С.153-156.

15. Столицын, В.И. Первый директор Брянского музея / В.И. Столицын // Блокнот агитатора (Брянск). – 1988. – №4. – С.31-32.

16. Формозов, А.А. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии / А.А. Формозов // СА. – 1975. – №4. – С.5-13

17. Формозов, А.А. Русские археологи и политические репрессии 1920-1940-х гг. / А.А. Формозов // РА. – 1998. – №3. – С.191-206.

18. Формозов, А.А. М.Е. Фосс и проблемы неолитических культур / А.А. Формозов // РА. – 1999. – №3. – С.181-190.

19. Хайкунова, Н.А. Нуклеусы верхнепалеолитической стоянки Супонево / Н.А. Хайкунова // СА. – 1984. – №4. –

С.109-118.

20. Хайкунова, Н.А. Кремневый инвентарь стоянки Супонево и ее место в палеолите бассейна Десны : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук / Хайкунова Н.А. – М., 1985.

21. Щавелев, С.П. Рыбаков Б.А. / С.П. Щавелев // Истории курского края (биографический справочник). – Курск, 1998.

Сокращения

ГАИМК – Государственная Академия Истории Материальной Культуры

МАЭ – Музей Антропологии и Этнографии (Кунсткамера)

В.В. Миненко, А.В. Миненко,
научные сотрудники,
Институт Археологии
РАН, г. Москва

Археологические памятники города Жуковки и его окрестностей

Город Жуковка относится к числу одних из самых молодых населенных пунктов Брянской области. Однако данные археологии свидетельствуют о том, что его территория в современных границах и ближайшие окрестности в радиусе 3-х километров были заселены человеком с древнейших времен.

Попытка систематизировать и обобщить все имеющиеся сведения об археологических памятниках, расположенных на территории города и его окрестностей, принята авторами не случайно. Последнее из справочных

археологических изданий – «Археологическая карта России. Брянская область» содержит данные лишь о семи памятниках археологии города Жуковки (АКР. Брянская область, 1993. С. 88). Разведочные работы последних лет и архивные изыскания позволили значительно расширить этот список. И хотя число известных памятников не окончательно, оно отражает состояние наших знаний о них на данный момент.

В настоящее время на участке, ограниченном с севера железнодорожным мостом через р. Ветьму и до ее устья, и далее, вниз по течению р. Десны до автомобильного моста шоссе Жуковка – Летошники, известно 20 археологических памятников (4 стоянки, 11 поселений, 5 курганных групп) (Рис.1), а также одно местонахождение кремневых орудий (случайная находка?). Территория девяти из пятнадцати поселений неоднократно была заселена в определенные периоды на протяжении нескольких исторических эпох. Такие памятники относятся к числу многослойных, на двух из них имеются материалы мезолитического времени, 7 содержат слои и находки эпохи неолита, 1 – энеолита, 8 – эпохи бронзы, 8 – раннего железного века и 7 – древнерусского периода XI-XIII вв. Обращает на себя внимание практически неизменная численность поселений. Начиная с эпохи неолита, здесь располагалось не более 7-8 памятников. Вероятно, это произошло вследствие стабилизации численности населения и сохранения традиционного типа природопользования на протяжении длительного времени в указанном микрорегионе.

Маршруты всех проводимых здесь разведок были приурочены к руслу р. Десны и небольшому участку нижнего течения р. Ветьмы, по берегам которых и располагаются все известные на сегодняшний день памятники. Территория города (за исключением его западной и северо-западной окраин) не обследовалась из-за сплошной жилой

и промышленной застройки. Значительная удаленность центра города от рек и других водоемов позволяет предположить отсутствие их на его территории, хотя полностью исключать такую возможность было бы неправомерно. В этой связи наиболее перспективными районами на предмет открытия новых археологических памятников остаются городские окраины, приуроченные к берегам рек, и территория по берегам двух небольших ручьев на северо-западной окраине города, в районе улиц Заводская, Рабочая и Краснослободская. Этот участок интересен еще и тем, что на указанной территории в XIX – начале XX в. располагалась деревня Красная Слобода или Жуковка, «давшая» свое название железнодорожной станции и поселку.

Большинство из открытых разведками памятников обследованы только визуально: зафиксированы их местоположения, проведен сбор подъемного материала, иногда шурфовка или зачистка обнажений культурного слоя. При этом их четкая культурная и хронологическая принадлежность (в особенности курганных групп) остается неопределенной до проведения научных археологических исследований. С этой целью на трех наиболее интересных поселениях в их разрушающейся части проведены небольшие охранно-стратиграфические раскопки.

Описание памятников приведено в порядке сплошной нумерации, указанной на рисунке 1, начиная с северных, прилегающих к территории города районов, и далее вниз по течению рек Ветьма и Десна.

Название памятников связано с ближайшим крупным населенным пунктом – городом Жуковка. В некоторых случаях использованы дополнительные названия урочищ, рек, озер и других объектов. В тексте статьи приведены названия памятников, присвоенные его первооткрывателем. В случаях ошибочного определения местоположе-

ния и названия памятника авторы приводят новые, уточненные данные.

В тексте приведена краткая история открытия памятников, которые неоднократно обследовались археологами, все остальные объекты открыты и обследованы одним из авторов статьи.

Изучение древностей города Жуковки и его округа носило зачастую случайный характер. Исследователи XIX – начала XX в., как правило, обращали свое внимание на города с древнейшей историей или на памятники археологии, которые визуально хорошо выявляются на местности, – городища и курганы. Так, в «Трудах Орловской ученой архивной комиссии за 1904-1905 гг.» содержатся сведения о наличии 26 курганов на р. Десне у деревни Жуковка (Шульгин А.Н., 1906. С. 102).

В послевоенный период, в конце 50-х и начале 70-х гг., усилиями научных экспедиций под руководством Ф.М. Заверняева и И.И. Артеменко в окрестностях города Жуковки были открыты 11 памятников археологии (Шмидт Е.А., Заверняев Ф.М., 1959; Артеменко И.И., 1972). В 90-е гг. XX в. работами авторов были собраны и систематизированы данные об имеющихся памятниках, открыто и обследовано 9 новых археологических объектов (Миненко В.В., 1995; Миненко В.В., 1997).

1. Жуковка. Стоянка Устье Ветьмы-1.

Обнаружена И.И. Артеменко в 1972 г. Повторно обследована В.В. Миненко в 1996 г. Расположена в пойме правого берега р. Ветьмы, в 0,8 км к северо-западу от ее устья, в 1,3 км к северо-западу от города, на небольшой песчаной дюне. И.И. Артеменко зафиксировал наличие культурного слоя толщиной 0,2-0,25 м. При повторном обследовании собраны обломки лепной керамики, украшенной оттисками «лапчатого», «личиночного» штампов и отверстиями, и кремневые орудия (ножевидные пластины,

отщепы с ретушью). Эти находки относятся к эпохе позднего неолита и позволяют датировать памятник концом IV – началом III тыс. до н.э.

2. Жуковка. Стоянка Устье Ветьмы-2.

История открытия и обследования аналогична пункту 1. Расположена в 1,4 км к северо-западу от города, на небольшом песчаном всхолмлении поймы правого берега р. Ветьмы. Размеры памятника 80х65 м, культурный слой содержал лепную керамику с ромбоямочным орнаментом (деснинская культура) и кремневые отщепы. Памятник отнесен к эпохе неолита и датируется второй половиной IV тыс. до н.э.

3. Жуковка. Курганный могильник Устье Ветьмы-3.

Расположен в 0,4 км к северо-западу от Дома престарелых, в 0,2 км к югу от железнодорожного моста через р. Ветьму, на всхолмлении поймы левого берега реки. Обнаружен И.И. Артеменко в 1972 г., хотя имеются ошибочные данные о его обследовании Ф.М. Заверняевым в 1958 г. (АКР. Брянская область, 1993. С. 88). На момент обследования в 1972 г. насчитывал 9 насыпей диаметром 6-12 м. при высоте от 0,3 до 1,3 м. Пять курганов были повреждены кладоискателями. В настоящее время интенсивно разрушаются разливами реки. Его датировка древнерусским временем вызывает сомнение, так как его расположение в пойме реки, а также форма и. размеры насыпей наиболее характерны для могильников эпохи бронзы.

4. Жуковка. Стоянка Устье Ветьмы-4.

Расположена в 1,3 км к северо-западу от города, занимает сниженный участок надпойменной правобережной террасы р. Ветьмы. Поверхность стоянки в настоящее время заросла лесом и кустарником, размеры поселения достигают 140х30 м. Находки относятся к двум периодам: мезолиту (XIV – середина V тыс. до н.э.) – кремневая пластина с ретушью и свидерский наконечник стрелы (Рис. 2. №8, 13) и неолиту (деснинская культура второй половины

IV тыс. до н.э.), представленному лепной керамикой с ромбоямочным орнаментом и кремневыми отщепами.

5. Жуковка. Селище Устье Ветьмы-5.

Расположено в 1,3 км к северо-западу от города, на слабовыраженном мысу надпойменной правобережной террасы. Размер поселения 60х80 м. В отвалах противопожарной полосы встречены фрагменты толстостенной (0,6-1,1 см) лепной керамики. Один из них украшен «жемчужинами». Подобные находки характерны для сосницкой культуры эпохи бронзы (вторая половина II тыс. до н.э.). К этому же времени, вероятно, относятся и различные изделия из кремня. Но наибольшее количество находок принадлежит древнерусскому времени (XI-XIII вв.). Это фрагменты круговой посуды с орнаментом в виде горизонтальных линий, «волны» и других. К индивидуальным находкам относятся – фрагменты гладкого светло-зеленого стеклянного браслета и железного пробойника с кольцом.

6. Жуковка. Курганный могильник Устье Ветьмы-6.

Расположен в 1,4 км к северо-западу от города, на территории стоянки Устье Ветьмы-4 и к северу от нее, на правом берегу р. Ветьмы. Могильник насчитывает 4 насыпи диаметром 10-12 м. и высотой 0,35-0,8 м., два кургана повреждены ямами. Ровики вокруг курганов не прослеживаются, их форма и расположение позволяют отнести их сооружение к бронзовому веку.

7. Жуковка. Поселение Устье Ветьмы-7.

Расположено в 1,1 км к северо-западу от города, на дюне в пойме правого берега р. Ветьмы. Размер поселения 25х38 м. Встреченные на поверхности в кротовинах фрагменты лепной керамики и кремневые изделия, вероятно, относятся к эпохе бронзы. Некоторые фрагменты тонкостенной лепной керамики (до 0,5 см) отнесены к раннему

железному веку (предположительная датировка – I тыс. до н.э.).

8. Жуковка. Селище Дом престарелых-1.

В археологической литературе (АКР. Брянская область, 1993. С. 88) ошибочно соотнесено с селищем Жуковка и автором его открытия указан Ф.М. Заверняев (селище, открытое им в 1958 г., расположено южнее и будет описано ниже, см. пункт 10). На самом же деле И.И. Артеменко, обследовавший селище в 1972 г., является по сути дела его первооткрывателем. Указанное в заглавии название данного памятника предложено авторами статьи для внесения ясности в дальнейшую нумерацию поселений и избежания путаницы с названиями. Расположено на северо-западной окраине города, в 0,1-0,15 км к западу от Дома престарелых, на краю надпойменной левобережной террасы р. Ветьмы. Поверхность поселения распахивается. В 1972 г. при его обнаружении были собраны фрагменты лепной керамики почепской культуры, однако для уточнения датировки необходимо проведение дополнительного обследования.

9. Жуковка. Поселение Дом престарелых-2.

Расположено на северо-западной окраине города, в 0,15 км к юго-востоку от железнодорожного моста через р. Ветьму, на левом берегу реки. Размеры поселения достаточно большие и составляют 320 x 90-180 м. Культурный слой находится в переотложенном состоянии из-за многолетней распашки. В северной части поселения зафиксированы темные цветовые пятна распаханых сооружений, в этой части отмечена и наибольшая концентрация находок. Собранные материалы относятся к нескольким историческим эпохам. Наиболее ранние принадлежат иеневской археологической культуре эпохи мезолита. Это изделия из кремня светло-серого цвета: пластины с ретушью (Рис. 2. №1-4), скребок (Рис. 2. №5), осколок нуклеуса (Рис. 2.

№6), двугранный резец (стамеска) (Рис. 2. №7), проколка (Рис. 2. №12). Лепная неолитическая керамика украшена ромбическими, ямками, оттисками «личиночного» и «лапчатого» штампа. Переходный период от каменного века к эпохе металла представлен находками энеолитической керамики «боровичского» типа (III тыс. до н.э.), украшенной оттисками гребенчатого штампа в виде различных геометрических композиций-зигзагов, ромбов, меандров. На поселении также встречены материалы эпохи бронзы: лепная керамика с оттисками веревочки и различных видов штампов. Обширная коллекция кремневых изделий этого и предшествующих периодов состоит из наконечников копий (Рис. 2. №14), стрел (Рис. 2. №9), ножей (Рис. 2. №15), тесла (Рис. 2. №16), перфоратора (Рис. 2. №10) и других видов орудий. Большое количество отщепов свидетельствует в пользу того, что изготовление орудий происходило непосредственно на территории поселения. Керамика раннего железного века представлена обломками лепных сосудов почепской культуры (I-II вв. н.э.), украшенных насечками по краю венчика. Встречено также несколько фрагментов круговой посуды XI-XII вв., в том числе «манжетовидный» венчик и фрагмент донца с клеймом. Вероятно, к этому же времени относится и находка стеклянной 14-тигранной бусины. На поверхности поселения, в его северной прибрежной части, собрано большое количество металлургических шлаков и фрагмент глиняного сопла, что говорит о производстве на поселении кричного железа сыродутным способом.

На картах начала XX в. на этом месте обозначены усадьбы и строения хутора Глинки. Это подтверждается находками предметов соответствующего времени – коваными железными гвоздями, фрагментами поливной посуды, стеклом и другими вещами.

10. Селище Жуковка-1.

Обнаружено и обследовано Ф.М. Заверняевым в 1958 г. Расположено на северо-западной окраине города, на левом берегу р. Десны у противотанкового рва (бывшее стрельбище). Значительная часть селища смыта рекой. При осмотре обнажения рва была обнаружена «большая линзообразная западина мощностью в 60 см. Возможно, здесь располагалось жилище». Фрагменты грубой лепной и лощеной посуды были охарактеризованы как «близкие к зарубинецкой керамике Почепского селища» и датированы первыми веками нашей эры (Заверняев Ф.М., 1958. С. 23-24). При повторном обследовании селища П.Н. Третьяковым в 1962-1963 гг. была найдена железная подвязная фибула, датированная IV-V вв. н.э. (Третьяков П.Н., 1974. С. 43; С. 45 Рис. 1; С. 46 Рис. 2 №4). Таким образом, поселение может быть отнесено к первой половине I тыс. н.э.

11. Поселение Жуковка-2.

Обнаружено Ф.М. Заверняевым в 1958 г. Было интерпретировано как неолитическая стоянка «при устье реки Ветьмы» (Заверняев Ф.М., 1958. С. 23). Однако наличие на ней материалов нескольких эпох позволяет отнести данный археологический объект к числу многослойных поселений. Расположено на северо-западной окраине города, на краю и сниженном участке надпойменной террасы левого берега р. Десны, в 0,25 км ниже устья р. Ветьмы. В настоящее время практически полностью размыто рекой. Собраны многочисленные кремневые орудия (скребки, пластины и др.), обломки неолитической керамики с ромбоямочным орнаментом, лепная керамика раннего железного века (почепской культуры) и фрагменты круговой посуды XI – XIII вв.

12. Жуковка. Курганный могильник-3.

Обнаружен и обследован Ф.М. Заверняевым в 1958 г. Располагался на территории поселения Жуковка-2

(неолитической стоянки – по Ф.М. Заверняеву). На момент обследования насчитывал 12 небольших «лепешкообразных» насыпей. Был датирован по находкам круговой посуды XI-XIII вв. В настоящее время, вероятно, полностью разрушен рекой.

13. Жуковка. Курганный могильник-2.

Расположен в 0,55 км к западу от города, на высоком коренном левом берегу р. Десны, в урочище «Еленка». Две насыпи, округлые в плане, диаметром 9-10 м., высотой 1 и 1,7 м., имеют повреждение насыпей. Один из курганов окружен кольцевым ритуальным ровиком. Курганы датированы XI-XII вв. С урочищем «Еленка» связана легенда о живших здесь разбойниках и их пленнице – княжне Елене. По народному преданию, после ее смерти разбойники покинули эти места, и с тех пор здесь никто не живет.

На ее могиле долгое время горели свечи, и люди прозвали это место «Еленка» по имени умершей от печали княжны.

Представляется более вероятным вариант происхождения названия урочища от произрастающих здесь в окружении соснового бора нескольких крупных елей. Вокруг древних памятников (городищ, курганов) нередко возникают мифические народные предания и поверья.

14. Жуковка. Поселение Дубки-1.

Расположено в 1,5 км к юго-западу от города, на левом берегу р. Десны. Обнаружено Ф.М. Заверняевым в 1958 г. Из-за маловыразительности собранного им материала датировка селища определена не была. При его повторном обследовании авторами статьи в 1994 г. были собраны материалы эпохи неолита и энеолита, а также большое количество лепной керамики почепской культуры. В 1996 г. на поселении были проведены большие (48 кв. м) охранные раскопки, позволившие изучить жилую постройку и хозяйственную яму I-II вв. н.э. Постройка прямо-

угольной формы размерами 3х3,5 м (северная часть разрушена рекой), ориентированна ядлинной стороной по линии север-юг, являлась остатком жилища полуземляночного типа, котлован которого был заглублен в землю на 0,23-0,3 м. В центре постройки располагалась мощная (диаметром 0,42 и глубиной 0,38 м.) яма от опорного столба кровли. С юга к ней примыкал открытый очаг в виде овальной ямы (0,8х0,78 м и глубиной до 0,1 м.), заполненный угольками и золой. Вход располагался в западной части жилища. Стены постройки были срубной конструкции. Жилые сооружения подобного типа характерны для почепской археологической культуры I-II вв. н.э. В заполнении постройки и культурном слое поселения встречено более тысячи фрагментов керамики. Это фрагменты грубой лепной (кухонная и тарная) и лощеной (столовая) посуды. В небольшом количестве встречены обломки лепной неолитической керамики и кремневые изделия (Миненко В.В., 1996).

15. Жуковка. Поселение Дубки-2.

Расположено в 1,9 км к юго-западу от города, на мысу боровой террасы левого берега р. Десны. В 1997-1998 гг. на поселении двумя раскопами вскрыто в общей сложности чуть более 40 кв. м. Культурный слой мощностью до 0,4 м содержал фрагменты лепной керамики с «жемчужинами» и изделия из кремня эпохи бронзы (сосницкой культуры), лепную керамику раннего железного века (почепской культуры). Наибольшее число находок (в т.ч. и в заполнении материковых хозяйственных ям) относилось к древнерусскому периоду XII-XIII вв. Среди них – многочисленные обломки круговой посуды, изделия из железа: гвозди, ножницы (Рис. 3. №6), кочедык для плетения лаптей (Рис. 3. №5), различные украшения: стеклянные браслеты (Рис. 3. №9), фрагмент медного плетеного брас-

лета (Рис. 3. №12), бронзовое кольцо (Рис. 3. №15) (Миненко В.В., 1998).

16. Жуковка. Стоянка Дубки-3.

Расположена в 2 км к юго-западу от города, на левом берегу р. Десны. Размеры поселения составляют 85 х 37 м. Керамика, собранная в обрыве берега реки, представлена фрагментами лепных, неорнаментированных сосудов (за исключением одного фрагмента с насечками в виде «елочки» эпохи бронзы. Обнаружено также два кремневых отщепа светло-серого цвета.

17. Жуковка. Поселение Ореховое-1.

Обнаружено Ф.М. Заверняевым в 1958 г., повторно обследовано И.И. Артеменко в 1972 г. Расположено в пойме левого берега р. Десны, в 3 км от города, на нескольких смежных всхолмлениях поймы у железнодорожного моста через протоку оз. Ореховое. При обследовании поселения авторами статьи в 1996 г. помимо кремневых изделий и лепной неолитической керамики было найдено несколько фрагментов (в т.ч. венчик) круговых сосудов XIII в.

18. Жуковка. Селище Ореховое-2.

Обследовал И.И. Артеменко в 1972 г. Расположено на мысу надпойменной террасы левого берега р. Десны, у северного берега оз. Ореховое. Культурный слой толщиной 0,4-0,45 м содержал обломки лепной керамики почепской культуры.

19. Жуковка. Селище Ореховое-3.

Расположено на всхолмлении первой надпойменной террасы левого берега р. Десны в 3 км от города. Размеры поселения 45х50 м. В 1997-1998 гг. на поселении вскрыто 36 кв. м. Частично изучены остатки подклета жилой срубной постройки со следами пожара, несколько ям различных размеров и назначения. В слое и заполнении жилища встречено «более 3,5 тысяч фрагментов круговой керамики XII-XIII вв. Найдено большое число индивидуальных

находок: железные ножи (Рис. 3. №2) и бруски для их заточки, цилиндрический замок (Рис. 3. №1), глиняное и шиферное пряслица (Рис. 3. №7), стеклянные браслеты и бусина (Рис. 3. №8, 10-11), перстнеобразные височные кольца из биллона (Рис.3. №14-18). Найденные предметы рыболовства – глиняные грузила и фрагмент железной блесны-дорожки свидетельствуют о широком развитии этого промысла у жителей поселка. Причины пожара и гибели поселения пока остались не установленными (Мищенко В.В., 1998).

20. Жуковка. Курганный могильник-1.

Обследовал И.И. Артеменко в 1972 г. Расположен в 2,2 км к юго-западу от города, на левом берегу р. Десны. Насчитывает две округлые насыпи диаметром 6 и 10 м, высотой 0,35 и 0,5 м. Датировка неясна.

21. Местонахождение кремневых орудий (случайная находка ?).

В Жуковском краеведческом музее хранятся 4 кремневых орудия (рабочие топоры или тесла) эпохи бронзы (среднеднепровской культуры). Найдены они были на западной окраине города, более четких топографических привязок не имеется. Поскольку подобного типа орудия нередко входили в состав погребального инвентаря в курганных могильниках среднеднепровской культуры, можно предположить, что они происходят из каких-то разрушенных погребений.

В этой статье приведены данные обо всех выявленных разведками памятниках археологии в окрестностях города Жуковки, некоторые из них требуют повторного, более тщательного обследования для уточнения их датировки и стратиграфии, другие же нуждаются в проведении аварийных археологических раскопок, иначе будут полностью разрушены и потеряны для науки. Несомненно, что все памятники археологии требуют бережного отношения

к себе, разумного и рационального использования и, по возможности, тщательного и всестороннего изучения.

Литература

1. АКР. Брянская область / авт.-сост. А.В. Кашкин. – М., 1993.

2. Артеменко И.И., 1972. Отчет о работе Среднеднепровской экспедиции ИА АН СССР // Архив ИА РАН. Р-1. №4782.

3. Заверняев Ф.М., 1958. Отчет об археологических исследованиях Брянского областного краеведческого музея // Архив ИА РАН. Р-1. №1781.

4. Миненко В.В., 1995. Разведки в Жуковском районе Брянской области // АО за 1994 год. М.

5. Миненко В.В., 1996. Отчет об охранных археологических раскопках поселений Борча-2 и Жуковка. Дубки-1 в Жуковском районе Брянской области в 1996 г. // Архив ИА РАН.

6. Миненко В.В., 1997. Археологические работы в Жуковском районе Брянской области // АО за 1996 год. М.

7. Миненко В.В., 1998. Отчет об археологических работах в Брянской области в 1998 г. // Архив ИА РАН.

8. Третьяков П.Н. Древности второй и третьей четвертей I тыс. н.э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Ранне-средневековые восточнославянские древности. – М.

9. Шмидт Е.А., Заверняев Ф.М. Археологические памятники бассейна Верхней Десны // Материалы по изучению Смоленской области. – Смоленск.

10. Шульгин А.Н., 1906. Исследования в северо-западном углу Орловской губернии // Труды ОУАК за 1904 и 1905 гг. – Орел.

Список сокращений:

АКР. Брянская область – Археологическая карта России. Брянская область;

АО – Археологические открытия;

ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР;

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук;

Труды ОУАК – Труды Орловской ученой архивной комиссии.

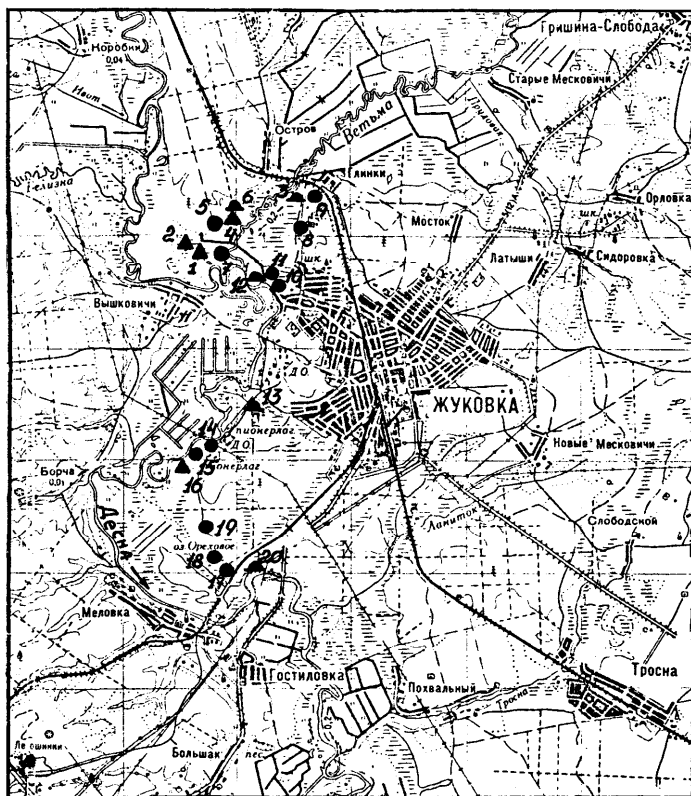

Рис. 1. Схема расположения памятников археологии
г. Жуковка и его окрестностей

▲ - стоянки ● - селища, поселения ♠ - кур-
ганные группы

Цифрами на схеме обозначены:

1. - Жуковка. Стоянка Устье Ветмы-1;
2. - Жуковка. Стоянка Устье Ветмы-2;
3. - Жуковка. Курганный могильник Устье Ветмы-3;
4. - Жуковка. Стоянка Устье Ветмы-4;
5. - Жуковка. Селище Устье Ветмы-5;

6. - Жуковка. Курганный могильник Устье Ветьмы-6;
7. - Жуковка. Поселение Устье Ветьмы-7;
8. - Жуковка. Селище Дом престарелых-1;
9. - Жуковка. Поселение Дом престарелых-2;
10. - Селище Жуковка-1 П. - Поселение Жуковка-2;
12. - Жуковка. Курганный могильник-3;
13. - Жуковка. Курганный могильник-2;
14. - Жуковка. Поселение Дубки-1;
15. - Жуковка. Поселение Дубки-2;
16. - Жуковка. Стоянка Дубки-3;
17. - Жуковка. Поселение Ореховое-1;
18. - Жуковка. Селище Ореховое-2;
19. - Жуковка. Селище Ореховое-3;
20. - Жуковка. Курганный могильник-1.

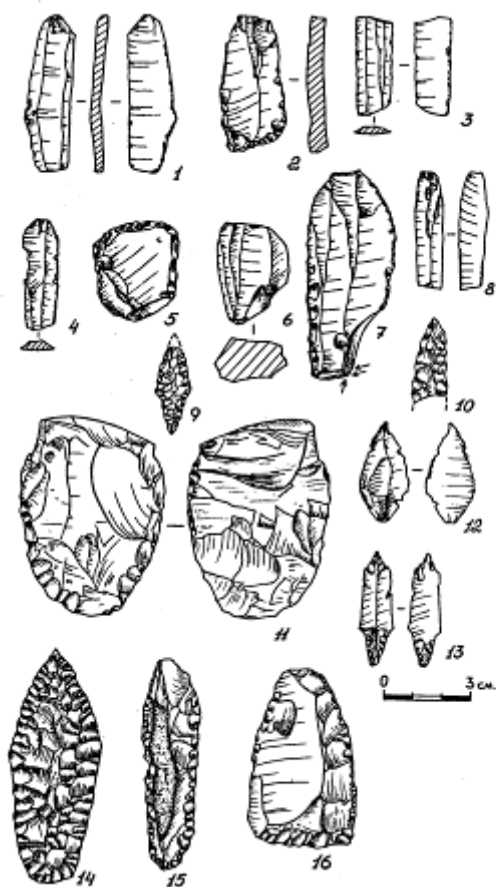

Рис. 2. Кремневый инвентарь стоянки Жуковка. Устье Ветьмы-4 (№9,11) и поселения Жуковка. Дом престарелых-2 (№1-9, 12-16).

№1-4, 8 - пластины с ретушью;

№5 - скребок;

№6 - осколок нуклеуса;

№7 - двугранный резец (стамеска);

№ 9, 13 - наконечники стрел;
№ 10 - перфоратор;
№ 11 - скребло;
№ 12 - ретушированный отщеп;
№ 14 - наконечник копья;
№ 15 - ножевидная пластина с ретушью;
№ 16 - тесло.

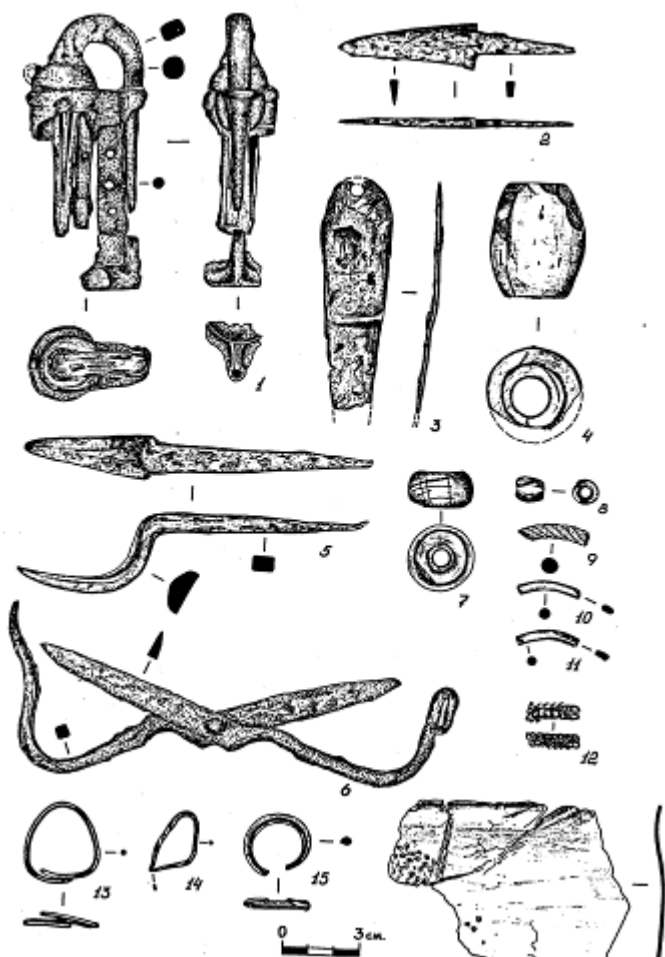

Рис. 3. Находки древнерусского времени XI - XIII вв. из раскопок поселения Жуковка. Дубки-2 (№5-6, 15) и селища Жуковка. Ореховое-3 (№1-4, 7-14, 16).
 №1 - цилиндрический замок типа В II;
 №2 - нож;

- №3 - блесна-дорожка;
№4 - рыболовное грузило;
№5 - кочедык;
№6 - шарнирные ножницы;
№7 - пряслице;
№8 - бусина;
№9 - 11 - фрагменты браслетов;
№12 - фрагмент плетеного браслета;
№13 - 14 - перстнеобразные височные кольца;
№15 - перстень;
№16 - фрагмент котла;
(1 - 3, 5 - 6 - черный металл, 4 - глина, 7 - шифер, 8-11 - стекло, 12 - 16 - цветной металл).

М.В. Кочергина,
*кандидат исторических наук,
заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин,
НОУ «Брянский открытый институт
управления и бизнеса»*

Художественное наследие старообрядцев Стародубья и Ветки: проблемы сохранения, атрибуции и реставрации (вторая половина XIII – начало XX вв.)

Вклад старообрядцев в развитие художественной культуры России, Украины и Белоруссии является малоисследованным и слабоосвещенным вопросом в исторической и искусствоведческой литературе. Вместе с тем, двум крупным духовным центрам – Стародубью и Ветке – принадлежит большая роль в сохранении и развитии традиционной русской культуры: памятников архитектуры, иконо-

писи, медной художественной пластики, религиозного шитья, рукописной и старопечатной книги, крюкового пения. Как правило, в поле зрения исследователей, попадает Ветка [1], в то время как художественное наследие Стародубья ими не освящается [2]. В связи с чем, целью исследования является выявление роли Стародубья и Ветки как художественных центров старообрядцев в XVIII – начале XX вв. Причем вопросы изучения и выявления памятников старообрядческой культуры на территории этих духовных центров стоят как никогда остро в связи с тем, что старообрядческие поселения находятся в зоне последствий аварии на Чернобыльской АЭС (1986 г.). Кроме того, самый большой процент краж икон в Брянской области приходится на Новозыбковский, Климовский, Клинцовский, Злынковский, Стародубский районы – территории компактного проживания старообрядческого населения. Это наглядно подтверждают данные, предоставленные Администрацией Брянской области [3].

В 1970 гг. сотрудники археографических экспедиций МГУ имени Ломоносова вывезли 50 икон из старообрядческих поселений Стародубья и Ветки. Большинство из них находится в депозитарии Государственной Третьяковской галереи. Среди них имеются подписные и датированные иконы [4]. Икона: Избранные святые Самон, Гурий, Флор, Лавр, Авив. XIX в., дерево, темпера, инв. ДР – 872 находится в Храме-музее, при ГТГ (церковь Святого Николы в Толмачах, пристенный иконостас №1). Кроме этого, коллекции памятников старообрядческой живописи находятся в собраниях Музея Древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева (г. Москва), Покровском соборе при Рогожском кладбище – духовном центре Русской Православной Старообрядческой церкви (г. Москва), Брянском областном художественном музее, Ветковском музее народного творчества (Республика Беларусь). Это

свидетельствует о высокой культурной ценности и художественной значимости памятников иконописи, происходящих из этих духовных центров русского старообрядчества. При создании коллекции Ветковского музея народного творчества его основатель, Ф.Г. Шкляр, вывозил памятники старообрядческой культуры как из Гомельской области (Республика Беларусь), из юго-западных районов Брянской области (Россия), Городнянского района Черниговской области (Украина). Эта практика вывоза и атрибуции памятников, происходящих из Стародубья, как ветковских, продолжается в настоящее время. Сотрудники Ветковского музея народного творчества проводят экспедиции в Климовский, Новозыбковский, Злынковский районы Брянской области, вывозят оттуда книги, иконы, медную художественную пластику и атрибутируют ее как наследие Ветки, которое размещается в музее народного творчества. Традиционные поселения старообрядцев Стародубья для них являются ветковскими [5]. Это вносит путаницу и способствует неправильной атрибуции художественного наследия старообрядцев России, Украины и Белоруссии. Для того, чтобы правильно определить памятники, происходящие как из Стародубья, так и из Ветки нужны не только экспедиции в места компактного проживания старообрядцев этих трех славянских государств, как это делают представители Ветковского музея народного творчества, но и тщательное изучение архивных документов, дореволюционной исторической и искусствоведческой литературы, мемуаров иконописцев и представителей официальной церкви. Объединение усилий различных исследователей в этом вопросе будет способствовать более точному описанию и бережному сохранению художественного наследия старообрядцев Украины, Белоруссии и России.

Церковный раскол, как известно, способствовал активизации духовной жизни, которая нашла особенно яркое

отражение в иконах и книгах. Трепетное отношение к моленному образу говорило еще о личном благочестии. «Была только одна среда, хранившая крепкую любовь к подлинно древней иконе. Эта среда – русское старообрядчество: здесь непрерывно протянулось от поколения к поколению нить традиционного почитания и традиционного понимания» [6].

Иконы передавались по наследству, их завещали и ими благословляли. В обнаруженном нами архивном документе «Духовном завещании инокини–схимницы обители «Княжных» Минодоры (в миру Марии Авраамовны Лаптевой)», составленном в посаде Клиницы в 1814 г. имеется свидетельство, что она передает своим евангельским сестрам инокиням Александре и Елизавете келью с находящимися в ней святыми иконами: «Крест животворящий в киоте и складни, еще крест медный, богородичные [иконы]; Толгскую, Казанскую, Живоносный источник, Умягчения злых сердец, Всех скорбящих радость, медную позлащенную Рудневскую, Огневидную, Усекновения Иоанна Крестителя, неокладные; в окладах – Спасителя, Богоматери и Чудотворца Николы, да праздники же медные позлащенные» [7].

В архивных документах содержатся сведения о том, что старообрядческие монастыри Ветки в первой половине XIX века имели иконы и даже целые иконостасы греческой живописи, к которым относились с благоговением». Так, Никольский (ветковский) монастырь, имел в деревянной церкви Св. Николы Чудотворца «иконостас греческой живописи, бывший предметом благоговения предков современных раскольников», – как отмечалось в предписании Могилевского Секретного Совещательного комитета [8]. В этом же монастыре, в моленной келье, находилась икона «Пресвятая Богородицы, замечательная по древности» [9]. В Пахомьеве монастыре, в летней церкви Преображения

Господня наряду с другими иконами был «греческого писания Нерукотворенный Образ» [10]. В описании «Движного и недвижимого имущества...» Покровского Климовского монастыря имеется сведение о том, что в иконостасе церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы была «икона Николая Чудотворца старинной живописи большая, в серебряном окладе, унизанная вся жемчугом» [11]. О том, что она была предметом поклонения, свидетельствует следующее: «На ней разных серебряных привесок, ручек, поясков и прочего – сорок два» [12]. Вышеописанные примеры подтверждают высказанное ранее мнение, что старообрядческие монастыри Ветки хранили уникальные памятники не только древнерусской, но и греческой иконописи. В ветковском Лаврентьеве монастыре была небольшая старинная икона в позлащенном окладе, принесенная в дар канцлером Н.П. Румянцевым и известная под именем походной. Такие же иконы Румянцев подарил и другим старообрядческим монастырям и часовням, находившимся в его гомельском имении [13]. Свидетельств, подтверждающих наличие памятников греческой иконописи в старообрядческих храмах и монастырях Стародубья, нами не обнаружено.

Мемуары Тимофея Верховского и Василия Родионцева свидетельствуют о наличии на территории Стародубья также местной иконописной традиции [14]. Иконами местного письма украшались как слободские и посадские храмы старообрядцев-поповцев, так и старообрядческие монастыри: Покровский Климовский (мужской), Казанский Климовский девичий, Никольский и Красноборский Предтечиев, Новопокровский Свяцковский мужской, Каменский Успенский женский скит, другие. По мнению Э.К. Гусевой, моленные старообрядцев-беспоповцев имели иконы не местного письма, а были привозными, среди которых большое место занимали иконы традиционных

центрально-русских иконописных школ [15]. Однако, длительное изучение храмового убранства беспоповских старообрядческих моленных и выявление имен иконописцев, происходящих из мест компактного проживания старообрядцев-беспоповцев, позволяет прийти к выводу, что не только привозными иконами, но и иконами местного письма были украшены эти духовные центры на территории Стародубья.

Выявление старообрядческих икон из общего числа икон XVIII–XIX вв. и атрибуция их является задачей крайне сложной, требующей немалого опыта непосредственного общения с материалами и знание особенностей различных толков и согласий [16]. Понятие старообрядческой иконы включает в себя иконы, написанные старообрядческими иконописцами, а так же иконы, которые могли находиться в старообрядческих церквях, моленных, частных домах [17]. Как известно, изобразительное искусство старообрядцев было тесными узами связано с бытовой жизнью своего времени, с народной средой. Архаизация жизненного уклада, характерная для них, накладывала отпечаток на памятники искусства старообрядцев. Из-за постоянных миграций происходила ассимиляция различных художественных элементов с местными устойчивыми формами. По мнению ряда исследователей, искусство этой среды лежит на грани между сугубо бытовым ремеслом и христианским искусством допетровской Руси, основанном на эстетике религиозного мировоззрения.

Живописный центр сложился в Ветке в XVIII веке, когда местные иконы стали широко распространяться по всему старообрядческому миру [18]. Однако в 1735, 1764 гг. последовали карательные экспедиции правительства, так называемые «выгонки», и значительная часть населения Ветки была выведена в другие регионы России. Иконописцы, согласно Румянцевской описи 16 старообрядче-

ских слобод Малороссии, появились в Стародубье задолго до второй ветковской выгонки 1764 г. [19] Стародубские слободы, имевшие статус «описных раскольниковых слобод» в отличие от Ветки окружающих ее старообрядческих поселений, таким репрессиям не подверглись. Старообрядческое население Стародубья предоставляло монахам, выходцам из Ветки, свои земли для размещения духовных центров (например, Покровский Климовский, Преображенско-Никольский Клинцовский и Новопокровский Свяцковский были основаны на землях старообрядческих поселений Стародубья ветковскими монахами в 1760 гг.). Во второй половине XVIII вв. в старообрядческих слободах Стародубья строились храмы и в них устраивалось общественное богослужение. Объёмные, монументальные в своей пластике, деревянные церкви старообрядческих слобод и посадов Стародубья украшались иконами, написанными местными мастерами. Так, в посаде Клинцы – деревянная церковь Вознесения Господня (1778 г.) и Троицкая (1787 г.), в слободе Зыбкая – деревянная Никольско-Рождественская церковь (1782 г.). Последняя строилась на средства злынковского купца Осипова. В посаде Злынка сложился своеобразный облик застройки, состоявших из домов, богато украшенных пропиленной резьбой. Сюда переселялись купцы-старообрядцы из Орла и Коломны, что и определяло внешний облик посада, в центре которого располагались деревянные особняки с мезонинами. В конце XVIII в. в этом посаде были построены три старообрядческие деревянные церкви с колокольнями. Четвёртый храм находился на торговой площади, однако сведений о наличии колокольни при нем не сохранилось [20]. В это время роль Стародубья как духовного центра старообрядцев-поповцев возрастает. Здесь находятся как общероссийские духовные центры, так и духовные центры местного значения. Положение монастырей, обителей, скитов и пустынь

является легальным, открытым. Расцвет же иконописного промысла в Стародубье происходит в XIX в. [21] Однако первые иконописцы появляются здесь в 1716 г. (Степан Иванов и Михаил Иванов сыновья Бобылевы пришли в слободу Ардонь из Юрьевского Повольского уезда, Беретинской волости, деревни Петровки; остальные иконописцы пришли в слободу Клинцы из Польши в 1748-1761 гг., т.е. ранее «ветковской выгонки» 1764 г.) [22]. Материалы переписей подтверждают, что и в Стародубье, и на Ветку старообрядцы-иконописцы приходили из Москвы, Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода, Твери, Тулы, Курска. Без сомнения, на первоначальном этапе на ветковскую иконописную традицию оказало влияние икон византийского письма, которые были в ветковских монастырях. Однако самые ранние памятники ветковской иконописи XVIII в., представленные в собрании Гомельского краеведческого музея, ничего не имеют общего с иконами XIX в. Они не имеют той яркости красок, радостного мироощущения, который характерен для ветковской и стародубской иконы XIX – начала XX вв. Для складывания традиций необходим был определенный исторический период, стабильное положение старообрядческих поселений, их устойчивое развитие, наличие духовных центров. Легальное положение стародубских старообрядческих поселений в XIX в., превращение их в посады и города, способствует и иному мироощущению старообрядческого населения. Богатое посадское купечество, промышленники и предприниматели Клинцов, Новозыбкова становятся попечителями храмов и моленных, а значит и заказчиками икон. В это время Ветка не может соперничать со Стародубьем. Она уступает Стародубью в экономическом, демографическом развитии, сохраняя за собой положение духовного центра.

Необходимо отметить наличие большого количества прорисей в иконописных мастерских и существование Клинцовского иконописного подлинника, о котором писали в XIX в. выдающиеся исследователи Федор Буслаев, Д. А. Ровинский. Он был составлен в XVIII в., но стал широко известен в XIX в. (В настоящее время Клинцовский иконописный подлинник находится в собрании Библиотеки Академии Наук в г. Санкт-Петербурге) [23]. Иконописный подлинник получил наименование Клинцовский из-за владельческой записи, которую приводили ранее исследователи: «Сергея Иван... Малороссийской Черниговской губернии Суражского повета Клинцовского посада мещанина...» [24]. Однако внимательное прочтение рукописи позволило уточнить еще одно имя владельца: «Сей подлинник мастером письменным Исаем Платоначам Казминым...сопственной его 1830 года месяца сентября 11 числа написася» [25]. К сожалению, больше сведений об этом владельце найти не удалось. Указанный иконописный подлинник содержит не только описания как писать ту или иную икону, но и очень интересные сведения об истории иконописания в России, о выдающихся иконописцах. Это «преподобный священноинок Алимпий Печерский и спостник его отец Григорий», иконописец Киевский; Петр Митрополит Московский, Преосвященный Афанасий Митрополит Московский, Федор Архиепископ Ростовский, Архимандрит Симонова монастыря, «племянник Сергея Чудотворца», Дионисий игумен Глушицкий, волотовский чудотворец, Преподобный Антоний, игумен Сийский и Холмогорский Чудотворец Преподобный мученик, игумен Пошехонский, Преподобный Андрей Радонежский, иконописец, прозванием Рублев» [26]. Самые возвышенные отзывы приводит автор этого иконописного подлинника об Андрее Рублеве. «Прежде живяша в послушании у прежнего отца Никона Радонежского, он поделе при себе

образ написать Пречистыя Троицы в похвалу отцу своему, святому Сергию Радонежскому» [27]. Он также называет имена «Даниила спостника, иконописца славного, зовомого Черный», сподвижника Андрея Рублева, преподобного отца Игнатия, сподвижника Кирилла Белозерского, Преподобного Ананию, иконописца и пресвитера Антониева монастыря в Новгороде» [28]. Следовательно, старообрядцы-иконописцы не отделяли свое творчество от предшествующей иконописной традиции в России, а продолжали ее в своих произведениях. Подобных очень важных и значимых свидетельств в иконописной традиции Ветки не обнаружено.

Иконописание процветало на Ветке и окружавших её слободах, и в Стародубье (Зыбкой (Новозыбкове), Клинцах, Воронке, Злынке, Шеломах, Свяцке, Лужках, Елионке). «Слобожане в качестве бродячих торговцев, шапочников, портных, скорняков, иконописцев и иных художников переходили из Малороссии и соседним с нею областям из города в город, из местечка в местечко» [29]. В старообрядческих монастырях и скитах «занимались иконописанием, оправой книг, что давало обильный заработок» [30]. Сами старообрядцы относят иконы, написанные здешними мастерами, к местной иконописной школе [31]. Исследователи же квалифицируют их как произведения ветковской иконописи, в которой соединились наследие ярославской, московской школ и царских писем с более поздней техникой золотопробельного письма [32]. Традиция иконописания в Стародубье сохранялась на протяжении XX века. В 1944 г. был расписан иконостас церкви Спаса-Преображения в городе Клинцы. В 1972 в городе Новозыбкове умер иконописец Семен Харчевников, работавший до момента смерти. Иконописные мастерские существовали в селе Воронок до 40-50-х годов XX в. Сохранение иконописной традиции Ветки также прослеживается

на протяжении XX в. Но она не дает столь широкого характера распространения.

Архивные документы позволяют утверждать, что старообрядческие монастыри Стародубья были украшены большим количеством икон, о чем свидетельствует «Опись движимому и недвижимому имуществу беглопоповской секты Митьковско-Покровского монастыря в Новозыбковском уезде стоящего». Согласно ей, в церкви Покрова Пресвятой Богородицы находилось 85 икон в «позолоченных» и серебряных окладах, в большинстве имевших ризы, вышитые из речного жемчуга, цветного стекла и «буса» [33].

В деревянной церкви во имя Архангела Михаила находилось: 60 икон в позолоченных и серебряных окладах, большая часть из которых имела ризы из жемчуга, цветного стекла и «буса», 166 икон без окладов, 1 икона «лепной работы» [34]. Среди них были: «Икона Днепровской Божьей матери в серебряном позолоченном окладе унизана жемчугом, к ней привешено четыре креста серебряные из них на одной серебряной цепочке и две на особой цепочках, да пять ниток жемчугу; икона Тихвинской Божьей Матери в серебряном позолоченном окладе, унизанная жемчугом, к ней привешен серебряный с простым камнем крест на шелковой ленте, вынизанной жемчугом» [35].

Не менее красивым и богатым было убранство церквей Климовского Казанского девичьего монастыря. Так, в церкви во имя пророка Илии находилось 157 икон [36]. Среди них наиболее ценными были: «Наместная икона Божья Матерь Казанская в серебряном вызолоченном окладе, унизанная жемчугом с камнями, образ Спасителя в киоте с серебряным окладом, унизанным жемчугом с камнями, икона Илии Пророка в серебряном вызолоченном окладе», и других [37]. В каменной церкви во имя Ка-

занской Божьей матери того же монастыря находилось 79 икон [38].

Старообрядческие монастыри Ветки также обладали богатым внутренним убранством. Мы уже отмечали наличие в них икон и целых иконостасов греческой живописи. Но вместе с тем, они имели большое количество других иконописных произведений. Так, в ветковском Пахомьеве монастыре в деревянной церкви Преображения Господня было «икон простых без окладов в разных изображениях – 117; икон в разных окладах и венцах – 26. В алтаре икон «разных изображений» – 27, «особо ценных икон» – 39, из них 7 «унизаны жемчугом» [39]. В деревянной Никольской Церкви Никольского монастыря, в алтаре было – 85 икон, кроме того в церкви – икон в разных видах на деревянных досках с медными окладами и без окладов – 20, в трапезной – 23 иконы. Наиболее ценными были «Икона Казанской Божьей матери в серебряной ризе с жемчугом, икона Покрова Пресвятой Богородицы в серебряном окладе, икона Богоматери Утоли болезни в малом виде с жемчужным окладом, икона Николая Чудотворца в раме за стеклом в жемчужном окладе, др.» [40]. Из приведенных документов видно, что иконы старообрядческих храмов украшались серебряными окладами с позолотой, ризами из речного жемчуга, цветного стекла, буса. Большое количество икон позволяет говорить об их налаженном производстве в данном районе, причем как на территории Ветки, так и на территории Стародубья. В большинстве старообрядческих семей были обширные собрания икон, украшавшие их домашние моленные.

В ходе исследования нами был проведен осмотр старообрядческих храмовых и домовых собраний икон на территории Стародубья, их фотофиксация и видеосъемка [41]. Анализ фото- и видеоматериала дает возможность говорить о том, что на территории Стародубья до настоящего

времени сохранилось большое количество памятников старообрядческой живописи XVIII – начала XX вв.

По мнению Э.К. Гусевой, иконы, бытовавшие как в Стародубье, так на Ветке, разделялись на две стилистические группы: иконы привозные, которые заказывались в авторитетных устоявшихся центрах старообрядческой культуры с высоким профессиональным уровнем исполнения, как например, Покровского Климовского монастыря. Вторую группу составляла живопись местная, создаваемая слободскими иконописцами в народных традициях [42]. Наиболее стильная живопись происходила из главных центров старообрядчества: Клинцов, Ветки, Зыбкой (Новозыбкова), где обучали иконописному мастерству. Близ этих центров находились посады Воронок, Злынка, Шеломы, Лужки, Елионка, где также существовал иконный промысел [43]. В каждом из этих посадов были свои иконописцы. По нашему мнению, ветковская школа иконописи, учитывая ее географическое положение и этническое окружение, находилась на стыке византийской и западноевропейской культурной традицией. Она не могла не впитать элементы того и другого. В силу стойкой традиции сохранялась преемственность по отношению к древнейшим образцам христианского востока, но используя прописи древних мастеров так или иначе, иконописцы–старообрядцы видоизменяли их в соответствии с местными вкусами. Для ветковской школы иконописи характерным являлось наличие сложных многочастных композиций, соединение изводов, вкрапление реалий, передача элементов интерьера. Излюбленными мотивами были: узорчатая одежда святых, цветки роз, виноградная лоза, изображение святых на полях икон [44]. Иконы писались в строгом соответствии с принятой иконографией. Вместе с тем для Ветки характерно и появление новых иконографий («Никола Отвратный», «Спас Нерукотворный с клеймами в ме-

дальонах истории Авгаря», «Триипостасное Божество»), а также возрождение древней забытой иконографии («Богоматерь Огневидная») [45]. Особо почитался в старообрядческой среде образ Спаса Нерукотворного [46], являющегося символом православия. Основной богословский смысл иконы – это воплощение Сына Божия для спасения страждующего человечества. Ему поклонялись как иконе икон. Еще одним примером творческого подхода иконописцев-старообрядцев является образ Святого Николы Чудотворца. Наряду с традиционными образами Святого Николы Можайского, Святого Николы Зарайского в старообрядческой среде появляется и получает широкое распространение изображение Святого Николы Отвратного – «отвращающего все беды и напасти». По точному мнению М.М. Красилина: «Святой Никола мог быть на иконах добрым и живым, простодушным и грозным, защитником униженных – «отвратным» и философом, но всегда оставался близким, родным каждому» [47]. Старообрядцы воскрасили древнюю иконографию Богоматери Огневидной. Точных сведений о её происхождении нет. «О времени и месте явления сей иконы сказания не сохранилось», – писал в начале XX века протоиерей официальной церкви И. Бухарев [48], но в старообрядческих источниках упоминается, что явление этой иконы было в 845 году [49]. В старообрядческих поселениях эти изображения встречаются как в храмах, так и жилищах [50]. Трепетное отношение к образу Богоматери Огневидной можно найти и в архивных источниках. Ее, как святыню, передавали по наследству, завещали [51]. Образом Богоматери Огневидной не благословляли вступающих в брак, им обносили подворья в момент пожара, чтобы отвести огонь от домов. В целом, иконография сохранившихся памятников старообрядческой живописи многообразна и унифицирована, что свидетельствует о колоссальном производстве, удовлетворявшем

самые взыскательные требования заказчиков. Кроме вышеописанных икон, иконография Иисуса Христа представлена иконами: «Господь Вседержитель», «Спас в силах» [52].

Еще более разнообразно представлена иконография Богоматери в ветковской иконописи. Анализ описи икон, находящихся в церкви Покрова Пресвятой Богородицы Покровского Климовского монастыря позволяет говорить, что здесь находились иконы: Божьей Матери Владимирской, Казанской, Тихвинской, Корсунской, Феодоровской, Овсепетой (О, Всепетая мати), Страстной, Троеручной, Неопалимой Купины, Всех скорбящих радость, Утоли болезни, Ржевской, Одигитрии, Богоматери Блаженное чрево, Богоматери Днепровской, Богоматери Знамения, Богоматери Живоносный источник, Богоматери Взыскание погибших [53].

Очень разнообразно представлены иконы страстного цикла, а также иконы праздников. Так, иконографический сюжет «Распятия с предстоящими» представлен иконой, в центре которого – меднолитое распятие, а сцена предстоящими выполнена темперной живописью [54]. Иконы «Воскресение Христово встречаются только в традиционном варианте «Воскресение Христово – Сошествие во ад» [55].

На раннем этапе изготовления (XVIII в.) как местные, так и привозные иконы всегда характеризовались высоким профессиональным уровнем исполнения и строгим следованием традиций: обработка доски с ковчегом и шпонками, паволока под грунтом, многослойная темперная живопись, иногда плавью, с золотым ассистом, иногда с золотым фоном, покрытие олифой [56]. Но, постепенно, в технологии изготовления ветковских икон к. XVIII-XIX вв. происходили изменения: ковчег мог отсутствовать, рисунок процарапывался, прочеканивался, наблюдалось сов-

мещение «строгих» и «живоподобных» ликов, но при этом богосодержание не утрачивалось [57].

Процитированные выше архивные документы свидетельствуют о том, что сохранение древнерусских традиций проявлялось в оформлении ветковских икон, так как «ризы, оклады, венчики, киоты с позолоченной резьбой составляли с живописью единое целое» [58].

Иконные уборы, известные из глубокой древности, существовали на Руси еще с домонгольских времен. В богатых домах XVII в. окладные иконы составляли основу комнатного убранства. К концу XVII в. большое количество домашних икон сосредоточилось в монастырях, они использовались в обрядовой практике, их выносили во время крестных ходов [59]. Среди церковной утвари ничто не могло сравниться с иконными окладами, являвшимися широким полем для творческой фантазии художников [60]. Создававшие их мастера демонстрировали самые разнообразные техники обработки металла: выколотку, чеканку, просечку, золочение [61]. Киоты украшались ажурной позолоченной резьбой с изображением листьев и гроздьев винограда и рябины. Резчики-старообрядцы владели в совершенстве техникой резьбы по дереву с золочением, о чем свидетельствуют коллекции музеев в Ветке, в Брянске, и храмовые собрания гг. Новозыбкова и Клинцы [62].

Изготовление большой массы икон для старообрядческих монастырей, скитов, обителей, пустынь и мирских жителей могло осуществляться при наличии хорошо организованных мастерских. Среди тех, кто украшал иконами старообрядческие храмы Стародубья, Павел Любопытный называет имя Ивана Алексеева, «мужа ученого, знатных талантов и ревнителя благочестия, редкого писателя староверческой и поповщинской истории», вместе с тем, «важного изографа святых икон и чистописания уставом, украшавшего оными Москву, Стародуб и прочие страны благо-

честивых» [63]. По его словам, Иван Алексеев был погребен в Стародубе в 1776 г. [64] Историком Лилеевым упоминаются ветковский иконописец Иван Андреев, стародубский – Иван Алексеев, философ-иконописец Федор Кузьмин (XVIII в.) [65].

В ходе исследования нам удалось выявить имена иконописца-старообрядца ветковского согласия из Новозыбкова Андрея Родионцева и его сына Василия Родионцева. Последний в 1897 г. опубликовал свои мемуары «Воспоминания о моей жизни в старообрядчестве и обращении в лоно святой соборной и апостольской церкви» [66]. По нашему мнению, данные мемуары могут служить источником, дополняющим и расширяющим сведения о жизни и творчестве слободских и посадских иконописцев, устройстве стародубских старообрядческих моленных, убранстве храмов и скитов, распространении старообрядческих культовых предметов – икон, рукописных и старопечатных книг. Вместе с тем, не подлежит сомнению, что использование только этого источника недостаточно для характеристики творчества иконописцев Стародубья, поэтому работа по изучению иконописных традиций данного живописного центра будет продолжена. В настоящее время установлена связь с потомками отца и сына Родионцевых, проживающими на Брянщине. На основании свидетельств потомков иконописца, установлено местонахождение мастерской и дома Василия Родионцева в г. Новозыбкове. Дом сохранился до настоящего времени, однако был перестроен в начале 60 гг. XX вв.

Год рождения отца нами не установлен, однако из мемуаров его сына, известно, что он родился в селении Тимошкин Перевоз, имел иконописную мастерскую в г. Новозыбкове, в которой работало более десяти мастеров. Впоследствии он становится православным миссионером священником Богоявленской церкви в посаде Воронок.

Однако иконописное занятие не оставляет. Являясь активным деятелем Братства св. Михаила, князя Черниговского, он организует его отделение в посаде Воронок, где размещается иконно-книжный склад и иконописная мастерская. При братстве был открыт союз молодежи «Христианское содружество», членов которого обучали разным ремеслам, в том числе и иконописному. Именно из Воронка члены археографической экспедиции МГУ им. Ломоносова вывезли иконы, которые ныне находятся в собрании Государственной Третьяковской галереи. Свидетельства о том, что иконы кисти его письма широко расходились среди местного населения можно найти не только в воспоминаниях иконописца, но и в воспоминаниях его ученика – Трофима Александровича Андриянова, также впоследствии вышедшего из старообрядчества и ставшего единоверческим священником под влиянием своего учителя. Икона «Спас Нерукотворный» собственного письма была подарена Родионцевым в 1892 г. православному епископу Новгород-Северскому Сергию. В это время он еще был старообрядческим начетчиком. В 1920 г. Василий Родионцев умер в посаде Воронок от тифа. Он был похоронен в цвинтере Богоявленского храма. К сожалению, могилы его не сохранилось. По свидетельству очевидцев, она была вскрыта в 1980 гг. при строительстве поселковой больницы. Потомки не смогли сохранить иконописные произведения своего предка из-за преследований со стороны власти. Два сына иконописца Иван и Василий были репрессированы, младший из братьев, Андрей, под угрозой репрессий, вынужден был продать дом и покинуть Воронок в 1940 г. Из обширного имущества удалось вывезти только две подводы крайне необходимых вещей. Портрет отца сын оставил в брошенном доме. Усадьба Родионцевых отошла к строящемуся маслозаводу. По свидетельству потомков иконо-

писца, в течение 15 лет, до 1937 г., из-за бедности, дом отапливали книгами и иконами.

Еще одно новое имя иконописца-старообрядца из Стародубья, работавшего в первой половине XIX в. было выявлено в период экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова в 1998 г. в г. Клинцы [67], это Василий Лаврентьевич Карташов. Больше сведений о Василии Лаврентьевиче Карташове выявить не удалось. Таким образом, выявление новых имен иконописцев – Андрея и Василия Родионцевых, Василия Лаврентьевича Карташева, Трофима Александровича Андриянова, – подтверждает высказанное ранее мнение, что иконописание было довольно распространенным занятием среди старообрядцев.

Старообрядцы допускались к вступлению в иконописные цехи только с разрешения министра внутренних дел Российской империи, а если иконописец-старообрядец скрывал свою принадлежность к расколу и добивался принятия в иконописный цех без разрешения министра внутренних дел, то он подвергался штрафу в размере от 25 до 100 рублей [68]. Вместе с тем, иконный промысел был очень популярен среди жителей Стародубья. В стародубских поселениях были не только свои иконописцы, но и медники, переплетчики, мастера золотых и серебряных дел. Так, в г. Стародубе в 1865 г. живописцев было 39 мастеров, при них 20 рабочих и учеников [69], в посаде Клинцы – живописцев-мастеров – 7, при них наемных рабочих – 10, из семейства хозяев учеников и рабочих – 10. Наемные рабочие, находившиеся на продовольствии хозяев, получали жалованье от 96 до 120 рублей в год [70]. Это позволяет сделать вывод о том, что иконный промысел давал возможность стабильного заработка.

Иконописцы использовали дерево: липовое, осиновое или ольховое. Сусальное золото, краски: полукармин, бакан, светлый бакан, киноварь, белила, ультрамарин, крон

зеленый и желтый, лазурь берлинскую, охру, умбру, полимент, камедь. Выполнение икон требовало весьма дорогостоящих материалов: доска готовая для образа стоила от 3 до 50 коп., книжка сусального золота – от 2 до 2 р. 25 коп., фунт краски: полукармина – 18 р., светлого бакана – 5р., киновари – 2 р., белил – 18 коп., ультрамарина – 90 коп., крона зеленого – 80 коп., желтого – 30 коп., лазури берлинской – 1 р., охры – 10 коп., умбры – 12 коп., полимента – 20 коп., камеди – 1р. 20 коп., гвоздей – 20 коп. [71] Кисти применялись беличьи и барсучьи, а также «зубы медвежьи, зубы каменные, циркули медные и железные, ножи различной формы» [72]. Образцы прописей передавались из поколения в поколение. Мастерские имели образцов на бумаге – 700 листов [73]. Наиболее чтимые иконы писались «в период Великого поста с особым тщанием». Все сказанное относится также к иконописцам из Ветки. На основании собранного и изученного экспедиционного материала, а также опубликованных работ московскими и белорусскими учеными удастся составить сводную таблицу (см. таблицы 1, 2):

Таблица 1.

Иконописцы-старообрядцы из Стародубья во второй половине XVIII – начале XX вв.

Название поселения	Фамилия, имя иконописца	Годы жизни (время)
г. Стародуб	Алексеев Иван	1709-1767 гг.
п. Клиницы	Карташев Василий Лаврентьевич, Карташев Иван Комаев Василий Иванович Комаев Иван Иванович Комаев Григорий Иванович Бобылев Степан Иванович Михайлов Михаил Потапов Иван Хирсанов Андрей Иванович Охлестин Афанасий Васильевич	II пол.XVIII-нач. XIX вв.

	Лашкарев Василий Васильевич Исайя Казмин Морозовы	1830 гг. I пол. XIX в. 1940 гг.
Слобода Зыбкая, г. Новозыбков	Родионцев Андрей Родионцев Василий Харчевников Семен Васильевич Александров Константин Иосифович Журавлев Ефим Арсентьевич Кутын Михаил Кутын Сергей Росенко Степан Тимофеевич Щетинин Д.А. Щетинин Василий	I пол. XIX в. до 1880 г. (год смерти) (1867-1920) (1882-1972) нач. XX в. нач. XX в. нач. XX в. нач. XX в. к. XIX-нач. XX в. к. XIX-нач. XX в. к. XIX-нач. XX в.
п. Злынка	Булугин Ефим Васильевич Вишняков Иван Кириллович Гаврилов Иван Галявин Федор Галявин Гаврил Иванов Филипп Малиновский Иван Никита Холмогорец Горшечников Яков Долгов Максим Григорьевич Пермяков Андрей Савинов Федор Сидоров Федор Феодосий Чернышов Михаил Михайлович	нач. XIX в. сер. XIX в. сер. XIX в. сер. XIX в. сер. XIX в. к. XVIII в. II пол. XVIII в. II пол. XVIII в. нач. XX в.-1970 г. нач. XIX в. к. XVII-нач. XVIII в. XIX в. нач. XIX в. 1860 гг.
Стародубские слободы	Митрофанов Яков Малиновкин Иван	II пол. XVIII в. посл. чет. XVIII в.
п. Свяцк	Зубков Иван Перельгин Яков Константинович Петр Евдокимович Сапожников Аким Сапожников Ларион	к. XIX-нач. XX в. до 1900 г. к. XIX-нач. XX в. XIX в. к. XIX-нач. XX в.
п. Климов	Андрианов Мартын Ефимович Андрианов Иван Мартынович	сер. XIX-нач. XX в. умер в 1940 гг.
п. Митьковка	Башмаков Потап	сер. XIX-нач. XX в.

	Фролов Гавриил Евдокимович Андриянов Трофим Александрович Иоаннов Илларион Иоаннов Максим	1854-1930 гг. XIX-XX вв. вторая половина XIX в.
п. Добрянка	Бахтеев Наседкин Сафонов	XIX-нач. XX в. к. XIX-нач. XX в. к. XIX в.
п. Елионка	Богомазов Федор Тимофеев Федор Ефимьевич	XIX в. XIX-30 гг. XX в.
п. Воронок	Деев Яков Леонтьевич с сыновьями Карталаков Масляев Ширяев	к. XIX в. к. XIX в. к. XIX в. к. XIX в.
п. Шеломы	Павликов Максим Григорьевич Павликов Григорий Тимофеевич	1887-1976 гг. 1867-1921 гг.

Итак, на территории Стародубья мы можем говорить о деятельности 63 иконописцев, чье творчество связано со второй половиной XVIII – началом XX вв. Самый ранний период их деятельности приходится на начало XVIII в. Следовательно, иконописцы начинают работать на территории Стародубья, также как и на территории Ветки, одновременно. Среди иконописцев Стародубья в основном мирские жители, населяющие слободы, посады и города. Несомненно, здесь работали и монастырские иконописцы, но имена их выявить не удалось. Традиция иконописания в Стародубье являлась непрерывной. Она сохранялась до 70 гг. XX в., существовала в период оккупации территории немецко-фашистскими войсками, т.к. именно в 1944 г. Иконописание способствовало развитию религиозного шитья и вышивки, созданию иконных уборов – риз, окладов, киотов, что приводило к появлению в старообрядческих поселениях резчиков, чеканщиков, вышивальщиц. Традиции религиозного шитья и вышивки, чеканки, резьбы по дереву сохранялись на протяжении XVIII-XX вв. Наиболее значительное количество иконописцев работало в Злынке, Клинцах, Новозыбкове.

Таблица 2.

Старообрядцы-иконописцы Ветки
II пол. XVIII – нач. XX вв.

Название поселения	Фамилия, имя иконописца	Годы жизни (время)
сл. Леонтьева	Беспаликов Петр Иванович Беспаликов Кир Петрович Беспаликов Филипп Петрович Журавлев Арсентий Семенович Рожок	сер. XIX в. 1870-1930 гг. 1870-1930 гг. к. XIX в. XIX в.
Ветка	Зайцев Семен Яковлевич Ковалев Семен Яковлевич Марк Рогаткин Григорий Федорович Тарасов Иван Алексеевич Фомин	к. XIX в. к. XIX в. 1710 гг. к. XIX-XX вв. II пол. XVIII в. I пол. XVIII в.
сл. Огородня	Кушнерев Шилов Афанасий Корнеевич Шилов Марк	к. XIX в. 1907-1993 гг. сер. XIX-нач. XX в.
сл. Буда	Якушенко Петр Климович	1858-1930 гг.
Покровский Ветковский монастырь	Иван Яковлевич Иванов Ларион Кирсанов Иван Тарасов Иван Кузьмин Федор (иконописцы Покровского Ветковского монастыря) Андреанов Ефим Иванович	1780 гг. II пол. XVIII в. к. XIX в.
сл. Тарасовка	Богоедов Демид Тимофеевич Богоедов Родион Демидович	1830 гг.-1900 гг. 1850-1917 гг.
сл. Новый Крупец	Буйнов Петр Евменович Петр	XIX-XX в. к. XIX-нач. XX в.
сл. Косицкая	Гончаровы	к. XIX-нач. XX в.

Как видно из представленной выше таблицы, на территории Ветки можно говорить о творчестве 27 иконописцев, работавших на протяжении XVIII-XX вв. Большая роль в сохранении традиций иконописания здесь принадлежала монастырским иконописцам, в частности, инокам

Покровского Ветковского монастыря в XVIII – первой половине XIX вв. После разгрома старообрядческих монастырей Ветки иконописная традиция сохраняется в среде мирских иконописцев. В отличие от Стародубья только 5 слобод и местечко Ветка становятся центрами иконописания, что значительно ниже, чем в Стародубье. Традиция иконописания здесь сохраняется на протяжении XVIII-XX вв., что совпадает с временем существования иконописной традиции в Стародубье. Среди иконописцев, также как и в Стародубье, имелись потомственные мастера. Наличие спроса на иконописные произведения, необходимость обновления старых икон способствовало наличию «иконников» в старообрядческой среде.

К сожалению, традиция иконописания не сохранилась к началу XXI в. Современные старообрядческие общины вынуждены прибегать к помощи иконописцев из других регионов России. Восстанавливающиеся храмы украшаются иконами нового письма, с учетом тех иконописных традиций, которые существовали ранее. Члены общин стараются разыскать святыни своих храмов, чудотворные иконы. Нам удалось найти место последнего нахождения иконы «Богоматерь Одигитрия», XVIII в., положившей начало основанию г. Новозыбкова, согласно церковного придания (частное собрание). Святыней Рождественско-Никольского храма этого города является почитаемая икона «Казанско-Шеломовской Божией Матери», XIX в. Среди современных старообрядцев и православных наблюдается более бережное отношение к древним иконам.

На территории Стародубья и Ветки до настоящего времени сохраняется значительное количество памятников медной художественной пластики, религиозного шитья и вышивки. Однако атрибуции этих памятников практически до сих пор не проведено. Выявление памятников медного

литья, религиозного шитья и вышивки, попытка их атрибуции и уточнение особенностей бытования в старообрядческой среде является одной из первостепенных задач. Ранее исследователи лишь фиксировали наличие памятников подобного рода в старообрядческих храмах и жилищах Стародубья и Ветки. Однако должного описания этих артефактов не проводилось. Коллекциями медной художественной пластики обладают Брянский областной художественный музей, Брянский государственный областной краеведческий музей, Ветковский музей народного творчества. Разрозненные памятники медного литья находятся в коллекциях Клинцовского краеведческого музея, Новозыбковского краеведческого музея, Климовского краеведческого музея Брянской области. Пополнение коллекций этих музеев проводилось за счет передачи экспонатов Управлением внутренних дел Администрации Брянской области, Брянской таможни, а также собирательской деятельности музеев [74]. Коллекциями религиозного шитья и вышивки, собранными на территории Стародубья и Ветки, обладают Археографическая лаборатория МГУ им. Ломоносова и Ветковский музей народного творчества. Кроме того, за последние годы появилось значительное количество частных коллекций, имеющих в своих собраниях памятники медной художественной пластики и религиозного шитья и вышивки, происходящих из этого региона. Уничтожение значительного количества артефактов в связи аварией на Чернобыльской АЭС также затрудняет атрибуцию [75]. Разбросанность указанных памятников не дает возможность тщательного исследования их и выявления особенностей бытования этих памятников в старообрядческой среде. Необходимость этой работы возникает прежде всего из практических нужд. В этом нуждаются прежде всего сотрудники региональных музеев для проведения более точной атрибуции и уточнения вопроса о возможно-

сти создания на территории Стародубья и Ветки (на уровне копий) памятников медного литья, которое ранее встречалось здесь повсеместно.

Как известно, старообрядцам принадлежала большая роль в сохранении традиций и бережное отношение к памятникам древности, в особенности к медным образам и крестам. Историк М.И. Лилеев отмечал, что «старообрядцы не признавали икон официальной православной церкви, отдавали предпочтение меднолитым образам» [76].

Медная пластика имела в России особое значение. Памятники медного литья составляли наиболее многочисленную группу предметов церковного обихода. Они появились в большом количестве со времени принятия Христианства на Руси. Первоначально на Русь ввозилась медная пластика из Византии. Но ее количество не удовлетворяло возросшие потребности населения на предметы личного благочестия. Из меди изготавливали: кресты-энколпионы, кресты-тельники, иконы, змеевики, складни [77]. Предметы медного художественного литья делятся на несколько типов: нательные кресты; иконки-привески различных форм; наперсные кресты-энколпионы с подвижным оглавием, двусторонние и односторонние с фиксированным оглавием; змеевики, иконы-энколпии двустворчатые с подвижным оглавием; иконы двусторонние и односторонние с ушком для подвешивания; панагии, двустворчатые, путные (дорожные) с подвижным либо фиксированным оглавием; складни (от двух до четырехстворчатых); наугольники и средники Евангелий или матриц для них; богослужебные предметы (кадила, кации); хоросы, состоящие из отдельных медных ажурных пластин и рельефных фигурок [78]. Особенностью меднолитых икон являлось помещение на них евангельских сюжетов и очень редко библейских. В медном литье раньше, чем в других видах мелкой пластики, появляется изображение евангель-

ских праздников, некоторых местночтимых святых. Для медного литья были характерны сокращенные иконографические изводы. Наиболее часто на них помещались поясные и ростовые фигуры (одиночные или парные). Основные типы орнаментации – геометрический и растительный [79]. Относительная простота технологии изготовления, дешевизна материала, большой спрос обусловили быстрое и широкое распространение медной пластики в России. Основными центрами производства медного литья в конце XI – начале XIII вв. являлся Киев, в XIV в. его место занимает Новгород Великий. Здесь происходит становление местной школы медного литья. В XV в. окончательно складывается новгородская школа медного литья. В XVI-XVII вв. первенство в изготовлении меднолитых образов переходит к Москве и Средней Руси.

Искусство медного литья оставалось в русле древнерусской традиции и после раскола XVII в. Повторение древних образцов, воспроизведение привычных, освещенных церковной традицией иконографии – вот то, что отличало медную пластику в этот период. В 1722 г. выходит правительственный указ «о воспрещении употреблять в церковных и частных домах резные и отливные иконы». В 1723 г. было запрещено продавать в лавках и отливать медные и оловянные иконы [80]. Медное литье практически запрещалось к производству и употреблению как предмет культа. Но оно не прекратило своего существования. Новый период жизни медной пластики в XVIII – начале XX вв. оказывается тесным образом связанным со старообрядчеством. По мнению Л.Н. Савиной, «оно было монополизировано старообрядцами и получило самостоятельное направление в искусстве» [81]. В первой половине XVIII в., в связи с расцветом деятельности старообрядческой Выговской литейной мастерской, появились новые типы складней, иные иконографические сюжеты и частич-

но изменились технические приемы литья. Створы складней стали делать с петлями, плотно пригнанными друг другу на металлических стержнях. Благодаря Выговским мастерам распространение получили три типа складней: двустворчатые складни с малыми створами («Троица Ветхозаветная», «Деисус», «Ангел Хранитель и Святой Никола Чудотворец»; трехстворчатые складни были разной величины – «Деисус», «Деисус с избранными святыми»); четырехстворчатые складни отличались особенной красотой и богатством декора. На них были представлены «большие праздничные створы с кокошниками» (изображение праздников, икон Пресвятой Богородицы с избранными святыми). Обрат складней украшался резным или литым изображением Голгофского креста [82]. В 1842 г. вновь последовал указ о запрещении литья медных икон. Вместе с тем, крупным центром по производству и распространению медного литья становится Русский Север, в частности, Выговская старообрядческая пустынь вплоть до ее закрытия в 1854 г. [83] Поморское литье было наиболее ранним видом старообрядческого литья и оказало решающее влияние на развитие литейного производства других старообрядческих центров [84]. Московская Федосеевская Преображенская община в середине XIX в. продолжила традиции поморского литья. Эти два крупных центра производства медного литья удовлетворяли потребности на предметы благочестия старообрядцев-беспоповцев. Меднолитейные произведения московских мастеров имеют существенные отличия: они значительно массивнее, имеют многоцветную гамму стекловидных эмалей. На отдельных литых иконах, складнях и крестах появляются монограммы мастеров-литейщиков. Могло ли медное литье быть в районе Стародубья и Ветки? Архивных данных, подтверждающих наличие здесь производства медной художественной пластики в настоящее время не обнаружено, но встречается

она здесь повсеместно в Новозыбкове, Клинцах, Климове, Злынке, Воронке, Елионке, Шеломах, Тимошкином Перевозе, Ветке. Медную художественную пластику можно встретить здесь в храмах, моленных домах, жилых помещениях. Ранее большое количество меднолитых образков можно было встретить на старообрядческих кладбищах, особенно в Злынке. В последние годы в связи с хищениями, на кладбищах практически не сохранилось медная художественная пластика. До настоящего времени старообрядцы передают меднолитые иконы по наследству. Особенно это характерно для старообрядцев-беспоповцев. В 1981 г. исследователем Э.П. Винокуровой были обследованы юго-западные районы Брянской области, а также Гомельская, Черниговская области Белоруссии и Украины. Ею было высказано предположение о возможности производства медной художественной пластики на уровне копий в старообрядческих поселениях Стародубья и Ветки в XVIII – начале XX вв. [85] В 1983 г. экспедиция Ветковского музея народного творчества выявила в г. Новозыбкове мастера, занимавшегося литьем медной художественной пластики – Глыбина Михаила Григорьевича (1888-1945 гг.) [86]. В изученных нами исторической, искусствоведческой литературе не найдено подтверждений, что производство медной художественной пластики было на территории Стародубья и Ветки, хотя наличие меднолитых заводов в посаде Клинцы, относительная дешевизна производства, многочисленный спрос на эти культовые предметы могли способствовать литью здесь медных икон. Кроме того, в большинстве старообрядческих поселений были свои медники [87]. Какие же памятники медной художественной пластики XVIII – первой половины XIX вв. встречаются в исследуемом районе? Это образки, складни, кресты-распятия и т.д. Здесь представлены предметы культа как поповского, так и беспоповского толков старооб-

рядчества: поморское литье, изделия Московской Преображенской общины, Гуслиц. Вместе с тем, имеется смешенная группа памятников.

Архивные источники подтверждают факт наличия меднолитых икон – крестов – распятий, складней, образов, икон с медными створами, врезанными в деревянную основу – в убранстве старообрядческих храмов Стародубья и Ветки. Такие предметы старообрядческого культа находились в церкви во имя пророка Илии и церкви во имя Казанской Божьей Матери в Климовском Казанском девичьем монастыре [88], в церкви во имя Бориса и Глеба в ветковском Пахомьеве монастыре, в Никольской церкви Никольского монастыря [89], также находившемся на территории Ветки. Этот факт подтверждает ранее высказанное мнение, что если в официальной церкви было запрещено употребление меднолитых икон, то старообрядцы широко применяли данные предметы культа, зачастую отдавали им предпочтение.

В исследуемом районе, как и среди иконописных памятников, преобладают культовые медные памятники старообрядцев-поповцев. В настоящее время коллекции музеев Брянской области, Ветковского музея народного творчества обладают значительным количеством произведений медной художественной пластики. Одним из наиболее характерных памятников гуслицкого литья являются так называемые «патриаршие распятия», иначе «Распятия с праздниками и избранными святыми». Это крупные, многочастные композиции, центром которых является «Распятие с предстоящими», окруженное клеймами с изображениями отдельных святых и евангельских сцен (от 5 до 12 клейм). Эти памятники не единичны в районе Стародубья и Ветки. Они встречаются как самостоятельные экземпляры, так и в качестве накладных икон на Евангелие (например, Евангелие 1863 г., Московская печать, Наклад-

ная икона, 1863. 25x41x11, дерево, бархат, медь, серебрение. Инв.-340, собрание Новозыбковского краеведческого музея). Из памятников поморского литья и литья Московской Преображенской Федосеевской общины можно отметить следующие, встречающиеся на территории Злынковского, Новозыбковского района Брянской области. Это, прежде всего, складень четырёхстворчатый: «Двунадесятые праздники». Иконография складня была разработана в литейной мастерской Выговского старообрядческого монастыря в конце XVII в. Складни подобного типа получили широкое распространение по всей территории России в XVIII-XIX вв. [90] Злынковский, Новозыбковский, Клиновский районы Брянщины – это территория компактного проживания старообрядцев-беспоповцев, поддерживавших контакты с поморскими и федосеевскими общинами России, что и объясняет распространение в данном районе этой группы памятников. У старообрядцев-беспоповцев также встречаются трехстворчатые складни с иконографическим сюжетом «Деисус» (трех- и девятифигурные), образки с изображением Святого Андрея Стратилата, пророка Даниила, Святых Кирика и Улиты, Тихвинской Богоматери, Богоматери Знамения, кресты-распятия (аналойные), кресты-распятия (киотные). Подписной, датированной пластики в исследуемом районе нами встречено не было. Большую группу составляют так называемые «смешенные» памятники, где можно увидеть отличительные черты литья, характерные для разных центров старообрядчества.

Древняя техника шитья в прикреп сохранялась в жемчужных и бисерных окладах. На иконах Ветки и Стародубья риза постепенно «эволюционировала» и превращалась в оклад, полностью закрывающий иконную доску. Это наглядно подтверждают памятники старообрядческой живописи к XVIII-XIX вв. в собрании Ветковского музея

народного творчества, храмовые иконы гг. Злынки, Клиницы, районного центра Климово. Создавая ризы на иконы, ветковские и стародубские вышивальщицы использовали традиционные русские орнаменты в виде веток с цветами, а также ажурные сетки геометрических узоров, тонко сочетающиеся с формой вещи.

Особенно излюбленным орнаментальным мотивом был библейский первоцвет – крин, который наиболее часто применялся на ризах богородичных икон [91]. Шили, либо накладывая низки с бусами близко друг к другу, что создавало плотную, выпуклую поверхность [92], либо нашивали ажурным узором, сквозь который просвечивали фольга, шелк, блески [93]. Как показывают архивные материалы, приведенные выше, ризы выполнялись в XVIII – первой половине XIX вв. из речного жемчуга, перламутра, цветного стекла. Позже, во второй половине XIX в. речной жемчуг был вытеснен более дешевым бисером и стеклярусом [94]. (Шитье жемчугом, перламутром, бисером и стеклярусом близки друг к другу по приемам работы). Монастырские и скитские вышивальщицы работали не только над созданием риз и окладов на иконы, но и над выполнением облачений, пелен, воздухов, сударей, покровов [95]. Опросы местного населения подтверждают вышесказанное, что наряду с иконописцами в Стародубье и Ветке было много вышивальщиц, что рядом с иконописью существовала «живопись иглой». В своих творениях монастырские и скитские вышивальщицы умели отразить художественные вкусы и высокую культуру своего времени, тонко передать многообразие и звучность красок окружающего мира. Но этот исключительно «женский промысел» давал возможность материального существования. Вышивальщицы были не только в Ветке, но и в Стародубе. В Клинцах религиозное шитье сохранилось до 60-70-х гг. XX в. Сотрудники Ветковского музея народного творчества выявили имена

ветковских вышивальщиц – Мальцевой Т.А. (XVIII в.), Поляковой М.В. (XIX-XX вв.), сестер Марфы и Матрены Петровых (конец XIX – начало XX в.). Имена вышивальщиц из посада Клиницы сохранились в памяти членов старообрядческой общины белокриницкого согласия. Это искусство, так же как и искусство иконописания, было делом «богоугодным» и традиционно анонимным, ибо грехом считалось ставить свою подпись под ликом святого. Кроме икон, религиозного шитья, вышивки, медной художественной пластики нами обнаружены такие специфические предметы старообрядческого культа, как намогильные доски, намогильные камни, надмогильные кресты, лестовки, старообрядческая кация, рукописные и старопечатные книги.

На основании вышеизложенного, мы пришли к выводу о том, что Стародубье и Ветка являлись крупными духовными центрами русского старообрядчества (поповщины), вместе с тем здесь были и беспоповские общины во второй половине XVIII – начале XX вв. Они имели здесь свои храмы, моленные, сохранившиеся до настоящего времени. Сохранившиеся памятники свидетельствуют о высоком уровне художественного наследия Стародубья и Ветки как духовных центров русского старообрядчества. Храмы и моленные старообрядцев были украшены иконами византийской живописи и местного письма (ветковского), сложившегося на основе слияния традиций ярославской, московской школ и царских писем с более поздней техникой золотопробельного письма, а также с местными традициями народного искусства. В старообрядческих семьях сохранялись значительные собрания икон. Среди иконописцев были иночествующие и миряне, многие из которых были потомственными иконописцами. Живописные центры в Стародубье и Ветке складываются практически одновременно. Они существуют на протяжении XVIII-

XX вв., несмотря на гонения официальных властей и господство атеистической идеологии. Более значительное экономическое и демографическое развитие старообрядческих поселений Стародубья в XIX начале XX вв. способствует более значительному духовному развитию. Памятники старообрядческой культуры в Стародубье встречались повсеместно. В художественном наследии старообрядчества в этом регионе сохранилась также традиция деревянного зодчества (г. Злынка). По нашему мнению, существование такого крупного духовного центра и наличие здесь медеплавильных заводов, принадлежащих старообрядцам, могло привести к созданию собственного старообрядческого литья на уровне копийного производства. также с местными традициями народного искусства. Материалы переписей населения подтверждают, что и в Стародубье, и на Ветку старообрядцы-иконописцы приходили из Москвы, Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода, Твери, Тулы, Курска в начале XVIII в. Без сомнения, на первоначальном этапе на ветковскую иконописную традицию оказало влияние икон византийского письма, которые были в ветковских монастырях. Однако самые ранние памятники ветковской иконописи XVIII в., представленные в собрании Гомельского краеведческого музея, ничего не имеют общего с иконами XIX в. Они не имеют той яркости красок, радостного мироощущения, который характерен для ветковской и стародубской иконы XIX – начала XX вв. Для складывания традиций необходим был определенный исторический период, стабильное положение старообрядческих поселений, их устойчивое развитие, наличие духовных центров. Легальное положение стародубских старообрядческих поселений в XIX в., превращение их в посады и города, способствует и иному мироощущению старообрядческого населения. Богатое посадское купечество, промышленники и предприниматели Клинцов, Ново-

зыбкова становятся попечителями храмов и моленных, а значит и заказчиками икон. В это время Ветка не может соперничать со Стародубьем. Она уступает Стародубью в экономическом, демографическом развитии, сохраняя за собой положение исторического духовного центра старообрядцев. По нашему мнению, расцвет ветковской иконы во второй половине XIX начале XX вв. тесно связан с экономико-демографическим, духовным и культурным развитием старообрядческих поселений Стародубья. Необходимо отметить наличие большого количества прорисей в иконописных мастерских и существование Клинцовского иконописного подлинника, о котором писали в XIX в. выдающиеся исследователи Федор Буслаев, Д. А. Ровинский. Он был составлен в XVIII в., но стал широко известен в XIX в. Иконописный подлинник получил наименование Клинцовский из-за владельческой записи. Указанный иконописный подлинник содержит не только описания технологических приемов иконописи, но и очень интересные сведения об истории иконописания в России, о выдающихся иконописцах Древней Руси.

По нашему мнению, существование духовых центров и наличие здесь медеплавильных заводов, принадлежащих старообрядцам, могло привести к созданию собственного старообрядческого литья на уровне копийного производства. Однако крупные промышленные предприятия в Стародубье принадлежали промышленникам, тесно связанными с Белокриницкой иерархией, для которой не характерна такая острая потребность в меднолитых образах. Меднолитые иконы прежде всего характерны для старообрядцев-беспоповцев, не имевших меднолитейных предприятий в старообрядческих поселениях. По нашему мнению, острой необходимости в этих предметах религиозного культа не ощущалось, в связи с немногочисленным количеством беспоповцев. Памятники иконописи, медной

художественной пластики религиозного шитья и вышивки, как и другие предметы культа, бытовавшие в данном районе, свидетельствуют о большой роли Стародубья и Ветки как духовного и художественного центра русского старообрядчества. Проведенное нами фотофиксирование сохранившихся даже в руинированном состоянии памятников старообрядческой архитектуры, иконописи, книжности, декоративно-прикладного искусства, музыкальной традиции позволяет говорить о высокой духовной культуре старообрядцев Стародубья и Ветки.

Этот район был так же местом изготовления религиозного шитья и вышивки. Памятники иконописи, медной художественной пластики религиозного шитья и вышивки, как и другие предметы культа, бытовавшие в данном районе, свидетельствуют о большой роли Стародубья и Ветки как духовного и художественного центров русского старообрядчества. Это общее художественное наследие русских старообрядцев, проживающих на территории трех славянских государств – Украины, Белоруссии и России, которое нельзя подавать только как белорусское народное творчество. Памятники художественного наследия русского старообрядчества на территории Стародубья и Ветки нуждаются в комплексном характере консервации, создании на их территории исторической охранной зоны, а также реставрации (см. вклейку, рис. 17-20).

1.Гребенюк, Т.Е. Художественное своеобразие ветковских икон. Техничко-технологический аспект / Т.Е. Гребенюк // Мир старообрядчества. – М., 1998. – Вып. 4. – С. 389.

2. Нечаева, Г.Г. Ветковский музей народного творчества / Г.Г. Нечаева, С.И. Леонтьева. – Минск : Полымя, 1991.

3. Хищения икон в указанных районах Брянской области происходят на протяжении 70 гг. XX вв. – 2000 гг.

4. Например, Перелыгин Яков Константинович из посада Святск, автор иконы Святой Никола Чудотворец. 1894. Дерево, темпера. Инв. ДР-880, КП 44164.

5. Нечаева, Г.Г. Ветковская икона / Г.Г. Нечаева. – Минск: Четыре четверти, 2002.

6. Муратов, П. Открытие нового русского искусства / П. Муратов // Русская провинция. – 1996. – №3. – С. 73.

7. РГИА.Ф.1284. Оп.200. Д.104. Л.295.

8. РГИА.Ф.1284. Оп.201. Д.97. Л. 93 об.

9. Там же. Л.5.

10. Там же. Л.4.

11. Там же. Оп.200. Д.104. Л. 206 об.

12. Там же.

13. Лабынцев, Ю.А. Гомельские старообрядцы и М.П. Румянцев / Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская // Старообрядчество как историко-духовный феномен : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Гомель: ГГУ, 2003. – С. 146.

14. Верховский, Т.А. Стародубье : записки / Т.А. Верховский. – Казань, 1874. – С. 174; Родионцев, В. Воспоминание о моей жизни в старообрядчестве и обращение в лоно святой соборной и апостольской церкви / В. Родионцев // Братское слово. – 1897. – Т. II, №6-10.

15. Гусева, Э.К. Старообрядческое искусство на Брянщине и Гомельщине / Э.К. Гусева // Из истории фондов научной библиотеки Московского Университета. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1978. – С. 130.

16. Лучшева, З.А. Предметы старообрядческого культа в собрании ГМИР / З.А. Лучшева. – [Б.в.д.].

17. Старообрядцы-иконописцы создавали свои произведения в соответствии с древними дониконовскими образцами.

18. Нечаева, Г.Г. Ветковский музей народного творчества / Г.Г. Нечаева, С.И. Леонтьева, Ф.Г. Шкляров. – Минск : Полымя, 1994. – С. 53.

19. Перекрестов, Р.И. Об иконописной традиции Ветки и Стародубья / Р.И. Перекрестов // Старообрядчество: история, культура, современность. – 2007. – №12.

20. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Брянская область. – М. : Наука, 1997. – С. 237-238.

21. Из жизни приходов // Приложение к древлеправославному календарю. – Новозыбков, 1991. – С. 7-8.

22. Это уточнил исследователь Р.И. Перекрестов, ссылаясь на документы Центрального государственного исторического архива Украины: ЦГИА Украины. Ф.57. Оп.1. Д. 117. Л. 171;208;225-226 об; 230; 241.

23. Клинецовский иконописный подлинник представляет собой рукопись XVIII в. написанную полууставом в несколько почерков. 343+1 Л. При брошюровке книги порядок листов был перепутан, начало рукописи на л.53-181; продолжение на Л. 29-52; окончание на Л. 182-289; Л. 3 - 290 имеют нумерацию тетрадей. Отдел рукописей БАН, собрание Строганова №66, инв. 2828.

24. Данная владельческая запись находится на ЛЛ. 144; 277 -280; 282.

25. Там же. ЛЛ.1-2; 11-15; 19;21-26.

26. Там же. Л.180.

27. Там же Л.181.

28. Там же.

29. Лилеев, М.М. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. XVII – XVIII вв. / М.М. Лилеев. – Киев, 1895. – С. 232.

30. Там же. С. 85.

31. Вургафт, С.Г. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы / С.Г. Вургафт, И.А. Ушаков. – М.: Церковь, 1996. – С. 63.

32. См.: Традиционная и духовная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. – Новосибирск, 1992. – С. 3.

33. РГИА.Ф.1284. Оп.200. Д.104. Л. 202–203.

34. Там же. Л.207 об.–211.

35. Там же.

36. Там же. Л. 221–223.

37. РГИА. Ф. 1284. Оп. 200. Д. 104. Л. 221–213.

38. Там же. Л. 223–224 об.

39. Там же. Л. 81–83 об.

40. Там же. Л. 83 об.–85.

41. Автором подготовлен фотоальбом «Памятники старообрядческой культуры Стародубья и Ветки: архитектура, иконопись, медная художественная пластика, рукописная и старопечатная книга».

42. Гусева, Э.К. Памятники старообрядческой живописи в XVIII–XIX вв. / Э.К. Гусева // Русские письменные и устные традиции и духовная культура... С. 152.

43. Данные экспедиций автора 1996–2007 гг.

44. Гребенюк, Т.Е. Художественное своеобразие ветковских икон. Техничко-технологический аспект / Т.Е. Гребенюк // Мир старообрядчества. – М. : РОССПЭН, 1998. – Вып. 4. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. – С. 389.

45. Её же. Техничко-технологическое своеобразие ветковских икон // Старообрядчество. История. Культура Современность. – М., 1998. – Вып. 6. – С. 69.

46. Иконы данных иконографических изводов можно встретить в описи движимого имущества старообрядческих монастырей. Иконы Спаса Нерукотворного были в

большом количестве представлены в старообрядческих монастырях: Покровском Климовском, Казанском девичьем, др.

47. Красилин, М.М. Русская икона в XVIII– начале XX веков / М.М. Красилин // Духовная среда России. Певческие книги и иконы XVII – начала XX вв... С. 140.

48. Бухарев, И. (Протоиерей). Чудотворные иконы Пресвятой Богородицы. История их изображения / Протоиерей И. Бухарев. – М., 1901. – С. 10. (Репр.).

49. Гребенюк, Т.Е. Иконография Богоматери Огневидной. К постановке вопроса / Т.Е. Гребенюк // Старообрядчество. История. Культура. Современность : тезисы III науч.-практ. конф. – М., 1991. – С. 226.

50. В коллекции Ветковского музея народного творчества имеются аналогичные иконы.

51. Духовное завещание инокини-схимницы обители «Княжных» посада Клинцы Минодоры (Марии Авраамовны Лаптевой) // РГИА.Ф.1284. Оп.200. Д.104. Л.255.

52. Встречаются повсеместно в исследуемом районе.

53. РГИА.Ф.1284. Оп. 200. Д. 104. Л. 204-205 об.

54. Икона данного иконографического извода была зафотофиксирована нами в Рождественско-Никольской церкви г. Новозыбкова.

55. Данные экспедиций автора 1996-2007 гг.

56. Гусева, Э.К. Памятники старообрядческой живописи к XVIII – XIX вв. / Э.К. Гусева // Русские письменные и устные традиции и духовная культура... С. 152.

57. Гребенюк, Т.Е. Художественное своеобразие ветковских икон. Техничко-технологический аспект / Т.Е. Гребенюк // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции: Результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества... С. 389.

58. Нечаева, Г.Г. Ветковский музей народного творчества / Г.Г. Нечаева, С.И. Леонтьева, Ф.Г. Шкляров. – Минск : Полымя, 1994. – С. 153.

59. Шитова, А.А. Драгоценные уборы русских икон к. XVII – нач. XX вв. Выставка из фондов музея / А.А. Шитова. – Сергиев Посад, 1998. – С. 4-5.

60. Там же.

61. Нечаева, Г.Г. Ветковский музей народного творчества / Г.Г. Нечаева, С.И. Леонтьева, Ф.Г. Шкляров. .. С. 153.

62. Имеются в виду коллекции Брянского областного художественного музея и Ветковского музея народного творчества.

63. Любопытный, П. Исторический словарь староверческой церкви, описывающий по алфавиту имена ученых особ оной, основателей согласий, пастырей и буквалистов, с показанием их церкви, отличий звания, жизни, лет кончины и прочее. Сочинен в Петрополе в 1828 г. / П. Любопытный. – М., 1863. – С. 24.

64. Там же.

65. Лилеев, М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье в XVII – XVIII вв. / М.И. Лилеев. – Киев, 1895. – С. 232, 240, 419.

66. Родионцев, В. Воспоминания о моей жизни в старообрядчестве и обращении в лоно соборной и апостольской церкви / В. Родионцев // Братское слово. – 1897. – Т. II. №6-10.

67. Данные экспедиции МГУ им. Ломоносова 1998 г.

68. Полный сборник законоположений о расколе, разъясненных решениями правительствующего Сената и Святейшего Синода. – Самара, 1904. – С. 30.

69. Городские поселения в Российской империи. Т.V. Ч. II. Черниговская губерния. – СПб., 1865. – Табл. №4.

70. Там же. Табл. №5.

71. Там же.

72. Там же.

73. Там же.

74. Коллекция медной художественной пластики Брянского областного художественного музея была создана на основании передач Управления внутренних дел Администрации Брянской области; Коллекция Брянского областного краеведческого музея была сформирована на основании собирательской деятельности музея и передач Брянской таможни. Коллекция Ветковского музея народного творчества имеет значительное количество памятников медной художественной пластики, собранной на территории региона.

75. В связи с аварией на Чернобыльской АЭС село Святск попало в зону отселения. Уникальный храм Успения Пресвятой Богородицы, построенный в начале XX в. подвергся варварскому разграблению и был сожжен в 2002 г. В храме находилось значительное собрание икон в ризах из бисера и речного жемчуга. Разрозненные памятники этого церковного собрания можно обнаружить в коллекции Ветковского музея народного творчества, в частных собраниях в г. Новозыбкове.

76. Лилеев, М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье в XVII – XVIII вв. / М.И. Лилеев. – Киев, 1895. – С. 398.

77. Кресты – энколпионы – двустворчатые кресты для ношения святых мощей и святынь; змеевики имели на лицевой стороне изображение христианского образа, на обороте – головы (личины) в окружении змей либо змееной фигуры.

78. Панагия – изделие в виде двух круглых створ, соединенным шарниром для хранения частиц богородичного хлеба.

См. Русское медное литье : сб. ст. / сост. С.В. Гнутова. – М. : «Сол Систем», 1993. – Вып.1,2. – С. 9-20.

79. Там же.

80. Там же.

81. См. Савина, Л.Н. К истории производства и бытования медного художественного литья в XIX – нач. XX вв. / Л.Н. Савина // Русское медное литье. – М. : «Сол Систем», 1993. – Вып.1. – С. 48.

82. См. Винокурова, Э.П. О художественном наследии Выго-Лексинской старообрядческой пустыни (состояние вопроса) / Э.П. Винокурова // Старообрядчество в России (XVII-XVIII вв.) : сборник научных трудов / под ред. Е.М. Юхименко. – М. : «Археографический центр», 1994. – С. 144.

83. Неизвестная Россия. К 300-летию Выговской старообрядческой пустыни. – М., 1994. – С. 38.

84. Там же.

85. Винокурова, Э.П. Основные принципы классификации русской медной художественной пластики конца XVII–XVIII вв. : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. искусствоведения / Винокурова Э.П. – Л, 1989. – С. 2-3.

Ее же. Медь, согретая руками умельцев // По следам народного искусства. – Тула : Приокское издательство, 1981. – С. 111.

86. Нечаева Г.Г., Леонтьева С.И., Шкляров Ф.Г. Ветковский музей народного творчества / Г.Г. Нечаева, С.И. Леонтьева, Ф.Г. Шкляров... С. 147.

87. Городские поселения в Российской империи. Т.V. Ч.П. Черниговская губерния... Табл. №4.

88. РГИА.Ф.1284. Оп.200. Д.104. Л.221–224 об.

89. РГИА.Ф.1284. Оп.201. Д.97. Л.81–85 об.

90. Музей имени Андрея Рублёва. Из новых поступлений... С. 71-72.

91. В церкви Покрова Пресвятой Богородицы Покровского Климовского монастыря был ряд икон в коих «образ» был унизан жемчугом, а крин «бусом» // РГИА.Ф.1284. Оп.200. Д.104. Л.204-205 об.

92. Подобная риза для образа Богоматери находится в собрании БОХМ.

93. Коллекция Ветковского музея народного творчества. Круг памятников, происходящих из Клинцов, Климово, Злынки. (Данные экспедиций автора 1996-2007 гг.).

94. Религиозное шитье бисером и стеклярусом сохранялось стародубскими вышивальщицами до 60-70 гг. XX в.

95. Покров. Ветковское религиозное шитье. Бархат, золотая нить. Коллекция Археографической лаборатории МГУ им. Ломоносова.

О.Н. Горелая,
*главный хранитель,
Брянский государственный
объединенный краеведческий музей*

Рукопись П.Н. Тиханова «Брянские пословицы, игры, святочные гадания и проч.»

Цель данной статьи – представить рукопись П.Н. Тиханова, которая, насколько нам известно, ранее не публиковалась. К сожалению, представить ее в полном объеме на данный момент нет возможности. Рукопись представляет собой черновик со множеством исправлений, авторских помет, вклеек (вырезки из газет и журналов).

Рукопись П.Н. Тиханова «Брянские пословицы, игры, святочные гадания и проч.» [1] состоит из нескольких крупных частей: святочные гадания, игры, песни. Кроме

того, в ней встречаются и приметы, описание брянских обычаев. Например: «Звон в Брянске слышен из Белых Берегов – к холоду (восточный ветер)», «Звон слышен из Свенска (Свенского монастыря) – перемена погоды к дождю, к оттепели (южный ветер)», «Если домовый давит во сне кошмар, то надо спросить: к добру или к худу? Если к добру – ничего не скажет, а к худу – пахнёт на человека теплым дыханием (=ху)», «Здравствуй у красном, ходи у голубом (шуточное приветствие у женщин)».

Приведем несколько примеров песен, описаний обычаев и игр:

[На летнего Козьму-Демьяна (1-го июля), сыздавна в Брянске существует обычай «проводить дрему», который состоит в следующем: Ночью, чуть не в полночь (по нашему неуголось), в некоторых местностях города, преимущественно на Судках, Ближнем и Дальнем, раздаётся где-нибудь на перекрестке крикливое женское пение, сопровождаемое битьем в заслонки, сковороды, и т.п. Поют же при этом обыкновенно] [2] одну приуроченную к сему песню, так сказать главную или обрядовую, хотя не исключаются и другие.

Вариант:

Сухота-ль моя, сухота,
Некорыстная жена,
Некорыстная жена,
Мужа высушила,
Изушила, сокрушила
И в чехотку (...?).
Чужемужная жена –
Лебедушка белая,
Но моя шельма-жена –
Полынь-горькая трава,
У чистом поле росла...

Рядом с рукописным текстом песни вклеена вырезка из газеты:

Сухота-ль моя, сухота,
Некорыстная жена,
Некорыстная жена,
Мужа высушила,
Изушила, сокрушила
Живо сердце до конца,
Румянийце из лица.
Как заставила ходить
По чужой стороне,
Приневолила любить
Чужемужнюю жену:
Чужемужняя жена –
Лебедушка белая,
А моя шельма-жена –
Полынь – горькая трава,
Полынь – горькая трава
Во чистом поле росла.
Через чистое поле
Перепелушка летит,
Она летит, летит, летит,
Перепархивает.
Как из терема в терем
Красна девица бежит,
Она бежит, бежит, бежит
Пусты речи говорит:
Загорися мой терем
Со широким со двором.
Сохрани, Боже, помилуй
Один дедушкин овин.
Ув овине дворянин
Каравать сгородил,
Каравать сгородил,

Перчаточки позабыл,
Еще скляницу вина,
Со того ли с овина'
Загорелась слобода:
О, что-ж это за пожар,
За пожарище такой:
Он ни низок, ни высок –
Девяносто семь венцов.

В рукописи приводится очень много примеров описания игр – «Бабки», «Горелки», «Гуси», «Кострома», «Кошка и мышка» и т.д. в том числе игра «Кра'сочки».

Садятся дети рядом, и кто-либо из них по выбору, так сказать за старшего, дает каждому название какого-либо цветка. Двое из участвующих в игре стоят отдельно и носят название: один – ангела, другой – беса. Садятся чинно. И вот сначала подходит ангел и произносит:

Динь-динь-динь...

Дававшая играющим название цветов откликается:

– Кто там?

– Ангел?

– Зачем?

– За цветом.

– За каким?

Получается в ответ, примерно «за астрой», и тогда, если есть такой цветок, носящий его название идет к Ангелу.

Потом подходит Бес и произносит:

Стук-стук-стук...

На что, как и прежде, следует вопрос:

– Кто там?

– Бес.

– Зачем в печку влез?

– За цветом.

– За каким?

Говорится название цветка, и если есть такой, называющийся им идет к бесу. Так продолжается, пока не разберут всех. Тогда Ангел начинает исповедовать каждого, причем никто не должен смеяться, хотя именно в этом и заключается игра, дабы устоять против искушений, какие состоят из разных проделок со стороны партии беса.

Последняя часть рукописи, где собраны различные песни, также представляет большой интерес. Например:

Ель, моя ель, зеленая,
Зеленая, люли, зеленая,
За тобою я стояла,
Я стояла, люли, я стояла,
Батюшку с матушкой дожидала,
Дожидала, люли, дожидала.
Я все ножки пристояла,
Пристояла, люли, пристояла.
Усе ручки примахала
Примахала, люли, примахала.
Батюшка за горою,
За горою, люли, за горою,
Матушка за рекою,
За рекою, люли, за рекою.

(от матери. – Песню эту поют в последний день масленицы).

Часть рукописи, в которой описываются брянские гадания, приводим полностью с соблюдением авторской орфографии и пунктуации.

Гадания святочные производятся брянскою молодежью различно, занимаются же этим почти исключительно девицы. Так, ходят под окна слушать, что говорят в доме: если про богатство, то гадающий будет жить богато, а наоборот, речь о бедности предвещает скудость. Если беседа идет о замужестве, то выйдет-де замуж или женится.

Частое повторение утвердительного «да» – задуманное сбудется, наречие отрицательное означает противное.

На новый год (собственно первое января) выметают все комнаты, сор берут в фартук и идут так по улице, затем у встречного (или встречной) спрашивают имя, каковым, по поверью, будут звать жениха (или невесту).

Под Крещение выносят на улицу дежу [3] и ставят подальше от калитки, после чего гадающие идут поочередно к квашне задом и кто попадет в нее и сядет, той выйти замуж.

В этот же день, 6 января, смотрят – распустились ли почки на вишневой ветке, поставленной у себя в воду 9 декабря (празднование Зачатия св. Анны и иконы Богоматери «Нечаянная Радость»).

Берут охалку (беремя) [нрзб.] и считают их парами: четное число означает, что будет «пара» (выйти замуж).

Приносят кур в комнату и ставят на полу зеркало, сыпят круп, наливают в блюдечко воды и кладут на пол кольцо, и назначают себе каждая курицу. И вот чья курица клювнет в кольцо, той (девице) непременно выйти замуж; чья курица смотрит в зеркало – той жених будет форсун (щеголь), чья будет много есть круп – той жених обжора, чья будет пить – пьяница. (Форсить и форсун дало еще выражение «форсовство»: «Мода, форсовство, стремление не отстать от «купца», очень тяжело отзывается на бюджете нашего крестьянина, благодаря отхожим промыслам усвоившего далеко не деревенские привычки и потребности». – Владимирские губернские ведомости: 1902, 45).

Берут большое блюдо, кладут в него кольцо и наливают туда воды, затем накрывают блюдо и поют песни, в то же время водя рукою в блюде: на чей палец наденется кольцо – той выйти замуж. Затем с этим блюдом и ложкою идут на улицу, и над вереею [4] каждая из гадающих поочередно выплескивает ложкою воды из блюда и после

стучит ложкою по верее, приговаривая: «узлай, узлай (взлай), кобелек, где мой суженый живет?» – и слушают: где залает собака, в той стороне замужем быть.

В полночь ходят к церкви, и тут что кому послышится: или пение из брачного ритуала, или пение панихиды.

Наливают в блюдце воды и кладут поперек 9 лучинок, затем это ставят на ночь под изголовье кровати, на полу, загадывая, что кто суженый – тот-де переведет через мост (приснится). Или кладут несколько березовых веточек также под изголовье, приговаривая: кто мой суженый, меня проведет через рощу.

Надевают на одну ногу чулок, загадывая при сем, что де суженый снимет его.

Гребень кладут под подушку, с мыслью, что жених расчесет волосы.

Кладут под подушку четыре карточных короля: какой де из них приснится, такого цвета будет и жених (вероятно, цвет, собственно, масть игральных карт должна означать тут цвет волос субъекта, но какой именно – не знаем и определения в данном случае нередко носят местный характер).

Пишут на лоскутках бумаги несколько мужских имен и кладут эти клочки на ночь на икону, а наутро берут одну из бумажек, и написанное там имя есть-де, или будет имя суженого, и проч.

Рукопись П.Н. Тиханова – одно из немногих письменных свидетельств брянских обычаев. Конечно, многие из описанных в ней обрядов, гаданий свойственны не только нашей местности, но, благодаря П.Н. Тиханову, мы знаем о том, что они были широко распространены на территории нынешней Брянской области.

1. РНБ. Фонд 777, оп. 1, дело №230. Черновик на 26 л.

2. Описание обычая – газетная вырезка, вклеенная в рукопись, далее идет песня, записанная П.Н. Тихановым, после вариант песни – из газеты. Название и выходные данные газеты (или журнала) в рукописи не приводятся.

3. Дежка, дежа – квашня. Ране хлеб у печки пякли, теста у дешки учиняли. Поч. // Брянский областной словарь. – Брянск, 2007. – с. 86.

4. Верея – столб, на который навешивается створка ворот // Брянский областной словарь. – Брянск, 2007. – С. 45.

С. А. Никулина,
*старший научный сотрудник,
Брянский государственный
объединенный краеведческий музей*

**«Не умрет имя твое»
эпитафии надгробных памятников
на кладбище Радицы Крыловки
(последняя четверть XIX – нач. XX вв.)**

*«Земля без могил предков – черная
и непонятная земля, и недаром
всякое чужеземное нашествие
стремится прежде всего
разрушить святыни памяти народа,
стереть с лица земли кладбища,
переименовать всё, связанное
с глубокой отечественной историей...»*

Петр Проскурин
(«Сотворение души»)

Кладбище вошедшего в черту города Брянска, некогда самостоятельного села, Радица Крыловка было обследовано автором сообщения 13 ноября 2008 года с целью обнаружения старинных надгробных памятников. Поводом к экспедиции послужило сообщение местной жительницы о массовом разграблении кладбища и воровству чугунных памятников. По её словам, мародеры не пощадили даже памятник на могиле её предка, «личнопочетного гражданина города Брянска». Еще одной побудительной причиной произведенной фотофиксации была необходимость составления своеобразного «методического пособия» по памятникам мальцовского чугунного литья середины XIX -

начала XX веков. В дореволюционные годы они во множестве имелись на кладбищах России. Отдельные до сих пор сохранились на кладбищах сопредельных Брянщине областей: Калужской, Смоленской и др.

Село Радица появилось в 1840 году одновременно с чугунолитейным заводом (1). Памятники этого времени, вероятно, простые деревянные кресты, не сохранились. В 1877 году мимо Радицы пролегла узкоколейная железная дорога, соединившая владения Мальцева: Радицу и Людиново. Кладбище села оказалось по другую сторону железнодорожной насыпи, изолированным от регулярных весенних разливов реки Радица.

Чугунная (с 1870 года Паровозная) Радица находилась «при слиянии Десны и Болвы в 6 верстах от Брянска» (2). Собственной церкви здесь первоначально не было, а потому жители посещали церковь Благовещения Пресвятой Богородицы села Городище (территория современного района Брянска, рядом – Чашин Курган). В 1895 году был образован самостоятельный приход у построенного в 1882 году храма с престолом преподобного Сергия. С 1901 года половина поселка Новая слобода стали прихожанами храма при станции Брянск.

В 1905 году имелось прихожан: 1391 мужчин и 1418 женщин, т.е. 2 тысячи 809 человек.

В годы Великой Отечественной войны Радица сильно пострадала, но следов этого не видно. Ныне кладбище располагается к югу от Радицы Крыловки в сосновом леске, от него начинаются улицы: Новый быт, Энтузиастов, Первомайская и Калинина. Высокие, напоминающие густой лес, кресты радицкого кладбища ещё в 1970-е годы хорошо видны были из окон электропоездов, следующих от Брянска 1 до Орджоникидзеграда (Бежица). Это незабываемое зрелище навсегда запечатлелось в памяти всех, когда-либо видевших его. Ныне все изменилось.

Старые памятники на кладбище исчезают буквально на глазах. Их уничтожают и местные жители, освобождая место для собственных новых могил.

Всего было выявлено 42 дореволюционных памятника или их части. Из них 3 каменных, остальные чугунные.

Чугунные представляют собой (за единичным исключением) следующий тип: крест на невысокой Голгофе с текстами на двух (одной) сторонах. Типы и размеры крестов различны.

По внешнему виду их можно разделить на 1) кованые ажурные и 2) цельнолитые.

Ажурные 4-х конечные с различным по сложности красивым рисунком, крупного размера.

Цельнолитые имеют в средокрестии Распятие Христова. Это обязательный элемент (за единственным исключением). Количество концов варьирует (от 6 до 8), у значительного количества имеется одностороннее рельефное изображение «сияния» в средокрестии.

По размерам памятники можно разделить на группы: а) большие – гораздо выше человеческого роста, видны издали; б) средние – немного выше человеческого роста; в) малые.

Памятники начинают попадаться почти сразу от входа. Резко выделяются они из массы современных. Затиснутые чужими оградками, вытесненные в проулок, иногда и развернутые вокруг оси так, что теряется охранительный смысл надписи, тщательно продумывавшейся родными, заржавевшие, с обломанными крестами, недовыломанными табличками, или полностью обезмолвленные...

Даты от 1889 до 1913 года, то есть всего за 24 года.

Среди погребенных *младенцы*, а также и дожившие *до 92 лет. Крестьяне и личнопочетный гражданин. Па-*

мятники поставлены: *мужу, жене, матери, отцу благодарными потомками, любящими детьми, женой незабвенному мужу*. Места предыдущего жительства обозначены так: *Жиздринского уезда Калужской губернии села Людинова, села Косякина, города Масальска, села Чугунной Радицы*.

Часть их находится на семейных участках, рядом с памятниками с такими же фамилиями. Некоторые включены в общую ограду с новыми владельцами участков, но окрашены краской (видно – о них заботятся и чтут). Наконец, целая группа памятников, очевидно попавшая на «чужую» территорию в результате очередного передела земли, влачит незавидное существование, явно в ожидании скорого исчезновения. И это даже в тех случаях, когда ещё явственно различима эпитафия! От нескольких остались лишь торчащие болты на постаменте, от некоторых – постаменты с обломками оснований ажурных крестов.

Понятно, каково положение тех, кто по несчастью лишился чугунных табличек с надписями. Мародеры навсегда лишили их памяти, поскольку на кладбище – как нигде в другом месте – видны обрывы родовых нитей.

Не обнаружен ни один памятник, сохранившийся полностью, в окружении собственной ограды и на своем месте.

Старинных памятников, сохранивших надписи полностью, обнаружены единицы.

Значительное число сохранило таблички лишь на западной стороне, где помещался стандартный текст, фиксирующий имя, даты, социальный статус хозяина (хозяев) памятника. Тексты содержат от 5 до 9 строк, всего имеется 18 памятников.

И если при частичной сохранности этого текста можно попытаться его реконструировать, то эпитафия на восточной стороне индивидуальна. Книги заказов не со-

хранились. И, таким образом, целый пласт культуры нашего народа исчезает уже при нас бесследно.

В качестве примера можно привести тексты с утраченного памятника 1904 года семьи Сметских на кладбище города Жиздра Калужской области. Две таблички с текстами на западной и восточной сторонах голгофы. На лицевой стороне в 11 строк:

*под сим крестом// погребены тела// СМЪТСКИХЪ/ раб.
Михаила р. 1870 г. 22 мар./ сконч. 1904 г. 29 янв. Раба/
Иоанна имевшаго отъ роду 18 л. и 6 мес. девицы/ Феодосии
22 л. 2 ½ мес/ раба Сергея 12 л. И 6 мес/ от любящего Его-
ра / ЧЕНДРЫКИНСКАГО.*

На оборотной стороне текст в 10 строк:

*Спи же Миша!// до той страшной цар/ственной зари, ко-
гда/ востанутъ всѣ племена/ все иные народы и цари/ ко-
гда трубы архангеловъ/ громкимъ гласомъ/ вострубят и
отлѣный/ твой прах смерти/ изъ земли воскресят.*

Эпитафии (перевод на современный язык).

1) Рис. 21, 22 (см. вклейку). Тексты на двух сторонах полностью сохранились: *Под сим крестом покоится прах
Афонасия Самсоновича Демидова р. 1883 г. ум. 5 окт. 1913
г...г. Масальска //Память вечная тебе. Мирно спи в сырой
земле не умрет имя твоё будет жить в родной семье. От
любящих детей.*

2) Рис. 23 (см. вклейку). *Здесь покоится прах Михаила
Аркадьевича Чебрикова сконч. 15 августа 1913 г. на 60 г.
жизни. Мир праху твоему.*

3) *Прасковья Авраамовна Маркина + 15 ноября 1892 г.
Господи упокой душу ея.*

4) *Крестьянин села чугунной Радицы Василий Иванович
Крташов родился 1896 г. февраля 25 дня умер 1912 г. 11*

мая (с южной стороны имеется табличка-эмблема добровольной пожарной дружины).

5) Рис. 24 (см. вклейку). *Здесь покоются младенцы калужской г. Жиздринского у. села Косячина Григорий ум. 1899 г. 6 л. Мария у. 5 л. Евдокия 3 м 2 г. Михаил 1 г. Прохоровы.*

6) Рис. 25 (см. вклейку). *На память незабвенному мужу Василию Федоровичу Андрееву (без даты).*

7) *Под сим крестом покоится раба божия Татьяна Еканорова прожила 70 лет. Сконч 27 февраля (далее утрачено).*

8) *Под сим крестом покоются младенцы Устинья прожила 1 г. сконч 1913 Пелагия прожила 2 г. умерла...прожила...*

9) *Под сим крестом покоится прах крестьян села Чугунной Радицы Филиппа Алексеевича (3 строки нрзб).*

10) *Здесь покоится младенец Иоанн Ануфриевич Исаков (далее 4 строки нрзб.).*

11) *Алексей Данилович Клячин род. 17 мар. 1866 г. умер 2 сент. 1896 Жиздринского уез. Калужской губ. Села (2 строки нрзб).*

12) *Здесь погребен Иосиф Михайлович Кондратьев села Людинова умер на 53 г. жизни ...января 189 (далее утрачено).*

13) *Здесь покоится прах крест. Калужской губ. Села Людинова Пелагеи Ивановны Киреевой род. 1858 сконч. 1901 г. на 43 г. от роду.*

14) *Под сим крестом покоится прах Александра (нрзб.) род. 1897 19 мая умер 1897 21 авг. (далее утрачено).*

15) На фрагменте размером в $\frac{1}{4}$ от всей таблички сохранились крайние справа буквы; отдельные читаются, так что видно, что это – обрывки эпитафии: «...ети...не...да будет..вомой...да...божий...»

16) На кресте: *Упокой Господи душу его*

17) Рис. 26 (см. вклейку). На камне:
*Здесь покойся Надежда Александровна Звонарева сконч.
23 апреля 1897 незабвенной матери от любящих детей.
Мир праху твоему родная.*

18) Использован фрагмент от старинного памятника, к нему присоединена современная табличка с текстом: *Лично почетный гражданин города Брянска Маркин Павел Ефимович 1838-1910 от благодарных потомков.*

Литература

1. Административно-территориальное деление Брянского края. – Тула, 1987. – Т.1. – С. 112.

2. Церкви и приходы г. Брянска и Брянского уезда. – Брянск, 1990. – С. 53-54.

Г.П. Поляков,
*кандидат исторических наук, доцент,
Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского*

Образование Брянского церковного историко-археологического музея в начале XX в.

В последней трети XIX в. в ряде епархий Русской Православной Церкви (РПЦ) были основаны музеи [1] с четко выраженными функциями хранения, изучения и популяризации памятников церковной археологии.

В российской науке к середине XIX в. сформировалось представление о церковной археологии как о вспомогательной литургической дисциплине, имеющей прежде всего прикладное пастырско-назидательное значение. Вместе с тем эта дисциплина признавалась в значительной

степени исторической, поскольку речь в ней шла о традиции, древности и т.п. Таким образом, в дореволюционной русской церковной археологии сформировались два направления: богословско-литургическое и историко-художественное [2].

На VII Археологическом съезде, состоявшемся в Ярославле в 1887 г., произошел синтез первого и второго направлений и был открыт отдел церковных древностей. В начале XX в. церковная археология превратилась во вспомогательную церковно-историческую дисциплину [3]. В настоящее время она рассматривается как «история духовной культуры», где под археологией понимается «совокупность исследований, относящихся к материальным объектам, которые вместе с другими данными могут осветить историю и образ жизни людей прошлого» [4].

Церковно-археологические музеи, возникшие в 70-е гг. XIX в. при духовных академиях РПЦ, собиравшие, хранившие и изучавшие памятники церковной истории, изначально были немногочисленны и невелики. Большая группа таких музеев была организована в конце XIX – начале XX вв. церковно-археологическими обществами и комитетами в епархиальных (губернских) центрах Российской империи.

Как и все музеи исторического профиля, церковно-археологические музеи ставили своей целью сохранение письменных и вещественных памятников. Но основной их задачей было просвещение духовенства и светской публики. Через приобщение к лучшим образцам архитектуры, иконописи, декоративно-прикладного искусства предполагалось развить уважение к церковной старине, интерес к её сохранению и изучению. Эти музеи комплектовались в первую очередь вещественными памятниками, имевшими отношение к истории и обрядности РПЦ. Традиционными были отделы иконописи, облачений, книг и рукописей,

нумизматики, коллекций мелкой пластики (кресты, иконки), церковной утвари (чаши, паникадила и т.д.), а также гравюр, фотоснимков, чертежей памятников церковной архитектуры [5].

В Орловской губернии епархиальный церковно-археологический музей был основан в 1905 г. Орловским церковным историко-археологическим обществом в г. Орле [6]. Второй церковно-археологический музей в Орловской епархии и один из первых уездных музеев данного профиля в России был создан весной 1906 г. в г. Брянске.

Его созданию предшествовало заседание Брянской церковно-археологической комиссии, состоявшееся 5 марта в доме протоиерея Владимира Попова. На заседании кроме хозяина присутствовали: председатель Орловского церковного историко-археологического общества Иван Евсеевич Евсеев (преподаватель, а позднее – профессор Орловской духовной семинарии) и священники П. Мусатов, И. Соломин и Н. Ивановский. После обсуждения планов подготовки к XIV Археологическому съезду, который должен был состояться в 1908 г. в Чернигове, члены комиссии «приступили к обозрению небольшой археологической коллекции икон древней Покровской церкви, бывшего Брянского собора, вышедших теперь из церковного употребления. Причем И.Е. Евсеев обратил внимание на две иконы и царские врата от прежнего иконостаса и сделал о них подробный доклад. По его мнению, они относятся к XVII в. Причем икона с изображением сверху 6 двенадцатых праздников в честь Благовещения, Воскресения Христова, Крещения, Покрова и Введения, а внизу – Господа Иисуса Христа с предстоящими апостолами, пророками и святителями, написанная на полотне, наклеенном на толстую доску, относится к первой половине XVII в.... Комиссия выразила желание открыть свой местный Историко-Археологический музей, в который поместит озна-

ченные выше иконы, как уже вышедшие из употребления, о чем через Орловское Церковное Историко-Археологическое общество просить Орловское Епархиальное начальство. Вещи Брянского Историко-Археологического музея пока временно поместить в свободной комнате древней колокольни Брянского Собора.

Протоиерей В. Попов в дар Брянскому музею принес следующие рукописи: календарь 1730 г. на сто лет, «Летописец Келейный Преосвященного Димитрия Ростовского и Ярославского», «Краткое обозрение существования церкви единоверческой», выпись с Брянских писцовых и межевых книг на землю Семена Потресова 203 г. (столбец), несколько рукописных стихотворений игумены Брянского женского монастыря Ангелины. И печатные произведения: «Синодик старца Ефрема», «Брянский Свенский монастырь», «Брянский говор» П. Тиханова, «Требник Митрополита Петра Могилы», «Последование благодарственного пения на ниспровержение крамолы» 1826 г., «Описание Брянской Смоленской Божьей Матери Церкви» 1884 г., «Старина», «Архив Брянской Думы» за 1732 г., «Мышкинский сборник», рукопись 1779 г., «Старые календари» и десять ценных выпусков Общества любителей древней письменности» [7].

Помимо этих древностей, «... при Брянском соборе с января 1906 г. было основано особое древлехранилище, помещающееся в ризнице Собора, для сохранения памятников местной церковной старины, вышедших уже из церковного употребления... В состав древлехранилища входят до 50 предметов, а именно: царские врата, боковые двери и иконы XVII и XVIII вв., старопечатные книги, брачные венцы, а также рукописи поступили от церквей г. Брянска и его уезда, а также и частных лиц» [8].

4 мая 1906 г. город Брянск и его собор посетил Епископ Орловский и Севский Серафим, который... «ревизио-

вал церковные документы, облачения и только что образовавшийся Церковно-Археологический музей. При обзоре последнего владыко обратил внимание на царские врата и две иконы (XVII в.), сохранившееся от прежнего соборного храма, а также на древнее Евангелие, пожалованное собору царем Михаилом Федоровичем (26 октября 1640 г.) и на церковную утварь, перешедшую в собор от упраздненного Спасо-Поликарпова монастыря, а именно: Святое Евангелие, пожертвованное в монастырскую церковь Рождества Пресвятой Богородицы строителем церкви, князем Алексеем Афанасьевичем Барятинским, потомком Святого Поликарпа Брянского (это Святое Евангелие Московской печати 1689 г.); такое же Евангелие 1698 г., пожертвованное стольником Алексеем Юрьевичем, князем Мещерским, потир из древней Полбинской пустыни; чаша для освящения воды, также дар князей Барятинских» [9].

Таким образом, выстраивается следующая последовательность событий, связанных с образованием Брянского церковного историко-археологического музея: 1) в январе 1906 г. при Брянском соборе образуется древлехранилище; 2) 5 марта на первом заседании Брянской церковно-археологической комиссии производится осмотр археологической коллекции из Покровского храма, принимается решение о размещении её в колокольне Брянского собора и о просьбе к Орловскому епархиальному управлению об открытии на ее базе музея; 3) церковный историко-археологический музей, по-видимому, в конце апреля 1906 г. был открыт и размещен в ризнице Брянского Преображенского собора; 4) в его состав вошли коллекции древлехранилища, Покровского храма, а также церковные раритеты многих церквей и монастырей г. Брянска и Брянского уезда.

Литература

1. Российская музейная энциклопедия. Т.2. – М., 2001. – С. 315.
2. Мусин А.Е. К вопросу о перспективах изучения церковной культуры в Российской археологии // Археологические вести. №2. – Спб., 1993. – С. 147.
3. Там же. – С. 150.
4. Гарден Ж.К. Теоретическая археология. – М., 1983. – С. 268.
5. Российская музейная энциклопедия. Т.2. – М., 2001. – С. 316.
6. Орловские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. – 1906. – 14 мая. – С. 49.
7. Там же. 16 апреля 1906 г. – С. 489-490.
8. Брянские святые. – Брянск, 1990 (репринтное воспроизведение книги Попова В. Брянский Покровский собор. Историко-археологическое исследование. – Орел, 1907). – С. 29.
9. Орловские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. – 1906. – 14 мая. – С. 590.

Т.А. Ермакова,
*младший научный сотрудник,
Брянский государственный
объединенный краеведческий музей*

Предметы народного искусства из собрания М.К. Тенишевой в коллекции Брянского Краеведческого музея

«Придите и владейте, мудрые. Влагаю дар мой в руцы ваша. Блюдите скрыню сию и да пребудут вовеки сокровища ея во граде Смоленске на служение народа русского» – написала М.К. Тенишева на эмалевом блюде 1911 года, на которое положила ключи от своего Смоленского музея «Русская старина» [1; с.5].

Княгиня Мария Клавдиевна Тенишева (1858-1928) – выдающаяся деятельница в области русской культуры, знаменитая меценатка, была, по свидетельству современников, «гордостью всей России», взбалмошного нрава, широко образованная и начитанная, властолюбивая, с большими запросами и безусловно, с искренней любовью к искусству».

Она оставила нам три коллекции: русской графики (Государственный Русский музей), декоративно-прикладного искусства, эмалей и инкрустаций (обе в Смоленском музее-заповеднике). В 1911 году передала в дар Смоленску первый в России музей этнографии и русского декоративно-прикладного искусства «Русская старина».

«Ничего показного, бьющего на дешевый, чисто внешний эффект. Всё глубоко, всё от сердца» – пишет в своей книге Л.С. Журавлёва [1; с.193].

Мария Клавдиевна признавалась, что вначале она любила народное искусство инстинктивно, без особых знаний и понимания. Деньги тратила на приобретение за-

падной старины. «Но с годами всё чаще, все более и более русские древности останавливали моё внимание, манили и всё шире и шире открывался передо мной целый, до сих пор неведомый мне мир, и этот мир всё сильнее приковывал меня к себе... Всё, что касалось моей старины, меня глубоко трогало и волновало» [1; с. 225].

В её коллекцию входили памятники византийского и древнерусского искусства, письменные источники, редкие металлические изделия. Наиболее обширной в тенишевском собрании была коллекция дерева. Поволжская резьба была представлена очень редкими образцами, начиная с фрагментов барокко XVIII века, кончая разнообразной домово́й резьбой, а также посудой, расписными коробами, солонками и другими бытовыми предметами. Из региона Северной Двины было привезено немало прялок, расписной мебели.

За годы Великой Отечественной войны бесследно исчезли все коллекции. В связи с этим Брянский Краеведческий музей обратился с просьбой к другим музеям пополнить утраченные фонды. На эту просьбу откликнулся Смоленский музей. Так Тенишевская коллекция была передана в дар БГОКМ от Смоленского областного краеведческого музея по ордеру управления музеев 28 октября 1949 года в количестве 78 экспонатов и поступила в отдел дореволюционной истории. Коллекция включает предметы декоративно-прикладного искусства, одежды, оружия и снаряжения, церковные принадлежности и монеты.

На мой взгляд, самой разнообразной, яркой, необыкновенной по своей красоте и наиболее многочисленной (около 20 экспонатов) является коллекция «Дерево». Она представлена пряничными досками, большими ковшами и маленькими ковшиками, шкатулками, солонками, ендовами и коробами. Наиболее интересными с точки зрения техники изготовления (сложная, многоэтапная), яркой

оформительской стороны и региона бытования (Северная Двина, Вологодская губерния) являются экспонаты, изображенные на рис. 27-32 (см. вклейку). Публикаций о предметах данной коллекции не имеется. Поэтому данная работа является первой попыткой ввести их в научный оборот.

Короб (13,5x18x17 см) (см. вклейку, рис. 27, 28) прямоугольной формы с овальными углами сделан из липового луба – верхнего слоя дерева, который снимался со ствола весной, когда начиналось движение соков. Очищенный от верхней коры луб распрямлялся. Затем кусок луба определенного размера сгибали, края стенок накладывали один на другой и сшивали лыком. Стежки прошвы по три ряда на каждой стенке отчетливо видны с внутренней стороны. По размеру корпуса короба выстругано дно из елового дерева в форме решётки. Дно вставлялось, когда луб был сырым или распаренным; высыхая, стенки сжимались, прочнее закрепляя днище. Крышка так же сделана из дерева, оправлена в лубяной обод с лубяным же верхним покрытием. С одной стороны прикреплена к коробу железными петлями, с другой стороны находился замок. На боковой поверхности короба сохранилась железная накладка с овальным отверстием для ключа. Вверху на крышке маленькая подвижная железная ручка на двух железных петельках. С внутренней стороны крышка соединена с коробом кожаным ремешком. Роспись в темных красно-коричневых тонах с черной прорисовкой. На боковых поверхностях на лубяных ободках вверху и внизу волнообразный узор с полукружьями. В середине – повторяющиеся крупные цветы. На крышке вокруг ручки – квадрат, вокруг него – цепочка из стеблей-завитков. На внутренней поверхности крышки – растительный орнамент.

Солонка (15x21x8 см) (см. вклейку, рис. 29, 30) в XVII веке и почти до конца 90-х годов XIX века изготавливалась из дерева. Типичной формы солоницы была плывущая уточка, выдолбленная из дерева с отдвижной крышкой на спине. На небольшом овальном донышке два сквозных отверстия. В них вставлены два деревянных штырька, проходящие дно насквозь. Тулово солонки повторяет по форме туловище утки: округлое, сужающееся на угол в задней части (к хвостику) и сильно скругленное в районе грудки, плавно переходит в шейку. В плоской верхней части шейки посередине находится деревянный штырек, к которому крепилась головка (утрачена). С внешней стороны «хвост» насквозь пробит гвоздиком. Внутри выдолблена ёмкость для соли овальной формы. Крышка с внутренней стороны плоская треугольная с округлыми боковыми сторонами, с внешней стороны округлая. «Хвост» отходит от неё под прямым углом, в верхней части он закруглен, отогнут назад и разделен резьбой и цветом на пять стилизованных перьев. Роспись красным, зелёным, желтым, синим и черным цветом почти стерлась, местами красочный слой снят. Роспись имитирует оперение птицы. Черным цветом выделены перья. На «грудке» на красном фоне белые овалы, всё покрыто черными штрихами. На «бочках» длинные, расходящиеся от «хвоста» перья-полосы чередующиеся красного, желтого и зеленого цвета, каждое «перо» очерчено чёрным и синим цветом. На «спинке» (крышке) частично сохранился узор в районе хвоста на желтом фоне полукружья красного и синего цвета, очерченные чёрным с чёрными серединками. «Хвост» в нижней части красный с белыми завитками-полукольцами, в верхней – цветные перья. Верхнее перо с плоской верхней поверхностью зеленое с красными завитками-полукружьями.

Ковш (19x9 см) (см. вклейку, рис. 31) – посуда для «мирского» пива. Маленький, но глубокий ковш-черпак с

резной ручкой и росписью. Такие ковши назывались «наливками». Черпак представляет собой округлую долблённую чашу с тупым носиком, немного поднятым вверх. Снаружи покрыто традиционным травным орнаментом со стеблями, цветами, розетками и листьями в красно-зелёно-жёлтых тонах с чёрной прорисовкой. В средней части изображен павлин, под ним – священник (мужчина с короткой бородой, в длинной наглухо застёгнутой рясе; в правой поднятой вверх руке держи красное кольцо – «бублик»). Резная дугообразная ручка (с крючком для подвешивания на конце) с зубчатым гребнем. Рукоять с прорезью ёлочкой окрашена в красный цвет. Гребень жёлтого цвета. Над крючком изображение с объёмной и сквозной резьбой: два завитка, над ними три круглые розетки (прорезь – цветы и «крест») и отверстие.

Ящик (34x10,3x7,6 см) (см. вклейку, рис. 32) с двумя выдвижными крышками предназначен для хранения свечей в домашнем хозяйстве. Две большие боковые стенки и две крышки (большая выдвигается влево, а маленькая – вправо) украшены резьбой в виде ветвящегося побега, маленькие боковые поверхности покрыты резьбой «ромбы». С внутренней стороны длинных стенок – пазы для крышек. Внутри ящика – вырезанный из дерева ограничитель, делящий ящик на две неравные части.

Представленные предметы сильно отличаются от традиций брянского народного искусства обработки дерева. Для брянских деревянных изделий характерно отсутствие росписи, резные изделия проще по форме, чем подобные изделия Северной России. Поэтому эти предметы являются уникальными для собрания Брянского краеведческого музея.

Литература

1. БОМ 985-49; БОМ 985-50; БОМ 985-52; БОМ 985-53.
2. Журавлёва, Л.С. Княгиня Мария Тенишева / Л.С. Журавлёва. – Смоленск : Полиграмма, 1994.
3. Резное и расписное дерево. – М. : Советская Россия, 1985.
4. Русская народная живопись. – М. : Просвещение, 1975.
5. Хозяйство и быт русских крестьян. – М. : Советская Россия, 1959.

Т.С. Снытко,
*директор,
историко-краеведческий музей
Красногорской СОШ №1*

История краеведческого музея Красногорской СОШ №1

Годом рождения школьного музея можно считать 1964. Татьяна Васильевна Кудленок, учитель иностранных языков, в это время пришла на работу в Красногорскую школу. Она вспоминает: «В старом школьном здании, в угловой комнате, где проходили уроки истории и совещания учителей, был небольшой шкаф. В нем хранились собранные учащимися медали и старинные монеты. Директор школы В.И. Марченко тогда говорил, что, возможно, с этой небольшой коллекцией и начнет свою работу школьный музей». Нужны были энтузиасты, которые взялись бы за это дело. И они нашлись. Это учителя школы: Александр Иванович Снытко, Елена Васильевна Снытко, Васи-

лий Борисович Бондарь, Григорий Ефимович Деменок, Николай Харитонович Майоров.

По классам объявили о сборе краеведческого материала. Ученики стали приносить в школу все, что могли найти: деревянную и глиняную посуду, старинную одежду, предметы быта. Особенно старались мальчишки. Они находили гильзы от снарядов, осколки бомб, части от автоматов, пулеметные ленты, русские и немецкие каски.

С постройкой новой школы в 1966 году музеем отдали четыре небольшие комнаты, где должна была по плану располагаться квартира сторожа. Начали создаваться отделы: «Далекое прошлое нашего края», «Наш край в годы Великой Отечественной войны».

Валентина Даниловна Вернигор (Моисеенко) вспоминает 1966-1967 годы. «Я тогда вместе с Ниной Мищенко, Клавдией Хандожко, Татьяной Герасименко и другими учащимися занималась в краеведческом кружке. Мы создавали этнографический отдел музея. Лазали по чердакам, по сараям и все, что находили, отдавали в школу. Я принесла в музей гребень и до сих пор помню, какая это была радость для меня. В 1967 году за активное участие в общественной работе мы были награждены поездкой в г. Ленинград».

Анна Семеновна Мищенко говорит, что краеведческая работа в школе началась в 1964 году. Тогда она и ее одноклассники Александр Хандожко, Нина Снытко, Елена Горбачева, Клавдия Чижевская, Анатолий Марченко и другие вместе с учителем истории Е.В. Снытко стали ухаживать за могилой учителя И.А. Усова, погибшего на строительстве окопов во время фашистской бомбежки в 1941 году. Ребята покрасили оградку, посадили цветы, убрали мусор и сухую траву.

Клинцовская газета «Труд» в 1966 году писала: «В школе создан музей, открыта комната боевой славы. Ребя-

та установили имена своих земляков, которые погибли в годы минувшей войны, разыскивали уникальные фотографии, рассказали о становлении и упрочении Советской власти в нашем крае» [1].

Заместитель директора школы С.И. Святогор в статье «Наша Елена Васильевна» писал «...в школе создан такой музей, который по праву считается одним из лучших в области» [2].

В 1967 году красногорские краеведы стали участниками Всесоюзного слета в Москве и за хорошую работу были награждены Почетной грамотой. Краеведы школы являлись также участниками двух Всероссийских конференций юных туристов-краеведов, например, в Пушкинских Горах Псковской области в 1971 году. Сергей Мехедов и Татьяна Кучина представляли там работу красногорского музея.

В этом же году и я занималась в краеведческом кружке. Тогда мы собирали материалы о воинах-земляках, погибших во время Великой Отечественной войны. Я принесла фотографию своего деда Захара Павловича Середы, расстрелянного немцами за участие в партизанской борьбе.

В 1975 году школа праздновала свое столетие. Особенно большую работу проводил в это время школьный краеведческий музей. Были обновлены экспозиции, отделы, собраны новые экспонаты. Работой руководил Совет музея. Экскурсоводами были сами ученики. Много проводилось экскурсий. К торжественному празднованию юбилея была подготовлена выставка, которая размещалась в районном Доме культуры. В 1976 году музеем было присвоено звание «Школьный музей».

В 1984 году учащиеся 6-х классов стали создавать отдел «Природа родного края». Оксана Борисенко, Галина Ставинова, Елена Бондарчук, Оксана Ключикова, Владимир Подвойский, Станислав Снытко, Сергей Ляхов труди-

лись над оформлением этой комнаты. Кусочек леса с деревьями, пнями и мхом, чучело волка, совы, зайца, белки, самых разнообразных птиц, рога оленя, лося, косульместились в совсем небольшой комнате. Этот отдел музея пользовался большой популярностью у посетителей.

Лилия Горбачева в 1987 году училась в 7А классе. Она вспоминает: «Я, Оксана Мельникова, Михаил Булах, сестры Ирина и Елена Ковалевы, Елена Иванькова и Алексей Савченко занимались в краеведческом кружке. Мы были экскурсоводами. Я проводила экскурсию в этнографическом отделе, рассказывала о процессе обработки льна. В музей принесла бабушкину икону. Она и сейчас хранится в музее».

1986-1988 годы вошли в историю музея как период интенсивного сбора краеведческого материала. В это время я была руководителем туристско-краеведческого кружка при районном Доме пионеров. Многие учащиеся с удовольствием посещали этот кружок. Мы с ребятами совершали походы по селам и деревням Красногорского района. Побывали в Верхличах и Кашковке, Николаевке и Перелазях, Колюдах и Заборье, Батуровке и Палужской Рудне. Был собран огромный, уникальный краеведческий материал.

Например, Пелагея Ефимовна Храмко из Николаевки подарила музею мялицу. Это орудие труда, при помощи которого в домашних условиях вырабатывали волокно льна и пеньку. Жители Кашковки Прасковья Сергеевна Пастухова, Мария Филипповна Жигало охотно дали старинные орудия труда и быта крестьян. Гостеприимно встретили нас старожилы Николаевки Татьяна Федоровна Феськова, Анна Захаровна Гороховик, Мария Петровна Гороховик, Александра Антоновна Рубан. Они подарили музею рушники ручной работы, деревянные иконы, предметы крестьянской одежды и другие вещи.

В эти годы краеведы совершили поездки в города Минск, Брест, Гомель, Новозыбков, Чернигов, где побывали в краеведческих музеях. Сергей Глушаков, Геннадий Дегтярев, Александр Тисленок, Константин Берендяев, Леонид Грибов, Елена Степаниденко, Ирина Кацук, Сергей Сергеенко – вот те учащиеся, члены туристско-краеведческого кружка, которые вместе с автором этих строк на протяжении нескольких лет вели кропотливую работу по сбору краеведческого материала.

В музее бережно хранится Книга отзывов посетителей. В ней – теплые слова благодарности всем тем, кто его создавал. Среди посетителей – сотрудники Брянской областной библиотеки, преподаватели вузов, руководители предприятий, писатели и журналисты, ветераны войны и труда, учителя и учащиеся школ области.

Но после ухода бессменного директора Е.В. Снытко на пенсию он прекратил свою работу. Сказалась не только чернобыльская авария, но и перестроечные процессы, происходящие в обществе. Было не до музеев. Но спустя десятилетие стало ясно, что краеведческая работа нужна людям, что без музея трудно прививать учащимся любовь к истории родного края, трудно воспитывать патриотические чувства, уважение к труду.

Я – невестка создателей музея Александра Ивановича и Елены Васильевны. Преподаю в школе химию и биологию, но с детства увлекалась краеведением. Несколько лет была членом краеведческого кружка, которым руководила Е.В. Снытко. Когда же стала учителем и пришла работать в родную школу, то помогала в оформлении музея, рисовала картины на исторические темы и вместе со своими учениками совершала походы по району с целью сбора краеведческого материала. Может быть, именно поэтому спустя восемь лет после закрытия музея директор школы А.И. Крыжановская предложила мне реставрировать

вать его. Я вместе со своими учениками (выпуск 2007 года) взялась за это благородное дело. Полтора года нам потребовалось, чтобы возродить музей. Сегодня в нем насчитывается около полутора тысяч экспонатов.

Что могут увидеть в музее посетители? Открыты экспозиции пяти отделов. В этнографическом отделе хранятся старинные иконы, рушники, крестьянская одежда, домашняя утварь. В комнате Боевой славы собран огромный материал об участниках Гражданской и Великой Отечественной войн. Выставлены образцы холодного и огнестрельного оружия, военная форма.

В отделе «История Красногорского района и Красной Горы» можно увидеть фотографии видов нашего поселка, старинные книги, газеты, макеты крестьянской избы и древнего городища.

Нами создан и новый отдел – «История Красногорской СОШ №1». Здесь находится масса фотографий и экспонатов, рассказывающих о руководителях, об учителях, учениках этого учреждения. Здесь хранятся воспоминания выпускников о школе, имена победителей конкурсов и смотров, участников ВДНХ.

Сейчас мы проводим в музее экскурсии для учащихся школы, жителей поселка и района. К нам приезжают наши бывшие ученики, гости из разных уголков страны. При посещении музея они говорят добрые слова благодарности за наш труд.

Леонид Минович Выкочко, бывший директор Красногорской школы, пишет о музее: «...она (Е.В. Снытко) вместе с учащимися и их родителями создала один из лучших школьных музеев в области. Автору этих строк за многие годы пришлось видеть таких музеев только два» [3].

Роль краеведения в воспитательной работе очень велика. Не случайно многие учащиеся школы добрым сло-

вом вспоминают создателей музея А.И. и Е.В. Снытко, экскурсии, которые проводились в музее. А многие из бывших участников краеведческого кружка и постоянных посетителей музея сами стали учителями истории (например, Елена Степаниденко, Константин Долгий, Светлана Гаврик, Надежда Мамочкина) и связали свою судьбу, как и многие другие выпускники школы, с родным краем.

Литература

1. Газета «Труд», 13 декабря 1966 г.
2. Газета «Путь Ленина», 14 ноября 1967 г.
3. Выкочко, Л.М. Как это было / Л.М. Выкочко. – Новозыбков, 2005. – С. 275.

Т.А. Мищенко,
*кандидат исторических наук, доцент,
Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского
(филиал в г. Новозыбкове)*

Социально-культурное состояние малых городов пограничья России и Белоруссии: депрессия или стабильность?

Среди множества российских проблем, связанных с развитием страны, ее безопасностью и устойчивого будущего, существует проблема депрессивности провинциальных городов. Из общего количества городских поселений, которых по данным переписи 2002 г. насчитывается 2940, к городам относится 1098. Подавляющее большинство из них – это малые и средние города с населением не более 50 тысяч человек. В них, по разным оценкам, проживает 27-36 млн. человек, что составляет 34,5% всего городского

населения. В сложный период перехода страны к жизни в новых экономических и социальных условиях именно малые города оказались практически беззащитными. При условии сохраняющейся в российском общественном сознании дихотомии «столица» – «провинция», четко обозначилось мнение об объективной тенденции исчезновения малых городов. Якобы население само переберется с депрессивных территорий и будет способствовать развитию перспективных городов. В то же время малые и средние города особенно значимы в политической, социально-экономической и культурной жизни России. Они играют роль своеобразных «культурных столиц» для сельских районов и даже целых регионов. Целью данного исследования, финансово поддерживаемого грантом РГНФ (номер проекта 08-04-90401 а/Б), является изучение социально-культурной ситуации в малых городах Брянско-Гомельского пограничья: г. Новозыбкова (Брянская обл., РФ) и г. Ветка (Гомельская обл., РБ). Результатом полевых исследований стала систематизация информации муниципальных органов власти и результаты социологического опроса.

Насущным требованием времени является развитие провинциальной системы образования, в учреждениях которой молодежи предоставлялась бы возможность получить любой уровень знания – от школьного до профессионального. Но для большинства малых городов актуальна не проблема развития, а проблема «выживания». В то же время каждый из исследуемых городов сумел сохранить учреждения дошкольного и школьного образования, культуры, здравоохранения. В г. Ветке, согласно данным Ветковского районного отдела образования, в школах обучается 2471 ребенок, из них 1180 – в г. Ветке. В городе расположены две школы, одна из которых получила статус гимназии, а также два комплекса ясли – сад + начальная

школа. В селах района расположены три базовые школы (десятилетние) и девять средних (двенадцатилетние). В г. Ветке имеются и учреждения дополнительного образования: музыкальная школа, школа искусств, дом детского творчества, детско-юношеская спортивная школа. Действуют Дом культуры, две библиотеки. В городе работает Ветковский государственный музей народного творчества, известный даже за пределами республики. Возможно, жители Ветки находятся в несколько лучших условиях при получении медицинского обслуживания, так как в небольшом городке имеется крупная больница на 155 коек и поликлиника, рассчитанная на 375 посетителей за смену. Согласно нормативам СНБ и госстандартам – это 215% обеспеченности жителей. В г. Новозыбкове больница рассчитана на 500 коек, а поликлиника на 1200 посещений в день.

В г. Новозыбкове, где число учащихся в дневных общеобразовательных учреждениях 6200 человек, работают пять средних общеобразовательных школ (одинадцатилетних), одна гимназия, две основные общеобразовательные школы (образование – девять классов), школа-интернат для слабослышащих детей, школа-интернат для детей с тяжелыми нарушениями речи, вспомогательная школа VIII вида. К учреждениям дополнительного образования относятся детская художественная школа, детская музыкальная школа, две детско-юношеские спортивные школы. В городе пять Домов Культуры, пять библиотек, народный театр. С 1923 г. в Новозыбкове существует краеведческий музей.

Уникальность российской провинции состоит в обзримости и близости культурного горизонта. В повседневную жизнь людей включены, благодаря их доступности, посещения учреждений культуры, ориентация в местных «культурных достижениях». Для оценки «знаниевой базы» ареала местной культуры были проведены опросы на ули-

цах городов Ветки и Новозыбкова. В них приняли участие по 60 респондентов возраста 18-56 лет. Предлагались следующие вопросы: «Какие достопримечательности города Вы можете назвать?» «Назовите знаменитых, выдающихся людей Вашего города в прошлом и настоящем». Жители г. Ветки были единодушны в своем мнении: главной достопримечательностью города они назвали музей народного творчества, а самым известным человеком – основателя музея Ф. Шклярова (60 респондентов). Также были отмечены военачальники, советские политические лидеры, воины-афганцы. Среди опрошенных в г. Новозыбкове в качестве достопримечательностей лидируют «культурные новоделы»: памятник доброму Ангелу, памятник железнодорожникам, памятник Скорбящей матери. Наибольшую известность среди знаменитых новозыбковцев приобрел действующий мэр города И.А. Нестеров (28 респондентов). Следует отметить тот факт, что только респонденты возрастной группы 45-56 лет вспоминали об исторических деятелях: П.Е. Дыбенко, Д.А. Драгунском. Молодежь к категории известных людей отнесла множество чиновников, в основном из сферы образования. Этот опрос показал, что жители Ветки более ориентированы на традиционные местные культурные ценности, чем новозыбковцы, историческая память которых стирается под напором массовой современной культуры.

К внешним чертам провинциальности относятся проблемы внешней и внутренней коммуникации, среди которых – низкий уровень образования (доля людей с высшим образованием, студентов ВУЗов). В данной связи необходимым представляется анализ потенциала образовательной профессиональной подготовки в исследуемых провинциальных городах.

В отличие от г. Ветки, где не существует ни одного учреждения профессионального образования, г. Новозыб-

ков – сложившийся образовательный центр юго-запада Брянщины, а в советское время – и прилегающих областей Украины и Белоруссии. С 1930 г. в Новозыбкове работал агропединститут, преобразованный в пединститут с 1932 г. В 1976 г. НГПИ был переведен в областной центр, но в 1995 г., благодаря усилиям местных властей и поддержке областных руководителей и руководства Брянского Государственного Педагогического Института (с 2000 г. БГУ им. ак. И.Г. Петровского) в Новозыбкове был открыт комплексный факультет для подготовки учителей русского языка и учителей математики. Сейчас в Новозыбкове действует филиал Брянского Государственного Университета имени И.Г. Петровского, филиал Брянского Государственного Технического Университета, несколько негосударственных ВУЗов. В Новозыбкове готовят профессиональные кадры пять средних специальных учебных заведений: государственный профессионально-педагогический колледж, медицинское училище, сельскохозяйственный техникум, профессиональный лицей №20 (профессии слесарей, сварщиков, наладчиков станков, закройщиков и др.), профессиональное училище №40 (специальности: продавец-кассир, бухгалтер-продавец, повар).

Город Ветка, благодаря близости г. Гомеля (15 км), отправляет обучаться молодежь в областной центр. Известно, что подобное положение вещей складывается не в пользу провинциального города, так как молодежь, получившая профессию в крупном городе, стремится там закрепиться и не возвращаться домой. Понимая это, в Белоруссии в целом и в г. Ветка в частности, разрабатывается достаточно эффективная политика создания комфортных условий для проживания детей и молодежи в городе и закрепления молодых специалистов по месту распределения. Отдел образования курирует программу занятости детей в свободное время, разработана также программа

«Одаренные дети», в которую включены 37 детей города и района. В школах преобладают дети – белорусы, но учатся и представители других национальностей (в деревне Неглюбка – 13 национальностей). Вражды между детьми разных национальностей педагогами не отмечалось. Удивительно низким для современного города выглядит преступность среди несовершеннолетних в г. Ветке. В 2006 году было совершено 22 преступления, в 2007 году - всего четыре. Правонарушения не носят уголовного характера, в основном – это административные проступки, мелкие хищения, появление в нетрезвом состоянии в общественных местах, отсутствие обязательных в Белоруссии фликеров при ходьбе в темное время суток. Не зафиксировано в городе употребление тяжелых наркотиков среди несовершеннолетних, но существует проблема алкоголизма и токсикомании в неблагополучных семьях. Большую роль в пропаганде здорового образа жизни в молодежной среде играет БРСМ. Эта организация является правопреемницей белорусской комсомольской организации. В Ветковском районе в нее входят 818 человек. Союз молодежи занимается устройством патриотических акций «За Беларусь», «Мы победим», «Я – гражданин Беларуси», «За синеокую Беларусь», «Служу Беларуси». Особое направление этой молодежной организации – туристическая деятельность. Ежегодно проводится масштабный туристический слет для работающей молодежи. В нем участвуют 6-7 команд, которые участвуют в конкурсах на лучший бивуак, прохождение по полосе препятствий, лучший ужин, стенгазету, метание бревна, стрельбу. Из последних нововведений в конкурсную программу можно назвать соревнование по бодииарту. БРСМ занимается также организацией туристических групп молодежи для поездок по Беларуси и зарубежным странам. При государственной поддержке БРСМ организуется занятость молодежи в летний период. Студо-

тряды занимаются работой по благоустройству, ремонту и получают заработную плату без уплаты подоходного налога. Свой вклад в воспитание молодежи города вносит отдел молодежи Ветковского Райисполкома. Отдел осуществляет поддержку международного открытого турнира по интеллектуальным играм «Кубок ветковских раскольников», организованный учителем истории школы №1 Любимовым Сергеем Михайловичем. В турнире принимают участие школьники Могилева, Гродно, Гомеля, Суража, Новозыбкова, Красной Горы. Отдел молодежи своей деятельностью также способствует формированию устойчивых профессиональных интересов в молодежной среде. Проводятся конкурсы профессионального мастерства, для привлечения молодежи к работе на селе победителей конкурсов чествуют на общереспубликанском празднике «Дожинки». Эффективной также можно считать акцию «Единый день информирования». Молодых специалистов приглашают в исполком, где они могут задать вопросы представителям исполнительной власти. Для этих же целей в местной газете раз в месяц отдают две полосы под названием «Молодежная среда». Отдел молодежи ставит перед собой задачу пропаганды крепкой семьи в молодежной среде. Большое внимание привлекает к себе конкурс на лучшее подворье молодой семьи. Условиями для участия в этом конкурсе являются наличие частного жилого дома с подворьем, один из супругов должен быть младше 31 года, в семье должен быть ребенок. Таким образом, отбираются 9-10 семей. Они представляют информацию об увлечениях членов семьи, условиях для жизни ребенка. Оценивается также внешний вид дома. Лучшая семья по итогам этого конкурса награждается в День города.

В молодежной политике административных органов г. Новозыбкова поощряется военно-патриотическое направление. Заметный вклад в пропаганду здорового об-

раза жизни, уважения к воинскому долгу и спортивной подготовки молодежи вносит на протяжении 30 лет существования военно-спортивный клуб «Патриот». Несколько лет назад туристические клубы, образованные в учебных заведениях города, объединились в ассоциацию «Русь». Ассоциация проводит массовые мероприятия «Зимний экстрим», «Тропой героев», «Мы – славяне». Все учебные заведения города участвуют в акциях «Нет – курению!», «Мы против СПИДа!». Культурному обмену и дружбе братских народов содействует ежегодный масштабный фестиваль самодеятельных театров «Славянский перекресток», в котором принимают участие российские театры, белорусские, украинские.

Муниципальные органы власти содействуют получению молодыми семьями льготных ипотечных кредитов, из областного бюджета доплачивается 30%-ная надбавка к зарплате молодым специалистам. Однако детальных мер по привлечению молодежи на работу в город и район в работе муниципальных органов власти Новозыбкова нами отмечено не было.

Итак, проведенный социально-культурный анализ позволяет сделать вывод о преждевременном «депрессивном диагнозе» для двух исследуемых малых городов пограничья России и Белоруссии. Мы фиксируем сходные социальные проблемы, отражающие общегосударственные тенденции. Любые оценки состояния социально-культурной сферы городов, принадлежащих к разным государствам, всегда будут выглядеть политизированными, однако следует отметить преимущественный образовательный потенциал г. Новозыбкова. В то же время правомерно сделать вывод об эффективности мероприятий, направленных на формирование ценностей семьи, малой Родины, профессионального труда в г. Ветке, в которых воплощается

общегосударственный идеологический принцип «опоры на собственные силы» в Белоруссии.

Секция: Уроженцы и деятели Брянского края

В.Г. Деханов,
краевед, член Союза писателей России

Старинные Карачевские фамилии

Этими фамилиями являются: Богатырев, Гридин, Деханов, Лужецкий, Ноздрачев. Взял их за основу, потому что в моем роду все эти пять фамилий присутствуют. Отец носил фамилию Деханов, мать в девичестве была Ноздрачевой, ее мама, моя бабушка, была Гридиной, родная сестра отца, моя тетя, в замужестве была Богатыревой, тетя, жена брата мамы, носила фамилию Лужецкая, двоюродный брат (его мама была родной сестрой моей матери) носил по отцу также фамилию Лужецкий.

По указанным фамилиям в Карачевском уезде Орловской губернии существовали деревни с таким же названием: Богатырева (в Руженской волости, впоследствии в Ревенском сельсовете; перестала существовать в конце 1980-х годов; есть в Карачевском районе еще одна деревня Богатырево в Дроновском сельсовете (1985), но ее судьба мне не известна); Гридина (Бошинская волость, затем – Бошинский сельсовет); Хутор Дехановых при дер. Пословой (1920 г.) и «Дехановы-дворы» (1926 г.); Лужецкая, (ранее село Покров в Руженской волости, позже в Ревенском сельсовете); Ноздрачева (название пропало с карты, по моему, еще в конце XIX века).

Объяснить происхождение старинных фамилий Гридиных, наверное, не так уж сложно. Она образована от «Гридя» – одной из уменьшительных форм имени Григорий» [1] (Прим.: *Источники и примечания – в конце статьи и приложений*).

Стал искать происхождение остальных фамилий по другим источникам [2], но научных объяснений им так нигде из просмотренного и не нашел.

Почему я назвал фамилии Богатырев, Гридин, Деханов, Лужецкий, Ноздрачев старинными? Занимаясь составлением своей родословной по отцу, натолкнулся на печатные источники [5], где упоминаются эти фамилии в начале семнадцатого столетия. В восемнадцатом и девятнадцатом веках в Карачевском уезде уже существовала довольно обширная зона проживания людей с такими фамилиями. Так, по описанию в «Дозорной книге Карачевского уезда 1614 года» (публикация А.В. Антонова) [6] в «Городцком стане» [7] проживали: Тимофей и Григорий Ивановичи Ноздрачовы (писалось в конце фамилии через «о»), Тарас Андреевич и Емельян Андреевич Ноздрачовы, Андрей Нечаевич Ноздрачѣв (уже вместо «о» стоит в конце буква «ѣ»), Василий Иванович Ноздрачѣв, Федор, Иван, Семен, Василий и Давыд Григорьевичи Ноздрачевы, Василий Давыдович, Микита (Никита) Богданович и Андрей Богданович Ноздрачевы. В «Хотимском стане» значились: Алексей Емельянович Ноздрачев; Третьяк Дмитриевич и Афанасий Иванович Ноздрачевы, и «их дед» Андрей Петрович Ноздрачев. В «Рословском стане» числились Андрей Иванович и Гаврила Иванович Ноздрачевы. Все они были землевладельцами, имеющими от 10 до 90 четей [8] земли и лесных угодий.

Вот что пишется в «Дозорной книге...» об одних из Ноздрачевых: «Третьяк Дмитриев сын да Офонасей Иванов сын Ноздрачевы принесли ввозную (Прим.: *Объясне-*

ние устаревших слов см. в Словарике в Приложении №3) грамоту за приписью дияка Федора Шушерина, а в государеве грамоте написано: дано им в Карачевском уезде в Хотимьском стану в селце в Жудрине да на колодези на Жудри, да пол (пус) на ржавце верх лесу Княжева старое их поместье, что было им дано при царе Василье деда их Ондreja Петрова сына Ноздрачева, девяносто чети. Да Третьяк же Дмитриев сын да Офонасей Иванов сын сказали за собою поместья в Хотимьском же стану (пус) на усть речки Мощеной Кузмина колка и вниз по Вытебеди до Березова болота сорок две чети; а дана де им та пустошь при царе Василье. Да Третьяку ж дано к тому старому поместью в Городцком стану на речке на Быковке Вербника колодезя Беркина Ивана десять чети. А болши тово поместья за собою не сказали нигде» [9]. О том, что существовала деревня Ноздрачева, говорится в том же тексте «Дозорной книги...»: «Иван Григорьев сын Ноздрачев сказал за собою поместья в Карачевском уезде в Городцком стану, дано при царе Иване Васильевича всеа Руси, половину (дрв) (деревни. – В.Д.) Ноздрачева, под лесом под Сибиловым конец Валык верх Жабина болота за Мценскую дорогу по Снежатцким болотам оба поль Снежатцких отвершков конец Волак, семьдесят чети. И как де были в Карачеве писцы Юрьи Пушечников да Михайло Шишелов, писали за ними за четырьмя братья отцовское поместье за Семеном да за Васильем, да за Иваном, да за Давыдом то поместье. И в прошлом во 107-м году (1599 году. – В.Д.) брата де ево Василья не стало, а в прошлом во 112-м году (1604 году. – В.Д.) Давыда брата ево не стало, а после де ево остался сын ево Василей. И тот де выморочной жеребей за московское сиденье царя Василья, семнадцать чети с осминою, да отцовского ж поместья в вотчину семнадцать же чети с осминою; всего вотчины тридцать пять чети. А поместья де за ним племянника ево родново Василья Давыдова сына

Ноздрачева выморочной жеребий семнадцать чети с осминою. Да ему ж дано Микитина помеся да Ондreja Богданова сына Ноздрачева половину деревни Ноздрачева, под лесом (в рукописи: селом. – А.А.) под Сибилевым конец Валак верх Жабина болота за Мценскую дорогу по Снежетцкое болото по Снежецким отвершкам конец Валак, да в нем усадье в дачех шестьдесят три чети. А даны де те помеся, Васильево да Микитино да Ондреево Ноздрачевых при боярех под Москвою во 120-м году (1612 году. – В.Д.). А опричь того помеся и вотчины не сказал. А грамоты пропали в разоренье от литовских людей» [10].

Из этой же «Дозорной книги...» узнаем о проживании в Карачевском уезде в «Городцком стане – Володимера и Богдана Петровых детей Лужетцких (так, через букву «т» писали фамилию Лужецкий. – В.Д.), Докучая Лужетцкого, Кузьмы да Родиона да Михайло Истоминных детей Лужетцкого, Дениса да Дмитрия Офонасьевых детей Лужетцкого, Филиппа Сергеева, Ивана Володимерова, Федора Прокофьева, Богдана Иванова детей Лужетцких» [11].

В Хотимском стане значился проживанием Федор Прокофьев сын Богатырев: «Федор Прокофьев сын Богатырев сказал за собою в Карачевском уезде в Хотимском стану помеся де у нево на реке на Вытебеди под Понитным (Панютины. – В.Д.) лесом Березовым слободки да на реке на Лубне (пус) Богоявленская да Макаришкова, а в дачах в обеих слободках и в пустоши сто двадцать две чети с осминою. А дана та слободка Березовом блаженные памяти при царе Федоре Ивановиче всеа Руси, а пустошь дана Богоявленская и Макаришкова при царе Борисе. А болши того помеся не сказал. А помесные грамоты пропали в литовское разоренье» [12].

А теперь вернемся к Лужецким. У одного из них пути скрестились с Федором Прокофьевичем Богатыревым. «Богдан Иванов сын Лужетцкой принес отказную

грамоту за приписью диака Герасима Мартемьянова на Федорово имя Богатырева, а в грамоте написано: дано ему при Ростриге (самозванце. – В.Д.) старое отцовское поместье в (дрв) (деревне. – В.Д.) Лушках на речке Печенке пятнадцать чети добрые и худые земли да сеножати полтора копен, лесу хоромного на три версты в длину, а попереч тож. Да Богдану ж придано к Лушкам верх Сотонинского болота против Вышняго колодези на усть Родителского лесу по обе стороны дикого поля сеножати и пашни полчетверты чети с полуосминою. Да Богдану ж дано в Городцком стану (пус) и дикое поле по отделу городского приказчика Сергея Микитина 111-го году (1603 года. – В.Д.) в урочище верх по Родителскому лесу да сверх Родителского на Черторойской лес, с Черторойского лесу вниз по Сотонину верху, по обе стороны Сотонина верха пашни семдесят чети в поле, а в дву по тому ж, а сеножати по тому ж диному полю и по дуброве двесте копен. Да Богдану ж дано въезжать по хоромной и по дровяной лес и по всякое угодье в Родителской лес да в Сотонинские верхи, правая сторона по Родителскому лесу. А болши тово за собою поместье не сказал нигде» [13].

В этом же документе встретилась и фамилия Гридин в Городцком стане: «Осип Степанов сын Гридин сказал за собою отца своего поместье в Карачевском уезде в Городцком стану усть леска Горитцкого в Стоянца колодези двадцать шесть чети. Дано отца его поместье при царе Федоре. Болши того поместья за собою не сказал. А помесные грамоты пропали» [14].

Кстати, в этом же архивном источнике, хранящемся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве в фонде Поместного приказа, мы находим и другие фамилии карачевских землевладельцев, которыми были названы места их проживания. Это: Юрасовы, Бошины, Буцневы (Бучнево, Бушнева), Омельяновы

(Емельянова), Дюкаревы, Мазневы, Костихины, Зеленины, Кошкодамовы (Кошкоданова) [15]. До сих пор деревня Кошкоданова имеет еще достаточно домов, чтобы не уйти в Лету, как это случилось с соседней Богатыревой. Здесь много селилось моих однофамильцев. Поэтому есть резон рассказать о владельцах этой деревни. «Карп Иевлев сын Кошкодамов (настоящая фамилия писалась через букву «м» на конце – В.Д.) сказал за собою поместье в Карачевском уезде в Рословском стану на речке на Посиденке у колодезя (дрв) Козлищева селище, а в ней сто чети по обе стороны Посиденки з братом с Ефтифеем пополам, по пятидесяти чети, да в Городцком стану на речке на Ревне по правую сторону Ревны против Другаковского поместья Сабурова да Павлова починку Шишкина усть Клюкова болота (дрв), а в ней сто чети с Ефтифеем же пополам» [16]. А вот что сказано еще об одном Кошкодамове: «Иван Игнатьев сын Кошкодамов сказал за собою поместье в Рословском стану отцовское на речке на Рыдани по левую сторону Карачевской дороги у Соловья колка слободка Кузина восемьдесят чети да (пус) на речке на Слюнке десять чети, да в Городцком стану (пус) у Черемошного колка по обе стороны Сумовской дороги пятьдесят чети. А дано де то отцу ево поместье в Рословском стану блаженные памяти при царе Федоре Ивановиче всеа Руси, а в Городцком стану при царе Борисе, а грамоты де на то поместье пропали в нынешнее разоренье» [17].

Имеется портрет одного из Кошкодамовых – полковника С.М. Кошкодамова (см. Фотоальбом. – Приложение №4), написанный неизвестным художником не ранее 1719 года, который хранится в Государственном Историческом музее в Москве.

Имел ли этот полковник какое отношение к карачевскому поместью в нынешнем Кошкоданове, – это еще надо установить.

Наконец, своей очереди дождалась и фамилия «Деханов». Наиболее ранняя запись о Дехановых мною была обнаружена в «Карачевской отказной книге 1619-1657 гг.», которую опубликовали в книге «Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги» (Москва, 1977 г.). Сам документ хранится в РГАДА (Поместный приказ. Ф. 1209. Оп. 177. Кн. 9185). Вот запись в книге от 3 мая 1624 года: «...сто чети в поли а в дву по таму ж а межа ему Ивану (вероятно, Шехову – читай далее. – В.Д.) учинена от стародубцав детей боярских от Богдана Деханова да от Василия Лебедева да от Павла Деханова да от Григоря Вялкова от тог же Карпова да Евтифеева поместье Кошкадамовых от речки от Ревны есть Ревенское отвершку живой рубеж болота... а левая сторона усадища и земля стародубцав детей боярских Богдана Деханова с товарищи и от тех их усадищ вверх по отвершку да первого отвершка живой рубеж болота а возле ево дорога ездит на Речицу... направа перелога и дуброва Ивана Шехова а налево Богдана Деханова с товарищи да от таг дуба у дуброву дуб сухаверх на нем грань да от того дуба моленка налева дуброваю по речицкою дарогу по раздельной лесок направа перелога и дуброва и лески Ивана Шехова а налево перелога и дуброва и лески Богда<на> Деханова с товарищи вобчи сын Иваном Шеховым да вниз по Речицкому верху да Семенова поместья Олферева...» [19].

А вот еще одна запись о Дехановых от 28 марта 1643 года: «...по челобитью стародубцев Родивона Григорьева сына да Ивана Богданова сына Дехановых корачевской затинщик Филипп Иванов сын Сонин взяв с собою тутошних и сторонних людей отказал в Корачевском уезде в Городецком стану прописную землю пустош Медынку верх Быковского отвершку да пустош Ключникова с селищем Шишкиным на речке на Ревне что было в поместье за корачевцом за Другаком Саборовым а после Другака Са-

борова владел Семен Софонов а после Семена Иван Софонов без дач и пустош Медынку на Быковском отвершку под Золотовским лесом против две озерищ Стоянцов отказал Родивону Григорьеву сыну Деханову а у ней пят мест дворовых помещиков и в крестьянских да пашни и перелогом и лесом поросло пятьдесят чети в пол а в д[ву] по тому ж сена по дуброве пятьдесят копен да пустош Ключникова с селищем Шишкиным на речке на Ревне отказал Ивану Богданову сыну Деханову а в ней места дворовое крестьянских да пашни паханные, что распахали Ивановы крестьяне Софопова... а Ивану в триста чети в помеся со всеми угоди а лес Черторой дано на угодя Ивану Деханову за десят десятин оба пол тово лесу...» [29]. Кстати, в этой отказной книге также фигурируют фамилии: Богатырев, Ноздрачев, Лужецкий.

Краткие сведения о Дехановых имеются в книге генеалога Л.М. Савелова «Родословные записи. Выпуск 3» (Москва, 1909 г.): «Дехановы. Родион Д<еханов> в 1633-36 гг. служил по Стародубу. Илья Силич в 1635 г. служил в детях боярских по Стародубу. Осип Д<еханов> в 1658 г. служил по Стародубу и послан был из Путивля (ныне в Сумской области Украины. – В.Д.) к Севскому воеводе с вестями. Иван Петрович <Деханов> в 1701 г. был воеводой в Ахтырке (ныне в Сумской области Украины. – В.Д.)» [21]. В данной записи Л.М. Савелова я опустил его ссылки на архивные документы, указанные в скобках после каждого имени. Так что, только из этих двух источников я насчитал семь человек по фамилии Деханов: Богдан, Павел, Родион Григорьевич, Иван Богданович, Илья Силич, Осип, Иван Петрович. Судя по отчествам, были еще Дехановы: Григорий, Сила, Петр.

Некоторые сведения о Дехановых семнадцатого века из РГАДА и Орловского областного госархива мне сообщил брянский генеалог В.П. Алексеев, работавший в

этих архивах. Из «Книги разряда о дворянах верстанных находящихся и не служащих 7188 (1680 г. – В.Д.)», что хранится в РГАДА (ф.210, оп. 21, ед.хр. 394), находим такие данные о фамилии: Самоха (Самойла) Иванович Деханов (л.3) и Василий Никитич Деханов (л.3 об.), на приказе в г. Недригайлове (ныне в Сумской области Украины. – В.Д.) – Иван Мартинович Деханов (л.9), на приказе в Ахтырской крепости находился Иван «Меньшой» Деханов – по указу царя и Сената от 12.08.1673 г., был на государственной службе, имел «470 четей, 15 рублей, на коне, с ружем, парой пистолей, саблей, с ним в кошу 1 человек» (л.78). Вероятно, это и был Иван Мартинович Деханов. Здесь же встречаются и Микифор (Никифор) Афанасьевич Деханов, Фома Михайлович и Иван Никифорович Дехановы.

В «Книге переписной однодворцев, монастырских крестьян и церковнослужителей Карачевского уезда» (РГАДА, ф. 350, оп. 2, ед. хр. 1251) упомянуты: Афанасий Родионович Деханов, полковник (1636 г.) (с. Бордукова), Григорий Никифорович Деханов и его жена Марья (1678 г.). Ранее упомянутый Никифор Афанасьевич «служил в Чигиринских походах на меринке с ружом, саблей, парой пистолей, 39 четей, крестьян нет». Здесь же фигурирует и вотчинник Пригородного стана» Карачевского уезда Василий Никифорович Деханов, а также Василий Афанасьевич Деханов. Григорий Мартинович Деханов из деревни Кашкадан(м)ова – «в 1722 году однодворец полковой сотенной службы». Опять же упомянуты: Самойла Иванович Деханов, Марья Ивановна Деханова, Авдотья Ивановна Деханова, Иван Павлович и Павел Козьмич Дехановы, и дядя последнего – Семен Никифорович Деханов.

Из «Писцовой книги 1677 года» значатся по поместью в Кашкадамове «стародубцы»: Иван Павлович Деханов – «<за ним> двор его помещиков на нем заводной Ивашка Семенов иноземец Почепа города у него сын

Наумка трех лет, а крепостей на него не положил, два двора бобыльских с 3 чел.; «за Меньшим Ивановичем Дехановым поместья у него в Кашкадановой, дворовые люди Пашка Сергеев иноземец из повету Мстиславского Подгородный стан. Всего у Меньшого Ивана 5 чел. семей;» Макей Мартинович Деханов – «за ним двор их помещиков люди иноземцы из г. Недригайлов»; Герасим Самойлович Деханов – «за ним крестьянский двор 1 чел. и недорослей 2»; Иван Петрович Деханов – «за ним крестьянин Артюшка Хрулев с детьми бежал <и другие бежали>»; Данило Гаврилович Деханов – «...деловой человек, 1 двор крестьянский 2 чел.». Здесь же примечательна запись и о Василии Фомиче Деханове из Кашкадамова: «...22-х лет, тело у него все ранами много числа и от тех ран в непрест<анном> ослаблении. Отец его служит в полку лейббригаде полковой каптенармус при нем брат его родной в оном полку 10 роте писарем да у него же Василия брат родной Петр 11 лет. И отец по указу при оном полку стоят на квартирах в Черкасских городах. У него Василия двор<овые> деловые люди своей пашни не имеют и пахут помещичью» [22].

Только из этих записей (а они далеко не полные) можно судить о разветвленной линии рода Дехановых.

Но что любопытно, все-таки в «Дозорной книге Карачевского уезда 1614 года» фамилии «Деханов» среди землевладельцев уезда еще не было. Первое их появление здесь, как «стародубцев, детей боярских», отнесено к 1624 году.

Работая с документами Государственного архива Брянской области (ГАБО) в середине девяностых годов прошлого века, я собрал весьма обширный круг сведений о Дехановых XVIII-XIX веков. Получился пока разрозненный свод данных нескольких ветвей рода Дехановых, дающий ключ к поиску своей родословной (как я искал свою

родословную – см. Приложение №2). Давно вынашиваю задумку издать собранные генеалогические таблицы разных ветвей Дехановых. Книгу можно было бы так и озаглавить: «Дехановы, книга для вас. (Ключи к поиску родословной)». Все дело в том, где найти деньги для ее издания. Может среди Дехановых и найдутся спонсоры – вот было бы здорово!

P.S. В Приложении №1 привожу список старинных фамилий Карачевского уезда начала семнадцатого века, составленный воеводой Никитой Паниным.

Приложение №1

Старинные карачевские фамилии землевладельцев

(по «Дозорной книге Карачевского уезда 1614 года» – из книги: «Русский дипломатарий. Выпуск 10». – М., 2004 (публикация А.В. Антонова по документам РГАДА))

СТАН ГОРОДЦКОЙ

Анненков (11)*
Башкатов (1)
Бегуславов (1)
Белевцов (1)
Беляев(1)
Бовыкина (1)
Бочаркин (4)
Бошин (3)
Буцнев (3)
Васильев (1)
Водринский (2)
Воротынцов (1)

Гридин (2)
Дюкарев (8)
Енин (2)
Житкой (2)
Зеленин (1)
Зиновьев(2)
Иевлев (1)
Исаков (9)
Карпов (3)
Кастихин (4)
Кокурин (1)
Коробов (4)
Котоланов (2)
Кривошеин (2)
Кузменков (3)
Кушнерев (1)
Лужетцкой (12)
Лукин (1)
Мазнев (3)
Макаров (5)
Маслов (1)
Машкин (1)
Михаев (2)
Нелюбов (1)
Ноздраченко (9)
Оксютин (4)
Олферов (7)
Омельянов (7)
Опухтин (1)
Павлов (2)
Переделской (13)
Перков (1)
Подымов (3)
Попов (1)

Реутов (2)
Савенков (3)
Самойлов (1)
Селезнев (4)
Сибилев (6)
Сидоров (2)
Соборов (3)
Соковнин (1)
Соломеин (1)
Софонов (3)
Тютерев (2)
Цуриков (3)
Шишкин (3)
Шумаков (1)
Юрасов (3)
Якшин (1)
Яхонтов (1)

СТАН РОСЛОВСКОЙ

Коротеев (4)
Кошкодамов (2)
Ондросов (3)
Опухтин (1)
Пашков (4)
Перков (18)
Подымов (3)
Селехов (2)
Сергеев (9)
Серилов (2)
Слотин (1)
Софонов (2)
Фомин (5)
Шемякин (2)

СТАН ХОТИМСКОЙ

Богатырев (1)
Воротынцов (3)
Дерлов (1)
Долбилов (2)
Дреплов (2)
Кондоуров (4)
Кореев (2)
Кулешев (2)
Макаров (1)
Миншин (1)
Мозолевский (10)
Ноздрачев (3)
Оболмасов (3)
Пахомов (1)
Петрыкин (1)
Ревутов (1)
Сибил<и>ев (4)
Соковнин (3)
Строев (2)
Черпошин (3)
Шалов (4)
Шахов (2)
Шепелев (1)
Шишкин (4)
Яхонтов (1)

* В круглых скобках указана цифра количества людей с такой фамилией.

Как я искал свою родословную по отцу

Мой отец, Григорий Евгеньевич Деханов (1897-1943), родился в деревне Богатыревой в Карачевском уезде Руженской волости (в 1985 году она еще значилась в Карачевском районе в Ревенском сельсовете). (23) Сейчас уже этой деревни не существует (в 2007 году на этом месте я увидел лишь островки одичавших плодовых деревьев). Отца своего я не помню, мне было четыре года, когда его не стало. Моя мама, Марфа Ивановна (в девичестве Ноздрачева; 1899-1988), мужа никогда не вспоминала, а я спросить ее об отце как следует так и не успел настоящему.

Лишь перед смертью она сказала мне, что отец мой был из дворянской семьи. Ни писем, ни документов отцовских не сохранилось. Фотографий отца сохранилось только четыре, одну из них воспроизвожу (см. фото №4). Фраза, что отец был из дворян, как-то засела у меня в голове. Работая часто в 1990-х годах в Государственном архиве Брянской области (ГАБО), я однажды решил, а вдруг сохранилась запись в метрической книге о рождении моего отца. Имя своего деда по отцу, Евгения Петровича Деханова (см. фото №2), я знал: его фотографию (с документа) мне подарил муж моей тети по отцу Николай Тихонович Богатырев. К сожалению, мне не пришлось ни разу в жизни встретиться с моей тетей, Евдокией Евгеньевной. Кроме нее, у отца больше родных братьев и сестер не было. Мой совет для всех, ищущих свою родословную, – старайтесь узнать о своих родителях и близких родственниках как можно раньше и как можно больше. И не только о маме и папе, но и о бабушках и дедушках, а если возможно, то и о более ранних предках. Не выбрасывайте семейные архивы:

письма, документы, фотографии, дневники и различные записи. Это самое ценное, что содержит историю рода, семьи и что обязательно передается по наследству. Если все это есть, то у вас хорошая гарантия для составления родословной. Сейчас все чаще замечаешь разобщения в родственных связях. Письма пишутся очень редко, чаще в виде открыток, где, кроме пожеланий, трудно отыскать живую жизнь. Чаще разговаривают по телефону, тем самым ничего не оставляя в письменном виде своим потомкам. Так и уходят в небытие сведения о себе и о своих предках. Отсюда рождается беспамятство.

...В ГАБО, к моему счастью, уцелела Метрическая книга Покровской церкви села Покров (теперь деревня Лужецкая, если она еще сохранилась), ближайшая к деревне Богатыревой. Как раз с записями за те годы, когда родился мой отец. В ней под номером 94-м я и нашел запись о рождении моего отца (24) (см. фото №5). Из записи узнал документально, что отцом моего отца, то есть дедом, был неслужащий дворянин Евгений Петрович Деханов (1871-1942; даты жизни его узнал от мужа сестры отца), а бабушкой по отцу, мамой отца, – Анастасия Хрисанфовна Брешёнова. Об этой бабушке у меня нет совершенно никаких сведений, а вообще-то хотелось бы знать о происхождении ее отца под именем Хрисанф.

Итак, если моего деда звали Евгений Петрович, то ясно, что имя прадеда – Петр. А как же отчество его? Знаю, что у деда были еще братья: Иван и Федор. У них тоже отчество «Петрович». Ищу Петра, у которого были дети с этими именами. И вот в метрической книге нашел запись: «Об умерших. Умер 23 января 1897 года (25-го погребен) деревни Богатыревой неслужащего дворянина Петра Федоровича Деханова сын Федор Петрович Деханов 23-х лет. Умер от горячки. Похоронен на приходском

кладбище». (25) Теперь я знаю отчество моего прадеда, а значит, и имя прапрадеда. Это имя – Федор.

В одном из документов из архива прочитал, что у деда моего, Евгения Петровича, был дядя, которого звали Яков Федорович. Значит, у Петра Федоровича был родной брат Яков. Теперь нужно искать Федора (чтобы узнать его отчество), у которого были сыновья Петр и Яков.

К сожалению, я так и не нашел дат жизни Петра Федоровича и Якова Федоровича. В прошении Евгения Петровича, деда моего, в Карачевскую Земскую управу от 3 декабря 1908 года говорится: «По данной совершенной 3 июля 1882 года дядею моим Яковом Федоровым Дехановым куплено земли четвертного права при дер. Кашкадановой (писали, а значит так и было, через букву «а» в этом названии деревни. – В.Д.) у кр<естьяни>на Михаила Лебедева 3 д<есятины> 960 с<ажен>, за землю эту со времени зачисления на оклад мы платим налоги вдвойне с одной стороны как за землю приобретенную в числе дворянских земель, а с другой вместе с обществом крестьян дер. Кашкадановой как за надплатную землю. Вследствие сего имею честь покорнейше просить Земскую Управу землю эту из числа благоприобретенных земель от умершего дяди моего дворянина Якова Федорова исключить. Декабрь 1 дня 1908 года. Евгений Деханов (подпись. – В.Д.)» (26).

Таким образом, к 1908 году Яков Федорович Деханов уже умер. Прадеда Петра Федоровича имя встречал в записях более поздних: в 1922 году (!) ему выдавали премию за коноплеводство.

Итак: ищу в деревне Богатыревой Федора, у которого были бы сыновья Петр и Яков. При этом мне известно, что у Петра Федоровича родился сын Евгений в 1871 году и другой сын, Федор – в 1874-м (еще был Иван, но его дата рождения мне не известна). В ГАБО роюсь в ревизских сказках – есть там такие толстенные рукописные книги,

своеобразная перепись населения, – и встречаю двух богатыревских Федоров. У одного, Федора Васильевича Деханова, неслужащего дворянина, нашел сына по имени Петр, родившегося 18 декабря 1834 года. Но Якова не сыскал. По деревне Богатыревой был еще один Федор – Федор Егорович Деханов, однодворец, 1780 года рождения. Вот у него было два сына с именами Петр и Яков: первый – 1807 года рождения, а второй – 1810-го. Этот Федор подходил бы мне, если бы не вызывал сомнений в годах. Во-первых, не мог же Петр Федорович, сын Федора Егоровича, жить еще в 1922 году, а во-вторых, сын Петра Федоровича, Евгений, получается, родился, когда отцу шел 64-й год, а сын Федор, – когда 67-й. Возможно ли такое? Для меня больше подходит версия Федора Васильевича Деханова, но где же найти запись о его сыне Якове?! Это препятствие пока мешает мне продвинуться дальше по поиску своих предков...

Хотелось бы остановиться еще на одном документе, где упомянуты Дехановы. В феврале 1930 года в деревне Богатыревой Покровского сельсовета были раскулачены «бывшие землевладельцы Иван Федорович и Евгений Федорович Дехановы». Здесь ошибочно, то ли намеренно, неправильно даны их отчества: это были Иван Петрович и Евгений Петрович Дехановы, родные братья, один из которых был мой дед. Его никуда не ссылали. В документе том стоит такая о них, очень ценная по информации для меня, запись: «Дворяне. Предок в турецкую войну (в какую войну – их было много, – и как звали моего этого предка, – не указано. – В.Д.) получил офицерский чин и дворянство, откуда всё потомство именуется дворянами. В данное время имеют крепкое крестьянское хозяйство». (27) Именно «крестьянское», потому что, живя одним двором, пахали и укалывали во всю ивановскую, переноса всю тяжесть физических работ на своих собственных хребтах. Вот такие они в основном были сельские неслужащие дво-

ряне. Если бы сейчас так работали, то русские деревни не умирали б!

...Мне известно по документам, что Дехановы из Богатырева переезжали в Кошкоданово (так сейчас, через букву «о», пишется эта деревня), что у одного из Дехановых, Якова Федоровича, там за ним в 1904 году числилось 3 десятины 960 саженьей удельной земли и что всего братья Петр Федорович и Яков Федорович Дехановы имели в 1904 году 17 десятин 750 саженьей удельной земли. И это меня подвигло искать их отца Федора в Кошкоданове. Там я обнаружил такого Федора Андреевича, у которого был сын Петр, 1843 года рождения, что мне очень подходило по этому году. Составил по этой ветви длинную родословную версию, доходящую по времени до XVI столетия. Но ведь у этого Федора Андреевича я также среди его сыновей не нашел пока сына по имени Яков. К сожалению...

Приложение №3

Словарик устаревших слов к архивным текстам

Бобыльский (двор) – бобыль, крестьянин, не имевший надела по бедности или одиночеству. Бобылем звали также крестьянина, не имевшего сыновей, хотя бы у него была семья и дочери.

Болши – большие.

Ввозная – грамота на введение во владение.

Вобчи (вопче) – совокупно, вместе, сообща.

Вотчина – земельное владение, которое можно было передавать по наследству и продавать.

Выморочный (жеребий) – имущество движимое и недвижимое, оставшееся после смерти владельца, на которое никто не заявлял или не мог заявить претензий ни по

завещанию, ни по праву наследования по закону. Имущество признавалось выморочным, если в течение 10 лет после смерти владельца никто не заявлял своих прав на наследство.

Дети боярские – своеобразное военное сословие, служившее «по отечеству», то есть из поколения в поколение. Исчезли в начале XVIII века в связи со слиянием служилых людей в единое дворянство.

Диак – дьяк, в допетровской России и в начале XVIII века чиновник в приказе или в Боярской думе, в местном учреждении, делопроизводитель.

Заводной – запасной.

Затинщики, затынщики – служилые люди низшего разряда, сражавшиеся в городе внутри оборонной стены – за тыном.

Кош – община, товарищество у запорожских казаков (само поселение казаков).

Крепость – документ, подтверждающий право владения какой-либо собственностью (землей).

Лейбрегiment (полк) – гвардейский полк.

Меринок – лошадь.

Моленка – уменьшительное от «моленная», «моленья» – особая комната в доме для молитвы или помещение, служащее той же цели по недостатку церкви.

Недоросль – официальное название молодого дворянина, не достигшего совершеннолетия и не имевшего должного образования, и не поступившего на государственную или военную службу.

Однoдворцы – одна из категорий государственных крестьян, образовалась из служилых людей, владевших небольшой землей, обычно в один двор, пользовавшиеся правом владеть и крестьянами, но облагавшееся (с XVIII века) подушной податью наравне с крестьянами.

Опричь – за исключением, кроме.

Осмина – **осьмь**, восемь; мера земельной площади (от одной четвертой до одной восьмой десятины).

Отвершка – одна из ветвей оврага или реки.

Отказная (грамота) – на передачу кому-либо имущества, земли по завещанию.

Перелога – пахотное место, особенно в лесу, оставленное на несколько лет для естественного восстановления плодородия почвы.

Пистоль – пистолет.

Писцы – писари.

Повет – административно – территориальное деление в Малороссии, соответствующее уезду в России.

Поместье – владение, в отличие от вотчины его можно было передавать по наследству только с разрешения государства.

Поперег – поперек.

Починок – заимка, выселок, небольшое поселение в лесу на расчищенной от леса пашне, подсеке; от слова «починать», т.е. начинать – будущая деревня.

Пустошь – незаселенный, невозделанный участок земли.

Ржавец – болото, топь.

Руже – ружье.

Селцо – сельцо.

Сказали – объявили о себе.

Стан – административная часть уезда.

Угоди – угодыя.

Усадье – усадьба.

Приложение №4

Фотоальбом

—————(см. вклейку, рис. 8-14, 33)

1. Соколов, Я.Д. Читая Брянские фамилии / Я.Д. Соколов. – Брянск, 2002. – С. 138-139.
2. Унбегаун, Б.О. Русские фамилии / Б.О. Унбегаун. – М., 1989; Трушко, Е.А. Энциклопедия русских фамилий / Е.А. Трушко, Ю.М. Медведев. – М., 2001; Веселовский, С.Б. Ономастикон / С.Б. Веселовский. – М., 1974.
3. Иллюстрированный атлас мира. – М. : Ридерз Дайджест, 2002. – С.69.
4. Доказательства существования Бога. Аргументы науки в пользу сотворения мира. – М., 2005. – С.408.
5. Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. – М., 1977;
6. Савелов, Л.М. Родословные записи. Вып. 3 / Л.М. Савелов. – М., 1909. – С. 58; Русский дипломатарий. Вып.10. – М., 2004.
7. Дозорная книга Карачевского уезда 1614 года. В книге «Русский дипломатарий. п. 10. – М., 2004. – С. 223-271. (Антонов А.В.).
8. Написание слова ГОРОДСКОЙ в письме семнадцатого века.
9. Четь – старинная мера земли – 40 сажен в длину и 30 – в ширину. В переводе на современную меру одна четь равна 0,55 гектара. (Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 4. – М., 2000. – Стб. 1271, 1273).
10. Антонов, А.В. Дозорная книга Карачевского уезда 1614 года / А.В. Антонов // Русский дипломатарий. Вып.10. – М., 2004. – С. 262-263.
11. Там же, с. 253-254.
12. Там же, с. 253, 237-238, 243-244, 245, 251, 252, 253.
13. Там же, с. 258.
14. Там же, с. 253.
15. Там же, с. 236.
16. Написание названия деревни в разные эпохи: Кашкадамова, Кошкодамово, Кашкаданова, Кошкоданово (см.:

Административно-территориальное деление Брянского края за 1916-1985 гг. Историко-географический справочник. Изд. 2-е. Том первый. – Тула, 1987, с. 290-291).

17. Источник см. примечание 9, с. 270-271.

18. Там же, с. 267.

19. С крестом и без креста. История Москвы в двух книгах. Кн. первая. – М., 1997. – С. 424.

20. Карачевская отказная книга 1619-1657 гг. // Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. – М., 1977. – С.119.

21. Там же, с. 127.

22. Савелов, Л.М. Родословные записи. Вып. 3 / Л.М. Савелов. – М., 1909. – С.58.

23. РГАДА. Ф. 210. Оп. 222. Д. 394. Л. 61.

24. Источник см. примечание 15, с. 148.

25. ГАБО. Ф. 247. Оп.1. Д. 145. Л. 296.

26. ГАБО. Ф.247. Оп.1.Д.145.Л.316.

27. ГАБО.Ф.538.Оп.1.Д.220.

28. ГАБО.Ф.741.Оп. 1.Д.162.Л.97.

29. Составлен по источникам: Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова : в 4 т. – М., 2000; Князев, Е.А. Родная старина. Слова, термины, образцы / Е.А. Князев. – М., 1996; Словарь русского языка XVIII века. Вып. 17. – СПб., 2007; Рогожникова, Р.П. Словарь устаревших слов русского языка / Р.П. Рогожникова, Т.С. Карская. – М., 2008; Беловинский, Л.В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории / Л.В. Беловинский. – М., 2003; Словарь малоупотребительных и непонятных слов и выражений // Воссоединение Украины с Россией : документы и материалы в трех томах. – М., 1953-1954.

Список сокращений

г. – год
гг. – годы
Д. – дело
ед. хр. – единица хранения
кн. – книга
Л. – лист
об. – оборотная сторона листа
Оп. – опись
с. – страница
см. – смотрите
стлб. – столбец
т.е. – то есть
Ф. – фонд
чел. – человек

Т.В. Михеева,
*научный сотрудник,
Государственный архив
Брянской области*

Предприниматели земли русской – Мальцовы

На рубеже 60-70-х годов 19-го века на земле 3-х уездов – Брянском, Жиздринском и Рославльском, принадлежащим трем губерниям: Орловской, Калужской и Смоленской – раскинулось громадное и в высшей степени оригинальное фабрично-заводское царство: Мальцовский промышленный округ. «Америкой в России» назвал его литератор и журналист В.И. Немирович-Данченко. «Тут работают более 100 заводов и фабрик; на десятках образ-

цовых ферм обрабатывается земля; по небольшим речонкам бегают пароходы; своя узкоколейная дорога соединяет между собой окраины этого малоизвестного уголка России; свои телеграфные линии покрывают его частою сетью; в своих школах учатся тысячи детей; свои леса оказываются нетронутыми, тогда как в соседних имениях от старых лесных пустынь не осталось и рощиц; отсюда добрая часть нашего Отечества снабжается стеклом, фаянсом, железом, сталью, паровозами, вагонами, рельсами, паркетом, земледельческими орудиями... Здесь нет роскоши и излишеств, но нет нищеты и голода» [1]. Таким журналист увидел этот край, удививший и поразивший его.

А началось все в 18-м в., когда в 1723 г. в сельце Новом Можайского уезда под Москвой Василий Мальцов с позволения Мануфактур-коллегии купил землю под стекольную фабрику [2]. Решив в 1746 г. отойти от дел, он передал своим сыновьям, орловским купцам Акиму и Александру, уже устроенную фабрику, мастеровых, рабочих людей и 86 душ крестьян [3].

Однако в 1747 г. Сенат постановил уничтожить все хрустальные, стеклянные и железные заводы в двухсот верстах от Москвы, чтобы сохранить леса. Братьям ничего не оставалось делать, как перевести свое производство в другое место. Так они и поступили. Половину фабрики в 1750 г. Аким перевел в сельцо Микушено близ Владимира, а Александр вторую половину – в село Радутино недалеко от Трубчевска. С тех пор Мальцовы накрепко связали свою жизнь и деятельность с Брянщиной.

Природа не обделила Брянщину дарами. Реки, обилие лесов, богатства земных недр создавали условия для промышленного развития края. Водные пути вели на юг и на северо-восток, Болва и Десна соединяли с Киевом и со всем югом, а Жиздра и Ока вели к Москве и Нижнему Новгороду. По Болве сплавляли лес, гнали плоты с углем,

переправляли бересту, лыко, смолы, овчины, кожу, парусину, пеньку. Но не Мальцовы были первыми промышленниками на Брянщине. Ими стали Гончаровы, Мосоловы, Демидовы. Однако уже скоро всю политику здесь станут определять именно они – Мальцовы.

После смерти владельца радутинской фабрики Александра Мальцова её хозяйкой становится его жена Евдокия. Правда, вскоре выяснилось, что и здесь не лучшее место для производства. Евдокия покупает в Брянском уезде деревню Радицу, куда и переводит свою фабрику.

Дела быстро пошли в гору, но императорский Указ 1762 г. запретил покупать недвижимость людям недворянского происхождения. Надо было искать выход, и всю свою настойчивость, смекалку и предприимчивость Евдокия и её деверь Аким, владевший хрустальной фабрикой во Владимирской губернии, направили на получение дворянства. И получили его. Теперь они могли покупать и земли, и леса, и крепостных крестьян. Радицкая фабрика стала быстро расти, превратившись со временем в одно из крупнейших стеклянных предприятий России.

В 1788 г., после смерти Акима Мальцова, Евдокия продала фабрику вместе с землей и крепостными его вдове Марии Васильевне Мальцовой. Именно Мария и её сын Иван Акимович заложили фундамент «Мальцовской промышленной империи». Будучи деловой, энергичной, умной женщиной, Мария Мальцова сумела не только удержать в своих руках всю доставшуюся ей собственность, но и значительно её расширить.

В 1793 г. близ д. Дятьково ею начато строительство нового завода. Вскоре он станет известным хрустальным заводом, а само Дятьково, превратившись в благоустроенный фабричный городок, – «столицей» брянской группы Мальцовских заводов.

В 1797 г. на месте бывшей д. Чернятичи начала работать еще одна стекольная фабрика. Вначале её звали Чернятинской, позже – Старской. Через два года на речке Знебери, неподалеку от Дяткова, выросла Знеберская стекольная фабрика. Для своих фабрик Мария Васильевна верно выбрала место: и лес, и отменные пески, и обилие чистой родниковой воды, и рядом Болва, по которой рукой подать до Радицы и до Брянска. А наличие в округе небольших поселений – это рабочие руки. Многие годы несла она на своих плечах мужскую ношу. Но время брало своё, и в 1804 году Мария Мальцова передала все свои 10 фабрик младшему сыну Ивану. Став владельцем Брянской и Владимирской групп стекольных предприятий, Иван Акимович начал свою деятельность в Брянском уезде строительством в 1805 г. Ивотской стекольной фабрики. К слову сказать, что все стекольные предприятия отличались друг от друга лишь размерами да видами продукции: на Дятковском производился хрусталь, на Ивотском, Чернятинском и Радицком – оконное стекло, причем на Ивотском – белое и полубелое, а на остальных только полубелое. Знеберская фабрика выпускала посуду, в основном бутылки. Объединяло же их неизменно высокое качество изделий. Особенно славился хрусталь. В 1829 г. в Петербурге открылась первая публичная выставка Российских мануфактурных изделий. Дятковская фабрика получила самую высокую оценку: «...оная фабрика первая, которая доведена до такой степени, что вещи не уступают и аглицким» [4]. Для императорского двора были закуплены хрустальные изделия: графин, 12 рюмок и корзинка. Владельца же И.А. Мальцова удостоили золотой медали и правом изображать на своих изделиях Государственный герб. После выставки дятковский хрусталь вышел на мировой рынок, где был весьма востребован. Особенно ценились хру-

стальные сервизы в серебре, обрамленные фигурными оправками из мельхиора и бронзы.

Кроме стекольного дела Иван Акимович видел выгоду и в производстве сахара. Как писал уже упомянутый Немирович-Данченко: «Первый сахарный завод в России построен в Любохне. В Киеве поставлен памятник Бобринскому, как основателю этого дела, тогда как Бобринский приезжал учиться у И.А. Мальцова» [5]. Сам же Мальцов был неутомимым пропагандистом сахарного производства: выступал в печати, на заседаниях Московского общества сельского хозяйства, на Бутырском хуторе в Москве построил небольшой опытный сахарный завод, где практиковались учащиеся земледельческой школы. В списке заводов и фабрик Мальцова за 1849-й год значилось пять сахарных заводов. Но деловому энергичному предпринимателю и этого было мало. В 1820 г. Мальцов покупает у Демидовых Людиновский и Сукремльский чугунолитейные заводы, а в 1830-е годы – Радицкий, Любохонский и Песоченский. Так в истории мальцовского промышленного производства было положено начало металлургическому делу. В 1840-м г. он строит собственный Радицкий чугуноплавильный завод, позже еще один возле Любохны – Сергиевский.

Почувствовав, что силы уже не те, все свое огромное хозяйство в 1850 г. Иван Акимович передал сыну Сергею. Именно с Сергеем Ивановичем Мальцовым связаны наибольшие преобразования и достижения северо-запада Брянщины.

Родился Сергей Иванович в 1810 г., получил хорошее домашнее образование, владел несколькими иностранными языками. Как того требовала традиция, был определен на воинскую службу и успешно по ней продвигался – стал адъютантом принца Петра Григорьевича Ольденбургского. После ухода в отставку в чине генерал-

майора, поселился в Дятькове и всю свою энергию, неординарность, знания посвятил предпринимательству. Только за 10 лет (1850-1860) он сумел увеличить свое состояние в несколько раз. Накануне крестьянской реформы 1861 г. ему принадлежало в Брянском уезде Орловской губернии 8 сел и 24 деревни, где проживали 3,5 тыс. крепостных крестьян, а всего у него было 100 тыс. десятин земли с более чем 7-ю тыс. крестьян [6]. Таким образом, будучи редкостным предпринимателем, он был одним из крупнейших землевладельцев России. Но не только. Чтобы самостоятельно сбывать продукцию своих фабрик, Мальцов вступил в купеческое сословие, став купцом I гильдии, и как всегда, и в этом виде деятельности преуспел тоже. Его торговые дома с необходимым персоналом служащих действовали в Риге, Минске, Пинске, Петербурге, Москве, Киеве, Одессе. Для сбыта хрусталя Мальцов завел торговые отношения с Румынией, Болгарией, Турцией [7].

Со временем Сергей Иванович стал настоящим хозяином созданного им промышленного округа. Мальцовский промышленный район занимал в пору расцвета (1860-1870 гг.) огромную территорию: с севера на юг протяженность её составила 120 км, с запада на восток – 80 км, а общая площадь – 6 тыс. кв.км. Здесь работали 25 крупных предприятий и около 130 мелких, до 18 тыс. рабочих, а всего проживало почти 100 тыс. чел [8].

Продукция Мальцовских заводов поражала своим разнообразием: паровозы и вагоны, пароходы и пароходные двигатели, локомобили и гидравлические прессы для сахарной промышленности, железо, гвозди, стекло и хрусталь, чугунное литье, полотно, сукно, ситец, кожа, посуда, сахар, бумага, кирпич, спирт, вино и т.д. Причем многое было здесь сделано впервые в России. Например, рельсы, речные пароходы, паровые молотилки. Вообще слова «первый» и «единственный» очень характерны для описа-

ния «Мальцовской империи». В 1877 г. для нужд заводов была построена первая в России узкоколейка протяженностью в 202 версты. Она соединила с севера на юг все главные заводы и реки Болву и Жиздру [9]. Здесь был устроен первый в России частный телеграф. Причем Мальцов, запросив разрешение на его строительство в столицу, ответа ждать не стал, а сразу взялся за дело. Трижды из Петербурга приходил отказ, в то время как телеграф уже действовал. Через несколько лет к телеграфной линии в 267 верст добавилось и телефонная на 303 версты [10].

Условия жизни и работы мальцовского мастерового были недостижимы не только для фабричных округов России, но и для Европы. Так, для трудных работ был установлен 8-часовой рабочий день. Большинство квалифицированных рабочих жили в добротных домах из 3-4 комнат. Такого не было нигде в России. Дом строился в рассрочку, а затем долг, как правило, списывался. Возле дома отводили землю под сад или огород. Во всех заводских центрах работали благоустроенные школы, где учились дети рабочих. Поэтому у Мальцова почти невозможно было встретить неграмотного мужчину [11]. Уделялось внимание и профессиональной подготовке. Людиновское техническое училище с пятилетним сроком обучения прозвали даже местным «университетом». И это давало свои плоды. На всех участках сложного производства работали только свои. Вообще, Мальцов был просто увлечен «всем своим», своя мера – «мальцовская сажень», свои деньги – талоны номиналом от 3 коп. до 5 руб., которые были в ходу даже за пределами Мальцовского округа [12].

Все работающие получали бесплатно медицинскую помощь, а в Людинове и в Дятькове действовали больницы. Так, дятьковская больница помещалась в отдельном трехэтажном здании, снабженном всем необходимым. Она

была рассчитана на 50 коек и обслуживалась врачом, акушеркой и фельдшером [13].

По собственному почину Сергей Иванович создал у себя систему общественного призрения: устраивались богадельни для одиноких и престарелых, устанавливались пенсии для вдов, сирот и нетрудоспособных мастеровых. В случае смерти кормильца его семья переходила на попечение хозяина, выдавались деньги на свадьбы, похороны. Забота о своих рабочих проявлялась еще и в том, что в округе работало множество мелких заводиков по производству смолы, кирпича, бумаги, пива, мебели, строительных материалов. Они почти не приносили прибыли, но их изделия очень были нужны населению.

Сам генерал являлся образцом для своих сограждан: он не пил, не курил, был скромен в быту и еде. И сограждане любили и уважали его. С гордостью называли они себя «мальцовскими».

Как у всякого неординарного и увлеченного человека, личная жизнь генерала сложилась неудачно. Его жена Анастасия Николаевна, урожденная княжна Урусова, постоянно жила в столице, при дворе. Выросшие дети помощниками не стали. Куда как приятнее прожигать полученные от отца деньги, чем вникать в дело и тратить на него свою молодость.

В 1866 г. разразился кризис – продукция не шла на реализацию. Это был первый удар по «империи» Мальцова. Отмена крепостного права создала условия для развития производства. У Мальцова появились конкуренты. Надо было кардинально менять многое. Но как раз этого Мальцов не хотел, а может быть, и не мог уже сделать. Следующим ударом был отказ правительства от своего же крупного заказа на паровозы и вагоны. Огромный оборотный капитал Мальцовских заводов, вложенный в это дело, лопнул. Чтобы спасти заводы от банкротства, в 1875 г.

Мальцов учреждает промышленно-торговое товарищество с правлением в Дятькове. Товариществу отошли колоссальные богатства: 11 металлообрабатывающих и механических заводов, 8 стекольных фабрик, 4 винокуренных завода, более 200 тыс. дес. земли, дома в Киеве, Харькове, Риге, Херсоне, лавки в Нижнем Новгороде, склады в Риге, Петербурге, Орле, Одессе [14]. Но неприятности и неудачи продолжали преследовать этого неутомимого человека. В 1883 г., возвращаясь из Людинова в Дятьково, он попал под лошадь и получил серьезную травму. Лечиться ему пришлось за границей целых шесть месяцев. А за его отсутствие дела совсем пришли в негодность. Более того, пользуясь нездоровьем Сергея Ивановича, его родственники отстранили его от дел, взяв над ним опеку. Мальцов не стал воевать с родными и в 1884 г. навсегда ушел от предпринимательской деятельности, которой он отдал лучшие годы своей жизни. Чтобы совершенно не вмешиваться в дела новых хозяев, отставной генерал уехал в свое имение в Крыму. Как и следовало ожидать после его ухода все быстро пришло в упадок. Большинство заводов закрылось, оставшиеся работали кое-как. Ранее славившийся достатком край нищал на глазах. Отменялись пособия и пенсии, закрывались больницы и богадельни.

В 1888 г. Мальцовское промышленно-торговое товарищество было признано несостоятельным должником и все его дела передали в ведение конкурсного управления. В 1894 г. вместо конкурсного управления было организовано Акционерное общество Мальцовских заводов. Главную контору расположили в Москве, и от бывшего процветающего, самобытного, уникального уголка России осталась только память. В этом же году в Крыму умирает и его творец. Особым поездом его тело в простом дубовом гробу доставили в Дятьково. И тысячи крестьян и мастеровых с обнаженными головами встречали своего генерала.

Он был похоронен в семейном склепе у храма в центре села.

Итог его жизни справедливо обозначил его страстный поклонник В.И. Немирович-Данченко: то, что он делал, есть «пример того, как плодотворны могут быть даже и у нас неутомимая энергия, знание и ум, если они не растрачиваются вместе с наследием предков в столице» [15].

Литература

1. Русская мысль. – М., 1882. – Кн.1. – С.318; Иванин Н.А. Заводская сторона / Н.А. Иванин, А.С. Кошелев. – Тула : Приок. кн. изд-во, 1983.
2. Мальцовский мир : сборник. Вып. I. – Киров, 1999. – С.6.
3. Там же, С.8.
4. Батанова, Е. Советское художественное стекло / Е. Батанова, Н. Воронов. – М., 1964. – С.31.
5. Русская мысль. – М., 1882. – Кн.VIII. – С.10; Иванин Н.А. Заводская сторона / Н.А. Иванин, А.С. Кошелев. – Тула : Приок. кн. изд-во, 1983. – С. 21.
6. Мальцовский мир : научный сборник. Вып. I. – Киров, 1999. – С.15.
7. Иванин, Н.А. Заводская старина / Н.А. Иванин, А.С. Кошелев. – Тула : Приок. кн. изд-во, 1983. – С.38.
8. Дозорцев, С.С. К истории Российского империализма (Мальцовский заводской округ в к.19 – н.20 вв.) / С.С. Дозорцев. – Брянск, 1973. – С.7.
9. С.И. Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. – М. : АО «Мальцовский портландцемент», 1995. – С. 44.
10. Мальцовский мир : сб. Вып. I. – Киров, 1999. – С. 19.
11. С.М. Мальцов и Мальцовское торгово-промышленное товарищество. – СПб., 1880. – Т.2. – С.23.

12. Волохов, В. Брянщина индустриальная / В. Волохов, С. Кизимова. – Брянск, 1964.

13. С.И. Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. – М. : АО «Мальцовский портландцемент», 1995. – С. 47.

14. Мальцовский мир : сборник. Вып. I. – 1999. – С. 24.

15. Иванин Н.А. Заводская старина / Н.А.Иванин, А.С.Кошелев. – Тула : Приок. кн. изд-во, 1983. – С.30.

М.В. Синицына,
студентка,

*Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского*

Д.О. Святский: начало научной деятельности

Имя Даниила Осиповича Святского (1881-1940) – историка науки, астронома и краеведа, уроженца Севского уезда – до сегодняшнего дня остается малоизвестным не только широкому кругу читателей, но и значительной части современных историков. Несмотря на весомый вклад, который этот ученый внес в отечественную науку, и на очевидный успех, сопутствовавший ему в карьере, наследие, оставленное Святским, до сих пор в полной мере не исследовано, хотя некоторые попытки в этом направлении предпринимались современными учеными – В.А. Бронштэном [1], С.О. Шмидтом [2], А.М. Дубровским [3]. Плодотворная работа Святского сразу в нескольких областях научного знания, в том числе и деятельность на посту ученого секретаря Центрального бюро краеведения, также недостаточно изучены и оценены по достоинству, несмотря

на то, что Святский часто брался за разработку таких проблем, которые ранее или совершенно не ставились, или, в лучшем случае, только намечались для исследования в науке. Целью настоящей статьи является анализ начального периода деятельности Святского, периода, который оказал немаловажное влияние на формирование мировоззрения и научных взглядов этого замечательного ученого.

Святский родился 14 сентября 1881 г. (ст. ст.) в г. Севске Орловской губернии в семье священника. Он окончил Орловскую духовную семинарию, но основные знания, послужившие фундаментом для его научной деятельности, приобрел путём самообразования. В 1909 г. Святский перебрался в Петербург, где с 1912 по 1930 гг. был редактором научного журнала «Мироведение», издававшегося Русским Обществом Любителей Мироведения (РОЛМ). С 1918 по 1930 гг. он являлся ассистентом по отделению астрономии в Научном Институте имени П.Ф. Лесгафта, с 1919 по 1921 гг. работал также и в Главной Географической Обсерватории, в отделении Ежемесячного Бюллетеня. С начала 20-х годов Святский занимал пост ученого секретаря в Ленинградском Центральном бюро краеведения при Академии наук. В 1930 г. ученый был арестован вместе со своими коллегами по бюро по знаменитому делу «краеведов», которое являлось составной частью известного Академического дела или «дела академика Платонова». После освобождения в 1932 г. Святский работал в Гидрологическом институте. В начале 1935 г., после событий, связанных с убийством С.М. Кирова, под угрозой нового ареста Святский выехал в Казахстан, где в 1940 г. скончался.

Библиографию работ Святского составляют десятки статей и публикаций в научных и научно-популярных изданиях, а также более двадцати монографий и работ, вышедших отдельными книгами. Среди наиболее известных

– «Крестьянские костюмы в области соприкосновения Орловской, Курской и Черниговской губернии», исследование, удостоенное серебряной медали Русского Географического Общества [4], «Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения» [5], и вышедшие уже после смерти автора, «Очерки по истории астрономии Древней Руси» [6].

Первые годы жизни, детство и молодость Святского неразрывно связаны с г. Севском и Орловской губернией. Род Святских принадлежал к духовному сословию [7]. В юности Даниил Осипович был отдан на учебу в Севское духовное училище. Успешно закончив его летом 1897 г., он был переведен в Орловскую духовную семинарию, с пребывания в которой началась его взрослая жизнь [8]. Детальное знакомство со Священным писанием, богословием и русской историей по семинарским курсам определило интерес Святского к науке в дальнейшем. Однако более всего он тяготел к астрономии, хотя она не входила в круг предметов, изучаемых в семинарии. Со временем интерес Святского к этой науке так возрос, что он серьезно занялся ею самостоятельно: читал древнерусские летописи, делал из них выписки об упоминавшихся там затмениях солнца и других астрономических явлениях [9]. С 1898 г. юноша уже сотрудничал в местной газете «Орловский вестник», где под псевдонимом «Созерцатель небес» помещал «астрономические новости» [10]. В 1901 г. Святский самостоятельно, одновременно с двумя другими любителями астрономии из России и Англии, заметил новую звезду в созвездии Персея, о чем сообщил в Пулковско-французскому астроному К. Фламариону, который поместил это сообщение в своем журнале. Вскоре после этого молодой астроном был принят во Французское астрономическое общество [11].

Бурная общественная жизнь начала XX века не меньше, чем наука захватила юношу. Именно в семинарии, во многом следуя веяниям своего времени, Святский познакомился с литературой социалистического толка, которая оказала на него большое влияние. Вместе с другими семинаристами, мечтающими о справедливом устройстве общества, Святский начал посещать тайные собрания, где можно было свободно говорить на политические темы, обсуждать вопросы дальнейшего развития России. На собраниях, борясь со страхом, что «или семинарии начальство заметит и исключит... или жандармерия отнимет...», молодые люди с восторгом читали «евангелие научного социализма» (по выражению самого Святского), «произведение великих Маркса и Энгельса» – «Коммунистический манифест», сочинения К. Каутского и прочую социалистическую литературу [12]. Неудивительно, что вскоре на квартире, где происходили собрания, произвели обыск [13]. Подвергли досмотру и личные вещи Святского, находящиеся в семинарском общежитии, его самого впервые в жизни допросили [14]. После этого, 18 мая 1904 г., на основании указа Департамента полиции, «сын священника Даниил Иосифов Святский» был осужден «за хранение и распространение преступных сочинений», за что «подлежал гласному надзору полиции в месте жительства сроком на один год» [15].

В результате, даже после досрочного освобождения от надзора через несколько месяцев в связи с амнистией по случаю рождения наследника престола [16], о дальнейшем продолжении обучения не могло быть и речи. Поэтому после окончания семинарии в 1903 г. путь к получению высшего образования для Святского оказался закрыт. Как позже сам он отмечал в своих воспоминаниях, «отметка в моем аттестате об окончании духовной семинарии, свидетельствовавшая о моем знакомстве с жандармами, разру-

шила эти планы» [17]. Святскому пришлось возвратиться в г. Севск, где, согласно полицейским документам, он прожил пять лет (1904-1909 гг.) [18]. В Севске Святский работал наблюдателем метеорологической станции при земской управе – записывал показания 14-ти приборов три раза в сутки: в 7 ч. утра, в час дня и в 9 ч. вечера [19]. Ввиду того, что в уездном городе было трудно найти «человека знакомого с требованиями метеорологии», Святскому было разрешено продолжать работу на станции и в период нахождения под гласным надзором полиции [20]. После посещения летом 1904 г. метеостанции чиновником М.Н. Городецким, командированным Николаевской Главной Физической Обсерваторией в введение которой находилась севская станция, за «старания и аккуратность, с которыми производятся наблюдения», «г. наблюдатель» был удостоен Академией Наук звания корреспондента Главной Физической Обсерватории [21].

Увлечение ботаникой и природой Орловщины сделало Святского в 1905 г. активным участником Общества для исследования природы Орловской губернии, а интерес к историческому прошлому привел его в том же году в ряды членов Орловской ученой архивной комиссии [22]. Святский плодотворно сотрудничал с редакцией журнала Общества для исследования природы, участвовал в сборах коллекций растений и насекомых, в пополнении фондов библиотеки, имеющейся при Обществе, неоднократно жертвовал деньги на его нужды [23]. На заседаниях Архивной комиссии Святский выступал с докладами (например, о поговорках населения Северского края в Смутное время или о пребывании в Спасском Севском монастыре Искры и Кочубея), принимал участие в пополнении коллекции исторического музея, существующего при этом учреждении и созданного усилиями его членов [24].

1905 год оказался весьма знаменательным в жизни Даниила Осиповича. Именно в этом году в Санкт-Петербурге впервые отдельной книгой был издан его труд – «Очерк растительности Севского уезда Орловской губернии», работа, составленная на основании ботанических экскурсий, произведенных автором в Севском уезде в 1903-1904 гг. [25]. Все хлопоты по изданию книги, как указывал Святский во введении, взял на себя один из активнейших членов Общества для исследования природы, уроженец Орловской губернии – В.Н. Хитрово, который одновременно выступил и главным консультантом Святского при подборе материала [26].

Работать над первой книгой Святскому довелось в очень непростых условиях. В конце 1904 г. его persona вновь привлекла внимание жандармов. Уличив Святского в знакомстве «с лицами политическими неблагонадежными», жандармское управление 30 октября 1904 г. учредило за ним «негласный надзор» [27]. Положение Святского еще более осложнилось, когда «21 января 1905 г. к Севскому уездному Исправнику явился служащий в Севской уездной Земской Управе дворянин Викентий Мельхиорович Оржельский и представил ему копию письма Георгия Гапона..., объяснив при этом, что письмо это распространяет сын священника Д.И.Святский, вообще пропагандирующий вредные учения и собирающий пожертвования в пользу рабочих, пострадавших во время беспорядков в С.-П[етербурге]. 9 января 1905 г.» [28]. Началось дознание, в ходе которого выяснилось, что «Оржельский и Святский, (...) неоднократно обсуждали пол[итические] вопросы» [29]. Оржельский, уездный агроном, сообщил жандармам, что «Д.Святский, под впечатлением газеты и книжки «Право», начал говорить, что: «Слава Богу, что Плеве убили, под которым мы все находились под гнетом...; теперь, с назначением Святополка-Мирского, можно надеяться,

что будет конституция, будет свобода печати и всех перед законом уравниют» [30].

На основании полученных сведений и вещественных доказательств, найденных при обыске, Святского 21 мая 1905 г. заключили под стражу [31]. Его обвинили в нелегальной политической деятельности. Вскоре арест заменили особым надзором [32], и Святский перебрался в г. Елец [33].

Здесь Святский поступил на должность корреспондента «Орловского вестника», позже стал зав. отделения этой газеты [34]. Однако на воле оставался недолго. Дело приняло новый оборот. Несмотря на то, что Святский (как позже он отмечал в автобиографии) непосредственно не состоял ни в одной партии, в том числе и левого направления, жандармы, перехватив «шифрованную записку», выявили его причастность к некому тайному кружку [35]. Члены этого кружка подозревались в распространении запрещенной периодической литературы (в частности, газет «Освобождение» и «Искра») [36]. На квартире Святского был снова произведен обыск, который дал свои результаты. По обвинению в хранении запрещенной литературы, а также в произнесении антиправительственной речи на митинге 15 декабря 1905 г. Святский снова был арестован и посажен на этот раз в Елецкую тюрьму, в камеру-одиночку [37].

Оказавшись вновь в заключении и ожидая, когда ему предъявят обвинение, Святский в камере начинает вести дневник. Этот источник сохранил его размышления об общественной жизни России того времени. Он сочувствовал социал-демократам, и следил за их деятельностью в Государственной Думе [38].

В Елецкой тюрьме Святский впервые пробует себя и в качестве писателя. На страницах его дневника появляется небольшой рассказ, состоящий из 6-ти маленьких гла-

вок, под названием «Старый служака (из тюремных воспоминаний)» [39]. Основой для написания этого произведения стали беседы, происходившие у Святского с часовым надзирателем Елецкой тюрьмы, «сгорбившемся стариком с большими седыми усами», в душе которого молодой и горячий политический заключенный пытался посеять сомнения относительно пользы существующего режима [40]. Сочинение Святского исполнено лиризмом и наивной трогательностью. В нем не столько фиксируются события, сколько передается напряжение жизни, описываются ее тревоги и радости. Нетрудно догадаться, что автор этого произведения, где причудливым образом переплетается реальность и вымысел, романтик: «Дверь с визгом запирается за мной, и я в каземате. Вот она – одиночка. Сколько читалось, думалось про нее – и вот она воплощена в действительность. Подхожу к окну. Оно растворено, но решетка отделяет меня от свободы. (...). Я ложусь на жесткий матрац, хочу заснуть – но все напрасно. В голове стучит, шумит, рой воспоминаний..., ни к чему вынырнувших из далекого прошлого... (...) А за стенами тюрьмы по-прежнему несется неудержимая жизнь, разрушая преграды, воздвигаемые ей теми, кто хочет побороть саму жизнь. Да разве это можно!» [41].

Тоска по свободе несколько не охладила интереса Святского к астрономии – астрономия по-прежнему остается его главным увлечением. 7 января 1906 г. он отмечает в своем дневнике: «Сегодня вечер отдал астрономии, наблюдал из своей одиночки. Ставил на стол скамью, влезал на нее и с этой импровизированной обсерватории смотрел в открытую форточку» [42].

После освобождения из тюрьмы, политическая жизнь страны начинает постепенно отходить для Святского на второй план. Теперь ему хочется все больше времени посвящать деятельности научной. Вспоминая о том време-

ни, Святский писал в своем «Жизнеописании»: «Я начинаю интересоваться естествознанием вообще и, в частности, особенно ботаникой, и вместе с этим пробуждается интерес и к тому, что теперь получило название краеведение, я начинаю собирать вообще материал, относящийся к Севску и Севскому уезду по истории, описываю местные памятники старины» [43].

В конце 1907 г. Святский приступил к написанию исторического очерка по истории г. Севска [44]. В 1908 г. вышла его книга, которая называлась «Исторический очерк городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости» [45]. Немногом ранее, в 1906 г., в Сборнике Орловского церковного археологического общества была опубликована работа Пясецкого (к тому времени уже покойного) «Исторические очерки г. Севска и его уезда» [46], где автор уже довольно основательно изложил событийную историю края и дал описание его церковно-религиозной жизни. Однако исторический очерк Святского стал первым сочинением, где была предпринята попытка подробного освящения прошлого г. Севска и его окружи в соответствии с уровнем исторической науки начала XX века.

Книга Святского, хотя и составленная, по его же словам, «на основании уже имеющихся в литературе данных», демонстрирует несколько иной, нежели у Пясецкого, подход к выбору и подаче исторического материала [47]. Святский в своем сочинении стремился более подробно рассмотреть вопросы экономики, рассказать о внутренних порядках и общественных отношениях, складывавшихся в крае, поставив при этом «всю свою работу на научную основу, обращаясь, когда это требовалось, за справками к трудам таких корифеев русской исторической мысли, как профессора Ключевский и Милюков» [48].

Святский постарался привлечь к своей работе летописи, сборники документов XIX в., материалы частных

коллекций, местные легенды, былины, поговорки и песни, статистические данные, археологические находки, а также собственные наблюдения над местностью. Добытый материал он разделил на три периода, сообразно изменениям, происходившим в жизни города: от возникновения города до XVI в. («Возникновение и начало истории г. Севска, Болдыжа и Радогоща»), XVII-XVIII вв. – превращение его в оборонительный центр («Стратегическое значение Севска и Комарицкой волости в XVII и н. XVIII ст.») и XVIII – н. XIX в. – существование в качестве торгово-ремесленного поселения («Севск, Лугань и Дмитровск с их уездами в XVIII и XIX ст.») [49].

Книга Святского начинается характеристикой местности, описанием природы рассматриваемого района [50]. Далее автор рассказывает о древних обитателях края, в кратком очерке дает историю Севска XII-XVI вв. [51]. В книге повествуется о Севской крепости [52], о военно-оборонительной роли города в XVII – н. XVIII в. [53] Святский впервые освещает историю землевладения и крестьянских волнений в XVIII – XIX вв. («Мобилизация земельной собственности и аграрные мятежи в XVIII и XIX в.») [54], что еще раз свидетельствует о том, что он, в отличие от Пясецкого, более широко понимает предмет исторической науки.

Впоследствии, продолжая работу по изучению истории родного города, Святский планировал выпустить новое издание книги. Ему хотелось осветить некоторые новые сюжеты, с которыми он выступал на заседаниях Орловской ученой архивной комиссии («Реставрированная картина Севска конца XVII в.», «Комарицкий мужик и «Комариада», «Севский край в революцию 1905-1906 гг.») [55], а также исправить имеющиеся недочеты. Однако этим планам так и не суждено было сбыться. В 1909 г. Святский покинул Севск и выехал в Санкт-Петербург [56], где

перед молодым ученым открывались уже совершенно иные, более впечатляющие перспективы.

Время, проведенное в г. Севске и в Орловской губернии, бесспорно, оказало немаловажное влияние на процесс становления личности Святского и заложило фундамент для его дальнейшей научной практики. Недостаток знаний и опыта часто определяли любительский характер его занятий и некоторую бессистемность сделанных им выводов. Несмотря на это, обладая огромным трудолюбием и желанием продвигаться вперед в своих изысканиях, не останавливаясь на достигнутых результатах, Святский был готов к дальнейшему совершенствованию своих навыков, к пополнению своего научного багажа и к вхождению в круг столичной интеллигенции тех лет. Анализ начального периода научной деятельности Святского, безусловно, поможет продвинуться вперед в понимании неординарных способностей и дарований этого замечательного человека и ученого.

Проведение более глубокого исследования научного творчества Святского и определение его места в истории исторической науки будет являться следующим этапом в изучении наследия, оставленного этим разносторонним человеком.

1. Бронштэн, В.А. Даниил Осипович Святский (1881-1940) / В.А. Бронштэн // Святский, Д.О. *Астрономия Древней Руси* / Д.О. Святский. – М., 2007. – С. 16-24.

2. Шмидт, С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения / С.О. Шмидт // *Отечество: краеведческий альманах*. – 1990. – Вып.1. – С. 11-27.

3. Дубровский, А.М. Слово о Святском / А.М. Дубровский // *Из истории Севска и его округа* : (сб. материалов

обл. краевед. конф., посвящ. 50-летию боев за Севск). – Севск, 1993. – С. 37-44.

4. Крестьянский костюмы в области соприкосновения Орловской, Курской и Черниговской губернии (Севский уезд Орловской губернии) // Живая старина. Вып. 1. – СПб., 1910.

5. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. – СПб., 1915.

6. Очерки по истории астрономии Древней Руси // Историко-астрономические исследования. Вып. 7-9. – М., 1961-1966.

7. ГАОО. Ф.580. Ст.1. Д. 4282. Л. 6.

8. См.: Дубровский А.М. Указ. соч. – С. 37-38.

9. Там же.

10. См.: Орловский вестник. – 1858. – 3 янв. (№3). – С. 4.

11. См.: Дубровский А.М. Указ. соч. – С. 38.

12. ГАОО. Дневник Д. Святского, писавшийся в Елецкой тюрьме. Ф.1001. Д.15. Л.4.

13. Там же. Л. 30.

14. Там же.

15. Там же. Дело о состоящем под надзором полиции за хранение и распространение политической литературы Д. Святском. Ф.580. Ст.1. Д.4282. Л.1.

16. Там же. Л. 28.

17. См.: Дубровский А.М. Указ. соч. – С. 38.

18. ГАОО. Ф.580.Ст.1. Д.4282. Л. 16.

19. Там же. Л. 9.

20. Там же. Л. 9-10.

21. Там же. Л. 11-12.

22. Еремин, В.П. Орловские краеведы / В.П. Еремин // Краеведческие записки. Вып. 4. – Орел, 2005. – С. 344.

23. См.: Известия общества для исследования природы. Вып.1. 1907; Вып. 2. 1909; Вып. 3. 1911.

24. См.: Дубровский А.М. Указ. соч. – С. 39.

25. Святский, Д.О. Очерк растительности Севского уезда Орловской губернии / Д.О. Святский. – СПб., 1905.

26. Там же. – С. 3. Уже спустя много лет после переезда в Санкт-Петербург, превзойдя наставника и в профессионализме и по количеству опубликованных работ, Святский, будучи ответственным редактором журнала «Мироведение», не раз помещал статьи Хитрово в этом издании и рецензировал труды своего земляка-краеоведа, преимущественно оценивая их с положительной стороны (См., например: Мироведение, 1929, №1). Долгие годы Святский и Хитрово, который и после 1917 г. не оставил своих занятий историей и природой Орловщины, поддерживали весьма плодотворные рабочие отношения, одинаково обогащавшие их обоих в профессиональном плане.

27. ГАОО. Дело по обвинению в хранении нелегальной литературы. Ф.883.Д.143.Л.1,6,7.

28. Там же. Л.16.

29. Там же. Л.21.

30. Там же. Л. 22-23.

31. ГАОО. Дело по обвинению Святского Д.О., Феноменова М.Я. и Гринева Н.В. в политической деятельности. Ф.883. Д.215. Л.6.

32. Там же. Л.115.

33. Там же. Л.180.

34. Там же.

35. Там же. Л. 292.

36. Там же.

37. ГАОО. Ф. 1001. Д. 15. Л. 30.

38. Там же. Л. 29.

39. Там же. Л. 21-28.

40. Там же. Л.21-28.

41. Там же. Л. 1.

42. Там же. Л. 4.

43. Цит. по.: Дубровский А.М. Указ. соч. – С. 39.

44. Святский, Д.О. Исторический очерк городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости / Д.О. Святский. – Орел, 1908.

45. Первоначально автор планировал назвать свое сочинение «Историко-географический очерк Севского уезда Орловской губернии», но в процессе работы, вероятно, обнаружился материал, позволяющий значительно расширить рамки исследования, и книга стала называться «История городов Севска, Радогощи, Лугани, Дмитровска и Комарицкой волости». Однако, информации о Радогощи и Лугани оказалось не настолько много, чтобы подробно дать историю этих населенных пунктов, поэтому Святский исключил их из окончательного названия книги (См.: Дубровский А.М. Указ. соч.).

46. Пясецкий, Г.М. Исторические очерки города Севска и его уезда / Г.М. Пясецкий // Сборник Орловского церковного историко-археологического общества. – Орел, 1906. – Т. 2.

47. См.: Святский Д.О. Указ. соч. – С. 3.

48. Там же. – С. 3-4.

49. См.: Святский Д.О. Указ. соч.

50. Там же. – С. 5-8.

51. Там же. – С.8-25, 25-33.

52. Там же. – С. 51-58.

53. Там же. – С. 58-65.

54. Там же. – С. 131-142.

55. См.: Дубровский А.М. Указ. соч.

56. ААН. Переписка Святского Д.О. с Морозовым Н.А. Ф. 543. Оп. 4. Д.1657.

И.И. ЩигOLEв,
*главный врач,
Брянская областная
психиатрическая больница №4*

Выдающиеся российские ученые из г. Мглина Брянской области

Брянская земля во все времена была и остается богатой на интеллектуально образованных людей. Так сложилось, что в XIX веке в г. Мглине Черниговской губернии (ныне Брянская область) родились будущие знаменитые врачи ученые: Э. Шперк (1837-1894) – первый директор Императорского института экспериментальной медицины, профессор, специалист по венерическим болезням и В.И. Иоффе (1898-1979) – основоположник клинической иммунологии, академик Академии наук СССР.

Следует отметить, что на Брянщине об этих ученых мало известно.

Эдуард-Леонард Фридрихович Шперк родился 14 января 1837 года. В городе Мглине Э. Шперк прожил недолго, т.к. необходимо было получить образование. Его отец – Фридрих Шперк (1808-58), был уездным врачом, признанным не только как талантливый хирург, но и как энтомолог, длительно работал врачом в г. Мглине. Образование Эдуард и его старший брат Франц (1835-1906) получили на медицинском факультете Харьковского университета, куда поступили в 1853 году. Младший брат Густав (1846-70) был известным ботаником. Из-за стесненного материального положения семьи Франц и Эдуард были вынуждены принять стипендию Министерства внутренних дел (МВД), что обязывало их после окончания университета в течение 2-х лет работать по направлению в любом районе России в соответствии с распоряжением МВД. Бра-

тя Шперки, закончили университет с отличием в год окончания военной кампании в Севастополе (1855), сдали экзамены на степень доктора медицины. В Крым они уже не попали, но Э. Шперк все же работал непродолжительное время в одном из южных военных лазаретов и застал там еще картины госпитальной гангрены и других осложнений доантисептического периода. Далее, несмотря на ходатайство факультета, братья были назначены на службу в Якутию.

С 1859 года Э. Шперк начал свою работу врачом в Восточной Сибири, а затем работал врачом в военном госпитале Благовещенска и окружным врачом в Николаевске. Всего же он пробыл на Дальнем Востоке около 10 лет. В 1860 году Э. Шперк получил распоряжение отправиться в экспедицию по Николаевскому округу (район около 1000 км) в Охотск, Гигижинск и по Камчатке для изучения проказы на берегах Охотского моря. Эта экспедиция была организована, по-видимому, по просьбе Р. Вирхова для изучения восточносибирской лепры. Путь до Охотска в то время шел через городок Якутск, где больницей заведовал его старший брат, у которого он поработал в больнице 2 месяца, с 11 сентября по 10 ноября, изучая клинический материал по краевой патологии. В частности, здесь он впервые познакомился с теми формами сифилиса, которые были распространены среди якутов, и в его диссертации описаны некоторые случаи, которые он наблюдал здесь в больнице.

Прежде чем отправился дальше, Э. Шперк тщательно подготовился к предстоящей экспедиции. Он запасся рекомендациями, теплыми вещами и провиантом. 11 ноября 1860 года он выехал из Якутска и через две недели прибыл в Охотск, проехав за две недели тысячу верст. Выехав 8 января 1861 года из Охотска в Гигижинск, на собачьей упряжке добирался почти месяц, где он оставался до 22

октября, изучая действие местных минеральных вод в Товоми на больных. Покинув Гигижинск, Э. Шперк прибыл в Петропавловск в январе 1862 года.

Почти за 2 года он объехал Камчатку в сопровождении одного якута и без оружия. Большая часть пути была проделана на собачьих упряжках и проходила по малонаселенным берегам Охотского моря. Несмотря на тяжелые условия экспедиционной жизни, в Э. Шперке, раскрылся «инстинкт мужественного и любознательного путешественника, любителя природы и наблюдателя, способность ориентироваться и приспосабливаться в самых неожиданных обстоятельствах».

Он собрал огромный материал по заболеваемости коренного населения и этот материал по краевой патологии позволил молодому врачу Э. Шперку сделать открытие – широко распространенное в северном Приморье и Амурском крае заболевание, которое издавна принималось местным населением за проказу, в большинстве случаев оказалось застарелыми формами сифилиса. Иногда встречались и случаи волчанки. Это вызвало у него глубокий интерес к изучению кожных и венерических заболеваний. На основе своих наблюдений Э. Шперк написал диссертационную работу, которую озаглавил «Медико-топографические замечания о сифилисе Северо-Восточной Сибири, называемом там «проказою», составленная областным врачом, Восточной Сибири, лекарем Эдуардом Шперком, для получения степени Доктора Медицины». Диссертацию он с успехом защитил 23 марта 1863 года на конференции в Императорской медико-хирургической академии (ИМХА) в Петербурге. Представленную ученым работу поддержал проф. академии Я.А. Чистович (1820-1885).

Став доктором медицины, Э. Шперк проработал еще 3 года главным врачом Амурского края и зарекомендовал себя талантливым администратором. Он активно

продолжал научную работу в области сифилидологии. В медицинских журналах России в эти годы им были опубликованы статьи, в которых он приводил географо-патологические описания Восточной Сибири и Северного Приморья [10]. В указанной публикации Шперк приводит сравнение проявлений сифилиса в странах, мало населенных, и в странах цивилизованных, с плотным населением. В своих очерках Э.Шперк рассматривал болезни желудка, кишечника, распространение эпидемий, цинги и сифилиса, а также касался и социальных проблем. «Странное впечатление ощущаешь при виде страны, писал он, из которой ежегодно вывозится на десятки тысяч рублей одной дорогой пушнины и взамен привозится только черкасский табак и байховый чай и где человек за годовой труд опасного и тяжелого звериного промысла получает возможность покурить трубку и попить чаю два, три месяца» [11]. Дальнейшие очерки были опубликованы в том же издании несколько лет спустя [14, 15].

В конце 1868 года Э. Шперк приехал в Петербург и решил окончательно посвятить себя дерматовенерологии. В следующем году он выехал за границу, где ознакомился с постановкой лечебного дела в крупнейших клиниках Западной Европы. В частности, он прошел обстоятельный курс кожных и венерических заболеваний в Вене, известных ученых с мировым именем. В своей статье [12] Э. Шперк писал, что, составляя план своего путешествия, руководствовался желанием оставаться в тесных рамках своей специальности. Кроме этого он опубликовал статью [13] и другие работы в «Архиве судебной медицины и общественной гигиены».

Работы Э. Шперка привлекли к нему внимание медицинской общественности России того времени, и он по рекомендации Е.В. Пеликана, директора Медицинского Департамента России (1824-1884) в 1869 году был назна-

чен сверхштатным медицинским чиновником при Медицинском Департаменте, но вскоре перешел ординатором в городскую Калининскую больницу, ныне Институт антибиотиков МЗ России [5].

Пройдя конкурс, Э. Шперк стал с 1 апреля 1870 года главным врачом Калининской больницы «для прилипчивых секретных болезней», как указывалось в документах при ее создании. При этой больнице в 1783 году был открыт Калининский Медико-Хирургический институт для обучения врачебной науке выходцев из Остзейских земель. Преподавание в нем многие годы велось на немецком языке.

С 1 ноября 1871 года Э. Шперком была введена карточная система регистрации заболеваний и разработана специальная статистическая система учета заболеваемости, что вообще-то являлось прообразом современной карты диспансерного наблюдения за венерическими больными. Э. Шперк впервые применил в больнице санитарную статистику, и многое сделал для развития и внедрения в России медицинской статистики. Став главным врачом Калининской больницы – «лечебной тюрьмы для проституток», он быстро придал этому учреждению облик лечебного, преодолев массу административно-организационных препятствий.

Осенью 1879 года, потратив массу энергии и сил, он организовал при Калининской больнице бесплатный амбулаторный прием для больных венерическими болезнями. В дальнейшем в больнице был организован добровольный прием женщин, не принадлежащих к древнейшей профессии. В 1888 году при больнице было открыто мужское отделение в виде отдельного барака на 50 человек.

Следует отметить, что в эти же годы Э. Шперк вел активную педагогическую деятельность. С 1874 по 1890 год он преподавал в Суворовском акушерском училище,

которое готовило акушеров, а с 1875 по 1882 год читал лекции по кожным и венерическим болезням на Женских врачебных курсах при Императорской Военно-медицинской академии (ИВМА), а также читал курс в школе фельдшериц, учрежденной комитетом Красного Креста. Для учащихся всех этих курсов Калининская больница служила клиникой. В этот же период времени он организовал небольшую лабораторию при больнице, главным образом на личные средства, для изучения влияния индивидуальных особенностей организма на течение сифилиса.

Э. Шперк имел звание приват-доцента ВМА и участвовал в конкурсе на заведование кафедрой кожных болезней, но эта кафедра не была ему предоставлена.

С целью изучения сифилиса старший врач городской Калининской больницы доктор Э. Шперк производит с июня 1886 года последовательный ряд опытов над обезьянами, которые тоже содержались на станции. Для его исследований принц А.П. Ольденбургский приобрел в Германии в 1886 году крупную партию низших обезьян. Этих животных (46 обезьян разных видов, в основном макак) он использовал при попытке создать экспериментальную модель сифилиса. Для этого Э. Шперк втирал во внутреннюю складку крайней плоти макаки материал из папулы больной женщины. Он вызывал у обезьяны характерную язву, весьма схожую с твердым шанкром человека. Это был один из первых удачных опытов в весьма продолжительной истории моделирования сифилиса на животных. Тем не менее, работа не дала Э. Шперку уверенности в успехе, потому что этиология сифилиса у макак резко отличалась от форм сифилиса у человека.

Опыты нашего земляка Э. Шперка были первыми в мире исследованиями по моделированию экспериментального сифилиса. О размахе проводившихся на станции исследований свидетельствуют данные о том, что с мо-

мента ее открытия до марта 1887 года, то есть менее чем за год, здесь были проведены различные опыты на 1552 кроликах, 112 собаках, 56 обезьянах, 59 морских свинок, на большом количестве крыс, кошек, голубей и иных животных.

Основной задачей Нового института являлось изучение причин возникновения некоторых инфекционных болезней и способов рациональной борьбы с ними, а также выдвигалось положение в более широком объеме – усилиями разных специалистов ставить и решать те или иные проблемы медицины, почему он и был назван Императорским Институтом экспериментальной медицины (ИИЭМ).

Институт был открыт 8 декабря, и ему указом императора Александра III было даровано наименование – «Императорский» с назначением его основателя, принца А.П. Ольденбургского, попечителем института. Сложившаяся ситуация с назначением директора института свидетельствует, что кандидатура Э. Шперка оказалась наиболее подходящей – он уже имел большой опыт руководства медицинским заведением, возглавляя крупнейшую городскую больницу, активно участвовал в работе многих общественных комиссий, прекрасно ориентировался в организации здравоохранения. Он, наконец, непосредственно участвовал в создании ИИЭМ и был в курсе всех дел, связанных с предстоящей работой его коллектива [1].

Приказом попечителя от 6 октября 1891 года Э. Шперка назначили директором первого в мире и единственного в своем роде до настоящего времени учреждения. Действительным же членом ИИЭМ он был назначен еще 6 июня 1891 года и исполнял обязанности директора [5].

Вот один из типичных для его работы моментов, который можно воспроизвести на основе сохранившихся документов. 24 июля 1891 года ИВМА запросила ИИЭМ о

том, какое вознаграждение будет выплачиваться в институте И.П. Павлову. Э. Шперк сообщил 3 сентября 1891 года, что И.П.Павлов зачислен действительным членом института с 13 июня 1891 года с содержанием 4000 рублей в год. Э. Шперк же ходатайствовал перед попечителем о том, чтобы И.П. Павлову оплатили его содержание не с момента его назначения действительным членом ИИЭМ (13 сентября 1891 года), а с момента фактического начала И.П. Павловым работы, т.е. с 1 января 1891 года, что и было сделано [4].

Трудно переоценить усилия Э. Шперка в должности первого директора только что созданного ИИЭМ. Именно годы, когда он занимал этот пост, были годами становления научных исследований, строительства здания Отдела химии, (архитектор Ф.Л. Миллер), в 1892 году, реконструкции и приспособливания для нужд института иных помещений, организации хозяйственных служб, пополнения ИИЭМ персоналом, согласования штатов и смет. А ведь уже начиная с весны-лета 1891 года, большинство отделов приступили к экспериментальной работе, бесперебойно работало и Прививочное отделение, ранее это была петербургская прививочная станция, которая как самостоятельное подразделение вошла в состав ИИЭМ.

Знаменательно, что еще в 1889 году Э. Шперк пожертвовал 1000 рублей на создание института, подобного Пастеровскому при Свято-Троицкой общине сестер милосердия, который разрешил организовать принцу А.П. Ольденбургскому, но «без содержания от казны» Александр III. Не считая того, что А.П. Ольденбургский приобрел участок земли со строениями на Лопухинской ул., 12 – это первый акт благотворительности в адрес создаваемого ИИЭМ. При этом следует отметить, что, проживая в столице, Э. Шперк имел обширную частную практику как известный врач кожвенеролог.

В связи с болезнью Э. Шперка И.П. Павлов с 4 марта 1894 года принял на себя обязанности директора ИИЭМ и 3 мая 1894 года он сообщил А.П. Ольденбургскому письмом о смерти Э.Ф. Шперка.

И сегодня, восстанавливая славные страницы истории ИИЭМА за более чем вековой период, мы должны помнить о той большой роли, которую в этой истории сыграл Э. Шперк, уроженец Брянщины. Его прекрасный бронзовый бюст работы известного скульптора Р. Кауффунгена (1896) находится в Музее истории ИЭМ. Авторская копия украшает кабинет директора ИЭМ РАМН. Бюст Э. Шперка был передан в институт в 1939 году его дочерью С.Э. Шперк. В институте хранится и интересный портрет Э. Шперка работы художника Девяткина (1896).

Эдуард-Леонард Фридрихович Шперк скончался 3 мая 1894 года и похоронен в г. Санкт-Петербурге на Смоленском лютеранском кладбище (наб. реки Смоленки, 9). Сохранились гранитный постамент надгробия и металлическая решетка, бюст утрачен [3].

Ровно десять лет назад медицинская общественность России отметила 100-летний юбилей академика Российской Академии медицинских наук В.И. Иоффе.

Российская научно-практическая конференция посвященная юбилею проводилась на базе Брянской областной больницы №4, расположенной в г.Мглине Брянской области. В этом городе родился 27 (14 февраля) 1898 года Владимир Ильич Иоффе – будущий основоположник отечественной клинической иммунологии.

На конференции присутствовали представители Санкт-Петербурга, Москвы, Смоленска, Ярославля, Брянска. Об этой конференции сообщали средства массовой информации, как местного, так и областного значения.

В городе Мглине В.И. Иоффе прожил недолго. Детство и юность провел в Перми, студенческие годы – в Ка-

зани, где учился на медицинском факультете университета. Водоворот событий 1918 года уносит только что перешедшего на четвертый курс В.И. Иоффе в Сибирь, там он его заканчивает в Томском университете и работает зауряд-врачом в Казанской инфекционной больнице и госпитале 5-й Армии. Диплом получает в Казани в 1921 году. Началом научного пути В.И. Иоффе была последипломная стажировка при кафедре общей патологии и патологической анатомии Казанского университета и в Пермском Бактериологическом институте.

В 1923 году В.И. Иоффе переезжает в Петроград. Здесь, в Институте экспериментальной медицины, организованном в 1891 году его земляком Э. Шперком, он специализируется в начале внештатным практикантом по бактериологии у одного из корифеев отечественной микробиологии А.А. Владимирова под руководством его ассистента, известного микробиолога и иммунолога О.О. Гартоха. Через год В.И. Иоффе становится штатным сотрудником ИЭМ и, не считая небольших перерывов, был связан с этим институтом всю свою жизнь. В 1927 году должность врача-лаборанта в этой баклаборатории получает и В.И. Иоффе.

С 1928 года О.О. Гартох по совместительству заведует кафедрой микробиологии в Педиатрическом институте, но на первом же году профессуры передает заведование своему ученику В.М. Берману, а сам становится консультантом этого института, не получая материального вознаграждения. Став заведующим Бактериологическим отделом Института им. Пастера, а с февраля 1929 года и научным руководителем этого института, О.О. Гартох привлекает к работе в нем многих своих учеников, а место заведующего бактериологической лабораторией больницы им. Ф.Ф. Эрисмана передает в 1930 году В.И. Иоффе [6].

С 1932 года ученый заведует по совместительству еще одной бактериологической лабораторией – в Василеостровской детской инфекционной больнице. Основным содержанием работы обеих его больничных лабораторий были рутинные бактериологические анализы, необходимые для диагностики инфекционных болезней. Поэтому В.И. Иоффе уделяет много внимания разработке вопросов методического плана, связанных с совершенствованием техники исследования и изысканием новых путей дифференциальной диагностики инфекционных болезней. Это требовало фундаментального изучения свойств микробов-возбудителей. Ряд работ В.И. Иоффе этого периода посвящен вопросам общей бактериологии и биологии микробов актуальных групп.

К этому времени В.И. Иоффе уже около года работал в Институте им. Пастера, где заведовал Отделом детских инфекций. Он подал документы на конкурс и 29 декабря 1933 года был представлен квалификационной комиссией, в состав которой входили ведущие профессора института. Его утвердили в должности заведующего бактериологической лабораторией в Отделе экспериментальной биологии.

С 1 января 1934 года В.И. Иоффе приступил к работе у А.Г. Гурвича, не порывая с Институтом им. Пастера и другими местами своего рабочего совместительства. Он активно включается в новую тематику и ставит сотни экспериментов, целью которых был выбор чувствительного к митогенетическим лучам вида микробов и оптимального режима облучения микробных клеток.

Одной из важных тем исследований В.И. Иоффе было изучение экспериментального местного инфекционного процесса. Он изучал роль кожи в инфекции и иммунитете и показал ее значение как биологического защитного фактора при экспериментальном внутрикожном инфек-

ционном очаге и при выработке общего иммунитета. В работе «О механизме действия фильтратов бактериальных культур на местный инфекционный процесс» (1928) им показано угнетающее действие таких фильтратов (содержащих токсины бактерий) на местную клеточную реакцию при введении в кожу живых микробных клеток. К этому циклу примыкают работы В.И. Иоффе по изучению механизмов генерализации местного инфекционного процесса. Он установил, что генерализации свежего и дремлющего инфекционного процесса способствуют как токсины самих микроорганизмов, подавляющие местную защиту, так и внешние факторы: хирургическая травма, местное охлаждение, ожог. При этом генерализация инфекции и даже наступление летального исхода могут сопровождаться снижением клинической выраженности местного инфекционного процесса. В двух экспериментальных работах 1930 года «К вопросу о влиянии холода на течение местного инфекционного процесса» и «К вопросу о роли холода в создании местных инфекционных очагов» показано в значении местного охлаждения в возникновении местных же инфекционных процессов (гематогенным путем).

Летом 1939 года В.И. Иоффе приглашают возглавить Отдел микробиологии и иммунологии в московском Всесоюзном институте экспериментальной медицины (ВИЭМ), создававшийся на основе одноименного отдела. Новый Отдел микробиологии и иммунологии, заведование которым поручили В.И. Иоффе, должен был начать работу в 1940 году и имел 57 штатных единиц, большая часть которых была уже заполнена.

Начало войны застало 43-летнего В.И. Иоффе в разгаре научной и практической деятельности в качестве признанного лидера ленинградских микробиологов и иммунологов, одного из ведущих специалистов страны.

Его работа носила ярко выраженный комплексный характер, научные работники ВИЭМа и Института им. Пастера участвовали в ней наряду с лечащими врачами и эпидемиологами. Немаловажное значение имели притягательные черты В.И. Иоффе как руководителя: собранность и целеустремленность, доброжелательность и глубина суждений. Грянувшая война коренным образом изменила жизнь в Ленинграде, но, несмотря на стремительное приближение фронта, бомбежки и эвакуацию, научные и практические учреждения города продолжали работать.

10 ноября 1941 года В.И. Иоффе был призван в Краснознаменный Балтийский флот (КБФ) в качестве консультанта-эпидемиолога Медико-санитарного отдела (МСО). Нарушился привычный уклад жизни, в котором опорой была семья. После эвакуации близких опустела всегда гостеприимная квартира на Петроградской стороне. Начавшаяся блокада, служба на флоте и работа в институте требовали большого мужества и самоотдачи. В этой обстановке в полной мере раскрылись сила характера В.И. Иоффе и его выдающиеся способности как в сфере военной медицины, так и в здравоохранении.

Выступая на конференции военных эпидемиологов в 1943 году, В.И. Иоффе дал характеристику инфекционной заболеваемости на краснознаменном Балтийском флоте (КБФ) за полтора года войны. Вспышка дизентерии в зимний период 1941-1942 годах отличалась сочетанием с дистрофией, очаговостью, рецидивами и эпидемической тенденцией. Главным фактором, определившим особенности вспышки, явилась дистрофия, снизившая резистентность организма и, как следствие, манифестацию заболевания у хронических больных и появление атипичных клинических форм [9].

В 1945 году повысилась заболеваемость дизентерией и брюшным тифом, и это потребовало активизации про-

тивноэпидемических мер. К.М. Трошихин, сотрудник медико-санитарного отдела в годы войны, сообщал, что в 1945 году отдел перевели в Таллин, но В.И. Иоффе остался в Ленинграде, продолжая исполнять обязанности главного эпидемиолога КБФ до марта 1946 года.

В.И. Иоффе рассматривал инфекционный процесс как патобиологическое явление, в котором взаимодействуют два полноправных участника – микро- и макроорганизм, обладающие присущими им функциональными признаками. В ходе развития заболевания оба организма претерпевают изменения, для выявления которых он разработал специальные методы. Исследования, проведенные в годы войны, позволили В.И. Иоффе уточнить и углубить его концепцию. Применительно к клинике и эпидемиологии эти исследования позволили раскрыть новые закономерности патогенеза заболеваний и формирование иммунологической структуры коллективов [2, 7].

История развития науки убедительно показывает, что наиболее эффективными стимулами достижений фундаментальных исследований всегда служили бедствия, грозившие человечеству. Такими бедствиями долгое время оставались, да и сейчас еще остаются, эпидемии инфекционных заболеваний. В плеяде блестящих имен отечественных микробиологов и эпидемиологов особое место принадлежит Владимиру Ильичу Иоффе, который повернул исследования инфекций в сторону изучения роли макроорганизма хозяина при взаимодействии с микроорганизмом-паразитом, и явился основоположником самостоятельной науки – клинической и эпидемиологической иммунологии [8].

Являясь представителем крупной научной школы, сложившейся в ИЭМе, В.И. Иоффе, развивая ее традиции, создал собственную авторитетную школу, разработал ее концептуальную основу и научную идеологию. Им подго-

товлено более 100 докторов и кандидатов наук. Научные заслуги этой школы отражены в большом числе трудов. Несмотря на бурное развитие медико-биологической науки труды В.И.Иоффе не утратили свое значение и сегодня.

Скончался В.И. Иоффе в Санкт-Петербурге 1 апреля 1979 года.

Имена Э.Ф. Шперка и В.И. Иоффе не должны быть забыты, как ученых, и как наших земляков. Их заслуги перед отечественной медициной достаточно велики, чтобы образы этих энтузиастов науки и здравоохранения сохранились в памяти последующих поколений.

Литература

1. Голиков, Ю.П. Становление первого в России исследовательского учреждения в области биологии и медицины / Ю.П. Голиков, К.А. Ланге // Первый в России исследовательский центр в области биологии и медицины. – Л., 1990. – С.7-43.

2. Иоффе, В.И. Клиническая и эпидемиологическая иммунология / В.И. Иоффе. – Л. : Изд-во «Медицина», Ленинградское отделение, 1968. – 373 с.

3. Кобак, А.В. Исторические кладбища Петербурга : справочник-путеводитель / А.В. Кобак, Ю.М. Приютко. – СПб., 1993. – С. 304.

4. Летопись жизни и деятельности академика И.П. Павлова. – Л., 1969.

5. Личность д. Э.Ф. Шперка. СПб-ГИА. Ф. 2282, оп. 2, д. 200, л. 1-14.

6. Назаров, П.Г. В.И. Иоффе в Институте экспериментальной медицины (1923-1979) / П.Г. Назаров; отв. ред. проф. И.С. Фрейдлин. – СПб., 1998. – 72 с.

7. Современные проблемы иммунологии и иммунопатологии / под ред. А.А. Смородина, В.М. Бермана, Б.Н.

Софронова. – Л. : Изд-во «Медицина», Ленингр. отд-ние, 1970. – 285 с.

8. Фрейдлин, И.С. Основоположник клинической иммунологии / И.С. Фрейдлин // Мир медицины. – 1998. – №3. – С.9-10.

9. Чайка, Н.А. Щит от эпидемий. Ленинградский институт имени Пастера в годы войны и блокады / Н.А. Чайка. – Л., 1985. – 43 с.

10. Шперк, Э. Значение сифилоидов в учении и истории сифилиса / Э. Шперк // Военно-медицинский журнал. – 1864.

11. Шперк, Э. О географо-патологических изысканиях вообще. Болезни желудка и кишок в Охотском и Гижинском краях / Э. Шперк // Архив судебной медицины и общественной гигиены. – 1865. – Т. 1, Кн. 3, Отд. 3. – С. 67.

12. Шперк, Э. Письма врача из-за границы / Э. Шперк // Архив судебной медицины и общественной гигиены. – 1869.

13. Шперк, Э. О мерах к прекращению распространения сифилиса у проституток / Э. Шперк // Архив судебной медицины и общественной гигиены. – 1869.

14. Шперк, Э. Болезни желудка и кишок в Амурской области / Э. Шперк // Архив судебной медицины и общественной гигиены. – 1870. – Т. 1.

15. Шперк, Э. Эпидемические болезни в Восточной Сибири / Э. Шперк // Архив судебной медицины и общественной гигиены. – 1871. – Т. 2.

Е.В. Киселева,
аспирантка,
Брянский государственный университет
им. академика И. Г. Петровского

**Он мог бы сказать: «Я памятник себе
воздвиг нерукотворный в сердцах рабочих
и крестьян...»**

**(Советская власть и культ брянского большевика
Игната Фокина в 1917-1989 гг.)**

*Воздвигнем памятник товарищу и брату
Защитнику рабочих угнетённых
Униженных, нуждой, трудом согбённых
За нас боровшемуся Фокину Игнату! [1]*

Сразу после Октябрьского переворота 1917 г. пришедшая к власти партия большевиков, остро нуждавшаяся в новых символах власти, начала процесс канонизации героев Гражданской войны и «рабочего фронта» [2]. Для Брянской земли в ряду таких «обожествленных» героев особняком стоит фигура И.И. Фокина, лидера местных революционеров-большевиков, бессменного председателя уездного исполкома советов, инициатора выделения Брянской губернии в отдельную административную единицу.

Активное восхваление заслуг, культ Игната Фокина [3] постепенно становится неотъемлемой чертой общественно-политической жизни региона в годы советской власти (1917-1989 гг.). Под культом здесь мы понимаем «ситуацию оценки какого-либо одушевленного объекта, когда он становится центральным элементом системы поведения и мышления субъекта (общества, группы, индивида). Такой объект отражает базовые ценности данной куль-

туры, функционирует как цель и образец действия» [4] . Анализ тех мероприятий местной советской власти, которые претворялись в жизнь с целью признания исключительности заслуг при жизни и увековечивание памяти Игната Фокина после смерти, и является целью данной работы. Исследование основано на материалах фондов Государственного архива Брянской области (ГАБО), Центра новейшей истории ГАБО и Брянского государственного объединенного краеведческого музея, а также на опубликованных документах, воспоминаниях соратников Игната Фокина и работах его биографов в рамках советской фокинианы [5]. Стоит отметить, что в историографии уже сделаны первые серьёзные шаги в разработке проблемы культа главного вождя большевиков В.И. Ленина [6]. Проблема же формирования культа представителя группы местных вождей ставится впервые. В тоже время в обозначенных процессах больше сходного, нежели отличного: культ Фокин, равно как и культ Ленина, явился одним из элементов политических технологий, важным средством формирования образа советской власти. Здесь, однако, нам стоит сделать оговорку следующего плана: проводимые параллели между возвеличиванием деятельности В.И. Ленина и И.И. Фокина строятся единственно на базе исключительности той роли, которую лидеры партии сыграли в установлении и укреплении Советской власти в центре и на местном уровне соответственно. Данного рода параллели никакого отношения не имеют к сопоставлению их человеческих качеств, среди которых реальные, идеальные и приписанные. Не связана параллель и с интенсивностью и размахом культовых практик, которые у вождя центра несоизмеримо больше. Нам предстоит ответить на следующие вопросы: когда сформировался культ Игната Фокина и как проходил процесс его развития в годы советской власти? Как становление его образа соотносилось с формированием обра-

за коммунистической власти в целом? Как воспринимался образ его личности местной политической элитой и населением?

Однозначно можно утверждать то, что культ Фокина, также как и культ Ленина, начал формироваться ещё при жизни лидера партии со времен революционного подполья. Роль И. Фокина в установлении и укреплении власти советов на Брянщине была исключительной: к моменту его приезда в Брянск в городе не существовало самостоятельной большевистской организации. 18 мая группа брянских большевиков под его руководством вышла из состава РСДРП [7]. Популярность Фокина и уважение к его фигуре в уездной организации большевиков были высоки, что выразилось в преподнесении ему 10 сентября 1917 года именного кожаного портфеля с надписью «На память Фокину от комитета РСДРП (б)» [8]. В целом, на каком бы собрании И. И. Фокин ни присутствовал, он неизменно докладывал по текущему моменту. Написанные им резолюции, принимались, как правило, единогласно и явно выделяются в череде уездных документов: их отличает широкая доказательная база, обилие идеологием, стилистических приёмов [9]. Высказывания Фокина последовательны и отточены, приводимые примеры – всегда к месту, что говорит о живом уме, обширном кругозоре. Особенно его интеллектуальный уровень, нарабатанный в ходе самообразования в ссылках, выделялся на общем фоне местных большевиков, которые, в большинстве своём, имели 3-х, 4-х классное образование [10]. Фокин являлся главным разводящим в прениях между партийными функционерами [11] и главным оппонентом против соперников не только в силу своего большого образовательного багажа, но и благодаря присущей ему силе убеждения [12]. Утверждения о Фокине как бойце-идеологе – не голословны. Подавление крупнейших за всё время Гражданской войны региональ-

ных выступлений лета 1918 г., середины марта 1919 года проходило под его руководством [13]. Согласно ряду воспоминаний, большинство из них Фокину удалось усмирить бескровно, путем призывов и речей [14].

Таким образом, все предпосылки к созданию культа к лету 1918 года существовали: это и вождистский характер партии, и символический вакуум новой власти, нуждавшейся в легитимизации режима, и наличие беспрекословных авторитетов на местах и в центре. Попытки создания форм, даже формул культового почитания В.И. Ленина не раз предпринимали соратники вождя уже при его жизни. Поводом для такого рода панегириков явилось похищение на Ленина летом 1918 г., когда велеречивые гимны вождю начали печататься в «Правде» и распространяться в виде брошюр, издававшихся массовыми тиражами [15], выпускались также и портреты Ленина [16], в его честь переименовывались города. Множились подобные примеры культа главного вождя большевиков. Своеобразное молчаливое одобрение практик почитания оформило их принятие на местах в качестве образца. Лето 1918 года можно обозначить и как начало оформления культа Фокина. Ему не единожды предлагали перевод на работу в губернский и федеральный центры. Так, в переписке между партийными организациями Брянска и центра губернии Орла в июне-июле 1918 членам брянского укома удалось оставить умелого и опытного, незаменимого работника, «с уходом которого Брянский район останется без головы» [17] на работе в Брянске, несмотря на жесткие намерения орловчан перевести его. Произошло официальное признание исключительности заслуг Фокина при его жизни. Однако, свое распространение культ Игната Фокина на Брянщине в период 1917-1922 гг. получил в мероприятиях, увековечивавших его память после смерти. Председатель уисполкома ушёл из жизни в результате заболевания ти-

фом 13 апреля 1919 г., не прожив и тридцати лет. С предложением увековечить память Фокина выступили члены Брянской уездной организации коммунистов. И созданное в день похорон экстренное заседание уисполкома приняло решение об увековечении его памяти через следующие мероприятия: «похоронить Фокина в Васильевском парке в месте первых жертв революции в Брянске, заложить дворец имени Фокина и назвать его именем университет, поставить ему два памятника, переименовать улицу бывшую Старособорной в улицу имени Фокина» [18]. Сразу же переименовали именно главную улицу города, которая продолжала носить имя Фокина до 1967 г., когда была поделена на проспект Ленина и улицу им. Дуки. Были открыты и оба памятника: брянский на могиле Фокина – по завершению смуты периода Гражданской войны в августе 1922 года, и людиновский – в 1925 г. [19] Название вуза в честь Фокина удалось реализовать с открытием Бежицкого машиностроительного института 18 января 1930 г [20]. Среди ряда других объектов, названных в честь Игната Фокина, можно назвать также и сформированный осенью 1919 г. в Брянске батальон особого назначения имени Игната Фокина [21].

Сами похороны Игната Фокина собрали по разным данным около или более двадцати тысяч человек (на тот момент это почти все население города Брянска) [22], став значительным событием в жизни уезда. Как отметил П.К. Корнаков, в революционной России похороны участников и вождей революции являлись одним из самых распространенных ритуальных действий, в которых переплетались символика цветовая, вербальная, изобразительная и музыкальная. Эта производная представляет собой «средство сильнейшего эмоционального воздействия на массы, когда скорее чувства, чем разум оказываются включенными в поле воздействия ритуала» [23]. Серия откликов на смерть

Фокина вообще прокатилась по всему Брянскому уезду. В докладе побывавшего на похоронах Фокина секретаря Жуковской организации РКП (б) Харина словосочетание «незаменимая утрата» повторяется несколько раз [24]. Можно представить себе, сколько раз оно звучало из уст выступающих на похоронах. В апрельских протоколах ряда волисполкомов звучали эмоциональные ноты соболезнования и горечи. К примеру, члены Салынского волисполкома скорбят об «уходе славного и истинно незаменимого работника из рядов коммунистов Брянской организации» [25], а на съезде же представителей сельсоветов Снопотской волости Фокин называется «одним из защитников трудящихся масс Брянского уезда», «путеводной звездой Брянского уезда, безвременно сошедшей с своего поста в могилу», характеризуется как «беззаветно преданный интересам трудящихся масс», его двухлетняя работа оценивается как «гигантская» [26]. Оценивая высокую частоту упоминаний о Фокине, разнообразие и насыщенность эпитетов, которыми описывается его деятельность в советских и партийных кругах по ходу ритуальных мероприятий, посвященных его смерти, можно утверждать о распространении культа Фокина в среде местной партийной организации. Последняя по численности своей представляла не более одного процента от всего населения уезда: на конец 1918 г. в Брянском уезде было 1500 коммунистов [27], в 1920 г. численность членов правящей партии составила всего 2400 человек в уезде [28]. Но в то же время это была политически активная часть населения, принадлежащая к партии власти. В среде обычных жителей уезда особой исключительности заслуг И.И. Фокина при его жизни не отмечали, а относились как к главе местной власти, в силах которого решить всякого рода вопрос – на имя Фокина ежемесячно в 1918-1919 гг. посылались сотни писем. Сам Фокин позиционировал себя перед народом не иначе как «глава мест-

ного и районного Советов» [29]. По результатам культовых практик похорон апреля 1919 г. имя его символизируется: становится доступно массам в качестве образа идеального местного руководителя, и что не менее важно, увековечивается в названиях ряда объектов. Прежде всего, это название ведущей улицы города, а также целого поселка. Посёлок Льговский, примыкающий к городу Брянску, был переименован в Фокинский 30 мая 1921 г. [30]. В то же время, необходимо учитывать ареал распространения топонимических названий в память о Фокине, охватывающий только город Брянск. Помимо этого, требовалось время для адаптации к новым символам, привычке использовать их в обыденной жизни.

Пиковым в формировании культа местного вождя стал 1922-й год, ознаменовавшийся возведением памятника Игнату Фокину, выходом в его честь сборника воспоминаний, тематического выпуска «Брянского рабочего», сочинением стихотворений в его честь, проведением десятков собраний и митингов. Созданная при губкоме комиссия по увековечиванию памяти товарища Игната Фокина вплоть до деталей расписала мероприятия 1922 года [31]. Составной частью культа стал ряд публикаций о Фокине в СМИ: орган брянского губисполкома и губкома РКП «Брянский рабочий» (Известия) сделал номер от 20 августа 1922 тематическим, посвятив в связи с закладкой памятника в честь Фокина больше половины страниц о его жизни и деятельности. Постоянный повтор на страницах газет таких фраз как «погиб слишком рано», «слишком тяжела утрата», «слишком много он ещё мог сделать», «сознательный гражданин», «обязан почтить память» – работал как важный приём манипулирования сознанием. Психолог С. Московичи в отношении к приёму повторения пишет, что он является важным условием пропаганды, повторение возводит обязательный барьер против всякого

иною утверждения, придавая им осязаемость и очевидность [32].

Важной составной частью формирования культа И. Фокина как партийного и советского лидера стал выпуск в 1922 г. сборника воспоминаний о нем, приуроченный губистпартом к пятилетней годовщине Октябрьской революции. Он повествует о Фокине как о пылком большевике революционере и энергичном строителе нового общества одновременно. Это первый биографический сборник является собой яркий пример большевистской революционной агиографии, где для моделирования образа новой действительности и образов ее героев широко привлекались христианские аналогии [33]. Фокин предстает в воспоминаниях сборника, дублированных в тематическом выпуске газеты, как мученик темной царской эпохи, как учитель безграмотных масс и своих ещё пока малограмотных соратников, а также как чудотворец в борьбе за правое дело: ярые мятежники поддаются его уговорам, а противники становятся соратниками. Пиететное отношение автора, тактики панегирика, похвалы герою чувствуется в самой красочной из всех частей сборника – его предисловии, созданном в недрах губистпарта. Зная особенности агиографии, необходимо смотреть на данные сборника пристально, критически оценивая всякого рода информацию о герое «жития». Не секрет, что любая революция кажется самой себе лучше, чище прежнего социального строя, склонна идеализировать себя и своих подвижников. В этой связи внимание исследователя заслуживает не вошедший ни в один биографический сюжет об Игнате Фокине инцидент из его постоктябрьской жизни – арест Фокина членом ЧК по борьбе с контрреволюцией Визнером по обвинению в злоупотреблении по службе, повлекший за собой скандал и скорую реакцию Областного Бюро в виде письма в ЦК РКП (б) [34]. Это случай является, пожалуй, единственным

фактом, выпадающим из описания образа идеального борца за коммунизм. С точки зрения творцов культа на солнце не должно быть пятен. В то же время, все попытки доказать тот факт, что Фокин не был революционером с душой энтузиаста, проваливаются. Большинство качеств, которыми наделяют его соратники по партии, не являются приписанными: честность, ответственность прослеживаются в течение всего его жизненного пути. О принципиальности говорят многие факты биографии. К примеру, по воспоминаниям его сестры Анны, Игнат не мог взять талон сестре на пальто уже будучи председателем уисполкома и признанным лидером Брянского уезда: 10-летняя девочка на похоронах старшего брата в апрельский мороз стояла в пальто с коротким рукавом [35].

В ранний период советской власти (1917-1922 гг.) культ Фокина охватывал узкий, хотя и постоянно расширяющийся слой партийно-государственной бюрократии, в групповом сознании которой образ Игната Фокина становился критерием, своего рода мерилom преданности делу революции, делу партийной и губернской службы. Осознавая слабую осведомленность населения новой Брянской губернии, губистпарт откровенно заявил в сборнике памяти Игнату Фокину 1922 года издания, что «популяризацией истории жизни и деятельности тов. Фокина мы должны заняться и на фабрике, и в волости, и в городе и в деревне» [36].

Открывая второй из запланированных памятников вождю в Людинове в 1925 году, власти Брянской губернии [37] к 7 ноября выпустили кружки с изображением нового памятника и с надписью «Изготовлена в честь открытия памятника Игнату Фокину», одна из которых выставлена в экспозиции Брянского краеведческого музея. Очевидно, что в 1925 году массовым тиражом кружки поступили на столы жителей Брянской губернии. Сборник 1927 года

утверждает, что «нет такого рабочего и даже крестьянина в Брянской губернии, который не знает или не слышал об Игнате Фокине» [38]. К сожалению, проверить точность оценок, их соответствие реальности мы не можем: социологических исследований в то время не проводилось, а данные источников слишком скудны, чтобы делать выводы о масштабе распространения культа Фокина в среде населения. Но, соглашаясь с петербургским исследователем С.В. Яровым важно увидеть, как сделан механизм пропаганды, определить силу его давления, степень его тотальности, рамки его воздействия [39]. После второго сборника губистпарта в честь Фокина 1927 г., носившего уже чисто биографический характер, очередной вышел из печати в 1939 г. большим для местного охвата тиражом – в 7500 экземпляров. Сразу же после войны и вплоть до 1989 г. всякий юбилей Октябрьской революции, а более всего очередной юбилей рождения или смерти Фокина (обе даты заканчиваются на «9» – 1889 и 1919 гг.) неизменно вызывала всплеск публикаций в газетах брянской партийной и комсомольской организаций: «Брянский рабочий» и «Брянский комсомолец», журнале агитотдела обкома КПСС «Блокнот агитатора» [40], в 1989 г. несколько статей краеведа Я. Соколова вышли в районных газетах Дятькова и Навли [41]. Наибольшее их число выпало на 1957 (шесть публикаций) и 1989 (восемь публикаций) годы. Максимальный интервал между появлением статей, зачастую сопровождавшихся печатью фотографий Фокина, составлял восемь лет. Однако абсолютное большинство из них пересказывали его биографию, раскрытую в сборниках губистпарта 1922-го и 1927 гг. издания. Наиболее научно к биографии первого строителя Советской власти на Брянщине подошли исследователи Д. Щербаков и Л. Школьников в их совместной монографии 1967 г. издания [42].

С развитием советского государства в арсенале архитекторов культуры появляются новые возможности популяризации личности Фокина, распространения его культа. Во второй половине столетия культ Фокина через текстовые произведения развивается не только в прозе, но и в поэтическом жанре: в 1959 г. Игнату Ивановичу была посвящена поэма. Её ведущим мотивом является мотив чести, упоминание которого с изрядным постоянством повторяется на каждой второй-третьей странице поэмы [43]. Фокин представляется как никто иной как «трибун с пламенной душой», а «Игнатова звезда горит над постаментом из гранита как символ жизни и труда» [44]. Символизация имени Фокина, его отождествление с партией и её деятельностью во имя светлого будущего воплощена в финальных строках поэмы: «Сливалось в сердце имя Фокин с высоким званьем коммунист» [45]. В связи с подобным обобщением интересна судьба памятника Фокину, расположенного в Фокинском районе. Памятник, возведенный на площади у ДК железнодорожников в 1957 г., ровно через двадцать лет был заменен. Второй памятник, сохранившийся в наши дни, представляет собой четырехметровый постамент во весь рост и по внешности даже отдаленно не напоминает самого Игната Фокина в отличие от первого варианта памятника. К сожалению, автор современного памятника неизвестен и свидетельств о том, что именно зодчий хотел передать в своем творении, нет. Вполне реально, однако, предположить, что перед обозревателями встает тот самый типаж коммуниста с большой буквы, обобщенный образ героя переломной эпохи. Часть юбилеев Фокина, как, например, 75-летие со дня рождения в 1964 г., отмечались партийными собраниями, митингами, тематическими вечерами, вечерами отдыха, кубками соревнований, воскресниками и другими средствами почтения его памяти [46]. На 90-летие со дня рождения Фокина

в 1979 г. были выпущены цветные конверты с его изображением [47], а период 1970-80-х гг. ознаменовался ростом числа школьных музеев, включивших экспонаты о жизни и деятельности Фокина, а его биографию – в текст лекций об истории партии и советов на Брянщине. Первая и единственная попытка систематизации всех объектов города и области, названных именем Игната Фокина, была принята отделом пропаганды и агитации Брянского обкома КПСС в 1977 г. [48]. Достоинство списка в том, что он охватывает объекты районов области и обращает внимание на школы Брянска с образованными в двух из них дружинами имени Фокина. Однако, в нем допущен ряд досадных фактических ошибок и опущений [49]. Буклеты о Фокине в цвете выпускал в 1979 г. и 1989 г. большим тиражом Брянский краеведческий музей [50], бывший одним из главных очагов распространения знаний населения о жизни и деятельности Фокина.

Таким образом, на протяжении семидесяти лет партия сначала создавала, а затем неустанно следила за тем, чтобы население не забывало «своего героя». Образ Игната Фокина – пламенного революционера-большевика и бескорыстного строителя советской власти на Брянщине – формировался и раскрывался перед населением через формы и формулы культового почитания местно вождя: неизменного проведения митингов и собраний к очередным юбилеям революции и жизни Фокина, переименования в его честь городских объектов, возведения и реконструкции памятников, выпуска печатной и сувенирной продукции о нем: сборника памяти, кружек, биографических исследований, поэмы, конвертов. Тем самым, партия не только создавала выгодную ей историю и формировала соответственное массовое историческое сознание с культом местного героя революции и Гражданской войны, но и механически переносила часть харизмы революционера-

энтузиаста на всю свою структуру. Рассматривая мотивы поведения власти в 1917-1922 гг., стоит учитывать тот факт, что на территории образованной в 1920 году Брянской губернии организовалась местная партийно-государственная элита, остро нуждавшаяся в формировании символов своей власти, своеобразных знаках отличия. Светлый образ энтузиаста Игната Фокина идеально подходил для легитимизации режима, будучи «живым символом» Октябрьской революции. Этот образ в дальнейшем, вплоть до 1989 г., не столько дописывался, сколько оттачивался и воспевался во всех подробностях и мелочах, дополняясь эмоциональными оценками. Он же выступал и как средство формирования образа власти героической, власти постоянно пекущейся о трудящихся, ведущей их к светлому коммунистическому будущему.

1. ЦНИБО ГАБО, ф. п-451, оп. 1, д.8, л. 54. Памяти вождя и брата // Брянский рабочий (Известия). – 1922. – 20 авг. – С.1.

2. Байрау Д. Пропаганда как механизм самомобилизации // Отечественная история. – 2008. – №1. – С. 92.

3. Необходимо отделить понятия «культ» применительно к какому-то лицу и «культ личности». В русской традиции до начала XX века термин «культ личности» вообще не соотносится с восхвалением какого-либо лица, напротив, подразумевалось пиететное отношение к человеческой индивидуальности. Советские же идеологи внесли в понятие «культ личности» негативный подтекст: сначала при И.В. Сталине, когда анархистское понятие личности противопоставлялось марксистскому понятию о массах, а затем – при Н.С. Хрущеве, когда термин окрасился в ещё более мрачные цвета, ведь под «культом личности» подразумевали нарушение принципов партийной демокра-

тии. Следуя национальной традиции и не внося никакого негативного подтекста, в работе мы не употребляем понятие «культ личности Фокина», а оперируем понятием «культ Фокина».

4. Безнюк, Д.К. Культ / Д.К. Безнюк // Социология : энциклопедия. – Мн. : Книжный Дом, 2003. – Электрон. версия : <http://slovari.yandex.ru/dict/sociology>.

5. См., например, Петрищев, В. Игнат Фокин / В. Петрищев. – Орёл : Изд-во Обкома ВКП (б) и Оргкомитета Президиума Верховного совета РСФСР, 1939; или Щербаков, Д. Игнат Фокин / Д. Щербаков, Л. Школьников. – Тула : Приок. кн. изд-во, 1967; или Васюкова, Л. О жизни и революционной деятельности И.И. Фокина (1889-1919) / Л. Васюкова // Брянский краевед. – 1957. – Вып. I. – С.31-37.

6. См. Энкер, Б. Начало становления культа Ленина / Б. Энкер // Отечественная история. – 1992. – №5. – С. 191-205; Великанова, О.В. Образ Ленина в массовом сознании / О.В. Великанова // Отечественная история. – 1994. – №2. – С. 177-185; Tumarkin, N. Lenin lives! The Lenin cult in Soviet Russia / N. Tumarkin. - Cambridge (Mass.); London Harvard univ. press, 1983. – 315 p.

7. См.: Очерки истории Брянской организации КПСС. – Тула : Приок. кн. изд-во, 1982. – С. 59.

8. БГОКМ. Из экспозиции, посвященной Игнату Фокину.

9. См.: Борьба трудящихся Орловской губернии за установление Советской власти в 1917-1918 гг. ...С.101, 123., Октябрь на Брянщине : сб. документов и материалов. – Брянск : Брянский рабочий, 1957. – С. 83.

10. ЦНИБО ГАБО, ф. п-451, оп.1, д.29, л.15.

11. ЦНИБО ГАБО, ф. п-451, оп.1, д.8, л.54. Памяти вождя и брата // Брянский рабочий (Известия). – 1922. – 20 авг. – С. 3.

12. Панков, Г. Игнат Фокин и Брянская партийная организация / Г. Панков // Сборник памяти тов. Игната Фокина (К пятилетней годовщине Октябрьской революции). – Брянск, 1922. – С.41.

13. Дозорцев, С.С. Брянск : историко-экономический очерк / С.С. Дозорцев, М.С. Дозорцев. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1986. – С. 117-118.

14. См., например, отрывок из воспоминаний большевички Иванюты-Киреевой в книге: Тарджиманов, М.О. Всегда на боевом посту / М.О. Тарджиманов, В.Н. Шахов, Ф.П. Дунаев. – Тула : Приок. книжн. изд-во, 1985. – С. 25.

15. Энкер, Б. Начало становления культа Ленина / Б. Энкер // Отечественная история. – 1992. – №5. – С.195.

16. Алексеев, Д. Ленин в агитплакатах первых лет Советской власти / Д. Алексеев // Искусство. – 1970. – №6. – С. 33-42.

17. ЦНИБО ГАБО, ф. п-451, оп.1, д.8, л.38, 42, 45.

18. ГАБО, ф. 1616, оп.1, д.135, л.64об.

19. Петрищев, В. Игнат Фокин / В. Петрищев. – Орёл, 1939. – С.59.

20. История БГТУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.tu-bryansk.ru/obs.htm>.

21. ¹Яненко, И.Е. Краеведческий материал в помощь изучающим историю КПСС (конец XIX в. – 1920 г.) : пособие для пропагандистов и слушателей шк. партийн. просвещения / И.Е. Яненко. – Брянск, 1967. – С. 64.

22. Население города Брянска по переписи 1897г. составляло около 24 тыс., в 1926 г. – 26,3 тыс. См. История Брянского края. XX век / под ред. В.В. Крашенинникова. – Клинцы, 2003. – С. 6, 126.

23. Корнаков, П.К. Символы и ритуалы революции 1917 / П.К. Корнаков // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. – СПб. : Глаголь, 1994. – С. 364.

24. ГАБО, ф. 1616, оп.1, д.18, л.52.
25. ГАБО, ф. 1616, оп.1, д. 161, л. 23-23об.
26. ГАБО, ф. 1616, оп.1, д.163, л.50.
27. О численности губернских организаций Центра страны в 1918 г. // Вопросы истории КПСС. – 1968. №8. – С. 84.
28. Очерки истории Брянской организации КПСС... – С. 104.
29. Резолюции. Статьи. (И.И. Фокина) // Брянский комсомолец. – 1989. – 17 дек. – С. 5.
30. ГАБО, ф. 85, оп.1, д.40, л.109.
- Уже позже в 1927 году посёлок Фокинский был организован в Фокинский район города Брянска.
31. Протоколы заседаний комиссии по увековечиванию памяти Фокина и закладки памятника ему см. ЦНИБО ГАБО, ф. п-1, оп.1, д.75.
32. См.: Московичи, С. Век толп / С. Московичи. – М. : Центр психологии и психотерапии, 1996. – Электронная версия : <http://yurpsy.by.ru/biblio/moskov/moskov.htm>.
33. Подлубнова, Ю.С. Метажанры в русской литературе 1920 –начала 1940-х годов (коммунистическая агиография и «европейская» сказка-аллегория) : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Подлубнова Ю.С. – Екатеринбург, 2005. – С. 26-51.
34. ЦНИБО ГАБО, ф. п-451, оп.1, д.8, л. 46.
35. Фокина, А. Он был человеком (Вспоминает сестра И. Фокина) / А. Фокина // Брянский рабочий. – 1964. – 23 дек. – С.3.
36. Наш герой (вместо предисловия)... – С. 6.
37. Людиново с 1920 по 1929 гг. было в составе Брянской губернии.
38. Брянский большевик (Игнат Фокин) : изд. Брян. губбюро истпарта ВКП (б). – 1927. – 15 окт. – С. 26.

39. См., Яров, С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917-1920-х годов / С.В. Яров. – СПб.: Европейский Дом, 2006. – С. 10.

40. См., например, Погодичев, Г. Пламенный борец за счастье народа / Г. Погодичев // Брянский рабочий. – 1947. – 15 апр.; Пасекунов, Е. Против течения : (к 70-летию со дня рождения И. Фокина) / Е. Пасекунов // Брянский комсомолец. – 1959. – 20 дек.; Школьников, Л. Игнат Фокин (К 77-летию со дня рождения) / Л. Школьников // Блокнот агитатора. – 1966. – №10. – С.11-19; Васенков, В. Товарищ Игнат (К 90-летию со дня рождения И.И. Фокина) / В. Васенков // Брянский комсомолец. – 1979. – 19 дек.; Соколов, Я. Жизнь, отданная партии: (к 100-летию со дня рождения И.И. Фокина) / Я. Соколов // Блокнот агитатора. – 1989. – № 21. и др.

41. См., например, Соколов, Я. Я был и буду революционером (К 100-летию со дня рождения И. Фокина) / Я. Соколов // Пламя труда (Дятьков.). – 1989. – 5, 7, 28 дек.

42. Щербаков, Д. Игнат Фокин / Д. Щербаков, Л. Школьников. – Тула : Приок. кн. изд-во, 1967. – 88 с.

43. Марков, П.Г. Игнат Фокин : поэма / П.Г. Марков. – Брянск : Брянский рабочий, 1959. – С. 6.

44. Там же. – С. 32.

45. Там же. – С. 33.

46. Звягин, Ю. Завтра 75 лет со дня рождения И.И. Фокина. В честь юбиляра / Ю. Звягин // Брянский комсомолец. – 1964. – 18 дек. – С. 1.

47. БГОКМ. Экспозиция, посвященная Игнату Фокину.

48. К 60-летию Великого Октября. Названы именами брянцев // Блокнот агитатора. – 1977. – №12. – С. 15-16.

49. Ошибка допущена, например, в дате открытия памятника И. Фокину в сквере его имени. Опусшением является отсутствие данных о том, что с 1919 по 1967 гг. цен-

тральная улица города – современный проспект Ленина – являлся улицей Фокина.

50. См., например, И.И. Фокин. К 90-летию со дня рождения (по материалам Областного краеведческого музея). – Брянск, 1980.

В.Е. Симоненко,
*старший научный сотрудник,
Брянский государственный
объединенный краеведческий музей*

Профессор Н.З. Харитонов

Осенью 2008 года в Брянский государственный объединенный краеведческий музей поступили на хранение материалы одной из первых женщин-профессоров Брянщины Надежды Захаровны Харитоновой. Среди них: автобиография, датированная 1953 годом, дипломы кандидата и доктора биологических наук, аттестаты доцента и профессора, Грамота Заслуженного лесовода СССР и другие документы, а так же фотографии из ее домашнего архива.

Из вышеперечисленных документов мы узнали, что Харитонova Надежда Захаровна родилась 14 января 1922 года в селе Лопазна Мглинского района Гомельской губернии (в настоящее время Брянской области) в крестьянской семье.

В 1930-е годы семья переехала в Брянск, и Надежда Захаровна поступила учиться в Брянскую среднюю школу им. 3-го Интернационала. В 1939 году она блестяще закончила ее. Далее была учеба в Брянском лесохозяйственном институте.

Учиться пришлось в тяжелые военные годы, когда институт находился в эвакуации в г. Советск Кировской области. Там на базе Лесного техникума продолжало идти обучение студентов для восстановления лесного хозяйства, разоренного за годы войны.

С декабря 1941 года учебу пришлось временно прервать. Два года, до декабря 1943, Надежда Захаровна проработала помощником лесничего в Лебяжском лесничестве Советского лесхоза Кировской области.

Осенью 1943 года Харитоновна продолжила обучение в институте, а в 1945 году с отличием закончила его, получив квалификацию ученого-лесоведа.

Согласно распределению молодых специалистов после завершения учебы в институте, она работала год в должности старшего инженера лесозащиты в Брянском управлении лесоохраны и лесонасаждений.

С 1 октября 1946 года Надежду Захаровну приняли на работу ассистентом кафедры энтомологии и фитопатологии Брянского лесохозяйственного института. Темой ее научных исследований стало изучение биологии насекомого – вредителя сосновых посадок большого соснового долгоносика и разработка мер борьбы с ним.

В мае 1959 года она успешно защитила кандидатскую диссертацию по данной теме на Ученом совете Воронежского лесотехнического института, а в апреле 1964 года Надежде Захаровне было присвоено звание доцента кафедры энтомологии.

Она продолжала работать на данной кафедре, читала курс лекций по энтомологии и защите природы для студентов лесохозяйственного факультета, проводила практические занятия и учебные практики в учебно-опытном лесхозе, продолжала плодотворно заниматься научной деятельностью.

Дальнейшей темой ее научных исследований стало изучение влияния энтомофагов на короедов хвойных пород и разработка мер по их использованию в практической борьбе с вредителями. Энтомофаги – это биологические враги, и их применение против насекомых – вредителей является экологически чистым биологическим методом борьбы, не загрязняющими природу. Это было прогрессивное направление в науке, которому в 70-80-е годы XX века отдавалось предпочтение. Поэтому в 1973 году ее докторская диссертация была успешно защищена в Московском лесотехническом институте, а ей самой была присвоена ученая степень доктора биологических наук.

Сразу после защиты докторской диссертации Харитонова возглавила кафедру лесозащиты. В 1975 году она получила звание профессора.

В течение нескольких лет Надежда Захаровна совмещала руководство кафедрой с руководством лесохозяйственным факультетом, являясь его деканом (см. вклейку, рис. 15).

В 1979 году профессору Н.З. Харитоновой было присвоено почетное звание Заслуженный лесовод РСФСР.

Много сил и знаний отдавала она студентам. Была прекрасным научным руководителем аспирантов и студентов-выпускников. Лучшие из ее учеников и сейчас трудятся на кафедре лесозащиты, среди них профессор В.П. Шелухо.

В 1982 году по семейным обстоятельствам Надежда Захаровна оставила работу в Брянском технологическом институте и переехала на жительство в г. Минск, где продолжала преподавательскую деятельность в профильном Вузе.

После выхода на пенсию Надежда Захаровна вернулась в Брянск.

За время работы в БТИ профессор Н.З. Харитоновна внесла огромный вклад в подготовку инженерных и научных кадров для лесного хозяйства, в развитие энтомологического и природоохранного образования.

Профессор Харитоновна написала и опубликовала более 100 научных работ. Среди них две монографии: «Большой сосновый долгоносик и борьба с ним» в 1959 году и «Энтомофаги короедов хвойных пород» в 1973 году. Ею изданы (в соавторстве) учебное пособие и учебник для студентов лесотехнических Вузов «Охрана природы». Эти книги были переизданы на русском, японском, французском и болгарском языках.

Она воспитала двоих дочерей.

Скончалась Надежда Захаровна Харитоновна в октябре 2007 года в Брянске.

С.Н. Стародубец,
*кандидат исторических наук, доцент, директор,
филиал Брянского государственного университета
в г. Новозыбкове*

С. П. Куркина,
*старший лаборант,
филиал Брянского государственного
университета в г. Новозыбкове*

«Духовное око» профессора О.Я. Самочатовой

19 августа по церковному календарю яблочный Спас. В этот день ровно 90 лет назад в крестьянской семье на свет появилась девочка, которую назвали не совсем обычным именем – Олимпиада. Нам она известна как профессор, преподаватель Новозыбковского государственного

педагогического института (НГПИ) Самочатова Олимпиада Яковлевна.

Природа часто бывает очень жестокой. Наделяя человека красотой, она может лишить его творческих талантов; подарив любовь, не даст успехов в работе. Олимпиада Яковлевна с младенчества не могла видеть, но имела открытую душу и доброе сердце. За это ее любили студенты, уважали коллеги по работе.

Сколько пришлось пережить человеку, чтобы добиться хоть малейшей радости в жизни?

Кроме Липы в семье были ещё брат Евгений и сестра Нина. Мать, Александра Петровна, как и любая другая сельская женщина, целыми днями работала в поле и не заметила, что заболевшая в десять месяцев золотухой дочь ослепла. До 10 лет Липа жила с родителями. Затем её отдали в специальную школу-семилетку для слепых детей, которую в 1936 году она окончила на «отлично». Образование было продолжено в Московском педагогическом училище №2. «В 1939 году, окончив педагогическое училище, как отличница, поступила в Институт философии, истории литературы им. Н.Г. Чернышевского на филологический факультет», — пишет Олимпиада Яковлевна в своей автобиографии.

В 1942 году Институт был объединен с Московским Государственным Университетом (МГУ), где Самочатова после некоторого перерыва продолжила учёбу. Перерыв в учёбе был связан с эвакуацией института (1941 год), и девушка всё это время (с октября 1941 года по сентябрь 1942 года) жила у своих родителей в селе Исаково Виноградовского района Московской области. Спустя 3 года, получив диплом с отличием, Самочатова кафедрой литературы была рекомендована в аспирантуру, которую также закончила блестяще в 1948 году. Защитила кандидатскую диссертацию на тему ««Записки охотника» И.С. Тургенева» под

умелым руководством её наставника, научного руководителя, известного советского литературоведа, профессора Н.Л. Бродского. На этот момент Олимпиаде было всего лишь 30 лет.

Самочатовой предлагали работу в различных ВУЗах страны, но в основном отдалённых. Олимпиада Яковлевна выбрала НГПИ. В этом же году она вместе с матерью приезжает в Новозыбков и начинает работу: сначала в должности старшего преподавателя, с 1951 года – доцента кафедры литературы. С июля 1956 года – заведующей кафедрой русской и зарубежной литературы. После внезапной смерти матери Самочатова обосновывается в маленькой квартирке по улице Кубановской. Две комнаты от пола до потолка были уставлены книгами.

Ещё в детстве у Липы возникла любовь к литературе, тому, что составило смысл всей её жизни. Знать каков он, солнечный мир, каковы краски зимы и лета, осени и весны, как красивы люди, литература помогала всегда. Самым «светлым и вдохновенным» писателем казался И.С. Тургенев. Любовь к Тургеневу укрепилась у Смочатовой ещё со студенческих лет.

Чем глубже раскрывался Тургенев перед Олимпиадой Яковлевной, тем больше хотелось поведать о нём людям. Так, в 1952 году выходит первая статья о творческой истории «Записок охотника». Затем исследуются и творческие отношения Тургенева с его современниками – статьи «Тургенев и Лев Толстой в 50-е годы», «Тургенев и Короленко», «Тургенев и его современники (Даль, Григорович, Писемский)». В этот период Олимпиада Яковлевна ведёт тесное сотрудничество с музеем И.С. Тургенева в Орле, участвует почти во всех издаваемых сотрудниками музея сборниках. В начале 60-х годов вышел её специальный курс по творчеству И.С. Тургенева для педагогических институтов – «Из опыта постановки специального курса по

творчеству И.С. Тургенева в педагогическом институте», где даны отдельные трактовки произведений И.С. Тургенева, развитые Н.Л. Бродским в университетских чтениях, а также некоторые особенности построения специального курса по творчеству писателя. Книга получила высокую оценку специалистов в «Научных докладах Высшей школы».

Круг научных интересов Самочатовой не замыкается на одном писателе. Творчество Некрасова, Н. Успенского, Левитова и писателей Брянщины кропотливо исследуется ею. В связи с этим под редакцией О.Я. Самочатовой в 1963 году выходит сборник «Писатели Брянского края», который состоит из нескольких разделов: «Писатели прошлого», «Писатели современники», «Литературный Брянск в наши дни», «В народе свято слава партизанская живёт». Книга глубоко раскрывает творчество брянских литераторов, живую связь прошлого с настоящим. В плане развития темы крестьянства Олимпиада Яковлевна пишет статью о забытом писателе-разночинце И.П. Кокорева, а в 1972 году – книгу «Крестьянская Русь в литературе»,

Другой характерной областью научных интересов О.Я. Самочатовой является изучение методики преподавания литературы в Высшей школе. Так, в 1973 году под редакторством Олимпиады Яковлевны вышел сборник трудов преподавателей кафедры «Вопросы методики преподавания литературы в педагогическом институте», в котором помещены и её статьи.

О широких, разнообразных интересах автора говорит и то, что Самочатова исследовала творчество великого украинского поэта Т.Г. Шевченко. Все её книги, статьи отличаются тонкостью наблюдения, глубоким лиризмом и проникновением в художественную ткань произведений.

По опубликованным на тот момент работам в 1967 году Самочатова Олимпиада Яковлевна была утверждена в

ученом звании профессора без защиты докторской диссертации, которая состоялась только 2 октября 1978 года на тему «Проблема изображения крестьянства в русской литературе середины XIX века» в специализированном Совете при Московском педагогическом институте имени В.И. Ленина и явилась итогом всей её научной деятельности. Коренная для России, а, следовательно, и для русской литературы, проблема крестьянства в диссертации охватывает важнейшее двадцатилетие нашей истории – середины 40-60-х годов, когда все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. О.Я. Самочатовой в своей работе удалось впервые научно обосновать периодизацию литературы о крестьянстве, выявить объективные закономерности её развития в стилевом отражении.

За год до защиты Олимпиада Яковлевна начала вести «Дневник трудного времени завершения и оформления диссертации». Это настоящая исповедь человека, который на бумаге излил душу, выразил все свои чувства и переживания. В самом начале «Дневника» Самочатова пишет: «Было время творческой работы, доставлявшей подлинную радость, заполнявшей пустоту жизни, но последние годы просто ужасны». Что же вызывало столь неприятные ощущения?

За 3 года состоялось четыре обсуждения диссертации: два – в 1974 году, одно в 1975 и в 1976 годах. Диссертация дважды была признана завершённой, рекомендована к защите, назначены оппоненты. Но в декабре 1977 года все изменилось – новый заведующий кафедрой, новый Совет. «Как будто ничего и не было». В это время Олимпиада Яковлевна находилась в состоянии кошмара, полного отчаяния. Но ещё не все потеряно, так как рядом с ней были верные друзья и помощники. А Совет требовал переделки документов, опять обсуждения работы, смены оппонентов

и рецензентов. У Самочатовой состояние шока, которое доходило до того, что она несколько раз хотела «забрать работу и заживо похоронить себя». «Даже жутко вспомнить все эти дни», — пишет Олимпиада Яковлевна в «Дневнике». Наконец был получен тираж автореферата, но взяв его в руки, она не почувствовала никакой радости. После стольких хлопот и переживаний, беспрестанных поездок в Москву на душе одна усталость, суета, нервы и слёзы. За месяц до защиты — новые хлопоты и неожиданности. Но Самочатова едет в Москву и её беспокоит одно — «Была бы защита, только бы не перенесли». Наконец, долгожданный день защиты наступил. По общему мнению, Олимпиада Яковлевна держалась спокойно и уверенно. «Это то спокойствие, к которому приходишь через слишком тяжёлые переживания», В один момент Самочатовой стало очень страшно: «Неужели будут голоса «против»?!» Но председатель объявил, что все «за», испорченных бюллетеней нет, «против» нет. Так прошла защита, день, о котором Олимпиада Яковлевна мечтала столько лет. И через полгода, 16 мая 1979 года Самочатова получила диплом доктора филологических наук. Цель жизни была достигнута. Когда её спросили: «Что вы после всего этого чувствуете»? Она ответила: «Чувствую огромное желание работать...».

Не удивительно, что благодаря такому заряду энергии, многогранной и разнообразной была общественная деятельность профессора Олимпиады Яковлевны Самочатовой. Это чтение докладов и лекций для общественности, занятия с учителями школ, руководство научной работой студентов, активное участие в научных конференциях, переписка с французскими и немецкими деятелями науки (она в совершенстве владела французским и немецким языками) и пр. Современники отмечали, что её учебная работа отличалась безупречным знанием художественных

текстов и критической литературы. Она обладала лекторским мастерством, поэтому лекции профессора Самочатовой легко слушались, хорошо воспринимались и усваивались.

Широкая эрудиция, большие организаторские способности, умение работать с людьми, растить кадры помогли Олимпиаде Яковлевне сделать кафедру литературы НГПИ одной из лучших кафедр института.

Её добросовестный и безупречный труд не прошел даром. За долголетнюю работу по обучению и воспитанию студенчества, плодотворную научную и большую общественную работу О.Я. Самочатова награждена медалями: «За трудовое отличие», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина»; значками: «Отличник народного просвещения РСФСР», «Отличник Высшей школы СССР», «Победитель соцсоревнования 1973 года», грамотами обкома КПСС, обкома профсоюза и ректората.

Будучи лишённой зрения и работая в связи с этим в тяжелейших условиях, Олимпиада Яковлевна являлась образцом высокой ответственности, большого трудолюбия и неиссякаемой энергии, была гордостью коллектива, и занесена в Книгу трудовой славы института.

Коллеги и студенты любили её за справедливость, доброту, острую чувствительность к чужому горю, требовательность. Видя, как трудится она сама, не могли и другие выполнять свою работу плохо. Выпускники профессора Самочатовой оставались работать в НГПИ, а также становились преподавателями и в других ВУЗах страны.

Завершается «Дневник...» Олимпиады Яковлевны словами: «Я благодарна судьбе за то, что встречаю в жизни тех редких людей, без которых нельзя бы было идти по её тернистой дороге. Теперь уже пройден, вполне завершен

основной творческий путь жизни, но пока я могу ещё работать, а значит и можно жить».

После защиты докторской жизнь продолжалась 10 лет. Олимпиада Яковлевна тяжело болела, но до последней минуты оставалась в здравом уме и твердой памяти. Жизнь профессора оборвалась 8 марта 1988 года. Похоронили её на центральном кладбище города Новозыбкова рядом с могилой матери. За могилой Самочатовой ухаживает Надежда Платоновна Юрченко (ныне – преподаватель Новозыбковского профессионально-педагогического колледжа). После окончания школы Надежда Платоновна решила поступить в НГПИ, но с первого раза сделать это не удалось (не добрала всего 1 балл). Здесь молодая абитуриентка и познакомилась с Олимпиадой Яковлевной, которая предложила девушке стать её личным секретарем. В обязанности Надежды входило заказывать различные литературные журналы, в том числе «Современник» и «Отечественные записки», читать статьи, книги, отправлять и получать письма и бандероли. Через год Надежда Платоновна поступила на литфак, но продолжала помогать Олимпиаде Яковлевне. Не являясь кровными родственниками, они стали родственниками по душам.

Благодаря Юрченко Н.П. в филиале БГУ в городе Новозыбкове появились книги из личной библиотеки Самочатовой, в том числе и полное собрание сочинений И.С. Тургенева. В дар музея филиала Надежда Платоновна передала личные вещи Олимпиады Яковлевны, оригинал диссертации и многое другое, что составило целую экспозицию.

Сейчас книгами и статьями профессора О.Я. Самочатовой пользуются студенты и аспиранты для написания своих дипломных работ, монографий и диссертаций.

В.Е. Симоненко,
*старший научный сотрудник,
Брянский государственный
объединенный краеведческий музей*

Иван Ефимович Трошин, заслуженный учитель РСФСР (1898-1988 гг.)

Наш земляк, заслуженный учитель школы РСФСР Иван Ефимович Трошин, прожил долгую, наполненную событиями трудную жизнь и оставил потомкам очень интересные воспоминания. Читая их, видишь всю историю нашей Родины XX века, потому что этот человек всегда был в самой гуще событий.

И.Е. Трошин родился в п. Любохна Брянского уезда Орловской губернии 17 января 1898 года в семье рабочих Губонинского, а с 1900 года – цементного завода, который и сейчас существует в г. Фокино (см. вклейку, рис. 16). Его отец, Ефим... не знал грамоты, но понимал цену знаниям, и всем своим 8 детям сумел дать образование.

Старший в семье сын Афанасий, после окончания учительской семинарии, стал работать учителем в Архангельске. Иван, второй сын по-старшенству, получил начальное образование в земской школе Любохны, а затем Афанасий взял его к себе и подготовил к продолжению учебы, разделив с отцом расходы на его содержание.

Осенью 1914 года в Архангельске Иван Ефимович поступил в 3-й класс Высшего начального училища и через год с отличием закончил его. Живя в Архангельске, Иван полюбил море и на лето 1915 года нанялся юнгой на пароход «Колгуев». Так он оказался в гуще 1-ой Мировой войны. Пароход вскоре был мобилизован. Он стал патрулировать Белое море от его горла до границы с Норвегией. За три месяца много опасностей пришлось пережить, уви-

деть, как подрываются на минах и тонут корабли, но «Колгуев» остался невредим. По прибытию в Архангельск Иван Ефимович «сошел на берег». Он продолжил свое образование на 2-х годичных педагогических курсах, которые закончил в 1918 году на «отлично» и получил квалификацию учителя 2-классного училища Министерства Народного Просвещения.

Из самых ярких впечатлений из жизни в Архангельске остались следующие: полузатопленное парусное судно без мачт и снаряжения «Святой Фока» полярной экспедиции капитана Седова и осада города английским флотом в начавшуюся Гражданскую войну.

Летом 1918 года Иван Ефимович возвратился в родную Любохну и начал свою педагогическую деятельность в должности заведующего школой 1-ой и 2-ой степени. Работа началась с переоборудования помещения под классы, а уже с середины октября в школе начались занятия. Но в стране был голод, родители забирали учеников в длительные поездки на Украину за хлебом. Работа школы могла остановиться. Начинающий педагог нашел выход из этой ситуации. По его ходатайству Брянское ГубОНО выдает продукты для организации горячих завтраков учащимся, а весной 1919 года школе выделяют три коровы и лошадь, а так же несколько десятин пахотной и луговой земли, на которой стали работать и учителя и старшие ученики. Выращенного урожая хватило на обеды на весь следующий учебный год. Труд сплотил учителей школы в дружный коллектив. Жизнь в школе не замирала и после окончания занятий. В ней круглый год работал драмкружок, в котором участвовали и школьники, и учителя, и жители поселка. Летом при школе действовала оздоровительная площадка для дошкольников.

Шла Гражданская война. В сентябре 1919 года на Орел и Брянск наступали части Деникина. Трошин был

мобилизован в часть особого назначения – ЧОН для важных объектов г. Брянска. После выполнения ряда заданий по предотвращению выступлений анархистов отряд, в котором служил Иван Ефимович, был направлен на фронт. Под Харьковом он заболел сыпным тифом и только чудом остался жив. Письма домой не доходили и родные считали его умершим. После выздоровления Иван Ефимович был назначен политруком госпиталя. Ему было дано задание отправиться в деревню за продовольствием для раненых бойцов. Это чрезвычайно сложное задание было выполнено. В госпиталь было привезено несколько тысяч пудов зерна, картофеля и овощей. А по возвращению как учитель Трошин был мобилизован из армии, так как в стране было введено обязательное начальное образование для детей.

«Воскресшего из мертвых» восторженно встречали и в семье и коллеги по работе. Вновь началась любимая педагогическая работа. Учить детей приходилось в тяжелых условиях – без учебников, писали на газетах, чернила готовили сами из калины и дубовых «яблочек». Учителям не платили зарплату, поэтому их кормили родители учеников.

Летом 1925 года Ивана Ефимовича направили учиться на губернские курсы учителей по подготовке методистов волостного масштаба. После их окончания он был назначен директором опорной школы и уполномоченным УОНО по переподготовке учителей Дятьковской волости.

Великолепно проявивший себя педагог-методист и организатор в январе 1926 года был направлен на учебу на годичные курсы Наркомпроса в Москву. На курсах готовили инспекторов-методистов ГубОНО. Учились там представители всех губерний, краев и автономных округов РСФСР. Курсы дали слушателям очень много. На них про-

ходил обмен передовым опытом, занимались разработкой учебных программ ФЗС и ШКМ. Трошин принимал участие в разработке программ по русскому языку и литературе для фабрично-заводских семилеток. Кроме этого слушателей обучали применять в учебном процессе экскурсионные методы. Лекции на курсах читали Н.К. Крупская и Луначарский. После успешного окончания курсов Ивана Ефимовича назначили инспектором-методистом Бежицкого уезда. Работал с увлечением, находясь в командировках по 25 дней в месяц. Проверял и состояние школьных помещений, и знания учащихся, давал советы молодым учителям. Всегда выдержанный, приветливый, мудрый наставник, он пользовался огромным авторитетом среди учителей. Он пишет статью об организации краеведческой работы в сельских школах и об экскурсионном методе обучения, которую включают в методический сборник для учителей, вышедшего в Брянске в 1927 году.

В 1930 году Ивана Ефимовича назначают инспектором по школам и дошкольным учреждениям г. Брянска. Нужно было срочно организовывать курсы по подготовке воспитателей для детсадов, которых в нашем городе было открыто за один год 12. Трошин не только руководил их работой, но и сам преподавал на них. Работали курсы три месяца. Затем последовало назначение на должность директора железнодорожной общеобразовательной школы им. В.И. Ленина на станции Брянск-2, а через год – директора общеобразовательной средней школы №1 им. 3-го Интернационала, где проработал более 10 лет – до самого начала ВОВ.

Начал Иван Ефимович работу на посту директора с организации капитального ремонта здания – отопительной и водопроводной систем, перекрытий и полов, благодаря чему это здание сохранилось до наших дней и является украшением центра нашего города. Ремонт был закончен к

31 августа, а 1 сентября там начались занятия. За успешное проведение ремонта Горсовет наградил нового директора велосипедом. Следующей задачей в школе была замена мебели, так как парты и столы служили с 1907 года. Для этого при школе были организованы хозрасчетные столярные мастерские, в которых за 3 года была изготовлена прекрасная мебель – дубовые парты, учительские столы, диванчики для коридоров, резные подставки под цветы. В мастерских также выполняли заказы для других школ, детсадов и военных частей Брянска и других городов. В них же проходили и уроки труда для мальчиков. Доходы мастерской шли на зарплату столярам, закупку материалов и в спецфонд школы – для закупки книг и учебников для школьной библиотеки, оплату школьных завтраков нуждающимся ученикам и единовременную помощь учителям.

Школа №1 была по-настоящему образцовой. Это была старейшая в городе школа, с высококвалифицированными педагогическими кадрами и хорошей учебной базой, прекрасным помещением и учебным оборудованием. После проверки работы школы комиссией Наркомпроса РСФСР Иван Ефимович доложил о ней в Москве на коллегии. Работа школы была признана отличной, а весь коллектив стал получать 25% надбавку к зарплате.

Трошин был бескомпромиссным, честным человеком. Он не боялся отстаивать интересы своих преподавателей. Он добился разрешения в вышестоящих инстанциях для принятия на работу учителями Лукашевых Анну Анатольевну и Анатольевну, дочерей генерала царской армии, которым долгое время было запрещено преподавать. Анна Анатольевна преподавала немецкий язык, которым блестяще владела. Все ее ученики к окончанию школы прекрасно его знали. Анатольевна преподавала биологию, и тоже на высоком уровне. Кабинет биологии был отмечен комиссией Наркомпроса, а Лукашева вместе с Иваном

Ефимовичем в Москве на коллегии поделилась опытом своей работы.

В школе была создана высочайшая дисциплина, авторитет директора был огромен. По воспоминаниям выпускников предвоенных лет, Иван Ефимович никогда не повышал голос, ему достаточно было просто находиться в школе, чтобы самые отъявленные сорванцы вели себя идеально. Иван Ефимович лично боролся за каждого ученика своей школы. Сам, в случае крайней необходимости, приходил к ним домой для урегулирования конфликтов. Не отчислял учеников, родители которых подверглись репрессиям. Так он разрешил продолжать учебу Наде Тимошенко, отец которой был расстрелен, как «враг народа». Впоследствии она стала доктором наук, много лет преподавала и заведовала кафедрой в Брянском технологическом институте.

Школа жила прекрасной, насыщенной жизнью. Из ее стен вышли лучшие люди того времени, с честью защитившие Родину в годы ВОВ, а затем составившие костяк интеллигенции нашего города.

Основную работу Иван Ефимович совмещал с общественной. С 1935 по 1947 годы он был бессменным депутатом Брянского Горсовета, пять лет – председателем Горсовета по народному образованию.

21 июня 1941 года в школе был выпускной вечер, а 22-го ее директор уже работал на мобилизационном пункте. Иван Ефимович из-за слабого зрения не подлежал службе в армии. Его назначили заведующим Брянским Горроно и одновременно начальником по эвакуации гражданского населения г. Брянска. Первыми от бомбежек были эвакуированы учащиеся школ и воспитанники детских садов с воспитателями. Их увозили сначала в соседние области, а оттуда в глубь страны, дальше от надвигающегося врага.

В распоряжении Трошина было предоставлено 17 составов из 40 товарных вагонов в каждом, а так же подводы и автобусы для подвоза людей к железной дороге. Каждые 2 – 3 дня он формировал составы и отправлял их из Брянска на восток страны. Из города были эвакуированы все желающие гражданские жители. Сам Иван Ефимович, отправив вместе со школой в Оренбург (в годы войны -Чкалов) свою семью – жену с тремя сыновьями, одному из которых было всего три года, покинул Брянск в последний момент и прибыл к ним в начале октября 1941 года.

Находясь в эвакуации, детские сады из Брянска не были расформированы. Они работали в режиме детских домов и сохранили жизни сотням наших маленьких земляков.

В эвакуации под Оренбургом с октября 1941 по сентябрь 1942 года Иван Ефимович работал директором школы в Ново-Павловке, затем до марта 1944 года – заведующим Районо в п. Акбулак. В 1944 году из-за несчастного случая полностью потерял зрение, но после успешной операции в Оренбурге, где находился в военное время один из лучших медицинских институтов, один глаз стал немного видеть. Иван Ефимович опять стал работать с полной отдачей без скидок на плохое здоровье.

В марте 1944 года Трошин вернулся в освобожденный Брянск, привезя с собой инвентарь и выросших за три года воспитанников детских садов.

В родном городе Иван Ефимович работал в Облоно, Обкоме КПСС в отделе школ, затем из-за расстроенного здоровья перешел работать завучем в среднюю школу №1, где проработал целых 20 лет.

За свой труд Иван Ефимович Трошин был награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, медалями «За доблестный труд в ВОВ» и другими наградами.

Всего в школах и в органах народного образования он проработал более 46 лет.

Прожил этот выдающийся человек долгую, напряженную жизнь, воспитал несколько поколений брянцев, вырастил четырех своих детей.

Скончался в Брянске в 1988 году в возрасте 90 лет.

Содержание

Пленарное заседание	3
Крашенинников В. В. Н.В. Гоголь и Брянский край.....	3
Гришин К.П. П.Н. Тиханов и деятели Брянского края (по материалам переписки).....	17
Черненко Е. Е. Материалы археологических исследований С.А. Гатцука 1901 г. на территории Брянщины.....	42
Мудрицкая В. Г. Тетрадь по топонимике Семена Гатцука.....	50
Кондратенко А. И. Новые страницы истории брянской журналистики первой половины XX века (по материалам архивов).....	60
Чубур А. А. Феномен краеведческой археологии: от романтиков-краеведов к региональным научным центрам.....	79
Шпунтов А. В., Кузнецов Д. В. Геральдика Брянской области.....	101
Секция: Брянщина в истории России	114
Поляков Г. П. Брянская земля в этнотерриториальной и политической истории юго-востока Руси 90-х гг. XII – 60-х гг. XIV вв.....	114
Цырульников Д.Е. Посадское население г. Брянска в XVII – первой половине XVIII вв.....	122
Деханов В.Г. Из биографий начальников Брянского арсенала.....	139
Бобков В.А. Брянский неперенный (местный) арсенал в период наполеоновских войн.....	148
Афонькина А. М. Подготовка первой всеобщей	

переписи населения России в конце XIX столетия (на примере Новозыбковского, Стародубского и Суражского уездов).....	162
Шувалов А. А. Выступления против власти в период революции и Гражданской войны на Брянщине (материалы музейной коллекции).....	169
Брянцев М. В. Партия и народ: представления населения о коммунистах-большевиках в годы гражданской войны (1918-1922 гг.).....	183
Коваленко З. П. К истории коллективизации в Суражском районе Брянской области (1929-1930 гг.).....	201
Снытко В. А. Об этимологии фамилий Красногорского района Брянской области.....	218
Панаскин В. В. Ботанический сад – жемчужина Брянска.....	228
Секция: Культура, образование Брянского края. История краеведения	235
Чубур А. А. В.А. Городцов и история открытия Брянского палеолита.....	235
Миненко В.В., Миненко А.В. Археологические памятники города Жуковка и его окрестностей.....	260
Кочергина М. В. Художественное наследие старообрядцев Стародубья и Ветки: проблемы сохранения, атрибуции и реставрации (вторая половина XVIII – начало XX вв.).....	280
Горелая О. Н. Рукопись П.Н. Тиханова «Брянские пословицы, игры, святочные гадания и проч.».....	323
Никулина С. А. «Не умрет имя твоё» эпитафии надгробных памятников на кладбище Радицы	

Крыловки (последняя четверть XIX – нач. XX вв.).....	331
Поляков Г. П. Образование Брянского церковного историко-археологического музея в начале XX в.	337
Ермакова Т. А. Предметы народного искусства из собрания М.К. Тенишевой в коллекции Брянского Краеведческого музея.....	343
Снытко Т. С. История краеведческого музея Красногорской СОШ №1.....	348
Мищенко Т. А. Социально-культурное состояние малых городов пограничья России и Белоруссии: депрессия или стабильность?	354
Секция: Уроженцы и деятели Брянского края	362
Деханов В.Г. Старинные Карачевские фамилии.....	362
Михеева Т. В. Предприниматели земли русской – Мальцовы.....	385
Синицына М. В. Д.О. Святский: начало научной деятельности.....	395
ЩигOLEв И. И. Выдающиеся российские ученые из г. Мглина Брянской области.....	409
Киселева Е. В. Он мог бы сказать: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный в сердцах рабочих и крестьян...» (Советская власть и культ брянского большевика Игната Фокина в 1917-1989 гг.).....	425
Симоненко В. Е. Профессор Н.З. Харитоновна.....	442
Стародубец С. Н., Куркина С. П. «Духовное око» профессора О.Я. Самочатовой.....	445
Симоненко В. Е. Иван Ефимович Трошин, заслуженный учитель РСФСР (1898-1988 гг.).....	453